

БИБЛЕЙСКИЕ ТАЙНЫ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

ИЗГОИ ВЕЧНОГО ГОРОДА

БИБЛЕЙСКИЕ ТАЙНЫ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

И.С. Свенцицкая

ИЗГОИ ВЕЧНОГО ГОРОДА ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Москва
«Вече»
2006

ББК 86(37)
С24

Свенцицкая И.С.

С24 Изгой Вечного города. Первые христиане в Древнем Риме / И.С. Свенцицкая. — М. : Вече, 2006. — 400 с. — (Библейские тайны).

ISBN 5-9533-1198-2

Автор этой книги — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки, один из крупнейших отечественных исследователей раннего христианства. Книга посвящена истории возникновения первых христианских общин и раннехристианской литературы, которая включала в себя не только освященные традицией канонизированные новозаветные тексты, но и многочисленные апокрифы, впоследствии забытые, но исключительно важные. Автор работает с оригиналами древних памятников, предлагая их собственный, глубоко осмысленный перевод, и это дает возможность лучше понять сохранившиеся свидетельства эпохи Христа, среди которых не только драгоценные обрывки папирусов с евангельскими текстами, но и короткие посвятительные надписи, а также древние граффити, раннехристианские надгробия и их символы; практически неизвестные широкому читателю, они тем не менее дают нам бесценные знания о духовной жизни апостольской эпохи.

ББК 86(37)

ISBN 5-9533-1198-2

© Свенцицкая И.С., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

О раннем христианстве написано много — и научных исследований, и популярных книг. И все же эта тема кажется неисчерпаемой. Поэтому автор решился представить вниманию читателя еще одну книгу, которая ставит своей целью осветить возникновение христианства, его предпосылки, а также жизнь, организацию, состав ранних христианских общин как в Палестине, так и на территории Римской империи. Кроме того, в книге рассказывается об отношениях христиан и язычников, христиан и государства — от появления первых групп последователей Иисуса в Палестине до официального признания новой религии в первой половине IV в. Автор не стремился раскрыть все вопросы христианского вероучения, в частности, в книге почти не затронуты проблемы богословия, учения Отцов церкви, что требует отдельного исследования. Книга, по существу, посвящена массовым верованиям и представлениям, зачастую отраженным в апокрифах — писаниях, не признанных Церковью священными. Но, естественно, автор касается ряда проблем становления догматики и этики, которые принимались, а порой и преобразовывались низовыми членами христианских общин и влияли на их жизнь. Чтобы ввести эту жизнь в исторический контекст, в книге содержатся описания социально-политического положения и духовной атмосферы Римской империи I—III вв. и специально — ситуации в Палестине времени проповеди Иисуса Христа. В Приложении автор приводит переводы ряда апокрифов, упоминаемых в тексте.

В книге даются ссылки на источники: на русскоязычную литературу, которая содержит дополнительные сведения и может заинтересовать читателя; а также (выборочно) на некоторые наиболее важные, с точки зрения автора, новые зарубежные исследования, прежде всего, отражающие современные подходы в науке к христианским источникам.

Глава I

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Для того чтобы представить себе ту обстановку, в которой зародилось и распространилось христианство, нужно познакомиться с временем и местом исторического действия, социальной средой и духовным климатом, в котором жили первые христиане, психологией тех людей, которые проповедовали новое учение, и тех, которые его принимали или боролись с ним.

Римское государство две тысячи лет назад, на рубеже эр, включало в себя фактически все Средиземноморье; в Западной Европе его границы проходили по Рейну и Дунаю, римские легионы стояли в Британии. Все области, находившиеся вне Италии, назывались провинциями; они управлялись римскими наместниками, в них располагались римские гарнизоны, жители провинций платили налоги в государственную казну Рима. Римляне скупали земли в провинциях, поселялись в городах, активно влияли на их внутреннюю жизнь. Наместники и сборщики налогов безжалостно грабили жителей покоренных стран («провинция есть собственность римского народа» — провозглашали победители).

Провинции находились на разном уровне экономического, социального, культурного развития, жители их поклонялись разным богам и говорили на разных языках. В восточных провинциях большинство населения говорило на греческом языке, в Египте сохранялся также древнеегипетский (развившийся постепенно в коптский) язык, а на территории Сирии и Палестины говорили на одном из семитских языков — арамейском.

Управлять этой огромной территорией было трудно: реальная власть вплоть до второй половины I в. до н.э. в Римской республике сосредотачивалась в руках небольшой группы рим-

ской знати, из которой избирались должностные лица (порой с помощью подкупа) и которые после окончания срока службы заседали в сенате, самом важном органе управления в Риме. Сенаторы назначали наместников в провинции и сами же разбирали жалобы провинциалов на злоупотребления этих наместников. Сенаторы представляли интересы очень узкой прослойки населения огромной державы. По существу, это была олигархия, внутри которой шла борьба за влияние, за выгодное наместничество и т.п. Покоренные народы стремились освободиться от власти римлян. Так, когда в 88 г. до н.э. Митридат VI, царь небольшого зависимого от Рима малоазийского государства Понт, решился начать борьбу против засилия римлян, его поддержало большинство жителей римских владений в Малой Азии: в один день было перебито 80 тысяч находившихся там римлян. Многие города Греции присоединились к Митридату. В 70-х гг. до н.э. вспыхнуло восстание в Иберии (Испания). Ценой огромных усилий римляне подавляли восстания, но и внутри римского гражданства шла ожесточенная борьба. Завоевания и ограбление провинций привели к обогащению верхушки, притоку дешевых рабов; в то же время шел процесс разорения крестьян из-за долгого отсутствия молодых людей, принимавших участие в заморских военных походах, и массового использования рабов в сельском хозяйстве. Как писал историк Аппиан, богатые землевладельцы расположенные поблизости от их владений «небольшие участки бедняков отчасти покупали у них с их же согласия, отчасти отнимали силою... При этом богатые пользовались в качестве рабочей силы покупными рабами...» (Гражданские войны, I, 25—27). Крестьяне, лишившиеся земли, вынуждены были переселяться в Рим и жить там за счет случайных заработков, образуя массу люмпен-пролетариев, готовых служить кому угодно. Скопление рабов, жестокие методы их эксплуатации приводили к восстаниям, самым крупным из которых было восстание под руководством Спартака в 74—71 гг. до н.э. Фактически с 30-х гг. II в. до н.э. и по 30-е гг. н.э. в Римской республике шла непрерывная борьба: восстания, волнения, драки на площадях Рима, открытые подкупы избирателей. По рассказам древних историков, кандидаты в Сенат прямо на площади ставили столики и раздавали деньги проходящим, с тем чтобы те

за них голосовали. Во время выборов дело доходило до драк и кровавых столкновений между сторонниками разных кандидатов, так что иногда выборы состояться не могли. В этом политическом хаосе в I в. до н.э. начались уже настоящие сражения между полководцами, стремившимися захватить в Риме единоличную власть. Это время названо в истории периодом гражданских войн.

Во второй половине I в. власть сенатской олигархии была сломлена, но вместе с ней, по существу, прекратила свое существование и республиканская форма правления. В 48 г. до н.э. у города Фарсал на Балканском полуострове произошло сражение между армиями двух римских полководцев — Юлия Цезаря и Помпея. Некогда они были политическими союзниками, но затем — как это часто бывает в истории — превратились в непримиримых соперников. Цезарь одержал победу и на несколько лет стал единоличным правителем Рима. Хотя он сохранил прежние органы управления, но фактически Цезарь контролировал их деятельность, имея звание диктатора. Однако его правление было недолгим: в 44 г. до н.э. группа сенаторов, стремившихся восстановить республику, составила заговор. Они пронесли под плащами (тогами) мечи и кинжалы на заседание Сената, на котором должен был присутствовать Цезарь, ходивший без охраны и без оружия (он говорил, что лучше один раз умереть, чем все время бояться смерти). И Цезарь был убит.

Заговорщики надеялись, что граждане Рима поддержат их, однако собравшийся народ, когда к нему с речью обратился один из руководителей заговора Брут, встретил его слова гробовым молчанием... У римской знати, стремившейся вернуть себе полновластное управление государством, не было сколько-нибудь широкой поддержки. Сколь ни сильны были в Риме традиции республиканского устройства, сенатская олигархия все меньше и меньше ассоциировалась в сознании граждан с «общественным делом» — *res publica*.

Во время похорон Цезаря толпа бросилась громить дома заговорщиков, и те спешно покинули Рим, надеясь набрать войско из провинциальных гарнизонов. Снова началась борьба за власть и за влияние в армии. В Риме главными претендентами оказались соратник Цезаря Марк Антоний и внучатый

племянник Цезаря, усыновленный им по завещанию Гай Юлий Цезарь Октавиан. Пока сторонники республики представляли реальную угрозу, они действовали совместно, пренебрегая всеми правовыми нормами, не считаясь с традиционными органами управления. Они составляли списки людей, поставленных ими вне закона, тем самым осуждая их на смерть без суда, безжалостно уничтожали своих противников, личных недругов или просто людей, показавшихся им подозрительными, присваивали себе имущества казненных и изгнанных. Греческий писатель и историк Плутарх, оставивший нам жизнеописания знаменитых людей Греции и Рима, с ужасом говорил о действиях этих фактических правителей государства: «Так, обуянные гневом и лютой злобой они забыли обо всем человеческом или, говоря вернее, доказали, что нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть» (Плутарх. Цицерон, XLVI). Марк Антоний, находясь еще в союзе со своим будущим противником Октавианом, потребовал выдать ему на расправу прославленного оратора и писателя Цицерона, в свое время выступавшего против него. Цицерон пытался бежать. Плутарх в его биографии (XLVII—XLVIII) дает драматическое описание этого бегства: Цицерон в растерянности пытался скрыться в своем имении. Но рабы, бывшие там, упросили, вернее — как пишет Плутарх — принудили его лечь в носилки и тайными тропами понесли к морю. Когда в дом ворвался военный отряд, преследовавший оратора, никто из бывших там не сказал ни слова. Но нашелся один человек, рассказавший воинам о пути бегства Цицерона — это был вольноотпущенник его брата, человек, которому оратор покровительствовал, дал ему, по словам Плутарха, «благородное воспитание» и образование (прозвище вольноотпущенника было Филолог). Не угнетенный раб, а благополучный вольноотпущенник стал причиной гибели своего благодетеля, причем вряд ли из корысти, как это было во многих других случаях. Слуги Цицерона, которые, по всей видимости, и рассказали эту историю, не говорили ничего о подкупе.

Трагическая история гибели Цицерона была лишь частным случаем в той вакханалии казней и доносов, которая характеризовала политическую борьбу того времени. Но убийцы Цезаря вели себя не лучше. Чтобы содержать собранную ими в

восточных провинциях армию, они взыскивали с провинциалов налоги за десять (!) лет вперед. Те города, которые отказывались или были просто не в состоянии выполнить их требования, подвергались наказаниям вплоть до полного разрушения. В одном из городов республиканцы разграбили храмы и казнили представителей местной знати; в другом, где сопротивление оказали народные массы, репрессии обрушились на низы населения. Действия республиканцев были типичны для психологии римских полководцев, рассматривавших провинции лишь как объект для грабежа, вызывали только ненависть среди жителей ограбленных провинций и не дали им желаемых результатов. Республиканцы были разбиты армиями Октавиана и Антония в 42 г. до н.э. в битве при г. Филиппы на Балканском полуострове; их главный идеолог Брут покончил жизнь самоубийством.

Сторонники республики были сломлены; наступила очередь бороться за власть прежним союзникам. Положение особенно осложнилось, когда Антоний женился на Клеопатре, царице Египта, который к тому времени находился в фактической зависимости от Рима. Антоний стремился подражать восточным монархам, он жил в Александрии — столице Египта, утопал в роскоши, даже провозгласил себя «явленным божеством» — новым Дионисом. Он раздавал земли в восточных римских провинциях своим друзьям, Клеопатре и ее детям, как если бы эти владения были его личной собственностью. Октавиан воспользовался таким поведением Антония, заставил Сенат объявить войну Клеопатре, якобы виновной во всех дурных поступках Антония. В 31 г. до н.э. в морском сражении у берегов Балканского полуострова флот Антония потерпел поражение (Клеопатра увела египетские корабли в разгар битвы). Антоний, а затем и сама царица покончили жизнь самоубийством. Египет стал составной частью Римского государства, а Октавиан — его единоличным правителем. Сенат преподнес ему почетное имя Август (священный, высокий — эпитет, применявшийся по отношению к богам). Затем ему было присвоено наименование Отца отечества, а почетное звание «император», которым награждали в период республики одержавших победы полководцев, стало его постоянным титулом. Он получил право первым выступать в Се-

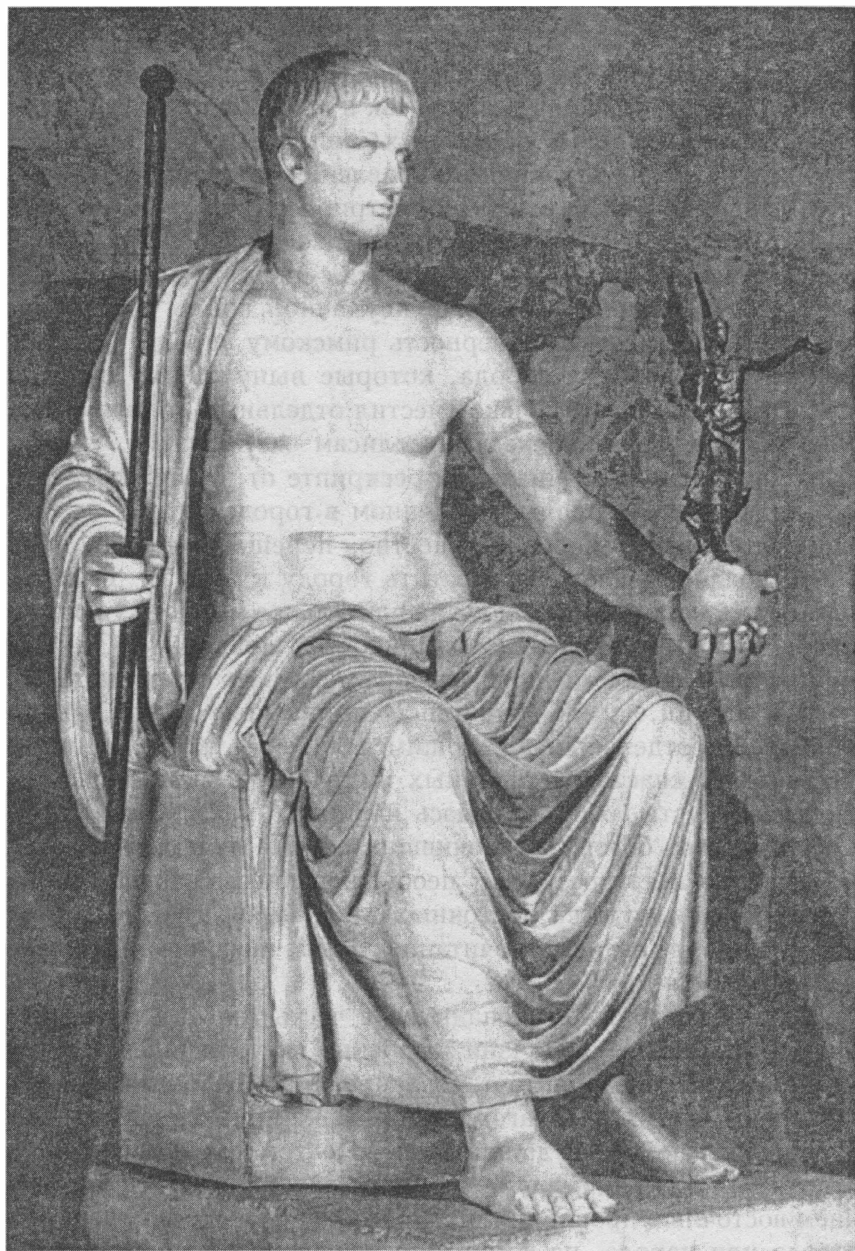
нате (т.е. стал принцепсом сената). Именно с этого времени ученые начинают эпоху империи...

Август управлял империей единолично прежде всего благодаря опоре на армию: он обладал пожизненными полномочиями командующего, ему подчинялись гарнизоны, размещенные в провинциях, наиболее важные в стратегическом отношении пограничные провинции находились под его непосредственным управлением. В Риме и Италии были размещены особые привилегированные воинские контингенты — преторианская гвардия, игравшая роль личной охраны императора и его полиции. В провинции Август направлял особых чиновников — прокураторов, которые проводили в жизнь его распоряжения. Они назначались из незнатных, всецело преданных ему людей, ибо от милости императора зависело их благополучие.

Но пользуясь огромной властью, Август тем не менее старался сохранять, хотя бы внешне, республиканские традиции: он принял ряд республиканских полномочий, неоднократно избирался консулом, имел полномочия народного трибуна. Последнее было очень важно: народные трибуны некогда играли большую роль в политической жизни республики; Август как бы становился представителем и защитником римского плебса, продолжателем древних народных традиций. В то же время трибунская власть наделяла Августа правом «вето» — правом налагать запрет на все решения должностных лиц. Все эти полномочия формально не противоречили республиканским традициям, но придавали Августу особый авторитет. Сам он всячески подчеркивал свою приверженность этим традициям. В перечислении своих деяний, зафиксированном в надписи от его имени (она найдена на месте древнего города Анкира — совр. Анкара), он утверждал, что превосходил всех своим авторитетом, власти же у него не более, чем у коллег по должности. Последнее утверждение, конечно, не соответствовало истинному положению вещей, но Август не мог, да и не хотел ликвидировать республиканские институты. В сознании не только самих римлян, но и покоренных ими народов Рим не мыслился без Сената, без консулов, без людей, гордых своей принадлежностью к римскому гражданству. Такой Рим диктовал свои условия побежденным, и такого Рима они боялись и уважали. Формальная ликвидация республики сравня-

*Статуя Августа в виде полководца.
Вилла Ливии у Прима Порты (Рим)*

*Статуя Августа в виде бога Юпитера
из города Кумы (находится в Санкт-Петербурге)*

ла бы римлян с такими же подданными, какими были сирийцы или египтяне (в конце концов так и произошло, но для этого империи понадобилось более двух столетий).

Установление единоличного правления означало конец кровопролитных войн. Август демонстрировал заботу о провинциях: он посетил Малую Азию сразу после победы над флотом Антония, был в Эфесе; обратился с письмом к городу Миласе, пострадавшему во время неудачной войны Антония с парфянами, хваля его за верность римскому народу; не наказал те малоазийские города, которые вынужденно оказали поддержку Антонию, только сместил отдельных должностных лиц. Август вернул греческим полисам часть статуй, увезенных Антонием. В специальном рескрипте от имени Августа и его полководца Агриппы, найденном в городе Кумах, все общественное и храмовое имущество, перешедшее в частные руки, предписывалось возвратить городу и храмам. Политика Августа породила надежды на длительное мирное существование, которые связывались с личностью правителя. Особенностью социальной психологии народных масс в период гражданских войн, когда рушились привычные устои, было поклонение отдельным выдающимся лидерам, которые, казалось, могли спасти растерянных жителей римской державы. Победа Августа воспринималась не только как следствие покровительства богов, обеспечивших своему любимцу счастье и удачу, но и как результат необыкновенных свойств самого героя. Среди жителей восточных провинций, где были особенно сильны традиции почитания царей, началось обожествление Августа.

Первые восторженные надписи в честь Августа были выбиты в городах Малой Азии, особенно пострадавшей в течение гражданских войн. Установление мира было для них величайшим благом — благом, которое, как они надеялись, не будет разрушено и в дальнейшем. Поэтому неудивительно, что Август воспринимался — и хотел восприниматься населением восточных провинций не просто как благодетель данного города или народа, не просто как очередной повелитель, но как божество, наделенное особой личной харизмой, способное влиять на все происходящее в ойкумене. В дошедших до нас нескольких надписях после победы над Антонием Август

выступает как повелитель земли и моря, спаситель космоса (надпись из города Миры), спаситель рода человеческого (Галикарнас), а его рождение провозглашается началом благих вестей (в греческом тексте евангелий — Апамея, Приена; в надписи последней Август прямо назван богом). В других надписях деяния Августа сопоставляются с действиями богов (надпись с острова Коса), которые он превзошел, а почести, оказанные ему, не могут сравниться с его деяниями (Митилена). Правда, при этом Август в некоторых случаях отождествлялся с Зевсом Патреем, Зевсом Отческим или назывался Отцом своего отечества, как в Галикарнасе. В надписи из этого города сказано, что бессмертная и вечная природа дала людям величайшее благо, Цезаря Августа, «Отца своего отечества богини Ромы», Зевса Патрея — и при этом «спасителя всего рода человеческого». Здесь как бы соединились официальные римские титулы Отца отечества, отождествленного с эллинским божеством — Зевсом Отцом, и фразеология экуменического, «общечеловеческого» представления о божестве-Спасителе. На монетах Августа, чеканенных на Востоке, встречаются надписи — «Явленный бог» и даже — «Основатель ойкумены»¹. Восприятие Августа как космического божества вряд ли было инспирировано сверху, это было и выражением веры в харизматического лидера, действительно спасшего империю от ужасов гражданских войн, и следствием восприятия эллинами самих себя как части общечеловеческой общности. Подобное восприятие можно увидеть не только в религиозном синкретизме, вере в единое божество, выступавшее под разными именами, что существовало уже в так называемый период эллинизма (после завоеваний Александра Македонского), но и в космополитизме философов, и в творениях поэтов. Так, Мелеагр, живший в I в. до н.э., уроженец палестинского города Гадары, в автоэпитафии говорит, что у всех людей общая отчизна — Мир (космос), и все они рождены Хаосом². Культ Августа олицетворял единство космоса и ойкумены (населенного мира). В Пергаме и Никомедии императору были воздвигнуты первые прижизнен-

¹ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 479.

² Древнегреческая элегия. СПб, 1996. С. 299.

ные святилища (разумеется, с разрешения Августа). Можно сказать, что именно с почитания Августа начал формироваться культ императоров в греческих городах Малой Азии, а затем и в других провинциях. В дальнейшем императоры I в. не посещали Малую Азию — в известной мере их незримое присутствие способствовало созданию воображаемого облика могучего божества.

Одновременно с этими инициативами «снизу» происходило своеобразное обожествление императора «сверху», которое должны были принять не только провинциалы, но и римляне: Октавиан предложил объявить покойного Юлия Цезаря божеством, и Сенат определил почести, которые должны были воздаваться «божественному Юлию». Была воздвигнута колонна в его честь, у ее подножия приносили жертвы, давали обеты, клялись именем Цезаря. Поскольку Цезарь был некогда обожествлен Августом, он становился сыном бога. Официально в латинских текстах Август при жизни назывался «сыном божественного Юлия». Для римлян, не привыкшим к обожествлению живых людей, имперская пропаганда придала культу Августа форму почитания его гения, где были использованы древние римские представления о существовании у каждого человека личного гения-хранителя³. Но гений Августа должен был отличаться от обычных хранителей: он был особым божеством, высшей силой, вдохновляющей все его поступки и решения. Гению императора воздвигались святилища, появилось особое жречество, обслуживавшее этот культ. Но почитание гения в значительной мере носило искусственный характер. Среди народа начинают распространяться легенды о происхождении самого Августа непосредственно от божества. Так, рассказывали, что его мать Аттия еще до его рождения пришла для богослужения в храм Аполлона и осталась там ночевать. Ночью же к ней внезапно скользнул змей, чей облик принял бог Аполлон. Через девять месяцев Аттия родила будущего императора: он, таким образом, мог называться сыном Аполлона. Искусственность этой легенды состоит в том, что она создана по образцу легенды об Александре Македонском, объявившем себя богом и сыном Зевса: согласно этой леген-

---

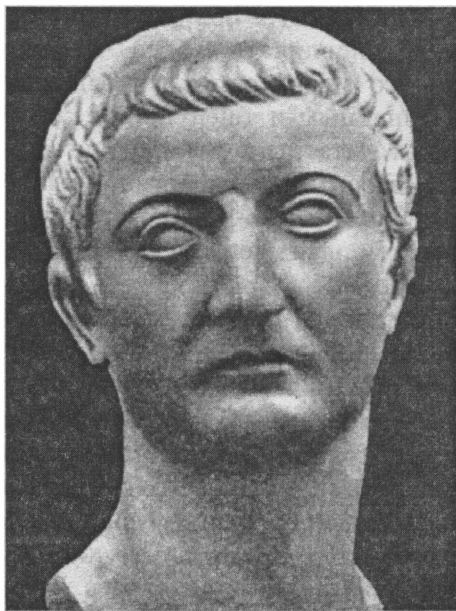
³ У женщин такие духи-хранители назывались юнонами.

де, к его матери также явился бог (Зевс) в облике огромного змея. По всей империи стали устанавливать статуи Августа. При сохранении сходства лица его общий облик был идеализирован: в жизни он был болезненным и тщедушным, а его изображали сильным, прекрасным, статным. В петербургском Эрмитаже хранится скульптура, изображающая Августа в виде верховного бога римлян Юпитера. Преемники Августа объявили его божеством, и на монетах правившего после него Тиберия он был назван богом.

После смерти Августа выявилась противоречивость созданной им системы. Его преемники (императоры династии Юлиев — Клавдиев) не пользовались такой же популярностью, как основатель империи, прекративший гражданские войны. Монархический принцип прямого наследования был еще невозможен, так как государство по-прежнему считалось республикой, но это наименование все больше превращалось в фикцию. Императорами становились в результате интриг, убийств, а порой и стечения случайных обстоятельств. Чтобы обеспечить себе наследника, Август усыновил своего пасынка Тиберия (не без интриг его матери, жены Августа — Ливии), наделил его полномочиями народного трибуна и правом военного командования. Эти полномочия уже после смерти Августа были подтверждены Сенатом. Но Тиберий ощущал недостаточную легитимность своего положения, тем более что его личная популярность была невелика. Он опасался, что мог появиться другой человек, имевший влияние в армии, захватить власть и принудить тот же сенат вручить ему соответствующие полномочия. Во время правления Тиберия и при последующих трех императоров (Калигулы, Клавдия, Нерона) начинаются массовые преследования возможных и мнимых противников. Правление этих императоров иногда называют террористическим режимом. Был возобновлен старинный закон «об оскорблении величества римского народа», под действие которого некогда подпадали только такие серьезные преступления, как подстрекательство к мятежу, самовольное ведение войны полководцами, но закон фактически не применялся во время борьбы полководцев. Теперь же «оскорбление величества» было перенесено на особу императора, и, как говорил историк Тацит,

Император Тиберий

по нему судили не только за слова, но и за дела⁴. Тиберий уничтожил семью своего племянника, оставив только его малолетнего сына, прозванного Калигулой. Поэт, сочинивший неуважительные стихи по отношению к Тиберию, был казнен. Был сослан на пустынный остров наместник провинции Азия, обвиненный в оскорблении культа Августа и в насмешках над Тиберием; покончил самоубийством, не дожидаясь смертного приговора, историк Кремуций Корд. Он был обвинен в том, что с похвалой отозвался о лич-

ных качествах Брута и Кассия — организаторов заговора против Цезаря. Сенат приказал сжечь его сочинения, но, как пишет Тацит, они были тайно сохранены, а впоследствии обнародованы. «Тем более оснований, — добавляет римский историк, — посмеяться над недомыслием тех, которые, располагая властью в настоящем, рассчитывают, что можно отнять память у будущих поколений» (Анналы, IV, 35).

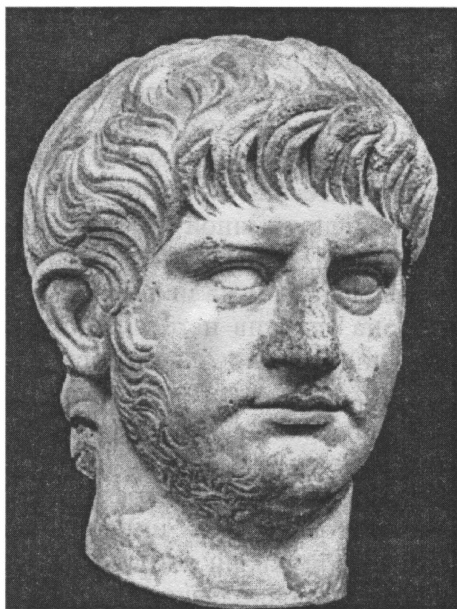
Тиберий всеми средствами стремился укрепить свою власть, но в конце концов был убит заговорщиками, опасавшимися за свои жизни. Ни один из его троих преемников не умер собственной смертью. Доносы, казни, заговоры, бесчинства преторианской гвардии сопровождали их правление. Одной из самых страшных и зловещих фигур был последний правитель из династии Юлиев — Клавдиев — Нерон. Он приказал убить даже

---

⁴ Корнелий Тацит — крупнейший римский историк, живший во второй половине I — начале II века н. э. Его произведение «Анналы» является главным источником по истории правления династии Юлиев — Клавдиев. Подробнее об этом см.: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981.

свою мать, стремившуюся руководить его действиями. По его повелению кончил жизнь самоубийством его бывший учитель, знаменитый философ Сенека. Вот как описывает Тацит настроения в Риме после очередной волны казней: «...И тот, у кого погиб сын или брат, и тот — у кого родственник или друг, возносили благодарность богам, украшали лавровыми ветвями свои дома, припадали к коленям Нерона, осыпали поцелуями его руку» (там же, XV, 71). Нерон считал себя великим артистом, он выступал как певец и актер. На его

Император Нерон

публичные выступления должны были являться не только все приближенные, но и простолюдины. За их реакцией следили специально назначенные люди, отмечая малейшее выражение недовольства или скуки. По их донесениям «мелкий люд», как выражался Тацит, немедленно осуждался на казнь, а знатных впоследствии настигала месть императора (Анналы, XVI, 5). С именем этого императора связаны и первые гонения на первых христиан, о чем будет рассказано ниже.

Во время правления императоров династии Юлиев — Клавдиев постепенно складывался бюрократический аппарат управления. Были созданы специальные ведомства при императоре: по составлению указов, рассмотрению жалоб, управлению императорским имуществом. Прокураторы в провинциях исполняли судебную власть. На службу во всех этих ведомствах, а также в аппарат провинциальных наместников стали привлекаться императорские вольноотпущенники, часто правившие бесконтрольно, стремившиеся не ко благу государства, которое было им безразлично, а к личному обогащению. Многие

знатные люди из провинций, прежде всего западных, получали от императоров римское гражданство, становились членами Сената (более образованные, хранившие древние культурные традиции, жители восточных провинций казались императорам менее покорными). Выходцы же из местных племен Галлии, Иберии и других районов Западной Европы, приобщенные к непривычной им римской роскоши, верно служили императору. Но основные вопросы власти на протяжении первого века продолжали решаться военной силой. После гибели Нерона (против него восстало несколько армий, стоявших в провинции) снова началась борьба полководцев за власть. Победителем оказался провозглашенный восточной армией Флавий Веспасиан: императором теперь можно было стать и вне Рима.

Первый век был переломным не только для политических институтов Римской империи: происходили и изменения в повседневной жизни рядовых слоев Италии и провинций, их социальной психологии, связанной с постепенным превращением всего населения империи в подданных императора, противоречиями между внешними формами и реальным содержанием общественной системы, поисками новых богов-покровителей.

В экономическом положении Италии в первые века нашей эры произошли существенные изменения. Использование труда рабов в сельском хозяйстве становилось невыгодным, особенно в больших имениях. Над рабами, незаинтересованными в результате своего труда, требовался контроль. Необходимо было содержать аппарат надсмотрщиков. Кроме того, сократился приток рабов из стран Востока, поскольку основные завоевания уже закончились. А рабы-варвары из северных стран не умели обращаться с виноградниками и оливковыми насаждениями. Писатель-агроном I в. Колумелла рассказывал, что в имениях, где хозяева подолгу отсутствовали, рабы пасут скот плохо, дурно пахут землю, показывают при посеве гораздо больший расход семян, управляющий и рабы мошенничают... Поэтому большинство землевладельцев стали дробить свои имения на мелкие участки и сдавать их в аренду бедным крестьянам (они назывались колоны), а затем и рабам стали выделять участки земли, на которых те селились (так называемые рабы с хижинкой). По существу, происходило

фактическое сближение положения колонов и рабов, посаженных на землю.

Характерной особенностью жизни городских ремесленников было существование их объединений по профессиям — различных коллегий. Коллегии мало занимались собственно профессиональными вопросами; члены коллегий делали взносы на общие нужды: устройства празднеств и обедов, похороны на общественный счет своих товарищей. Коллегии давали возможность «маленьким людям» в разобщенном мире огромной державы собираться вместе, ощущать живую связь друг с другом, иногда хоть поесть досыта. Ремесленники ценили свою связь друг с другом больше, чем принадлежность к римскому гражданству, которое, по существу, значило все меньше и меньше. Происходило отторжение от официальной идеологии империи. Знаменитый поэт времени правления Августа Вергилий создал поэму «Энеида», в которой прославлял доблесть Рима (и самого Августа). Поэма начиналась словами: «Мужа и битвы пою». Какой-то ремесленник из города Помпеи написал на стене дома, пародируя слова Вергилия: «Сукновалов пою и сову» (сова — священная птица богини Минервы, которая считалась покровительницей ремесла).

Но сколь ни важны были ремесленные коллегии в быту простых людей, они не могли защитить ремесленников, прежде всего Италии, от разорения. В Италию ввозилось огромное количество изделий из восточных провинций, конкурировать с которыми итальянские ремесленники не могли. Разоряющиеся крестьяне и ремесленники продолжали переселяться в Рим, ожидая денежных раздач, пышных зрелищ, прежде всего гладиаторских боев и травли зверей. Август попытался сократить раздачу хлеб неимущим гражданам Рима, но, опасаясь взрыва недовольства, восстановил прежний порядок. Деклассированные люди занимались любыми промыслами, становились гладиаторами. Поступая в гладиаторы, свободные люди приносили клятву, что разрешают себя «связывать, сечь, убивать». Фактически они ничем не отличались от рабов. Для пресыщенных зрелищами римлян на арену стали выпускать и женщин-гладиаторов⁵.

---

⁵ О женщинах-гладиаторах пишет историк Светоний в биографии императора Домициана (4, 2).

У бедняков сознание гражданской общности было вытеснено ненавистью к богачам, особенно к тем, которые выставляли свое богатство напоказ. В период республики хвастаться богатством, носить дорогие одежды считалось неприличным, что порождало, пусть иллюзорное, ощущение гражданского равенства. Теперь же нувориши, прежде всего вольноотпущенники, не связанные с римскими традициями, гордились своими успехами, устраивали пиры, носили драгоценности.

Ненависть к богачам, стирание фактических граней между свободным и рабом в отдельных случаях могли вызвать у свободного плебса сочувствие к рабам. В этом отношении показательны события, связанные с убийством префекта Рима Педания Секунда, совершенном одним из его рабов. В соответствии с законом в этом случае должны были казнить всех рабов (а их у префекта было множество), проживавших в доме. Но когда рабов, включая стариков и детей, повели на казнь, начались уличные беспорядки; толпа требовала освобождения ни в чем не повинных людей. Народ взялся за камни и факелы. Тогда Нерон ввел в действие военные отряды, оттеснил толпу и выставил вооруженные заслоны на всем протяжении пути к месту казни (Тацит. *Анналы*, XIV, 44). Попытка освободить несчастных рабов была лишь стихийным возмущением явной несправедливостью, она еще не означала коренного изменения отношения свободных римлян к рабству. Но возмущение это показало, что сострадание к рабам не было чуждо римскому плебсу.

Жизнь в провинциях была не менее сложной и противоречивой, чем в Италии. Нас интересуют прежде всего провинции восточные, где раньше всего распространялось христианство. В I в. постепенно начинают застраиваться полуразрушенные и разоренные города, упорядочивается взимание налогов, налаживаются экономические связи внутри империи. Однако временная стабилизация политического положения, укрепление центральной власти означало и полную потерю надежды на обретение самостоятельности, постепенное упразднение местного самоуправления. Греческие города (полисы) продолжали издавать различные постановления, но они, как правило, были малоинформативны, хотя и многословны (особенно если это касалось восхваления императоров или их приближен-

ных) Любое сколько-нибудь существенное для местных жителей решение согласовывалось с римской администрацией, а порой и с самим императором, если его представитель не хотел сам принимать это решение (вплоть до строительства новых бань или переноса храма из одного места в другое).

С I в. главные должностные лица в городах выбирались из узкого круга семей, которые договаривались между собой и выставляли одного кандидата на ту или иную должность. Важную роль играли римские граждане, живущие в данном городе, и местная знать, получившая по воле императора римское гражданство. Политическая активность, некогда свойственная грекам, заглохла. Образованные слои населения восточных провинций, прежде всего грекоязычных (в Греции, Малой Азии, Сирии, отчасти Египте), мечтали сохранить античную культуру, возродить некоторые древние обычаи и празднества. В провинциях устраивались музыкальные и поэтические состязания, копировали древние произведения искусства, ораторы выступали с речами, посвященными местной истории, греческой литературе, философии и т.п. Но при этом представители местной знати стремились сделать карьеру на императорской службе. Плутарх в сочинении «Наставление о государственных делах» писал: «Нынешнее положение наших городов... не предоставляет случая отличиться при военных действиях, свержении тирана или переговорах о союзе... Остаются всенародные суды и посольства к императору, для которых тоже нужен человек, соединяющий горячность и решительность с умом»⁶.

Однако для бытовой реальности восточных провинций греческая культура была лишь фасадом — в прямом и переносном смысле. Здания, подражающие древним архитектурным формам, были построены с применением римских технологий и строительных материалов. В городах продолжали существовать и даже строиться театры, но знаменитые произведения греческих классических авторов ставились там очень редко. Зрители предпочитали смотреть только отдельные сцены из трагедий, сопровождавшиеся пантомимом, музыкой и танцами. Пантомимы — как в восточных провинциях, так и в самом

---

⁶ Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 594.

Риме — были очень распространены, в них выступали и мужчины, и женщины. В театрах выступали и ораторы.

Однако основную массу жителей восточных провинций привлекали другие зрелища, где была возможность испытать острые ощущения, получить эмоциональную разрядку, увидеть проявление силы и ловкости — т.е. приобщиться к тому, чего они были лишены в повседневной, достаточно однообразной жизни. Такими зрелищами по всей империи, а не только в Италии, стали гладиаторские бои и травля зверей. В этих боях также принимали участие женщины⁷.

Но людей привлекали не только зрелища. Многие в поисках лучшей участи переселялись из города в город. На дорогах империи можно было встретить самых разных людей, идущих пешком или едущих в повозках то в одном, то в другом направлении: ремесленники, купцы, площадные актеры, прорицатели, бродячие нищие философы, не говоря уже о посланцах императора и военных. Надгробные и посвячительные надписи дают нам многочисленные примеры переселений не только на временное, но и на постоянное жительство порой переселялись целыми семьями. Переселения приводили к сближению людей разных национальностей и социального положения. Стиранию сословных граней способствовало и то, что в провинциях, как и в Италии, рабы могли получить участки земли, завести семью. В городах создавались частные объединения, религиозные союзы, в которые иногда входили не только свободные, но и рабы. Особое положение составляли привилегированные рабы и вольноотпущенники, которых использовали в аппарате управления имениями, в качестве торговых агентов. А вольноотпущенники императоров, жившие в провинциях, являлись своего рода «глазами и ушами» центральной власти. Перед ними трепетали и их ненавидели не только бедные, но и богатые провинциалы. В I в. в условиях императорского террора многие из этих людей составили себе большие состояния прежде всего доносами. Тацит в начале своей «Истории», описывая обстановку в Риме в период разгула террора императоров из династии Юлиев — Клав-

---

⁷ Из Малой Азии дошла каменная плита с изображением двух женщин в гладиаторских доспехах и надпись: «Амадзон и Ахиллия освобождены» — по-видимому, они были рабынями, но за доблесть на арене получили свободу.

диев, а затем и при императоре Домициане, подчеркивал особую роль доносчиков: «Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников против патронов» (I, 2). Доносы были распространены настолько, что в I в. наместник (префект) Египта издал обширный эдикт, ставивший своей целью упорядочение взимания налогов, исполнения повинностей, а также компетенции различных местных должностных лиц. Среди пунктов этого постановления было и специальное упоминание доносчиков. По словам префекта, «так как город (имеется в виду Александрия) почти обезлюдел от множества доносчиков и каждый дом находится в страхе, я категорически приказываю, чтобы обвинитель из аппарата царской казны, если он представил жалобу на основании заявления третьего лица, предъявил своего осведомителя, так чтобы и тот подвергнулся известному риску (имеется в виду ответственность за ложный донос. — И. С.)»⁸. Среди доносчиков было немало вольноотпущенников, одного из них мы уже встречали в истории гибели Цицерона: ими двигала зависть к выдающимся людям, ощущение собственной неписанности в интеллектуальную элиту (если они претендовали на принадлежность к ней), отсутствие нравственных традиций, порой чистая корысть. Характерна в этом отношении история императорского вольноотпущенника Флавия Архиппа, действовавшего в I в. в малоазийском городе Пруса и пользовавшегося расположением императора Домициана⁹. Граждане Прусы, напуганные действиями доносчика, ставили ему почетные статуи как благодетелю города. Но и этого Архиппу показалось мало. В целях обогащения, он подделал завещание, был уличен в подлоге и приговорен наместником провинции к работе в рудниках. Однако он подал прошение императору,

---

⁸ Об этом декрете см.: Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С.17 – 18.

⁹ История Флавия Архиппа изложена в переписке Плиния Младшего с императором Траяном, чьим представителем в начале II века в одной из провинций Малой Азии был Плиний. См.: Письма Плиния Младшего. М., 1983 (X, 58).

избежал наказания, которое даже не было отменено, объявил себя философом и продолжал заниматься доносами.

Распад гражданских связей, переселения, падение морали сказались и на связях семейных. Малоазийские надгробия первых веков нашей эры¹⁰ часто ставились при жизни владельца участка на кладбище с надписью — такой-то (или такая-то) «при жизни самому себе и жене (или мужу)». Довольно много, особенно в городах, было надгробий, поставленных только самому себе — т.е. у этих людей не было детей (или они были далеко) и других близких людей, которые могли бы обеспечить им похороны. На многих надписях, поставленных после приобретения участка и сооружения склепа, говорится, что кроме самого владельца в нем будут похоронены те, «кого он пожелает» — по-видимому, он собирался указать это в завещании, а к моменту постройки склепа у него не было родных или связь с ними была утрачена; в надписях семейных людей, приобретавших участок для могилы, обычно оговаривалась возможность захоронения детей. Одна надпись из города Афродисия над склепом, также поставленным при жизни, гласит, что в нем не должен быть похоронен никто кроме владельца склепа: ни наследники, ни преемники. Вероятно, этот человек порвал со своей семьей. На другом надгробии из того же города владелец склепа указывает, какие члены его семьи могут быть в нем погребены, и оговаривает при этом, что его жена может быть похоронена только в том случае, если останется его женой и родит сына. Это дополнение позволяет думать, что браки могли легко расторгаться и что наличие бездетных семей (как и в случаях с одиночными надгробиями) было настолько распространено, что муж специально подчеркнул необходимость для жены родить сына.

Некоторые частные письма, дошедшие из Египта, также говорят о непрочности семейных связей и привязанностей: в одном письме некто Мелас упрекает братьев своего покойного друга, чье тело он за свой счет привез к ним, что те «оставили тело без ухода» (т.е. не похоронили его должным образом: Лондонский папирус — Pap. Lond. I, 77).

---

¹⁰ Надписи разобраны в книге: Свенцицкая И.С. Фригийские надгробия; компьютерная обработка // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. М., 2000. С. 81 сл.

*Препровождение в загробный мир.
Пелена с изображением умершего мужчины,
богов Осириса (слева) и Анубиса (справа).
(Холст, клеевая краска. Середина II в., ГМИИ, № 5749)*

Все эти социальные и психологические сдвиги, хотя и проявлялись в действиях отдельных людей и групп, еще не стали ясно осознанным компонентом общественного сознания. Те, кто громил дома богачей во время голодных бунтов, когда обстановка менялась, ходили смотреть зрелища, устроенные на средства этих богачей; те, кто мог сочувствовать конкретным рабам, толпились у входов в амфитеатры, чтобы посмотреть, как рабы убивают друг друга на потеху публики. Стирание племенных различий не мешало неожиданным проявлениям в городах острой вражды к чужакам, которых начинали упрекать во всех бедах (примером этому могут служить столкновения между греками Александрии и жившими там иудеями во время правления императора Клавдия; такую же необоснованную ненависть толпы в отдельных городах будут испытывать на себе и первохристиане в период распространения в Римской империи нового вероучения).

Противоречивость частной и общественной жизни, неуверенность в завтрашнем дне, кризис нравственных идеалов, ощущение невозможности кардинальных изменений в государстве, которое официальная пропаганда объявляла «золотым веком», приводила к возникновению множества различных групповых объединений, большая часть из которых была связана с религиозными поисками народных масс восточных провинций и Рима. Люди искали духовной компенсации в несовершенном мире, помощи не властей, а могущественных божественных сил. Об этих поисках речь пойдет в следующей главе.

Глава 2

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ

В глубокой древности в тех обществах Востока, где изменения происходили медленно, где социальное положение человека было определено со дня рождения, а его действия, помимо личной воли, диктовались системой связей с другими людьми — родственниками, членами общины, государственными служащими, человек полагался на извечную заданность миропорядка, на традиции, в том числе и в культе богов, унаследованные от предков, которые он редко осмеливался нарушить. В одном из текстов Шумера (древней страны на юге Двуречья — Тигра и Евфрата), содержащих увещания отца своему сыну, сказано: «Сын мой, взгляни на предшествующие поколения, спроси у них совета», а в древнеегипетской сказке «Два брата» как нечто самой разумеющееся говорится, что младший брат каждый день действовал «по заведенному» порядку¹¹. В меньшей степени это относится к полисам Древней Греции, но и там вплоть до IV в. до н.э. роль традиции, особенно в отношении обрядов, была достаточно велика. Но когда после завоеваний Александра Македонского, а затем включения всего Средиземноморья в Римскую державу традиционные связи нарушались, судьбы людей зависели от произвола полководцев и правителей, когда ни молитвы, ни жертвоприношения древним божествам не помогали, человек стал ощущать себя обособленным, потерянным в непонятном ему и во многом враждебном мире. Главными становятся для него вопросы о смысле жизни, о способах спасения и избавления от страданий.

---

¹¹ Особенности мировосприятия людей древнего Ближнего Востока охарактеризованы в книге: Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986, гл. 1.

Многие философские школы того времени пытались найти ответы на эти вопросы. Одни философы утверждали, что человек свободен в выборе жизненного пути и что этот выбор должен состоять в отказе от активной деятельности (так учили последователи философа Эпикура); другие (к ним принадлежала школа стоиков) провозглашали, что все в жизни человека predetermined судьбой, поэтому не нужно стремиться к материальным благам, а добросовестно, в соответствии с велениями разума, выполнять то, что человек считает нравственным и справедливым (к этой школе принадлежал знаменитый римский философ Сенека). Были и бродячие философы — киники, которые проповедовали жизнь сообразно природе, отказ от имущества, выступали против государства. Но философия была уделом образованной верхушки общества и не могла предложить путь к спасению, который был бы понят массами и обнадеживал бы их.

Характерной особенностью религиозных верований в первые века до нашей эры было падение в городах Греции, Малой Азии, Италии авторитета древних греческих и римских богов. Этим богам — греческим Зевсу, Афине, Аполлону, римским Юпитеру, Юноне и другим — продолжали приносить жертвы, в их честь устраивались общественные праздники, но рядовые жители империи относились к этим внешним проявлениям благочестия как к традиции. Согласно древним греческим мифам, заимствованным и римлянами, боги были мстительны, жестоки, ревнивы к достижениям людей; так, богиня Афина превратила в паука искусную ткачиху Арахну, осмелившуюся соперничать с ней в искусстве ткачества; Аполлон и Артемида убили всех ни в чем неповинных детей Ниобы за то, что их мать похвалялась своим многочисленным потомством. Эти архаические мифы, некогда вызывавшие страх перед богами и желание их задобрить, уже не соответствовали религиозным чувствам населения империи. В первые века нашей эры в Малой Азии, Сирии, Финикии, Египте, где после завоеваний Александра Македонского распространялась античная культура, здания украшались мозаиками и рельефами с изображением греческих богов и сцен из мифов, но свои молитвы жители этих стран — как показывают многочисленные посвященные надписи — обращали к другим богам. Греческая мифология не

имела для них религиозного смысла. Как писал английский историк В. Тарн: «Много причин содействовало решению судьбы олимпийцев. Они принадлежали городу-государству и падали вместе с ним: философия убила их в глазах образованных, а индивидуализм — в глазах простых людей»¹². Люди стремились найти других божественных покровителей. Но какими должны быть боги-покровители не племени, не страны — а всего мира людей и в то же время каждого конкретного человека? В первых надписях, славивших Августа, эта потребность во всеобщем покровителе была ярко выражена: рождение императора провозглашалось началом евангелий; культ Августа олицетворял для его первых почитателей единство космоса и ойкумены.

Его преемники делали попытки ввести наряду с императорским культом культ римского Сената: Тацит (Анналы, IV, 37) упоминает речь Тиберия, который дал разрешение городам провинции Азии учредить свой культ совместно с культом Сената, хотя города просили об основании культа его и его матери Ливии, также обожествленной. Однако эти попытки особого успеха не имели; населения провинций не хотело поклоняться органам управления Рима¹³.

Отдельные отзвуки экуменизма в культе императора еще встречаются на протяжении I века. Так, до нас дошло постановление небольшого городка из Малой Азии Идимы, посвященное императору Флавию Веспасиану: «(За) Автократора Цезаря Веспасиана Августа, спасителя всех людей и благодетеля (еввергета) в знак благодарения (евхаристии) союз (койнон) идимийцев за него богам». Надпись эта может быть интересна во многих отношениях. Идима — ничем не примечательное небольшое поселение, не имеющее даже статуса полиса, а всего лишь «союз идимийцев». Формула чествования не стереотипна: наряду с эпитетом *еввергет* (благодетель, который встречается в надписях того же региона в честь представителей династии Флавиев), Веспасиан назван спасителем всех людей без какого-либо указания на связь с благодеяниями, оказанными самой Идиме.

¹² Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С.306.

¹³ Историк римской религии К. Латте отмечает кратковременность существования культа римского Сената (Latte K. Römische Religionsgeschichte, München, 1960, S. 313).

Обращает на себя внимание несоответствие своего рода «захо­лустности» поселения, воздающего почести, и экуменичес­кое восприятие правителя. Наиболее близкое по времени (пос­ле надписей в честь Августа) сходное выражение содержится в эдикте префекта Египта Тиберия Юлия Александра в честь правившего недолго императора Гальбы, где он назван «восси­явшим нам» (т.е. египтянам) ради спасения всего рода челове­ческого». Я не буду разбирать мотивы, побудившие префекта употребить подобную титулатуру в отношении Гальбы, сторон­ником которого он был; мне кажется, что она в какой-то степе­ни связана с духовной жизнью Египта того времени. Маловероятно, что идимейцам был знаком этот эдикт; возможно, они знали надписи в честь Августа, которые продолжали красоваться на площадях городов. Что могло побудить Идиму издать такое краткое и при этом пышное постановление, используя «эку­меническую» фразеологию в честь первого императора из ди­настии Флавиев? Веспасиан, вероятно, вообще не знал о су­ществовании «союза идимейцев», да и краткость постановле­ния указывает на то, что особых благоденствий для них совершенно не было (даже в торжественном египетском эдикте Гальба воссиял конкретно египтянам). Возможно, поводом для этого почетного декрета послужило окончание борьбы полко­водцев за власть после гибели Нерона, во время которых го­рода восточных провинций страдали от денежных поборов. Тацит в «Истории» говорит, что хуже всего провинциям при­ходилось именно от этих поборов: полководец Веспасиана Муциан при сборе денег не считался ни с правом, ни с реаль­ными возможностями провинций (II, 84), все богатые имения были разграблены. Не исключено, что среди пострадавших оказались и жители Идимы. Но, как пишет там же Тацит, си­туация не изменилась и после установления мира, те же «без­жалостные меры» продолжали применяться. Так что вряд ли Веспасиан — в отличие от Августа — мог быть искренне назван «спасителем всех людей», а для простого выражения вер­ноподданнических чувств можно было найти другие словесные обороты, тем более что сам Веспасиан не считал себя богом. Но идимейцы вряд ли представляли себе конкретно личность императора. Кажется, что фразеология этой надписи связана с тем, что и маленькая Идима начинает ощущать свою прича-

ственность к огромной империи, стремится осознать себя частью всего человечества и выразить это ощущение. Можно предположить, что именно для небольших поселений, не имевших древних полисных традиций, связь с «большим» миром становилась все более важной, она как бы компенсировала их незначительность. В данном случае Веспасиан стал символом этой включенности, а чествование его как бы позволило говорить идимейцам от имени всего человечества и чувствовать себя полноценной и самостоятельной частью огромной державы.

Определенный интерес представляет и слово *евхаристия* (благодарение), употребленное в надписи. Это существительное (в отличие от однокоренного глагола) достаточно редко упоминается в надписях и обычно обращено к божествам. В аналогичных декретах в честь Флавиев, изданных в Идиме, оно не употребляется. Это слово также указывает на стремление придать особую торжественность постановлению, может быть, оно содержит скрытый намек на божественность Веспасиана, который прямо богом не назывался. Употребление его, как и возрожденный «экуменический» титул, свидетельствует о том, что надпись не была инспирирована сверху, она была следствием инициативы самих идимейцев, с одной стороны, возмужавших на передышку в поборах, а с другой — стремившихся громко заявить о себе властям и соседям, используя достаточно необычное для официальных декретов этого времени словоупотребление. Однако оно, несомненно, было на слуху у жителей Малой Азии, видевших самых различных религиозных проповедников. «Экуменизм» не был только достоянием христианства, эти идеи витали в воздухе. Идима как бы осознавала свою связь через императора — спасителя человечества со «всеми людьми», хотя фактически это означало: со всеми его подданными.

Можно обратить внимание на еще один аспект, связанный с этой надписью: *евхаристия*, как и евангелия в надписях, воздававших почести Августу, стало одним из важнейших понятий первых христиан. Использование этого слова жителями Идимы говорит о том, что оно входило в культовые представления населения Малой Азии. Христиане использовали его, полностью изменив значение, противопоставив свою *евхаристию* язычеству, как они это сделали и со словом *евангелие*.

Таким образом, представляется, что маленькая надпись из маленького малоазийского городка, какой бы незначительной она ни казалась в свете общеимперской истории, тем не менее может раскрыть социальную психологию части жителей огромной империи, которые стремились осознать свое место в огромном мире.

В течение I века н.э. «экуменический» пафос и искренняя восторженность в отношении императоров сменяются официальным включением почитания правителя державы в повседневную жизнь провинциальных городов. Вырабатываются достаточно стереотипные, хотя и пышные формулы титулатуры императоров, все чаще прямо называвшихся богами (Кизик, например, называет Тиберия «величайшим из богов»; правда, перед этим Тиберий наказал город за нерадивость в отправлении священнодействий в честь Августа). Императорский культ все больше и больше становился формальным, хотя и обязательным для всех жителей империи: власти требовали поклонения статуям императоров, дни их рождения считались общегосударственными праздниками. Даже во время празднеств, посвященных местным божествам, обязательно несли изображения правящего императора. По существу, поклонение императорам в начале нашей эры приобрело характер политической проверки благонадежности и не отражало истинных чувств жителей империи. До нас дошло большое количество надписей на камне с посвящениями различным божествам, но посвящения частных лиц богам-императорам редки. Такие посвящения делали обычно или должностные лица, жрецы императорского культа, воины-ветераны — или люди из страха упоминали бога-императора наряду с тем божеством, к которому они, собственно, и обращались. Но в большинстве частных посвящений богам нет упоминания императоров — и пока не найдено ни одного обращения к богу-императору с какой-либо мольбой об исполнении того или иного желания (конкретные обращения к императорам могли носить только установленный официальный характер через соответствующие ведомства). Культ императора не мог больше удовлетворять религиозные чувства народных масс, тем более что после убийства очередного правителя в I веке статуи его сбрасывались, и он уже не почитался как бог. Какое религиозное переживание могла

вызвать разбитая и сброшенная колоссальная статуя императора Домициана у жителей, скажем, малоазийского города Эфеса (требовавшего при жизни поклонения себе как богу), которую так и не убрали и которая была обнаружена археологами Нового времени?

Во многих областях восточного Средиземноморья люди организовывали небольшие союзы в честь тех богов, часто чужеземных, которые казались им более близкими и более могущественными, или поклонялись им в домашних святилищах. Вступая в частные культовые ассоциации, человек проявлял свою индивидуальность, поскольку сам выбирал божество, через обряды своего сообщества устанавливал связь с ним, и в то же время не чувствовал одиночества, будучи связанным с другими почитателями того же бога. Многие из этих союзов были организованы вокруг культов восточных умирающих и воскресающих божеств, таких как египетский Осирис или малоазийский Аттис. Некогда у многих народов существовала вера в подобных божеств, олицетворяющих смену времен года или умирание и возрождение природы. Но с течением времени эти божества приобретали образ прежде всего богов-спасителей, служение которым могло обеспечить людям единение с божеством, бессмертие души.

Согласно египетским мифам Осирис был богом плодородия, первым царем Египта, научившим египтян земледелию. Его брат Сет, бог губительного ветра-суховея, дувшего из пустыни, задумал погубить Осириса. Сет подарил Осирису саркофаг, специально для него сделанный, и как только Осирис лег в него, чтобы примерить его под свой рост, Сет закрыл тяжелую крышку и сбросил гроб в Нил. Но священная река не приняла гроб, который разыскала жена Осириса богиня Исида. Она сумела разбудить в мертвом супруге живительную силу и зачала от него сына Гора. Гор вступил в борьбу с Сетом, победил его и воскресил Осириса. По другой версии мифа, Сет разрубил тело Осириса на куски и разбросал их по долине Нила, но Исида нашла и соединила их. Воскресший Осирис не пожелал оставаться на земле, но стал владыкой Царства мертвых, которое представляло собой страну полного изобилия, где, например, была пшеница выше человеческого роста. Осирис был не просто царем, но судьей умерших, ибо в его

царство попадали только люди, не совершавшие дурных поступков.

После завоеваний Александра Македонского, когда в Египте стала править македонская династия Птолемеев и туда переселилось много греков, образ Осириса соединился с образами других божеств, египетских и греческих — священного быка Аписа, греческих Зевса и Аида; так появился Серапис. Он выступал как владыка неба и царства мертвых. Культ этот был введен некогда Птолемеем I, для сближения египетского и

Праздник в храме Исиды. Роспись из Помпей

Участницы мистерий и танцовщица (Вилла Мистерий)

греческого населения. Особенно широко Серапис почитался в восточном Средиземноморье за пределами Египта. В империи было распространено и почитание Исиды. Храмы, ей посвященные, воздвигались даже в Риме. Императоры пытались бороться с чужеземными верованиями: по свидетельству римского историка Тацита, император Тиберий (14—37 гг.) выслал из Рима почитателей «египетских и иудейских священнодействий» и четыре тысячи из них отправил в ссылку на остров Сардинию. По-видимому, таких почитателей было немало. Но меры, принимаемые властями, успеха не имели. Поклонники Исиды снова оказывались в Риме и устраивали публичные шествия в ее честь. Об Исиде писали и представители образованной элиты: так, Плутарх в трактате об Осирисе и Исиде

Танцовщица (Вилла Мистерий). Роспись из Помпей

утверждал, что в мифе о них раскрываются глубинные движущие силы мироздания.

Еще одним почитаемым восточным божеством был фригийский Аттис (Фригия — область в Малой Азии), его культ был связан с культом Матери богов — Агидитис или Кибелы. По одному из вариантов мифа, Аттис был растерзан диким кабаном, по другому — в порыве безумия оскопил себя и умер. Но богиня сделала его тело вечно юным и нетленным; из его крови выросли цветы. Более распространена была версия мифа, согласно которой Аттис был служителем богини плодородия Кибелы. Он нарушил требовавшееся от ее жрецов целомудрие и влюбился в нимфу. Богиня погубила нимфу, а Аттис в порыве экстаза оскопил себя. Аттис и Кибела почитались в вос-

точных провинциях Римской империи; люди надеялись обрести с их помощью спасение от земных страданий. Так, во время празднеств в честь Аттиса жрец провозглашал: «Утешьтесь, благочестивые, подобно тому, как спасен бог, спасетесь и вы...».

Умирающим и воскресающим божеством был возлюбленный богини Афродиты Адонис, которого погубил свирепый вепрь. Писатель Лукиан (II в.) описал празднества в его честь, справлявшиеся в Сирии. По словам Лукиана, местные жители ежегодно в память о нем подвергали себя истязаниям, а затем они объявляли, что Адонис воскрес и вознесся на небо...

По всей империи — и на Востоке и на Западе — почитался иранский бог солнца Митра. В персидском пантеоне он не иг-

Митра, убивающий быка.

Рельеф из святилища Митры в Гедернхейме (Германия)

рал особой роли, но в провинциях империи этот бог стал одним из самых почитаемых богов-спасителей, защитником человечества, борцом против мирового Зла. Миф рассказывал о борьбе Митры с быком, которого бог победил и убил. Кровь быка, олицетворение зла, преобразовала мир. Сторонники этого культа верили, что Митра в конце концов победит все зло, уничтожит этот мир, и на земле восторжествует царство справедливости, а мертвые воскреснут. Святилища Митры найдены по всей территории империи вплоть до Лондона (бывшего в I в. н.э. римским военным лагерем); дошли многочисленные изображения Митры, убивающего быка. Многие ученые считают, что митраизм был главным соперником зародившегося христианства. Однако общины митраистов были замкнуты, туда принимались только мужчины, прошедшие через различные физические испытания. Особенно много почитателей этого божества было среди военных, считавших бога-борца своим покровителем, нравственным образцом. Мужество, верность и взаимопомощь были идеалом почитателей Митры, они называли друг друга братьями. День рождения Митры-Солнца справлялся 25 декабря, когда происходил зимний солнцеворот.

Из греческих божеств наибольшей популярностью пользовался бог Дионис, покровитель виноградарства. На рубеже нашей эры его культ приобрел новое содержание. Дионис все больше стал отождествляться с сыном Зевса Загреем, которого растерзали титаны, но он был заново рожден Зевсом под именем Диониса. Он также воспринимался как умирающее и воскресающее божество. С культом Диониса были связаны и религиозные союзы орфиков, названных так по имени почитаемого ими мифического певца и героя Орфея, который спустился в подземное царство мертвых, чтобы вывести оттуда свою жену Евридику. Сам Орфей вернулся на землю, но вывести жену ему не удалось. Союзы орфиков существовали давно, но, как и культ Загрея-Диониса, особое распространение они получили в последние века до нашей эры, впитав в себя ряд восточных магических обрядов. Исполняя эти обряды и этические требования орфиков (аскетизм, презрение к плоти), человек верил, что он может очиститься от любой вины, избежать наказания, ожидающего его в подземном мире и обес-

печить для своей души бессмертие. Почитатели Диониса-Загрея — орфики верили в переселение душ и стремились от этого переселения освободиться благодаря соединению с Мировой душой, с той частью божественной субстанции, которая была, согласно учению орфиков, заключена в материальную оболочку человека и которая должна навсегда высвободиться из этой оболочки.

Плутарх в сочинении «Слово утешения жене» рассуждает о бессмертии души в соответствии с учением дионисийских мистерий (это слово означает — тайные) орфиков, в которые, по его словам, были посвящены он и его жена. Мисты не признавали традиционного представления о том, что покойные не доступны ничему недостойному и огорчительному: бессмертная душа испытывает то же, что и плененная птица — если она проведет в теле долгое время, то, освободившись от материальной оболочки, душа снова воплощается и в ряде рождений не перестает подвергаться земным испытаниям и судьбам. Поэтому лучше, когда душа пробудет в теле недолго, тогда она сохранит то, что Плутарх называет «лучшее состояние», т.е. освободится от перерождений. По-видимому, насколько мы можем судить по отрывочным замечаниям источников, именно избавление от перерождений и соединение с божеством в инобытии и было целью посвящения в мистерии орфиков. Все перечисленные верования были основаны на мистике, на эмоциональном, а не на рациональном восприятии мира, на отрицании земной жизни, стремлении найти способы приобщения к божеству и инобытию, обретения бессмертия. Главным способом для достижения этих целей стало вступление в особые общины избранных и участие в мистериях — особых действиях, посвященных тому или иному божеству. Так как эти действия совершались тайно, мы знаем о них не слишком много. Почитатели мистериальных культов образовывали небольшие общины, в которые человек вступал, пройдя обряды очищения и испытания. Такими закрытыми общинами были дионисийские сообщества, желающий вступить в них должен был сначала десять дней поститься, затем принять культовое омовение. Потом начинался испытательный срок, в течение которого он должен был доказать, что умеет молчать и не сообщать никому ничего из обрядов. После этого он допускался к мистери-

ям. Члены дионисийских общин — мисты раз в году справляли и открытые празднества — шествия: они носили жезлы, увитые виноградом (тирсы), играли на флейтах. Мисты в экстазе уносились в танцах, пока, как они ощущали, бог не завладевал ими. Тогда они находили дикую козу, разрывали ее, пили теплую кровь, ели сырое мясо, что считалось божественной едой и питьем. Они верили, что таким образом достигалось единение с богом и бессмертие. Членами дионисийских общин в эпоху Древнего Рима могли быть женщины и мужчины, рабы и свободные.

В мистериях, посвященных Кибеле и Аттису, существовал обряд умерщвления быка — тавроболия, тоже своего рода кровавая жертва. В святилище богини — насколько можно судить по археологическим и отрывочным письменным данным — находилось углубление, куда спускался мист. Затем над ним убивали быка, чья кровь проливалась на посвященного. Происходил обряд очищения кровью. Во время оргиастических действий жрец Аттиса оскоплял сам себя, что тоже могло рассматриваться как кровавая жертва и как очищение, переход к новой жизни. Тавроболия существовала и в мистериях, посвященных Митре, например, при приеме новых членов. Митраистский культ также включал очистительное омовение и мистериальную общую трапезу, которые символизировали для мистов обещание небесной жизни. Многие обряды мистерий нам недостаточно известны, так как они держались в тайне. Герой знаменитого произведения Апулея «Золотой осел» (II в.), после всех своих злоключений посвященный в мистерии Исиды, говорит, что он не смеет рассказать о том, через какие испытания он прошел: «Я достиг пределов смерти... снова вернулся, преодолев все стихии». Имитация смерти, судя по изображениям, существовала и в мистериях Митры — пройдя через символическую смерть, человек обретал новую жизнь. Однако мистериальные культы не могли породить новую религию, прежде всего в силу своей замкнутости, обрядового, а не духовного очищения и связи с древними языческими действиями. Кроме того, мистериальные обряды знаменовали собой одно и то же, постоянно повторяющееся событие: божество каждый раз умирало и воскресало, каждый раз заново совершалась очистительная жертва. Из этого цикла мог выпр-

ваться отдельный посвященный в мистерии человек, но не человечество в целом.

Другой существенной чертой религиозных верований в Римской империи была вера в то, что боги-спасители всемогущи, что почитаемому богу подвластен весь космос. На рубеже эр шел процесс универсализации божества, складывание того, что принято называть языческим монотеизмом. Происходило слияние образов различных божеств, как это было в случае с Сераписом, но если культ последнего был создан в известной мере искусственно, то объединение других божеств стало результатом мифотворчества достаточно широких масс населения. Великая Мать как начало всего сущего отождествлялась с финикийской Астартой, египетской Исидой, малоазийской Кибелой, греческими Афродитой, Артемидой, божеством подземного мира Гекатой — все они считались ее ипостасями. Вера во всемогущее божество выражалась и в интересе к иудаизму, тем более что в городах восточных провинций жило много иудеев. В грекоязычных надписях содержатся посвящения Богу высочайшему — без упоминания его имени. Можно предполагать, что поклонение этому Богу было результатом влияния иудаизма. А из одной области Малой Азии дошла надпись в честь руководителя синагоги, поставленная от имени коллегии почитателей Бога-шаббатиста — т.е. Бога Субботы. Интерес к религии древних евреев отражен и в литературных памятниках — так, географ Страбон, живший на рубеже эр, с симпатией писал о Моисее¹⁴ и его учении о едином Боге, который управляет космосом и природой сущего. Страбон выделяет и нравственные требования этого учения к верующим: только живущие благоразумно, согласно справедливости, могут получить блага от Бога (География, XVI, 35—36). Влияние иудаизма распространялось и в Риме даже среди принадлежавших к верхушке общества: ходили слухи, что будто и жена императора Нерона Поппея верила в иудейского Бога.

Единое божество в представлениях верующих управляло всем миром. В молитве Луция, героя «Золотого осла», обра-

---

¹⁴ Страбон считает Моисея египетским жрецом, который был недоволен существовавшими там установлениями и вывел оттуда в Иудею людей, верующих в Божество (подразумевается — единый Бог). Страбон полагает, что прेमники Моисея испортили его установления.

щенной к Исиде, говорится: «Ты кружишь мир, зажигаешь солнце, управляешь вселенной... мановением твоим огонь разжигается, тучи сгущаются, поля осеменяются, посевы подымаются». Исида названа заступницей рода человеческого, охранительницей смертных. А в надписи с острова Иос сказано, что Исида положила законы людям, отделила землю от неба, указала пути звездам... Но при этом, веря в могущество Исиды, люди не отрицали существования других богов: в той же надписи сказано, что Исида, жена и сестра царя Осириса, освятила участки богов и научила людей почитать их изображение — отказаться от политеизма было очень трудно.

Признавая могущество владык космоса, люди вместе с тем надеялись на их помощь, справедливость, доброту, которой не обладали старые античные божества, часто мстительные, ревнивые к успехам людей, жестокие. В той же надписи с Иоса Исида говорит о себе: «Я сделала справедливое сильным... Я установила закон, чтобы родители были любимы детьми... Я сделала справедливость сильнее золота и серебра... Я сделала так, чтобы прекрасное и постыдное отличались друг от друга по природе...». В Сирии встречаются посвящения безымянному «Богу доброму».

Верующие надеялись, что боги, которым они возносили молитвы, слышат их. В восточной части империи археологи обнаружили большое число посвящений «богам внемлющим» или только одному «богу внемлющему» (без имени), причем эти боги мыслились «чистыми (т.е. лишенными недостатков. — И. С.) и справедливыми» — эти эпитеты также встречаются во многих надписях. Вера в могучих и благих богов или Бога не была уже связана с определенным местом или народностью; распространяется представление об общности человеческого рода — сначала среди философов, а затем и в среде народных масс. Так, в одной из надписей I в. н.э. в маленьком малоазийском городке Панамаре сказано, что в празднествах в честь главного божества этого города — Зевса могут принимать участие граждане, переселенцы и «все люди населенного мира». Вряд ли составители надписи могли рассчитывать на приход к ним людей из разных областей ойкумены, но, приглашая их, они провозглашали единство людей перед лицом божества и его «всемирность».

Вера в благие божества рождала у почитателей вопросы об их собственном поведении, благодаря которому они должны были заслужить расположение богов. В уставах частных религиозных союзов появляются моральные установки. Так, почитатели финикийской богини Астарты требовали от своих членов физической и нравственной чистоты. Интересен религиозный союз (из города Филадельфии в Малой Азии) почитателей Зевса и Богини Матери: он был основан еще в I в. до н.э. местным философом, его устав выбит на камне. В союз принимались на равных мужчины и женщины, свободные и рабы. Члены союза обязывались не замышлять никакого коварства против других людей, не заниматься магией, не изготовлять никакого колдовского зелья, не применять средств, препятствовавших деторождению (на рубеже эр в Римском государстве были распространены аборт). Замужние женщины должны были хранить верность своему мужу («женщина должна быть чиста и не знать другого мужчины»). В свою очередь мужчины не имели права вступать в связь с замужними женщинами, в том числе и с замужней рабыней. За нарушение полагались наказания: публичное покаяние, отлучение от святилища. Добродетельные члены сообщества, как сказано в надписи, получают то, что боги дают своим любимцам. Последняя фраза знаменательна: члены союза, по существу, не смогли освободиться от традиционного языческого представления о языческих божествах, дарующих — согласно мифам — своим любимцам земные блага. Возможно, почитатели Зевса и Матери ощущали недостаточность этого представления, поэтому в уставе не указывалось никакого конкретного вознаграждения; идея спасения в Царстве Божиим еще не была выработана. Однако, может быть, не случайно, что именно в малоазийской Филадельфии в I в., согласно Апокалипсису Иоанна, рано возникла одна из первых христианских общин.

Филадельфийское объединение не случайно выступало и против магии: наряду с поклонением богам-спасителям, многие люди в первые века нашей эры из самых разных слоев общества, не веря в возможность избавиться от несчастий собственными силами, были увлечены колдовством, различного рода прорицаниями. Представление о том, что окружающий мир наполнен злодеяниями, колдовскими чарами, ясно проявилось

в романе Апулея «Золотой осел», в котором использованы мотивы народных верований. Ощущение страха перед темными силами, их мерзости и в то же время нелепости (с точки зрения Апулея, эта нелепость должна снизить ужасы магии) великолепно показаны во вставной новелле о фессалийских ведьмах. Рассказчик этой истории был нанят сторожить покойника от ведьм, а те по ошибке заколдовали сторожа и оторвали ему нос и уши — трагикомические детали усиливали абсурдность происходящего. В конце новеллы рассказчик поведал слушателям, что он стал свидетелем того, как во время похорон юноши египетский пророк по просьбе отца умершего (заплатившему египтянину большие деньги) на время оживляет юношу, и тот свидетельствует, что погублен собственной женой. Оживление было мучительным — юноша молил колдуна отпустить его. Этот эпизод свидетельствовал о существовании веры в возможность оживления умерших, но воспринималось оно как действие колдовских, недобрых сил.

Неудивительно, что люди, подавленные страхами, искали своего рода посредников между богами и людьми. Образованные люди высмеивали эти увлечения, но без особого успеха. Характерно в этом отношении произведение знаменитого сатирика II в. Лукиана «Александр, или Лжепророк». Лукиан рассказывает историю (хотя, вероятно, не без преувеличений) некоего действительно существовавшего Александра, который выдавал предсказания от имени бога-врачевателя и прорицателя Асклепия (во многих местностях этот бог почитался как Асклепий Спаситель). При этом тот объявил, что из яйца в виде змеи родился «новый Асклепий», оживлявший мертвых и предсказывавший будущее. Александр приобрел где-то змею, продемонстрировал ее толпе, а затем стал показывать из-под своего плаща специально изготовленную змеиную голову, которая открывала и закрывала рот, а Александр озвучивал ее «предсказания». К новоявленному пророку стекались, принося ему дары, самые разные люди, в том числе и сенаторы. Лукиан с горечью писал, что человеческая жизнь находится во власти двух величайших владык — надежды и страха и что тот, кто сумеет по мере надобности пользоваться обоими, очень скоро разбогатеет (Александр, или Лжепророк, 8). Лукиан выставляет Александра откровенным шарлатаном, не гнушав-

шимся никакими средствами, способным на злодеяние (он пытался погубить и самого Лукиана)... Но почитание Александра вряд ли было вызвано только умелым трюкачеством и грубыми суевериями его почитателей. Он, безусловно, обладал даром внушения; его предсказания, какими бы нелепыми они ни казались Лукиану, удовлетворяли тех, кто получал их: эти пророчества отвечали внутренним потребностям поклонников Александра.

Деятельность Александра интересна для историков еще и тем, что, объявив о рождении «нового Асклепия», тот демонстрировал «живого бога», явившегося «здесь и сейчас»: другими словами, давал возможность людям как бы непосредственного общения с божеством. Разумеется, Александр и его почитатели не выходили за рамки глубинных основ языческого мировоззрения. Явленное им божество не было принципиально иным, но лишь новым воплощением Асклепия (свою же дочь Александр объявил «новой Селеной» — т.е. богиней Луны). Вера в возможность соединения с новоявленным божеством проявлялась подчас в самых разных и вполне «материальных» формах: женщины, даже замужние матроны готовы были сожительствовать с пророком, Лукиан называет по имени жену одного императорского прокуратора, участвовавшую в религиозных действиях, устраиваемых Александром: она изображала Луну, влюбленную в прорицателя. Многие женщины хвастались тем, что имели от Александра детей. Возможно, Лукиан несколько преувеличивал, но увлечение женщин «нетрадиционными» верованиями характерно для того времени. Плутарх в «Наставлении супругам» убеждает жен «держат двери запертыми» для бесполезных суеверий и чужеземных обрядов. Правда, стремление приблизиться к божеству, в частности к «новому Асклепию», проявляли и мужчины; так, свою дочь Александр выдал замуж за римского сенатора.

Таковы были особенности религиозных верований первых веков нашей эры — стремление найти всемогущего и милосердного Бога, Спасителя всего человечества и в то же время доступного каждому отдельному человеку, милостивого и слушающего; надежда на общение с таким божеством; поиски посредника в этом общении с богами (в представлении суеверных людей оно могло происходить через человека — проро-

ка, прорицателя, наделенного особой силой). В то же время магия продолжала занимать важное место в системе верований большинства населения империи, стремившихся с помощью даже кровавых жертв, особых обрядов, магических заклинаний избавиться от страха перед темными силами и победить их. Материальное, а не духовное общение между верующими также продолжало сосуществовать наряду с нравственными поисками. Именно в такой религиозно-психологической среде и начали действовать первые христиане, отвечавшие на те же волновавшие людей вопросы, но содержание их ответов принципиально отличалась от того, что предлагали почитатели других религиозных культов.

Глава 3

ПАЛЕСТИНА НА РУБЕЖЕ ЭР. КУМРАНСКАЯ ОБЩИНА

Среди восточных владений Рима особое положение занимала Палестина, область, в которой зародилось учение Иисуса Христа. Эта область оказалась под властью римлян в I в. до н.э. В 63 г. до н.э. римский полководец Помпей, только что захвативший Сирийское царство¹⁵, воспользовался борьбой за власть в Иудее и ввел в Иерусалим свои войска. Часть населения Иерусалима заняла храм и в течение трех месяцев выдерживала осаду. В конце концов римлянам удалось занять храм и уничтожить сопротивлявшихся. Иудея оказалась под властью римлян. Но римские правители (а это было как раз время гражданских войн) предпочли не втягиваться в сложные конфликты и предоставили Иудее некоторую самостоятельность. Помпей включил ее в состав римской провинции Сирии на правах автономной области, но урезал ее территорию. Один из последних представителей правящей династии Хасмонеев, Гиркан II был назначен (!) римлянами первосвященником и «правителем народа». Гиркан не имел реальной власти, фактически всем заправлял выходец из палестинской области Эдома (Идумеи) Антипатр и его сыновья. Самый коварный из них, Ирод, после смерти отца (не без сочувствия Рима) захватил власть, уничтожил всех, связанных с прежней династией, принял титул царя иудеев, но править он стал в качестве «союзника и друга римского народа» (37—4 гг. до н.э.). Ирод подчинялся Риму во всех действиях, связанных с внешней поли-

---

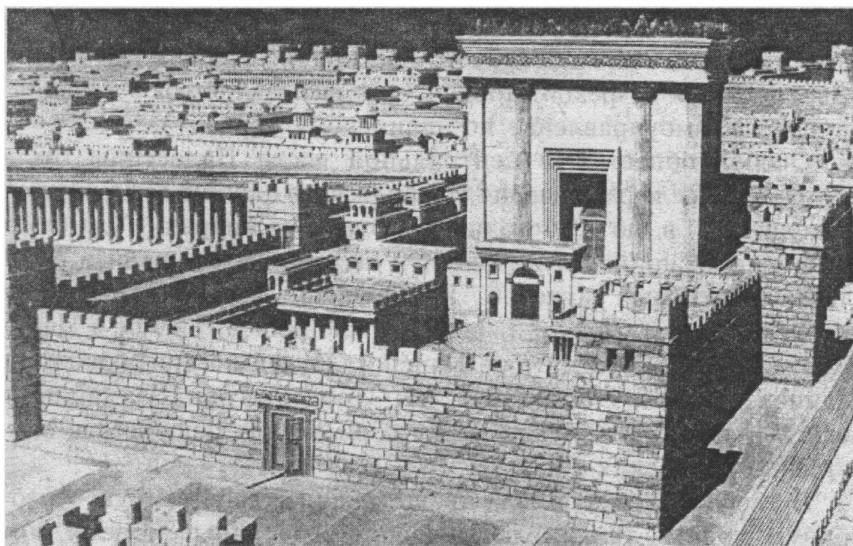
¹⁵ Это царство, некогда возникшее после распада державы Александра Македонского, в научной литературе называется также царством Селевкидов — по имени правившей там династии. Со II века до н. э. его владения постепенно сокращались. Иудея также некогда входила в его состав, но в результате восстания под руководством Маккавеев обрела независимость.

тикой; он умело лавировал между полководцами, боровшимися за власть, — оказывал поддержку Антонию, а затем вовремя перешел на сторону Августа. Все подданные Ирода считались подданными Августа — Ирод заставил их принести присягу на верность не только себе, но и римскому императору. Во внутренней политике Ирод действовал как восточный деспот, с жестокостью подавляя малейшие признаки недовольства и уничтожая всех возможных противников. Согласно христианским верованиям Ирод приказал перебить всех младенцев мужского пола в Вифлееме, узнав о рождении там божественного Младенца, которому суждено было стать мессией (т.е., по иудейским верованиям, Царем возрожденного Израильского царства). Этот эпизод не имеет подтверждения в независимых источниках, но по приказанию Ирода действительно было уничтожено множество людей, в том числе его жена и три сына. Узнав об этих казнях, Август сказал, что лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном. Тем не менее, а может быть, и вследствие жестокости Ирода, державшего народ в повиновении, Август его поддерживал.

Ирод обложил население тяжелыми налогами, конфисковал землю у своих противников, сосредоточив ее в своих руках и частично раздавая преданным приближенным и родственникам. Ирод, хотя и исповедовал иудаизм (вероятно, довольно формально), стремился придать своей стране облик, свойственный другим областям Средиземноморья. С его именем связано строительство городов, которые получали внутреннее устройство по греческому типу. Эти города были названы в честь императора Кесарией (греческая интерпретация слова *Цезаря*), Себастей (по-гречески словом *Себастос* переводили имя Августа). Население этих городов было смешанным, там жили иудеи, греки, сирийцы. По античному образцу Ирод возводил в городах театры, термы (общественные бани, особенно широко распространенные в Риме) и, конечно, дворцы для себя. Он начал реставрацию и украшение Иерусалимского храма. При этом по приказанию Ирода в украшении храма, как и при строительстве общественных сооружений в городах, использовались так называемые коринфские колонны с пышной, украшенной стилизованными листьями и завитками капителью. Эти колонны возводились в зданиях, которые строились в городах по всему Сре-

Храм в Иерусалиме времени Ирода. Макет

диземноморью, восточному и западному, что было своеобразным внешним выражением культурного единства «римского мира». В архитектуре жилых домов в Палестине, как показали археологические раскопки, также видны следы античного влияния: богатые люди строили дома по римскому типу, а в массовой городской застройке стали преобладать многоквартирные дома в несколько этажей (инсулы). Даже в одежде появились греко-римские элементы (правда, главным образом у мужчин). Наряду с местными именами (как это было и в других восточных провинциях, например, в Египте) встречаются имена греческие или римские, причем нередко были случаи, когда человек носил оба имени, употребляя их в разных ситуациях (именно поэтому среди апостолов был Андрей, носивший греческое имя, а двое из евангелистов, согласно традиции, назывались еврейским именем Иоанн и римским именем Марк).

Население Палестины было достаточно пестрым по этническому составу и говорило на разных языках: большинство — на арамейском, одном из западносемитских языков, ставшем к тому времени разговорным языком во многих областях Перед-

ней Азии. Распространен был греческий, на котором говорила значительная часть городского населения, особенно в районе Десятиградия за рекой Иордан (так назывался союз городов, имевших самоуправление по эллинскому образцу).

Особой областью в центральной части Палестины была Самария. После разрушения Израильского царства ассирийцами в конце VIII в. до н.э. столицей его стала Самария. Туда была вывезена ассирийская колония, и ассирийцы смешались с остатками местных жителей. Из священных книг самаритяне почитали только Пятикнижие, но поклонялись Богу не в Иерусалимском храме, а на горе Гаризим. Иудеи не признавали их единоверцами и сторонились их. Ирод отстроил Самарию и основал там храм Августа, на что он не мог решиться в собственно иудейских городах.

В I веке Иудея не имела права чеканить собственную серебряную монету, там имели хождение серебряные монеты, которые чеканили некоторые финикийские города, а также римские серебряные денарии, которыми уплачивалась подать (греки их называли просто «серебряные» или «сребренники», их-то, согласно Евангелиям Нового завета, и получил Иуда за свое предательство).

Но греки и римляне — неиудейское население — тоже проявляли интерес к местным обычаям и верованиям. Так, согласно преданию, один младший командир (центурион) из римского гарнизона в городе Капернауме даже построил синагогу.

В известной мере можно полагать, что в Палестине происходили те же самые процессы, что и в остальной империи. И эти процессы обостряли имущественное и социальное неравенство. Жизнь в городах, центрах развитого ремесла и торговли, резко отличалась от жизни в маленьких городках и сельской местности. Интересны в этом отношении материалы археологических раскопок в Галилее. В начале 90-х гг. XX в. были заново произведены, с учетом новейших методов, раскопки городов Капернаума, Сепфориса, Скифополиса; впервые были исследованы галилейские деревни эллинистической и римской эпохи¹⁶. В Нижней Галилее — основном районе археологичес-

---

¹⁶ Reed J.L. Places in Early Christianity: Galilee, Archeology, Urbanization and Q. Ann Arbor. 1994.

ких исследований — вперемешку жило и городское и сельское общество. При этом в сельских местностях в Галилее, как и в других местах Палестины, были вкрапления крупных земельных владений, находившихся, по всей вероятности, в руках отдельных богачей, но наряду с ними, как представляется исследователям, большинство земледельцев работали на таких маленьких участках, которые вряд ли могли их прокормить. По-видимому, такие земледельцы вынуждены были заниматься еще и деревенским ремеслом, мелкой торговлей, становиться сельскохозяйственными рабочими. Появление таких крупных для Галилеи городов, как реконструированный Сепфорис и Тибериада, заново основанная сыном Ирода, правителем Галилеи Иродом Антипой, и названная в честь римского императора Тиберия (археологи определяют размеры этих городов, расположенных на расстоянии 20 миль друг от друга, как 60 и 80 гектаров соответственно), не могли не разрушить традиционный образ жизни сельских жителей, работавших теперь на городское, подчас чуждое им в культурном отношении население. Города нуждались в земле на окружающей территории (вокруг Тибериады были нарезаны новые участки земли¹⁷), это означало возможное применение насилия, не говоря уже о закладе земли, долгах и т.п. Все это не могло не вызывать сопротивления — явного и скрытого: во время волнений земледельцы-бедняки нападали на города, которые казались им средоточием язычества. Особенно сильным, еще во время правления Ирода, было недовольство его проримской позицией и культурными новшествами в Иудее и Галилее (галилеян даже сами жители остальных районов Палестины считали склонными к мятежам, не слишком нравственными людьми, «разбойниками», при этом недостаточно образованными). Были случаи прямого отказа выполнять распоряжения Ирода: так, шесть тысяч человек, принадлежавших к течению фарисеев, отказались принести присягу Ироду и Августу. Многие из этих людей были казнены.

Ирод умер в 4 г. до н.э.; его смерть послужила сигналом для вооруженных выступлений, прежде всего в Галилее и на юге

---

¹⁷ Греческие города, как и города восточных провинций с греческим правом, имели обязательно за пределами городских стен собственную сельскохозяйственную территорию, где были наделы граждан и земли, сдаваемые городом в аренду.

Палестины. По словам Иосифа Флавия¹⁸, римского историка I в. н.э., некий Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей. Восставшие разгромили Сепфорис (впоследствии восстановленный Иродом Антипой), захватили оружие и деньги. Иосиф Флавий, неодобрительно относившийся к восстанию Иуды Галилеянина, утверждал, что тот грабил и брал в плен всех, кто попадался ему на пути. В этом восстании, по некоторым намекам историка, можно увидеть элементы мессианского движения — т.е. связанные с надеждой на приход посланного Богом мессии, который восстановит независимость Иудеи и станет ее царем. Другой предводитель восставших, простой пастух Афронг, выступавший, как пишет Иосиф Флавий, против бывших воинов Ирода и против римлян, также претендовал на царскую власть и даже надел на себя царский венец (Иудейские древности, XVII, 10, 5—7). Наместник сирийской провинции Квинтилий Вар с помощью союзника — царя Каменистой Аравии разгромил повстанцев. И Вар и его союзники проявляли особую жестокость. Арабы сжигали деревни, убивали их жителей. Вар же приказал сжечь город Эммаус, а попавшие в плен и схваченные по подозрению в участии в восстании две тысячи человек были позорно распяты на крестах.

В 6 г. н.э. Иудея и Самария были включены в провинцию Сирию с особым управлением — туда посылались императорские прокураторы с правом военного командования (они занимали также должность префекта). Кое-какие права были оставлены жречеству Иерусалимского храма и синедриону, куда входили жрецы и представители местной знати, главы родовых объединений (старейшины). Во главе синедриона стоял первосвященник. В компетенцию синедриона входили дела внутреннего управления, некоторые судебные полномочия (смертные приговоры, не связанные с религией, могли выносить только римляне), религиозные вопросы. Окраинные области Палестины римляне отдали под власть сыновей Ирода, но без царского титула. Они стали вассалами Рима. Галилея и Переея (при-

---

¹⁸ Иосиф Флавий — участник иудейского восстания против Рима в 66—70 гг., попал в плен к римлянам, жил при императорском дворе и написал целый ряд произведений по иудейской истории, в том числе «Иудейские древности», «Иудейскую войну».

брежная область) перешли под власть Ирода Антипы с титулом четверовластника (тетрарха)¹⁹. На протяжении всего первого века положение в Палестине оставалось напряженным, тем более что римские правители позволяли себе пренебрегать местными верованиями. Понтий Пилат, прокуратор и префект Иудеи при преемнике Августа Тиберии²⁰, при своем вступлении в должность приказал войскам, сопровождавшим его, войти в Иерусалим, неся изображения императора на значках легионов, причем воины вошли в город ночью. Это оскорбило религиозные чувства верующих иудеев, поскольку изображение человека считалось недопустимым и приравнивалось к идолопоклонству. По словам Иосифа Флавия (Иудейская война, XX, 3, 1), иудеи толпами отправились к Пилату и умоляли его убрать изображения. И даже угроза применить оружие не заставило их разойтись. В конце концов прокуратор приказал убрать изображения императоров из Иерусалима и перевести их в официальную резиденцию наместников Иудеи — Кесарию. На постройку водопровода он использовал казну храма. Естественно, все это не прибавляло любви к римлянам.

По дорогам Палестины в I веке бродили проповедники, возвещавшие скорый приход Спасителя-Мессии (*машиах*) — помазанника Божия, или сами объявлявшие себя мессией. То человек по имени Февда собирал толпу и утверждал, что воды Иордана расступятся перед ним, и те, кто пойдут за ним, обретут спасение; то человек, пришедший из Египта (согласно Новому Завету, за него потом даже принимали апостола Павла) хотел захватить Иерусалим. Римляне разгоняли толпы силой оружия. Нужно отметить, что в этот период не было единых представлений об образе и роли такого посланного Богом помазанника, не существовало единого восприятия образа мессии. Мессия мыслился или как победоносный военачальник, обеспечивающий национальное возрождение, царь из дома Давида, или как Посланный свыше «Сын человеческий»,

---

¹⁹ Первоначально после смерти царя Ирода Палестина была разделена на четыре части, отсюда название — тетрарх. Ирод Антипа правил до 40 г., когда император Калигула лишил его власти.

²⁰ До нас дошла надпись Понтия Пилата, названного префектом, из Кесарии, где говорится об основании Тибериады (святилища, посвященного Тиберию?).

о котором говорилось в книге пророка Даниила и приход которого означал конец этого поколения, катастрофу и Божий суд, после которого наступит «Новое небо и Новая земля». В I веке именно такое восприятие Мессии было наиболее распространено²¹ среди народных масс Палестины.

Но мессианские и антиримские настроения не создавали единства внутри иудейского общества; существовали различные группы, спорившие между собой по политическим и вероучительным вопросам. К общественной верхушке (жрецам и нежреческой знати) принадлежали так называемые *саддукеи*. Они требовали исполнения буквы закона, как он изложен в священных книгах иудеев, не признавали никаких устных добавлений и толкований. Саддукеи отрицали предопределенность судьбы, признавали свободу воли отдельного человека. Но при этом они рассматривали законы чистоты как относящиеся только к Храму и его служителям; они воспринимали греко-римскую культуру, а наиболее влиятельные и богатые из них стремились не конфликтовать с римлянами. Большим влиянием обладали и фарисеи²², которые в свое время выступили против Ирода: они занимались толкованием Библии, извлекая из нее и формулируя нормы, пригодные для жизни современного им общества. Так, они дополнили Ветхий Завет о прощении долгов на седьмой год — при росте задолженности и потребности в торговых кредитах это приводило к тому, что богатые люди и ростовщики при приближении конца семилетия не хотели давать деньги в долг. Теперь судьи могли выдавать документы, предоставлявшие право заимодавцу взыскивать долг; принцип, провозглашенный в Пятикнижии — «око за око, зуб за зуб» — в соответствии с античным (римским) законодательством был заменен штрафом. При этом фарисеи выступали за чистоту иудаизма, против контактов с чужеземцами. В отличие от саддукеев, они признавали воскресение мертвых, загробное воздаяние, бессмертие души. Но и среди фарисеев были разные группировки: некоторые из них высту-

---

²¹ Подробно мессианские чаяния см. в статье Ц. Верблонского: «Мессианство в еврейской истории» // Социальная жизнь и социальные ценности еврейского народа (на русском языке). Иерусалим, 1977.

²² Это слово, по-видимому, означает «отделившиеся»; сами они называли себя «сотоварищи».

пали за скрупулезное соблюдение всех ритуальных предписаний, внешних форм поведения, за что и заслуживали упреки в ханжестве и лицемерии (не только в христианской, но и в талмудической литературе). Социальный состав фарисеев не был однородным, по достатку и занятиям в основном это были представители средних слоев (торговцы, ремесленники, учителя в синагогах, знатоки законов).

В конце I в. до н.э. сложилось также радикальное движение *зелотов* и их «боевого крыла» — *сикариев* (кинжалщики). Эта группа выступала за непримиримую борьбу с Римом и собственной знатью, сотрудничавшей с Римом. Кинжалщики применяли методы индивидуальных убийств: они убили даже одного из первосвященников. Зелоты в основном состояли из низов населения, деклассированных людей. Они принимали активное участие в галилейском восстании начала нашей эры, а затем явились главной силой в Первой Иудейской войне — мощном антиримском восстании 66—70 гг., закончившемся разгромом и разрушением Храма (до сегодняшнего дня от него осталась только одна стена, так называемая Стена плача).

Среди религиозных групп, течений, сект выделялась одна, вызвавшая во второй половине XX в. особый интерес ученых, теологов и широкого круга читателей во многих странах мира. Это группа ессеев²³, о которых сообщали древние авторы: Филон из Александрии, Иосиф Флавий, римский ученый Плиний Старший. По словам Иосифа Флавия, ессеи презирали богатство, вступающие в секту передавали свое имущество в собственность общины. Члены этой секты жили во многих городах; прежде чем быть принятыми в общину, люди должны были пройти испытательный срок. Через год они допускались к обрядам очищения водой, но не к совместным трапезам. После того как новый член проходил испытания в стойкости, еще в течение двух лет проверялся его характер — тот, кто оказывался достойным, допускался в секту (Иудейская война, II, 8, 2—13). По свидетельству римского ученого Плиния Старшего, известно, что ессеи жили к западу от Мертвого моря, вели уединенный образ жизни, тем не менее изо дня

---

²³ Это название, возможно — грецизированная форма слова «хасид», как эту группу называли окружающие (Вейнберг Й. Введение в Танах. М., 2002. С. 129).

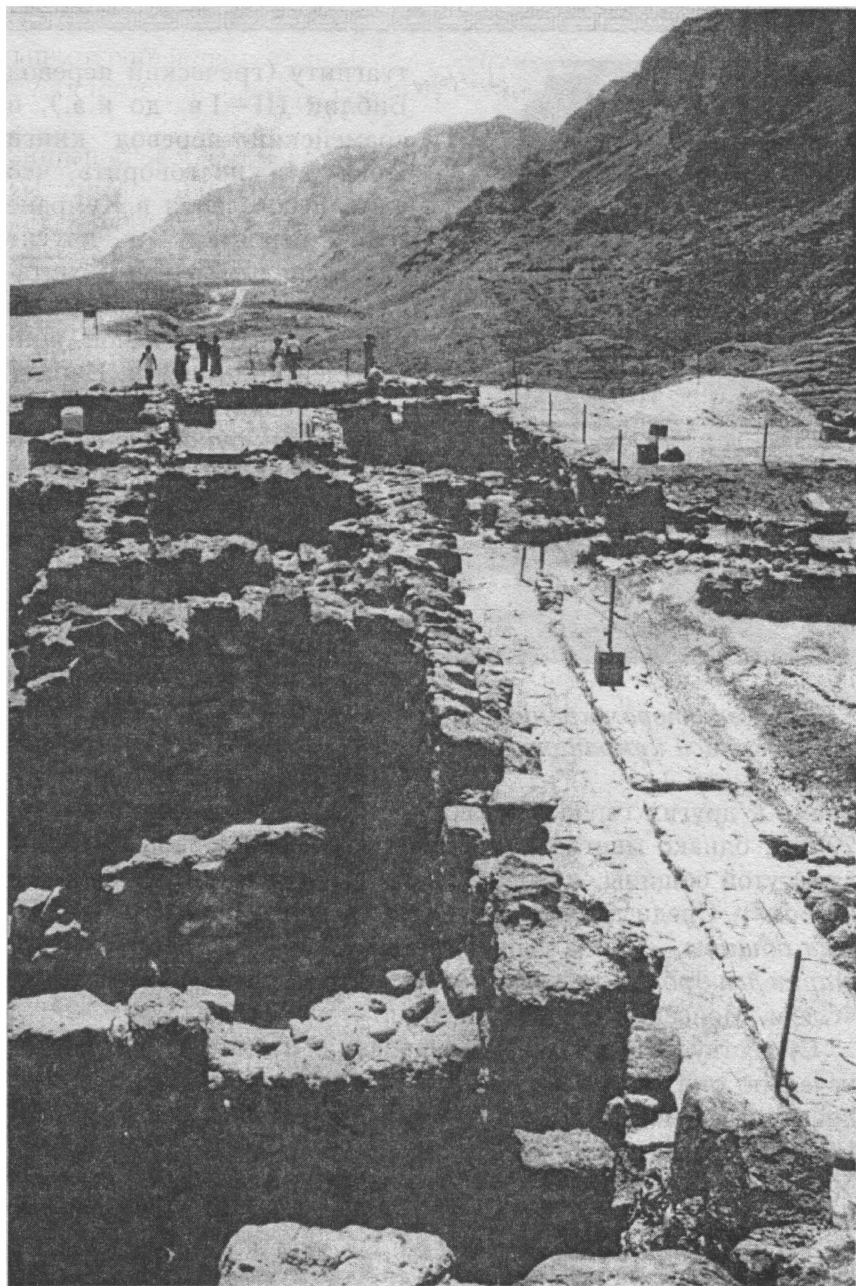

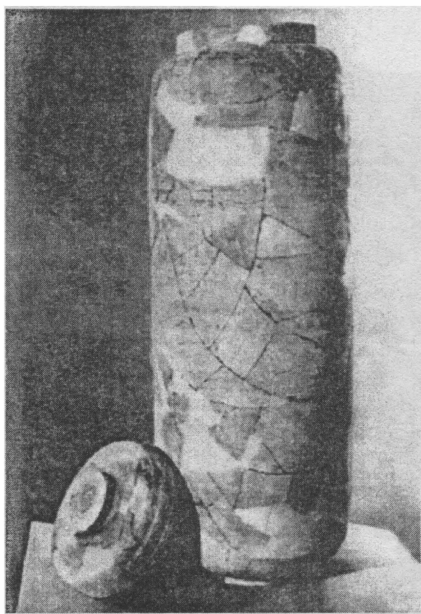
в день их число увеличивалось «благодаря появлению толпы утомленных жизнью пришельцев...» (Естественная история, V, 17, 73).

Интерес к этой группе значительно возрос после сенсационной находки в 1947 г. в одной из пещер Иудейской пустыни у северо-западного берега Мертвого моря, в районе Вадикумран, фрагментов древних рукописей. Открытие это было сделано случайно арабскими пастухами, которые и попытались их продать. Вокруг рукописей развернулась настоящая охота: они активно скупались коллекционерами, а часть из них попала в Иерусалимский университет, ученые которого сразу оценили древность и значение рукописей. Часть была куплена и затем нелегально вывезена митрополитом Афанасием, настоятелем сирийского монастыря святого Марка, в США. С 1948 г. разные ученые начали серию публикаций кумранских рукописей; была создана специальная международная комиссия по изучению свитков и организованы археологические раскопки как в пещерах, так и в окружающей местности Хирбет-Кумран, где были найдены остатки строений (в том числе помещение для переписки рукописей), водопровод, кладовые, кухня, хлебопекарня. По археологическим данным и найденным монетам поселение можно датировать примерно со II в. до н.э. и до 68 г. н.э., когда во время Иудейской войны оно было захвачено римским легионом (там найдены наконечники римских копий). К настоящему времени обследованы 11 пещер, где найдено несколько десятков тысяч фрагментов, относящихся к сотням рукописей, созданных в разное время (примерно от 250 г. до н.э. по 68 г. н.э.) — на древнееврейском, арамейском, греческом языках, по большей части написанных на пергаменте, а также на папирусах, относящихся еще ко времени до создания Кумранской общины (IV в. до н.э.). В ноябре 2001 г. международная группа исследователей во главе с израильским ученым Эммануилом Товом на торжественной церемонии в Нью-Йорке объявила, что закончена почти 50-летняя работа по расшифровке и переводу рукописей, и представила последний, 37-й том переводов.

Среди рукописей находились фрагменты библейских книг (кроме книг Эсфири и Неемии), а также книг, не являвшихся каноническими с точки зрения иудаизма, но входивших в Сеп-

Раскопки поселения в Хирбет-Кумране

Сосуд, в котором хранились рукописи кумранитов

туагинту (греческий перевод Библии III—I в. до н.э.), и арамейский перевод книги Иова. Можно говорить, что жители поселения в Кумране (как, вероятно, и другие иудеи) пользовались и считали священными разные, не вошедшие затем в канон, книги иудейской Библии. Наряду с ними дошли целиком или во фрагментах рукописи, созданные жителями поселения в районе Кумрана и отражавшие учение живших там сектантов и их организацию.

Не все найденные рукописи, по мнению некоторых ученых, принадлежат жившим рядом с пещерами людям (они были свезены в пещеры из библиотеки Иерусалимского

храма и других городов во время Иудейского восстания 66—70 гг.), однако многие из писаний отражают жизнь и учение замкнутой общины, похожей на ту, о которой писали древние авторы²⁴. Среди документов, созданных кумранитами, — *Устав общины*, «Война сынов света с сынами тьмы», *Комментарии на библейских пророков*, *Благодарственные гимны*, «Слова Моисея» и другие писания.

Существует достаточно обоснованная гипотеза, что первоначально сторонники ессеического учения не приняли политики династии Хасмонеев после обретения Иудеей независимости. Во II в. до н.э. они ушли в сирийский город Дамаск (фрагменты документа, обнаруженного в Дамаске и близкого к мировоззре-

---

²⁴ О Кумранской общине подробнее см.: Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983; Тантлевский И.Р. История и идеология Кумранской общины. СПб, 1994; Вейнберг Й. Введение в Танах. М., 2002. С.129—132; документы кумранитов в русском переводе опубликованы: Тексты Кумрана, выпуск 1. М., 1971; Тексты Кумрана. СПб, 1996.

нию ессеев, были найдены и в Кумране): руководителем этой группы был человек, называемый в рукописях *Учитель праведности* (или в другом переводе — *Праведный наставник*), его преследовал «Нечестивый жрец». По мнению ряда ученых, Учитель происходил из жреческой среды, но порвал со своим окружением²⁵. Затем члены этой общины вернулись в Иудею и удалились в пустыню. Они исповедовали иудаизм, но прервали отношения с Храмом, считая, что он был осквернен нечестивыми первосвященниками. Они называли себя Новым союзом (или Новым Заветом): поскольку древний договор (Ветхий Завет) с Богом был нарушен, кумраниты как бы заново заключили договор (союз) с Богом. Другие самоназвания, встречающиеся в рукописях: «нищие» — *эвионим* (впоследствии эбионитами-нищими называла себя группа христиан из иудеев, находившаяся в Палестине), «сыны света» — в противоположность «сынам тьмы», к которым они причисляли всех не примкнувших к ним людей. Встречаются и определения: «простецы», «немудреные», в отличие от профессиональных законоучителей («книжников» Нового Завета, против которых выступал Иисус). Следует заметить, что самоназвание *ессеи* они не употребляли, вероятно, выделяя себя в особую группу, хотя и близкую ессеям по духу.

Попасть в общину «сынов света», согласно уставу, было очень трудно. Члены ее стремились к обособлению от внешнего мира, чтобы «отделиться от людей Кривды». Желающие вступить в общину проходили под руководством старших испытательный срок в течение двух лет, затем его принимали по решению общего собрания общины. В уставе общины сказано, что имущество нового члена смешивается с имуществом общины и пользоваться им могут все. Члены секты обязаны были трудиться, посещать совместные трапезы (хотя насколько они были регулярны — неясно), изучать религиозные тексты, посвящая этому «треть ночи». В эти тексты входили не только библейские книги, многочисленные фрагменты которых найдены при раскопках, но и собственные писания кумранитов. Члены секты избегали общаться с внешним миром: они должны были «отделиться от людей кривды». Они считали, что Храм Яхве осквернен нечестивыми священниками; не признавали жертвоп-

---

²⁵ См.: Тексты Кумрана, 1996, Введение. С. 111–113.

риношений, совершавшихся в Храме. Для них дух святости был важнее, чем «мясо всесожжений». «Совершенство пути», то есть их жизни, было для них «даром благоволения» Бога. Кумраниты признавали Божие предопределение, как об этом говорилось в *Уставе* (III, 15 сл), но при этом считали, что человек может выбрать правильный путь, лишь присоединясь к «сынам света».

Важным обрядом в общине были ежедневные очистительные омовения, перед которыми каждый член секты должен был мысленно покаяться и избавиться от всех дурных мыслей и желаний. Руководили кумранитами двенадцать старейшин. В общине существовали строжайшие требования соблюдения организационных и вероучительных установлений. За нарушение их полагались различные наказания: сокращение пищевого довольствия, временное отлучение, изгнание из секты. Общение с изгнанником строжайше запрещалось. Если человек, «дух которого дрогнул», раскаивался, то он все равно нес наказание — отлучение на год; а на второй год во время общей трапезы он должен был сидеть позади всех. Эти суровые нормы показывают, что добиться так называемого равенства в условиях изоляции от окружающего мира можно было только путем жесткого давления на личность.

Неясен вопрос об участии женщин в общине. Поскольку члены общины проповедовали физическую чистоту, а древние авторы говорят только о членстве мужчин, можно было бы предположить, что женщин там не было. Однако наряду с захоронениями мужчин было открыто и меньшее по размерам, расположенное отдельно кладбище для женщин — возможно, к общине примыкали семьями, и женщины играли какую-то вспомогательную роль в ее жизни, не будучи полноправными членами. Не признавали кумраниты и калек: физическое уродство воспринималось как наказание Божие. У кумранитов был свой солнечный календарь, который отличался от принятого иудеями сложного календаря с солнечным годом и лунными месяцами.

По своим верованиям члены общины были, по существу, дуалистами, поскольку они считали, что земным миром правит Зло — Кривда, произошедшая из источника Тьмы, хотя и полагали, что Кривда тоже создана Богом. В уставе общины сказано: «В руках Князя Света власть над всеми сынами праведно-

сти, путями Света они будут ходить. А в руках ангела Тьмы власть над сынами Кривды, и путями Тьмы они будут ходить». Тьма должна быть побеждена. Главной целью людей, создавших эту общину, была подготовка к решающей борьбе сынов света с сынами тьмы, в результате которой сыны света одержат победу, наступит конец этого мира, установится царство справедливости. Эта война описывалась в специальном сочинении, где подробно определялись грядущие военные действия в течение сорока лет, построения армии сынов света, их тактика. Главными врагами названы киттии — под которыми подразумевались римляне, а также иноплеменники — их союзники. В свитке «Война сынов света против сынов тьмы» подробно описывается, как должны быть вооружены сыны света, что должно быть написано на значках их отрядов, как они должны быть построены — кумраниты готовились к реальной войне, но с помощью высших сил. Победа над сынами тьмы должна привести к Дню суда, когда воскреснут мертвые и Бог «искоренит всех идолослужителей и нечестивцев с лица земли», а спасение будет для «людей истины», исполняющих Закон, и наступит новый праведный мир. Литературе, созданной членами общины, свойственны аллегоричность, иносказания; особое место занимают комментарии к библейским пророчествам: они созданы применительно к представлениям о конце мира и роли кумранитов в борьбе против сил зла. Так, в *Комментариях на книгу Хавваку* (Аввакума) все сказанное в этой библейской книге и относящееся к Нововавилонской державе VI в. до н.э. трактуется как тайное предсказание событий, современных кумранитам: причем свои комментарии они также зашифровывали.

Особое место в учении кумранитов занимал основатель их общины, Учитель праведности, чьего имени мы не знаем. Этот человек, по мнению подавляющего большинства ученых, существовал реально; согласно кумранским сочинениям, его преследовал, как уже говорилось, «нечестивый жрец» — вероятно, какой-то из первосвященников. Историкам пока не удалось идентифицировать ни того, ни другого. Наиболее распространенная точка зрения, что Учитель праведности жил во II в. до н.э., конец его жизни неизвестен: предположение, которое было высказано некоторыми исследователями в начале изучения рукописей, что он был распят, в настоящее время, после

тщательного анализа рукописей, отвергнуто. Так же все меньше и меньше сторонников находит сближение образа Учителя с образами Моисея и Иисуса Христа, хотя некоторые черты восприятия Учителя праведности членами Кумранской общины могли повлиять на представления последователей Иисуса уже после конца Его земной жизни²⁶. Кумраниты верили, что их Учитель был одарен особой близостью к Богу и что он получил истину из уст самого Бога (поэтому они и претендовали на наименование Нового союза). Бог спасет членов общины «за их страдания и верность Учителю праведности». Победа над силами тьмы, нечестием и беззаконием невозможна, пока «в конце дней», во время войны с сынами тьмы не восстанет Учитель: другими словами они верили, что воскресение Учителя явится одним из решающих условий в их победе.

Возможно, Учитель праведности мыслился ими как Мессия. В рукописях говорится об ожидании помазанника Божия, который «познает тайны человека, его мудрость снизойдет на все народы... его власть над всеми живущими будет могущественной». Этот Мессия назван избранником Бога, порождением Его и духом Его дыхания. Насколько эти определения могли быть отнесены к Учителю праведности, не вполне ясно, возможно, существовала вера в приход особого Мессии (или даже двух — священнического и мирского²⁷) для устройства нового мира, но воскресение Учителя должно было сыграть решающую роль в победе сынов света. Важным аспектом этих верований было представление о наступлении конца мира в ближайшем будущем. Вера в помощь Мессии была не только связана с религиозным менталитетом именно кумранитов, но с осознанием большинства людей того времени невозможности победить Зло собственными силами.

В библиотеке Кумрана найден так называемый *Дамасский документ*, согласно которому в городах (не в пустыне) жили группы сектантов, близкие кумранским ессеям, имевшие свое имущество, но отчислявшие часть доходов в общий фонд. Они

---

²⁶ Нужно подчеркнуть, что новозаветные и близкие к ним по жанру Евангелия принципиально отличаются по жанру и целям от нарочито зашифрованных сведений об Учителе праведности.

²⁷ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 132.

также называли себя «Новый союз», ждали конца света, прихода Учителя праведности; для желающих вступить в союз также был введен испытательный срок.

Ессеи, хотя и были против ортодоксального иудаизма, принимали активное участие в восстании против римлян. Что стало с жителями поселений Кумрана — неизвестно; многих — тех, кто сражался с оружием в руках против римлян, вероятно, перебили; кто-то сумел временно скрыться в последнем оплоте восставших — крепости Масаде, где археологами найдены рукописи кумранского происхождения. Эта крепость после длительной осады была подожжена ее защитниками, а сами они покончили жизнь самоубийством. Часть ессеев попала в плен, римляне подвергли их пыткам, которые они стойко выдержали. По словам Иосифа Флавия, их провели через все орудия пыток, чтобы они возвели хулу на законодателя (имеется в виду их Учитель праведности или Моисей), либо отдали запрещенной пищи. Однако они не соглашались ни на то, ни на другое, никогда не заискивали перед мучителями и не плакали (Иудейская война, II, 8). Жестокость римлян указывает на активное участие этой группы, и кумранитов в том числе, в восстании. Те же из них, кто остались в живых, вероятно, как пленные прошли в триумфальном шествии победителя Тита, сына императора Веспасиана, по улицам Рима и были проданы в рабство. Может быть, кому-то удалось спастись...

Многие современные ученые полагают, что кумранское учение оказало огромное влияние на первых христиан. Представление о конце мира, о борьбе со Злом, мессианизм, резкие выступления против богатства, своеобразное переплетение представлений о предопределенности Богом всех событий и в то же время о возможности каждого человека выбрать правильный путь для спасения, — все это свойственно и ессеюскому, и христианскому движению. Характерно отношение к простоте, немудрости, «бедности духа» (ср. евангельское «нищие духом»²⁸). В известной мере можно говорить о совпадении и некоторых образов раннехристианской литературы с писаниями кумрани-

---

²⁸ Это выражение, которое в греческом тексте Нового Завета есть только в Евангелии от Матфея, по-видимому, является дословным переводом с арамейского (оно встречается в кумранских рукописях). Греческому языку такой оборот грамматически не свойствен.

тов, например, и в той и другой (в новозаветном Послании апостола Павла к евреям) встречается образ Мелхиседека, царя-жреца, царствовавшего, согласно 14-й главе Книги Бытия задолго до Давида, Мелхиседек должен отомстить за законы Бога (попрание их?). В Послании к евреям (т.е. иудео-христианам) Мелхиседек теологически сопоставляется с Христом, чтобы связать его учение с верованиями той группы, которой адресовано Послание. Резкое осуждение жертвоприношений также сближает христианство с идеологией кумранитов.

Ученые полагают, что с общиной Кумрана был связан и Иоанн Креститель, пришедший из пустыни и призвавший к очищению и священному омовению в реке Иордан (об Иоанне Крестителе рассказано не только в Новом завете, но и у Иосифа Флавия — см. ниже). Можно думать, что проповедник Иоанн, как и последователи Иисуса, не соглашался с закрытостью «сынов света» — он обличал власть имущих и проповедовал всему народу необходимость очищения и ожидание прихода Мессии. Есть точка зрения, что и Иисус во время своего пребывания в пустыне также познакомился с кумранитами. В то же время ряд комментаторов кумранских рукописей подчеркивают различие между есейством и христианством; как пишут авторы *Введения ко второму выпуску Текстов Кумрана*, «...несмотря на внешнее сходство деталей организации обоих обществ, на совпадающую иногда терминологию и некоторые схожие обрядовые формы, восходящие к религиозной практике иудаизма, — раннехристианская община и кумранская организация противоположны по духу и целям. Понятия искупления в христианском значении в Кумране, по-видимому, не существовало» (с. 20). Не разделяя такой категоричности в отрицании связи кумранитов и первых христиан, тем не менее можно сказать, что главным различием была вера в уже свершившийся приход Спасителя и Его искупительную жертву. Однако о том, что Иисус и Его ученики не просто знали учение кумранитов, но отдавали себе отчет в его значимости, свидетельствует скрытая полемика в Нагорной проповеди Христа с замкнутостью Кумранской общины: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5: 14—15). Та же мысль проводится и в найденном уже после Второй мировой войны Евангелии от Фомы: «То, что

ты услышишь своим ухом, возвещай другому уху с Ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника и не ставит его под сосуд и никто не ставит его в тайное место»²⁹. Приведенные речи, близкие друг другу не только по смыслу, но и по фразеологии, по-видимому, восходят к наиболее древней христианской традиции. Возможно, что влияние Кумрана сказалось в учении не столько самого Иисуса, сколько апостолов, особенно когда они стали создавать первые письменные произведения, используя обороты и образы иудейской, в том числе и сектантской литературы. Так, существует сходство между обнаруженным в библиотеке Кумрана иудейским апокрифом *Завещание 12 патриархов* и Евангелиями. В Завещании Иосифа: «...я голоден был, и Бог накормил меня; ... я болен был, и Бог навестил меня; я в темнице был, и Бог мой оказал мне милость; я в оковах был, и Он освободил меня» (1: 5—6); в Евангелии от Матфея: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня... был болен, и вы посетили Меня... в темнице был, и вы пришли ко Мне» (25: 35—36). Непосредственное влияние могли оказать и собственно кумранские рукописи, они были созданы раньше большинства новозаветных сочинений. В дальнейшем же, по мере становления христианства как мировой религии и отделения его от иудаизма, различия усиливались. Но можно согласиться с мнением И.Д. Амусина, автора монографии «Кумранская община», что кумранское учение сыграло своего рода «посредническую» роль между ортодоксальным иудаизмом и христианством. Учение кумранитов отражало идейные и религиозные поиски иудейского общества рубежа эр, когда жители Палестины столкнулись с мощным влиянием античной культуры, политическими конфликтами с внешним миром и идеологической борьбой внутри общества, формализмом ряда групп фарисеев (тоже одним из способов самосохранения иудеев), компромиссов с властью служителей храма. Уход сектантов в пустыню был одним из ответов на изменения в окружающем мире, но этот путь изоляционизма, по существу, был тупиковым. Идеи ессеев-кумранитов стали действительными, когда их восприняли прямо или через посредников люди, сделавшие проповедь конца мира и Царства Божия доступной всем.

---

²⁹ Евангелие от Фомы в переводе М.К. Трофимовой с подробными комментариями опубликовано в книге: Апокрифы древних христиан. М., 1989.

Глава 4

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА: ИИСУС И ЕГО УЧЕНИКИ

Изучение кумранских рукописей, как и свидетельства историков о религиозно-общественных группировках в Палестине, мессианских и эсхатологических чаяниях, позволяет представить себе социально-политическую и духовную ситуацию в Палестине, где зарождалось новое учение, пока еще в рамках иудаизма, но которому суждено было стать мировой религией. Однако дать детальное описание деятельности основателя этого учения и его первых последователей достаточно трудно, прежде всего из-за характера, хронологии и целей источников. Сведения о первых шагах христианства содержатся в разного рода сочинениях — Евангелиях (притом не только новозаветных), Посланиях, написанных либо апостолами, либо от их имени, Деяниях апостолов (как общих, включенных в Новый Завет, так и в не признанных Церковью деяниях отдельных апостолов), Апокалипсисах (откровениях). Часть из этих писаний группами верующих во II в. была собрана в Новый Завет, состав которого был утвержден как Священное Писание значительно позже, остальные Церковью были отвергнуты. Но все эти произведения были созданы в разных христианских общинах по крайней мере несколько десятилетий спустя после распятия Иисуса: примерно около полувека христианство распространялось благодаря устным проповедям и рассказам об Иисусе. Сам Иисус не только ничего не писал, но и не говорил о необходимости писаний. Для Него и его первых последователей священными были книги Библии — Закон и Пророки. Кроме того, первое поколение христиан верило, что конец света близок и что по существу писать не для кого. Слово «евангелие» — *благая весть*, не имело первоначально значения писаного произведения (см., например, у апостола Павла в Послании к галатам:

«Евангелие, которое я благовествовал...»). Кроме того, нужно иметь в виду, что христианские писания преследовали не воссоздание биографии Иисуса, а вероучительные цели (о возникновении этих писаний см. ниже в специальной главе). Сложность анализа такого рода источников заключается в том, что расхождения между ними или умолчания о тех или иных фактах не означают, что создатель Писания о них не знал, но выбирал то, что ему казалось наиболее значимым и что хотели узнать читатели или слушатели (вероятно, Евангелия читались на собраниях вслух). При этом намерения автора не всегда могли быть выражены адекватно; это зависело от его литературных способностей, знания обстановки, которую он описывал, от особенностей авторского изложения, порой содержавшего противоречия не столько от незнания, сколько от неточности выражений. Помимо сознательного отбора и интерпретации каждым автором тех или иных событий, существуют психологические особенности памяти, а также перехода устной традиции в письменную. Память человека не просто воспроизводит события, но творчески воссоздает их. При длительной передаче факт может перестать быть фактом, а фикция, напротив, восприниматься как факт. Устная традиция не неизменна, при передаче ее на письме может измениться последовательность изложения, тем более когда речь идет не об исторических, а о религиозных сочинениях. Разумеется, религиозная традиция (а такая традиция наиболее консервативна) сохранила нам наиболее важные события и поучения основателя христианства, но прежде чем стать почитаемой традицией в собственном смысле слова, прошло достаточное время, в течение которого шли споры между разными группами христиан и отдельными проповедниками.

Тем не менее мы, сочетая анализ как новозаветных Евангелий, так и евангелий, не признанных Церковью, постараемся извлечь данные о начальном становлении христианства, о людях, стоявших у его истоков. В частности, безусловно можно говорить о достоверности таких сообщений, которые восходят к наиболее древней традиции и повторяются всем кругом источников (как, например, связь Иисуса с Галилеей и Назаретом), соответствуют общей исторической обстановке и не несут специального назидательного или теологического смысла.

Что касается нехристианских источников, то наибольший интерес представляет проблема свидетельства о Христе Иоси-

фа Флавия, который ближе всех находился ко времени выступления Иисуса. В дошедшей до нас греческой рукописи «Иудейских древностей» (Флавий писал при римском дворе по-гречески, поскольку он лучше знал этот язык, чем латинский, а образованные римляне говорили по-гречески), в XVIII книге, есть пассаж, посвященный Иисусу. Однако большинство ученых считали слова Иосифа Флавия поздней вставкой христианского переписчика, поскольку историк называет Иисуса Христом и говорит о его воскресении уже как о факте, что кажется невероятным, поскольку автор был верующим иудаистом, близким к фарисеям, не говоря уже о том, что пленный еврей при дворе римского императора, разгромившего восстание в Иудее, не мог открыто признать кого бы то ни было мессией — помазанником Божиим. В другом месте Флавий мельком говорит о казни Иакова, брата Иисуса, называемого Христом (буквально: «о котором говорят, что он Христос»).

Вставка могла быть сделана в конце III — начале IV веков. Так, христианский писатель Ориген (род. в 185 г.) упрекал Иосифа Флавия в том, что тот не признавал Иисуса Христом³⁰, и церковный историк Евсевий, писавший в IV в., цитирует эту вставку из Флавия. Поэтому с начала XX в. в науке существовала теория, согласно которой переписчик сделал вставки не на пустом месте, а лишь исправил первоначальный текст Флавия, включив в него благочестивые фразы. Однако восстановить этот текст долго не удавалось.

В 1971 г. израильский ученый Ш. Пинес опубликовал и исследовал средневековую рукопись на арабском языке, написанную христианским епископом Агапием³¹. В его сочинение (оно называлось «Всемирная хроника», но касалось главным образом истории христианства) было включено много цитат

³⁰ «Против Цельса», I, 47 и «Комментарии на Евангелие от Матфея», 10, 17.

³¹ Pines Sh. An Arab Version of Testimonium Flavianum and its Implications. Jerusalem, 1971. Интересно, что в начале XX века часть этой рукописи с французским переводом опубликовал профессор Тартуского университета А. Васильев. Но он не обратил внимания на приведенную там цитату из Флавия, и его публикация была забыта (см.: Амосин И.Д. Об одной забытой публикации профессора Александра Васильева // Амосин И.Д. Проблемы социальной структуры общества древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н. э.). М., 1993; подробно это свидетельство рассмотрено в сб.: Иисус Христос в документах истории. Сост. Б.Г. Деревенский. СПб., 1999. С. 122—126.

разных авторов об Иисусе, в том числе место из Иосифа Флавия с прямым указанием на авторство последнего («Равным образом об этом повествует Иосиф иудей»). Сравнение греческого и арабского текста свидетельствует, что Агапий пользовался какой-то другой, не дошедшей до нас рукописью, вероятно, передававшей смысл подлинных слов Иосифа Флавия. Попробуем сопоставить оба текста:

перевод с греческого:

В то время жил Иисус, мудрый человек, если вообще Его можно назвать человеком. Он совершал вещи необыкновенные и был учителем людей, которые с радостью воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов (в значении язычников). Он и был Христом. И когда Пилат приговорил Его по обвинению наших старейшин к распятию, те, кто с самого начала возлюбили Его, остались Ему верны. На третий день Он явился им снова живой, ибо пророки Божьи предсказывали это и многие другие чудеса о нем...

перевод из Агапия:

В это время жил мудрый человек, которого звали Иисусом. Образ жизни Его был достойным, и Он славился своей добродетелью. И из иудеев многие стали Его учениками. Пилат приговорил Его к распятию и смерти. Но те, кто стали Его учениками, не отреклись от Него. Они сообщили, что на третий день после распятия Он явился им и Он был живым. Полагают (или возможно), что Он был Мессией, о котором пророки предсказывали чудеса.

(Перевод И. Д. Амусина)

Цитаты, приведенной Агапием, явно не коснулась рука переписчика; сравнение отрывков показывает, что действительно благочестивый христианин в греческом тексте «подправил», а не выдумал слова историка, стремившегося быть объективным. Для него Иисус — добродетельный человек, в которого последователи поверили как в Мессию; нет слов и о том, что Иисус проповедовал истину. Для христианина же начала IV в. Иисус был Сыном Божиим, воплощенным Словом Божиим (может быть, этот переписчик вообще не признавал человеческой природы Христа). Вставлены слова и о роли иудейских старейшин (в соответствии с евангельскими рассказами). Можно полагать, что Агапий близко к тексту перевел на арабский язык отрывок из «Иудейских древностей», не делая никаких вставок.

В «Анналах» Тацита упоминаются христиане, существовавшие в Риме при Нероне. Тацит отзывался о них резко отри-

цательно: «...кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат» (XV, 44). Римский историк Светоний в биографии императора Клавдия пишет, что тот изгнал из Рима иудеев, волнуемых Хрестом (возможно, Хрест — латинская передача греческого Христос). Эти сведения, как и сообщения других римских авторов II в., важны для изучения распространения христианства в империи, но они мало говорят о начальном периоде нового учения, поэтому мы остановимся на них в рассказе о жизни христиан уже после распятия Иисуса.

Существует и иудейская версия возникновения христианства — она изложена в сочинении противника христиан писателя II в. Цельса «Правдивое слово». Целиком это сочинение до нас не дошло, но подробное изложение его с цитатами дает Ориген, написавший специальное произведение «Против Цельса»³². Согласно рассказу Цельса, ссылавшегося на иудеев, Иисус был сыном бедной пряжи Марии. Ее мужем был плотник, но родила она Иисуса не от него, а от беглого римского солдата по имени Пантера. Иисус был поденщиком в Египте, научился там колдовству и, вернувшись, объявил себя богом. Раздобыв себе «самых отпетых» людей, он бродил по Палестине. Когда иудеи его обличили и приговорили к казни, он скрывался в бегах и был захвачен, преданный своими учениками. После казни ученики украли его тело. Об Иисусе содержатся сведения и в Талмуде, в основном соответствующие тому, что написано у Цельса: Иисус бен-Пандира (сын Пандиры) был сыном чесальщицы Марии и Пандиры — ее любовника. Этот Иисус (предполагают, что он назван там еще Бен-Стада: хотя, возможно, это не одно и то же лицо) научился в Египте магии. Его побили камнями и повесили накануне пасхи. Пользоваться этими сведениями нужно с большой осторожностью, поскольку в значительной части они представляют собой лишь перевернутую христианскую традицию с добавлением тенденциозных деталей (как, например, то, что Иисуса по решению иудеев побили камнями). Версия, выдвинутая Цельсом, в дан-

---

³² Русский перевод отрывков из Цельса, приводимых Оригеном, см.: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1990.

ном случае преследует цель показать, что против Иисуса выступили верующие иудеи (побивать камнями должно было множество людей), что эта казнь была чисто иудейской и был он не распят по римскому обычаю живым, а повешен на древе (кресте) уже после смерти, как было принято у иудеев, тем самым Понтий Пилат вообще не причастен к смерти Иисуса. Также евангельский рассказ о предательстве одного ученика — Иуды заменен предательством учеников (всех или многих?). Другими словами, движение, связанное с именем Иисуса, Цельс или его информаторы-иудеи стремились представить действием маленькой группы людей, не имевших большого числа сторонников, да к тому же еще скрывавшихся от правосудия. Возможно, такая же уничижительная деталь — профессия матери Иисуса. Женщины, зарабатывавшие на жизнь своим трудом, не пользовались уважением в Древнем мире, а пряжи и чесальщицы шерсти не уважались вовсе. Однако нельзя исключить, что упоминание этих профессий Марии отражает реальное положение вещей: в небольшом городке Назарете должно было существовать мелкое производство, как полагают многие исследователи экономического положения Палестины, а одинокая женщина вряд ли могла заработать на жизнь более квалифицированным трудом. О том, что Мария в период активной деятельности Иисуса была одинока, можно судить на основании Евангелия от Марка, где сказано, что, когда Иисус с учениками пришел в Назарет, жители этого городка говорили: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» (6: 3). Нельзя не отметить также, что, при всей антихристианской направленности, Цельс не подвергает сомнению саму деятельность Иисуса и конфликт Его с руководящим жречеством Иерусалимского храма.

Используя все возможные сведения из разных источников, как христианских, так и нехристианских, можно попытаться восстановить наиболее вероятную картину выступления Иисуса и особенности его проповеди. Вся социальная и религиозная ситуация в Палестине способствовала появлению еще одной религиозной группы в рамках иудейской религии. Одним из проповедников, сыгравших роль в становлении этой группы, был Иоанн, о котором сообщал Иосиф Флавий и который в Евангелиях назван Крестителем (по-гречески *Βαντιστος*, от

глагола *βαπτίζω* — погружать в воду). Иоанн Креститель начал свою проповедь в Иудейской пустыне; согласно Евангелию от Луки (1: 80), Иоанн находился в пустыне «до дня явления своего Израилю». Подавляющее большинство ученых считают, что Иоанн был связан с кумранской общиной. Но, в отличие от кумранитов, его проповедь стала открытой; можно предположить, что, разделяя многие идеи кумранских ессеев, он выступил против закрытости общины и ушел из нее (или, может быть, был изгнан). Согласно новозаветным Евангелиям Иоанн говорил о скором явлении Мессии, который уничтожит все зло на земле: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь... лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3: 10, 12). Фарисеев и саддукеев он называл «порождением ехидниным» (такую же неприязнь испытывали к фарисеям кумраниты). Интересно, что один и тот же текст из Книги пророка Исаяи приведен в уставе кумранской общины («В пустыне приготовьте путь Яхве, равняйте в степи дорогу для Бога нашего») и в Евангелии от Матфея, где ее провозносит Иоанн: «...глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте пути Ему» (Мф. 3: 3).

Иоанн вел аскетический образ жизни. В новозаветных Евангелиях сказано, что он носил одежду из верблюжьего волоса с кожаным поясом, а питался он акридами (т.е. саранчой) и диким медом (Мф. 3: 4; Мк. 1: 6). Правда, в так называемом Евангелии эбионитов («нищих»), созданном достаточно рано иудео-христианами, сказано, что он питался диким медом, вкус которого был подобен вкусу манны и медовым лепешкам в масле³³. Сопоставление с манной — пищей, которую, согласно библейской легенде, Бог послал с неба «сынам израилевым», когда они скитались по пустыне (Исход, 16: 15), содержит скрытую параллель с Божиим даром и как бы подчеркивает избранность Иоанна.

---

³³ Об иудео-христианских евангелиях см. ниже. Дикая мед, имеющий вкус манны, был, по-видимому, не медом пчелиным (вряд ли в каменистой пустыне Иоанн мог собирать мед), а каким-то древесным соком. В греческом языке саранча (акриды) и лепешки (еккриды) имеют похожее звучание. Что на самом деле ел Иоанн — сказать трудно.

Иоанн призвал народ перед приходом Мессии очиститься и покаяться в грехах. Выражением такого очищения должно было служить ритуальное омовение («крещение») в реке Иордан. Иосиф Флавий (XVIII, 5, 2) писал, что Иоанн убеждал людей вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми и благочестивыми, собираться для омовения. Омывание должно служить для освящения тела после очищения души благодаря праведности. Многие стали стекаться к проповеднику, «учение которого возвышало их души». В отличие от кумранитов, совершавших регулярные ритуальные омовения, Иоанн, веривший в скорый приход Мессии, призывал к единовременному очищению перед Его явлением и концом мира зла.

Судьба Иоанна была трагична. Ирод Антипа, правитель Галилеи, по словам Иосифа Флавия, стал опасаться, как бы его (Иоанна) огромное влияние на толпу не привело к каким-нибудь осложнениям. Поэтому тетрарх приказал схватить его, заковать, а затем и казнить. Согласно новозаветным рассказам, Иоанн выступил против самого Ирода Антипы и его жены Иродиады, обвинив их в кровосмесительном браке: Ирод отобрал у своего брата его жену Иродиаду и сам женился на ней. Существует легенда, что Ирод долго не решался казнить схваченного пророка. И вот во время пира дочь Иродиады Саломея (в Евангелии от Матфея — 14: 4—11 — имя дочери не названо, но оно фигурирует в средневековых легендах) танцует для своего отчима. Восхищенный ее танцем Ирод обещает выполнить любое ее желание. Тогда Саломея, по наущению матери, требует подарить ей голову Иоанна Крестителя, и Ирод вынужден его казнить. Как сказано в Евангелии от Матфея: «И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей». Иоанн не был одинок, около него существовала группа учеников (они упомянуты в Евангелии от Матфея — 9: 14), которые вслед за своим учителем проповедовали аскетизм, они же и похоронили казненного Иоанна.

Согласно всем евангелиям — и новозаветным и внеканоническим, одним из принявших омовение в водах Иордана был Иисус (Иешуа) из Галилеи. Мы мало знаем о предшествующей крещению жизни Иисуса, поздние рассказы в так называемых «евангелиях детства» малодостоверны (созданы они не раньше второй половины II в.), в том числе о месте и времени

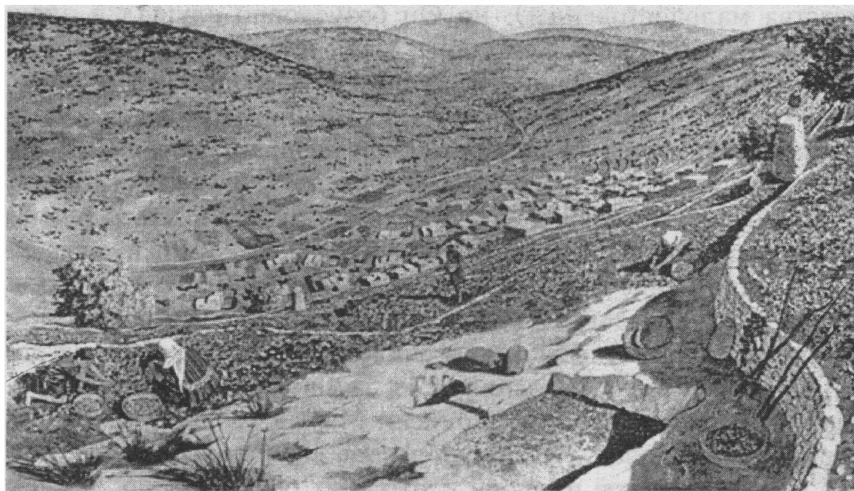
Его рождения. О Его рождении повествуют только Евангелия от Матфея и Луки; Евангелие от Марка, как и ранние иудео-христианские евангелия, начинает рассказ с появления Иоанна и крещения. Историки могут сомневаться в том, что Иисус действительно родился в Вифлееме во время переписи населения, проводимой римлянами. Перепись время от времени проводилась властями в налоговых целях, но регистрация должна была проводиться по месту жительства. Как замечает современный историк Дж. Кроссан, отправление к месту, где жили предки (замечу — даже не родители), а затем возвращение домой при мобильности населения в I в. вызвало бы «бюрократический кошмар»³⁴. Вифлеем был связан с памятью о царе Давиде, из рода которого должен был произойти Мессия и где, согласно пророчеству, он должен родиться (цитата из пророка Михея приведена в Евангелии от Матфея: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля — Мф. 2: 6). Поэтому неудивительно, что евангелисты назвали местом рождения Иисуса именно Вифлеем, тем более что они мало знали о Его жизни, предшествовавшей крещению. Однако версия о Назарете, где жила семья Иисуса (и, вероятно, родился Он сам) не вызывает сомнений: этот городок был столь незначителен, что не упоминается даже в Ветхом Завете. Некоторые историки начала прошлого века полагали, что в I в. Назарета еще не существовало. Но археологические раскопки обнаружили следы поселения на территории Назарета, восходящие к первым векам до нашей эры. Была также найдена надпись, где были перечислены места расселения жречества после разрушения Иерусалима римлянами в 70 г. Среди этих мест назван и Назарет (Нацерет). Для вероучительных целей Назарет не имел значения, поэтому версия об Иисусе из Назарета кажется вполне достоверной. Согласно стойкой традиции, отраженной как в евангелиях, так и в сочинениях апологетов (в частности, у христианского писателя II в. Юстина), Иисус происходил из семьи плотника и, вероятно, в юности занимался плотничьим ремеслом (в Евангелии от Марка — «не плотник ли Он...»). Согласно «Апологии» Юстина, Иисус де-

---

³⁴ Crossan J.D. Jesus: A Revolutionary Biography. San Francisco, 1995. P. 20.

лал орала — сельскохозяйственные орудия, т.е. Он был мелким ремесленником (или сыном такового), связанным с деревенским производством. Такими ремесленниками становились, как правило, разорившиеся земледельцы, которых в Галилее было довольно много в связи с урбанизацией, особенно интенсивно проводившейся Иродом Антипой. Мелкие ремесленники в большинстве провинций Римской империи составляли низкий слой населения, промежуточный между земледельцами и люмпен-пролетариями. Семья Иисуса была достаточно большой, новозаветные Евангелия перечисляют поименно четырех братьев и, кроме того, — без имени — сестер. Его брат Иаков впоследствии играл руководящую роль в Иерусалимской общине; о преследовании римскими властями за принадлежность к христианам внуков брата Иисуса Иуды говорит Евсевий Кесарийский. У христианских писателей II—IV вв. степень родства с Иисусом его братьев и сестер вызывала споры и разные предложения, связанные с тем, что складывалось почитание Марии, которая должна была сохранить свою девствен-

Назарет I в. н.э. представлял собой деревню, где около двух сотен крестьян преимущественно возделывали виноградники. Реконструкция

ность после рождения Иисуса. У первых евангелистов такой проблемы не существовало, как не было и культа Его матери. В Евангелии от Матфея Иисус назван первенцем Марии (1: 25). Со II в. в *Евангелиях детства* и *Истории о рождении Марии* (так называемое *Протоевангелие Иакова*) Иаков и другие дети выступают как сыновья Иосифа от первого брака; такой же точки зрения придерживался и Ориген. Другой Отец церкви, Иероним считал, что речь в Новом Завете идет о двоюродных братьях и сестрах Иисуса. Эта позиция господствует в ортодоксальных христианских церквях (хотя греческое слово *адельфой* — «братья» относится прежде всего к братьям по крови). В любом случае, Иисус рос в окружении большого круга родных, хотя, если судить по евангельским рассказам, начав свою проповедь, не признавал их. Так, в Евангелиях от Марка и от Матфея говорится, что, когда во время проповеди Иисуса Его позвали стоявшие снаружи «Мать и братья Его»³⁵, Он ответил: «...кто мать Моя и братья Мои? И, обзрев сидящих вокруг себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои (Мк. 3: 32—34; Мф. 12: 46—49). В Евангелии эбионитов Иисус называет матерью, братьями и сестрами своих учеников. Мы не знаем, учился ли Иисус в школе (поздние рассказы Евангелий детства мало достоверны), но Он безусловно слушал и знал тексты Библии. Хотя некоторые ученые считают Иисуса неграмотным, но обладавшим блестящими способностями устного изложения и даром внушения (как, например, тот же Дж. Кроссан); вероятно, в Назарете были люди, обучавшие основным грамоты, скорее всего, древнееврейской и арамейской.

Проблема даты рождения Иисуса не имеет четкого решения. Традиция, восходящая к Евангелию от Матфея, связывает его рождение с правлением царя Ирода. Но Ирод умер в 4 г. до н.э. Если доверять традиции, то Иисус, как сейчас полагают не только ученые, но и многие богословы, родился до 4 г. до н.э. Год его рождения (27-й год правления императора Августа) вычислил монах Дионисий Малый только в VI в.; он ошибся в датировке. Что касается дня Его рождения — 25 декабря, то в Римской империи в этот день был праздник зимне-

---

³⁵ Любопытно заметить, что вряд ли с матерью Иисуса пришли Его двоюродные братья, скорее всего, евангелисты подразумевали родных или сводных братьев.

го солнцестояния, посвященный дню рождения божества «Непобедимое Солнце» (культ его возник под влиянием почитания Митры). С IV в. после признания христианства императором Константином почти все христиане стали отмечать в этот день Рождество Христово.

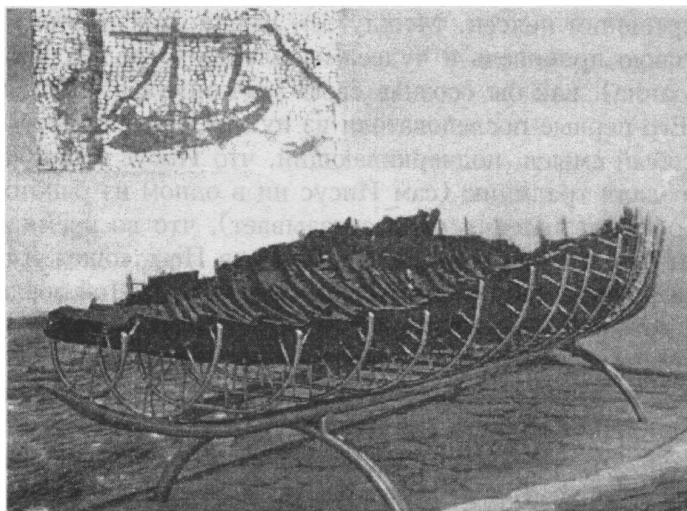
Крещение Иисуса в Иордане Иоанном представляется современным исследователям безусловным фактом; с точки зрения складывающегося представления о воплощенном Слове Божиим (Евангелие от Иоанна) и рожденном от непорочного зачатия Сыне Божиим (Евангелия от Матфея и Луки), ритуальный смысл акта крещения неясен. Между тем именно после этого Иисус начал свою проповедь и чудеса исцеления (отдельно от учеников Иоанна), как бы осознав свою значимость и благодать Божию. Его первые последователи из иудеев придали акту крещения особый смысл, подчеркивающий, что Иисус выше Иоанна. Они создали традицию (сам Иисус ни в одном из ранних евангелий об этом явлении не рассказывает), что во время крещения Он был признан свыше Мессией: на Него сошел Дух Святой³⁶, а Голос с неба возвестил Ему: «Ты Сын Мой возлюбленный, в котором Мое Благоволение» (так сказано в самом раннем новозаветном Евангелии от Марка — 1: 11). Удаление Иисуса в Иудейскую пустыню после крещения — также, возможно, традиция, основанная на реальном событии: некоторые историки предполагают, что Иисус, вслед за Иоанном, знакомился там с учением кумранитов и, может быть, подвергался испытаниям (искушениям — как об этом пишут Евангелия). Согласно евангельским рассказам, Иисус начал свою проповедь в Галилее после ареста Иродом Антипой Иоанна, но не в Назарете, где, судя по дальнейшим событиям, его не приняли, а в городе Капернауме, расположенном на берегу Генисаретского озера, а также в его окрестностях. Он собрал около себя группу последователей, в основном из низших слоев населения. В новозаветной традиции имена двенадцати ближайших спутников Иисуса приводятся с некоторыми различиями: это прежде всего Симон, по прозвищу Петр (греч. «камень»), его брат Андрей, братья

---

³⁶ В синодальном переводе (Мк. 1:10) сказано: «И когда выходил из воды, увидел Иоанн — разверзающиеся небеса и Духа как голубя (голубки в греческом тексте); сходящего на Него»; слово *Иоанн* здесь является вставкой. В греческом подлиннике его нет, там вся фраза, очевидно, относится к Иисусу.

Иоанн и Иаков, прозванные сынами грома, Матфей, Варфоломей, Левий Фаддей (в списке Евангелия от Луки его нет, а есть Иуда, сын Иакова), Фома, прозванный, по сообщению Евангелия от Иоанна, Дидимом (греч. «Близнец»), Филипп, Иаков Алфеев (т.е. сын Алфея), Симон Зелот (или Кананит) и Иуда Искариот. Интересно, что кроме имен апостолы носили разные прозвища (вероятно, отсюда произошли и разночтения в их именах, особенно тех из них, о которых в дальнейшей истории было почти ничего неизвестно). Среди имен сподвижников

Галилейская лодка. I в. н.э

Иисуса встречаются чисто греческие — например, Филипп, Андрей (правда, последнее могло быть прозвищем — Андрей означает «мужественный», и воспринималось его близкими как имя). Что касается распространенного греческого имени Филипп, то так звали и одного из сыновей царя Ирода. (Может быть, апостол Филипп был назван по примеру царя и вообще еврейского имени не имел. Имя Фома, как отмечает исследовательница Деяний Фомы Е. Мещерская, семитского происхождения, производное от глагола «раздваиваться»³⁷, по существу,

³⁷ Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. М., 1996. С. 69.

прозвище Дидим-Близнец было греческим пояснением его имени.) Само смешение имен и прозвищ говорит о том, что эти люди не были связаны жестко с ортодоксальным иудаизмом; мы не знаем, насколько все они знали греческий (Петр, согласно церковной традиции, нуждался в переводчике), но ощущение этнокультурной смешанности населения, прежде всего в городах, отсутствие жестких семейно-родовых традиций, особенно в имянаречении, среди людей, противопоставлявших себя верхушке иудейского общества, приводили к появлению имен

Геннисаретское озеро

разного происхождения и греческих прозвищ. Некоторые прозвища, согласно новозаветным Евангелиям, были даны самим Иисусом, тем самым Он как бы определял их место в своем движении. Правда, в Евангелии евреев просто сказано, что прозвище Симона было Петр. Такая ситуация с именами и прозвищами не случайна для Нижней Галилеи: ее жители сравнительно поздно приняли иудаизм (в Книге пророка Исайи она названа «языческой»), коренные иудеи презирали галилеян, которые испытывали не только гнет римского владычества, но и духовное давление иерусалимского жречества и законоучителей.

Социальный состав учеников Иисуса можно определить только с долей вероятности. По берегам Генисаретского озера (Галилейского моря) располагались рыбацьи поселки, центром их была Магдала. Среди апостолов Петр и Андрей, а также Иоанн и Иаков названы рыбаками: Иисус призвал их, увидев, как они ловят в озере рыбу. Однако Петр жил не в рыбацьем поселке, а в Капернауме, где у него был дом, упомянутый мельком и в новозаветных, и в иудео-христианских евангелиях (сакрального значения этот факт для евангелистов, безусловно, не имел) и где жила его семья. Петр был женат, хотя о его жене мы ничего не знаем, но, во всяком случае, у него была теща, которую излечил Иисус (только поэтому она и упомянута — Мк. 1: 29; Лк. 4: 38). Согласно Евангелию эбионитов Иисус именно в доме Петра собрал избранных учеников и объявил их двенадцатью апостолами³⁸. Можно предположить, что для Петра и его брата рыболовство было подсобным делом, так как в городе не хватало заработков. Иоанн и Иаков, согласно традиции, были потомственными рыбаками — с ними рыбачил и отец. Легкость, с которой спутники Иисуса бросали свои дома и семьи, может косвенно свидетельствовать о том, что они не были связаны ни с земледелием, ни с каким-то постоянным делом: именно такие люди готовы были страстно поверить в избавление от страданий и нищеты в Царстве Божиим. Среди первых спутников Иисуса традиция называет сборщика податей Матфея. Сборщик податей вряд ли был очень бедным человеком, но это занятие презирали во всех провинциях и особенно, можно полагать, в Палестине, с резко выраженными антиримскими настроениями в народе. Насколько достоверно предание о занятии Матфея, мы с определенностью судить не можем, но характерно, что в представлении первых христиан Иисус привлекал на свою сторону именно презираемых обществом людей, и не только бедняков. К Иисусу примкнул и выходец из группировки zelotim, вероятно, после разгрома восстания Иуды Галилеянина разочаровавшийся в насильственных методах борьбы. Важно также было отношение Иисуса к женщинам: по преданию, Он захо-

---

³⁸ Число двенадцать было священным для иудеев, таково было число колен Израилевых.

дил в дом сестер Марты и Марии. Он позволил блуднице омывать свои ноги дорогим благовонием, сказав в ответ на возмущение правоверных иудеев: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 37—47); среди тех, кого исцелял Иисус и кто следовал за Ним, были женщины — вплоть до Его казни.

Иисус и его спутники, бросившие свои занятия и семьи, бродили по Галилее, обходя большие города; они никогда не заходили в Тибериаду и в Сепфорис, который даже ни разу не упомянут в Евангелиях. Неприязнь к большим городам была характерна для низов галилейского населения, тем более к городам, которые были связаны с правлением Ирода Антипы, убившего Иоанна Крестителя. Если доверять христианской традиции, Иисус проповедовал главным образом на границах с финикийскими городами Тиром и Сидоном (но не заходил в них), в районе греческого Десятиградия, в Капернауме и небольших соседних городках и деревнях, откуда к Нему сходились слушатели, увлеченные проповедью о скором наступлении Царства Божия.

Деятельность Иисуса имеет много общего со странствующими учителями — рабби, которые проповедовали в синагогах. Так как местом почитания Яхве был только Иерусалимский Храм, то по всей Палестине и за ее пределами местом собраний верующих иудеев были синагоги (от греческого слова *синагоге* — собрание, сходка). Для синагог строили специальные здания, но в маленьких местечках верующие могли собираться и в частных домах. Главная задача синагоги — религиозное обучение, там читали священное писание — Пятикнижие и книги пророков, произносили проповеди и молитвы. Поскольку разговорным языком был арамейский, то рядом с чтецом обычно стоял «толмач», переводивший с древнееврейского на арамейский (поэтому для Иисуса было естественным цитаты из Библии произносить по-арамейски). Проповеди были важнейшей составной частью молитвенного собрания иудеев, они создавали эмоциональный настрой, в них часто использовались притчи (*машал*), которые, как правило, носили назидательный характер и были посвящены социальным и этическим проблемам. Притча входила в распространенный в то время литературно-фольклорный жанр: это образная иллюстрация, по сло-

вам С. С. Аверинцева, назидательной морали, иногда с иносказанием³⁹. Многие проповедники, выражавшие оппозиционные настроения, выступали в синагогах и частных домах. Иисус также проповедовал в синагогах, частных домах и просто под открытым небом. Он явно избегал конфронтации с властями, хотя резко выступал против богатства и земельной собственности, что могло вызвать недовольство не только зажиточных людей, но и владельцев земельных участков. Ни христианская, ни антихристианская традиция не дает оснований считать Его вождем какой-то мятежной группировки, как это делают некоторые историки, начиная с Карла Каутского считавшего, что Иисус готовил нападение на Иерусалим. В 1995 г. с такой оценкой Иисуса выступил Дж. Кармайкл: он утверждал, что первоначальная проповедь Иисуса была мирной, а затем, порвав с Иоанном Крестителем и его учениками, Он решил перейти к вооруженным действиям, захватив Храм, что и послужило основанием для синедриона вынести ему смертный приговор⁴⁰. Упоминание одного зелота в числе двенадцати апостолов Евангелия от Луки, наличие мечей у апостолов не может служить достаточным доказательством связи Его с зелотами, стремления к мятежу и сопротивлению римским властям, как и изгнание торговцев из Иерусалимского Храма (о чем будет сказано ниже). Участие в насильственных действиях противоречит всему, что известно нам о проповедях Иисуса. В сообщениях о спутниках Иисуса нет следов какой-либо организации; в Своих поучениях Иисус призывал к тому, чтобы среди учеников не было первенствующих. Отношения между ними Он противопоставляет политической власти, когда «князья народов господствуют над ними... Но между вами да не будет так» (Мф. 20: 25—26); за Иисусом следовали все, кто хотел. Кроме того, как мы знаем из Иосифа Флавия и сообщений римских историков о мятежах в провин-

---

³⁹ Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. М., 1983. С. 507—508.

⁴⁰ Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 338. Ср.: Кармайкл Дж. Разгадка возникновения христианства. Светская версия. М., 2002. Возражения против общей концепции вооруженного мятежа высказал крупнейший исследователь библейских текстов Дж. Барлетт, указав на несоответствие ее всей христианской традиции (Bartlett J.R. The Bible. Faith and Evidence, British Museum Press. 1994. P. 194).

циях, наместники вряд ли ограничились бы казнью только одного предводителя.

Первоначальное содержание всех Его проповедей восстановить трудно; для этого исследователи сопоставляют христианскую традицию, отраженную как в новозаветных, так и в ранних внеканонических евангелиях (в том числе и в записях так называемых речений Иисуса, найденных в Египте). Одна из основных идей Иисуса — скорый конец этого мира и установление Царства Божия («Царствие небесное» в Евангелии от Матфея; в греческом тексте — «Царствие небес», т.е., по существу, то же самое, что Царство Божие на земле) и подготовки людей к приходу этого Царства. В самом раннем каноническом Евангелии от Марка сказано: «...нет никого, кто не оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия (т.е. благой вести. — *И. С.*) и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (10: 29–30). Из этих слов следует, что Иисус призывал отречься не только от богатства (конкретно — бросить земли), но и от семейных связей, что сделал Он сам и Его ученики. Но взамен отречения Иисус обещал во сто крат большие дары. Было ли обещание этих даров своего рода аллегорией жизни в преображенном после Страшного суда мире, с точностью сказать трудно, но Его последователи могли воспринять эти слова буквально. Так, представление о том, каким будет Царство Божие, отражено в сочинении Папия (первая половина II в.), написавшего, по словам Ириней (в сочинении «Против ересей»), «Изъяснение Господних изречений», а также в рассказах пресвитеров (старейшин). Согласно этим рассказам, на земле будут расти целые виноградные деревья по 10 тысяч лоз каждое, и на каждой лозе по 10 тысяч прутиков, и на каждом прутике по 10 тысяч ягод, и когда святой захочет сорвать лозу, другая будет громко просить сорвать ее, так как она лучшая. И пшеница будет по 10 тысяч зерен, прекратится вражда между животными, и все они будут послушны людям. «Когда же Иуда предатель не поверил Ему (цитирует далее Папия Ириней) и спросил, каким образом сотворится подобное изобилие произрастаний, Господь сказал: «Это уви-

дят те, кто достигнет тех времен» (Против ересей, XXXV, 33). Подобные представления не обязательно основывались на подлинных словах Иисуса, но они показывают, что Его слушатели действительно верили в произнесенное обещание получить во сто крат больше и преобразовали в мечту о материальном изобилии, которого они были лишены в своей реальной жизни. Этот рассказ восходит к устной традиции, поскольку Папий собирал воспоминания старцев, которые сами слышали Иисуса или Его учеников.

Для достижения Царства Божия необходимо было духовное очищение и отказ от материальных благ. Выпады против богатства пронизывают самые ранние писания христиан и повторяются в разных евангелиях. Так, в Евангелии евреев было написано: «Много братьев, сынов Авраамовых, покрыты грязью и умирают с голоду, а твой дом полон богатства, и ничего достойного не переходит к ним», а знаменитая фраза: «...удобнее верблюду пройти в игольные уши, нежели богатому войти в Божие Царствие» приведена и в этом и в канонических Евангелиях (Мф. 19: 24; Мк. 10: 25).

Вероятно, к подлинным речениям (во всяком случае, к самым ранним их записям) восходят слова из Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея, аналогии которым можно найти и в Евангелии от Луки, и в Евангелии от Фомы, открытом в Египте: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5: 3–6); у Луки: «Блаженны нищие духом⁴¹, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь» (Лк. 6: 20–21); «Иисус сказал: Блаженны бедные, ибо ваше — Царствие Небесное... Иисус сказал: Блаженны вы, когда вас ненавидят и преследуют. И не найдут места там, где преследовали... Иисус сказал: Блаженны голодные, ибо чрево того, кто желает, будет насыщено» (эти речения в Евангелии от Фомы приведены в разных местах; 59, 72, 73). Использование этих речений показывает, что

---

⁴¹ В синодальном переводе добавлено слово «духом», в греческом подлиннике этого слова у Луки нет.

первоначально они не входили в единый блок Нагорной проповеди Христа, но память учеников донесла их с некоторыми вариациями (что обычно для устной передачи) как часть важнейших высказываний Учителя.

Бедность, несчастья, связанные с непризнанием окружающих, не были единственными основаниями для спасения. Хотя группа последователей Иисуса не выступала против установлений ортодоксального иудаизма так резко, как кумраниты (Иисус признавал суд синедриона, необходимость уплаты денежных взносов в пользу Храма), очень важны были Его выступления против формального соблюдения всех деталей ритуала. Для Его проповедей были характерны требования прежде всего духовного, а не физического очищения. Наиболее ярко это выражено в отрывке из неизвестного евангелия, найденного в Египте (папирус первой половины II в.)⁴²: Иисус говорит жрецу, упрекавшему Его и учеников, которые вошли, не омывшись, во двор Храма: «Ты омылся в стоячей воде, в которой собаки и свиньи лежат день и ночь... Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, мы омылись в живой воде, которая нисходит с (небес)...». В каноне нет эпизодов, связанных с очищением при входе в Храм, да и сам этот ритуал не подтверждается (но и не опровергается) другими источниками. Так, Иосиф Флавий в «Иудейской войне» говорит о необходимости очищения перед входом в Храм, но не конкретизирует этот обряд. В Евангелиях от Марка и от Матфея есть смысловые, хотя и не столь резко выраженные, параллели к этому отрывку: фарисеи упрекали учеников Иисуса, что не умывают рук своих, когда едят хлеб (Мф. 15: 1–2; Мк. 7: 1–5; это было основано не на Священном Писании, а на обычае); в ответ Иисус, в свою очередь, упрекает фарисеев в лицемерии. Таково же было и Его отношение к посту, который соблюдали фарисеи и ученики Иоанна Крестителя: «...Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека» (это речение отражает если не подлинные слова, то дух проповеди Иисуса — Мк. 7: 15; вариант приведен — Мф. 9: 14; 15: 11). Правда, в На-

---

⁴² Перевод этого евангелия см.: Свенцицкая И. Апокрифические евангелия. С. 58.

горной проповеди говорится о посте, но не о требовании его, а о соблюдении втайне, чтобы явиться постящимся не перед людьми, а «перед Отцом твоим» (Мф. 6: 16). Который из этих подходов свидетельствует об истинном отношении Иисуса, сказать трудно, поскольку в каждом Евангелии отразилось восприятие тех групп христиан, в среде которых они создавались.

Неоднозначно было отношение Иисуса и его первых последователей к запрещению делать что бы то ни было в субботу; евангелисты, по всей вероятности, вслед за Иисусом, считали, что в субботу можно совершать добрые дела: «Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы!» (Мф. 12: 11–12; характерно, что пример взят из жизни бедняков). Но, по-видимому, отрицание субботы не было столь решительным, как впоследствии у апостола Павла. Представляется, что первоначальное отношение последователей Иисуса (а может быть, и Его самого?) выражено в одном отрывке из Евангелия от Луки, не вошедшем в канонический текст: «В тот же день Он увидел человека, работавшего в субботу, и сказал ему: Человек! Если ты знаешь, что делаешь, ты благословен, но если не знаешь, ты проклят как преступивший закон» (Лк. 6: 4, Codex D). Смысл этого отрывка сводится к тому, что если человек сознательно во имя благих целей или по необходимости (опять бедняк!) нарушает запрет работать в субботу, он благословен, но если он не знает или не желает знать Закон, бездумно нарушает его, он проклят. Другими словами, важно не само исполнение требований иудаизма, а цели, с которыми это делается. Отрывок из рукописи представляется достаточно ранним — при канонизации его исключили, поскольку суббота большинством христиан уже не соблюдалась.

Важнейшим ядром моральных норм, проповедовавшихся Иисусом, были максималистские требования, объединенные в Нагорной проповеди: «...не противься злему... любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5: 39, 44). Эти, по существу, мало исполнимые требования выделили учеников Иисуса из всех остальных групп иудейского общества того времени.

Проповедь милосердия и неприятия ряда традиций отразилась в знаменитом эпизоде с грешницей, описанном в Евангелии от Иоанна (8: 3—11): к Нему привели женщину, уличенную в прелюбодеянии, которую по Закону полагалось забить камнями. Когда Иисуса настойчиво спрашивали, как с ней поступить, Он ответил фразой, ставшей впоследствии крылатой: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Обвинители разошлись, а Иисус призвал женщину больше не грешить. Эпизод этот не производит впечатления подлинного, вряд ли толпа, побуждаемая судьями и законоучителями, послушалась бы Иисуса, тем более что у Иоанна много эпизодов носят символический и литургический характер, но смысл рассказа не только в том, что судьи должны быть сами безгрешны, но и в скрытом выступлении против жестокости принятой обычаем казни. Мы не знаем, совершал ли сам Иисус какие-либо обряды, никаких сведений о крещении апостолов нет. В Евангелии от Иоанна в одном месте сообщается, что Иисус жил с учениками и крестил (3: 22), а в другом — что Он сам не крестил, но это делали Его ученики (4: 2). Возможно, здесь отражена поздняя традиция, в которой автор четвертого Евангелия не был уверен.

Неясен вопрос об отношении Иисуса и его первых последователей к проповеди среди иудеев. На первый взгляд, создается впечатление, что проповедь была рассчитана только на иудеев. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», — говорит Иисус в Евангелии от Матфея (15: 24). Но при этом, по евангельской традиции, он излечивал и привлекал к себе людей разной этнической принадлежности: слугу римского центуриона (младшего командира) из Капернаума (Лк. 7: 2), дочь женщины сиропинийского происхождения, названную в Евангелии от Марка эллинкой (в синодальном переводе — язычницей, Мк. 7; 26); общался, согласно Евангелию от Иоанна, с с одной из самаритянок, которых правоверные иудеи сторонились (Ин. 4: 9). В этих деяниях можно видеть отказ от соблюдения жестких традиций во имя благих целей и стремления к открытости своего учения всем, кто уверовал в Него. Поскольку появление подобных людей соответствует тем землям, где проповедовал Иисус, т.е. местности со смешанным населением (в частности, округам финикийских

городов, имевших греческое право), можно думать, что эти эпизоды восходят к реальным событиям, которые память апостолов, проповедовавших христианство впоследствии вне Палестины, сохранила особенно бережно.

Проповеди Иисуса сопровождалась чудесными исцелениями: согласно евангельской традиции, Он исцелял бесноватых, слепых, прокаженных, оживил двенадцатилетнюю девочку, про которую сказал: «Девица не умерла, но спит» (Мк. 5: 39–42). Именно исцеления подчеркивает в Деяниях апостолов Петр, говоря об Иисусе: «...как Бог Духом Святым и Силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним» (Деян. 10: 38). Медицина подтверждает примеры исцелений, основанных на вере и внушении. Существует разница между заболеванием, вызванным серьезным физическим нарушением, и ощущением болезни, страхом перед ней: именно такие заболевания излечиваются психологически; для древности подобные исцеления в обстановке суеверий, готовности к вере в чудо были характерны, особенно, когда речь шла о так называемых бесноватых, находившихся в состоянии транса. Необходимость веры для успешного исцеления видна из самих Евангелий: когда Иисус пришел в свой родной город Назарет, где все его знали с детства, Он, по свидетельству автора Евангелия от Марка, «не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложил руки, исцелил их. И дивился неверию их...» (Мк. 6: 5–6).

Кем осознавал себя сам Иисус? Вот вопрос, на который не дают ответ письменные источники. В Евангелиях трудно отделить восприятие Его верующими последователями, сложившееся уже после Его распятия, от реальных высказываний Иисуса. Ученики называли Его рабби, Учителем; как явствует из приведенных выше слов Петра — признавали помазником Божиим, т.е. Мессией; следовавшая за ним толпа также видела в Нем Мессию, поскольку напряженное ожидание Спасителя было характерно для социальной психологии, хотя Иисус прямо так себя не называл. Он, безусловно, ощущал свою связь с Богом — Отцом Небесным, но — во всяком случае, в представлении Его учеников, — не отождествлял себя с Ним. Когда сыновья Зеведеевы просили Его посадить их в

Его Царстве одного по правую руку, а другого — по левую — Иисус отвечал: «...Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф. 20: 23; ср. Мк. 10: 37—44). Сложна проблема понимания словосочетания «Сын Человеческий», которое употребляется только в словах самого Иисуса, неоднократно приводимых в канонических Евангелиях — и только в них. Образ этот восходит к Книге пророка Даниила, где предсказывается конец мира и явление Сына Человеческого: «Видел я в ночных видениях, вот с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий...» (Дан, 7: 13)⁴³. В новозаветных Евангелиях «Сын Человеческий» употребляется, как правило, в третьем лице — и не всегда ясно, говорит ли Иисус о себе или это кто-то другой, кто придет во время грядущего Страшного суда и наступления Царства Божия, например: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16: 28). Евангелия дают возможность и той и другой интерпретации, но какие высказывания восходят к самому Иисусу, а какие привнесены авторами писаний, созданных несколько десятилетий спустя, — определить невозможно⁴⁴. Во всяком случае, враждебность фарисеев и жречества могла быть связана прежде всего с верой в Его мессианиззм.

Сколько времени длилась проповедническая деятельность Иисуса, неясно — согласно трем первым каноническим Евангелиям — год; согласно Евангелию от Иоанна — три года (большинство историков для реконструкции реальных событий придерживаются данных первых трех Евангелий, столь сходных по материалу, что их принято называть синоптическими, т.е. имеющими «общий взгляд»). Переломным моментом в этой деятельности был приход Иисуса в Иерусалим. Что вызвало особое

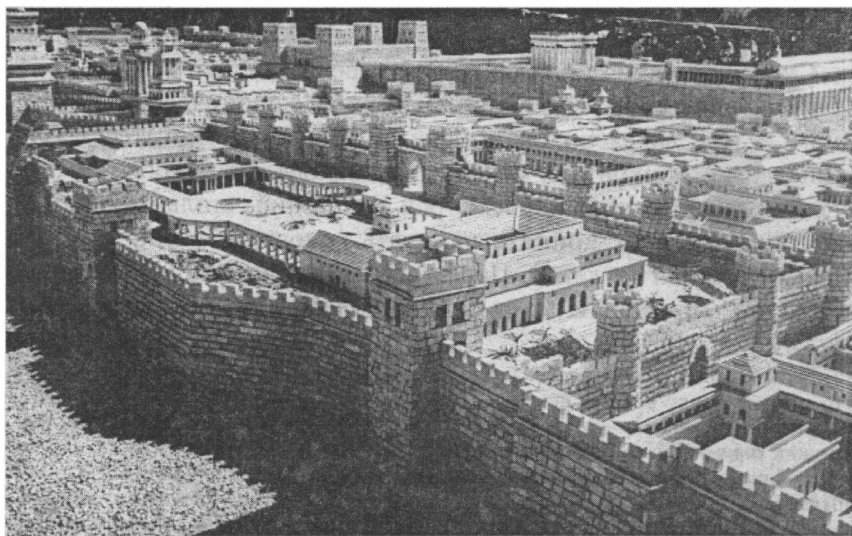
---

⁴³ Выражение «сын человека» встречается в библейских псалмах (8:5): «То, что есть человек, что Ты помнишь его и сын человеческий (в Септуагинте — «или сын человека»), что Ты посещаешь его?» В контексте псалма это выражение как бы обобщает род человеческий.

⁴⁴ Некоторые исследователи полагают, что «Сын человеческий» — эсхатологическая фигура, ожидавшаяся в «последние времена; возможно, первоначально она и не отождествлялась с Иисусом; отождествление произошло только после распятия Иисуса в связи с ожиданием Его Второго пришествия. См. например: Edwards R.A.A. *A Theology of Q*. Philadelphia. 1976, p. 36.

недовольство и опасения верхушки иудейского жречества и старейшин? Это, по всей вероятности, одно Его высказывание и одно действие. Все четыре канонических Евангелия повествуют о приходе Иисуса в Храм и об изгнании из Храма (точнее, из колоннады Храма, где обычно они находились) торговцев и менял (Мф. 21: 12; Мк. 11: 11; Лк. 19: 45; Ин. 2: 14). Этот эпизод большинство исследователей считают подлинным: некоторые (например, вышеупомянутый Кармайкл) даже предполагают, что это был вооруженный захват Храма, что маловероятно, так как тут же бы вмешались римляне. Вероятнее всего, это был символический жест, длившийся очень короткое время, но тем не менее он должен был произвести большое впечатление: ведь торговцы продавали птиц для жертвоприношений. Иисус не только выступил против торговли, оскверняющей Дом молитвы, но, по существу, против ритуала жертвоприношений, если прибавить к этому слова, которые приписывали Ему обвинители, что Он может разрушить Храм и воздвигнуть его за три дня (Мф. 26: 61; в Евангелии от Марка — храм нерукотворный — 14: 58), хотя Он-то имел в виду храм истинной веры. Реакция толпы, собравшейся в Иерусалиме перед Пасхой на поучения

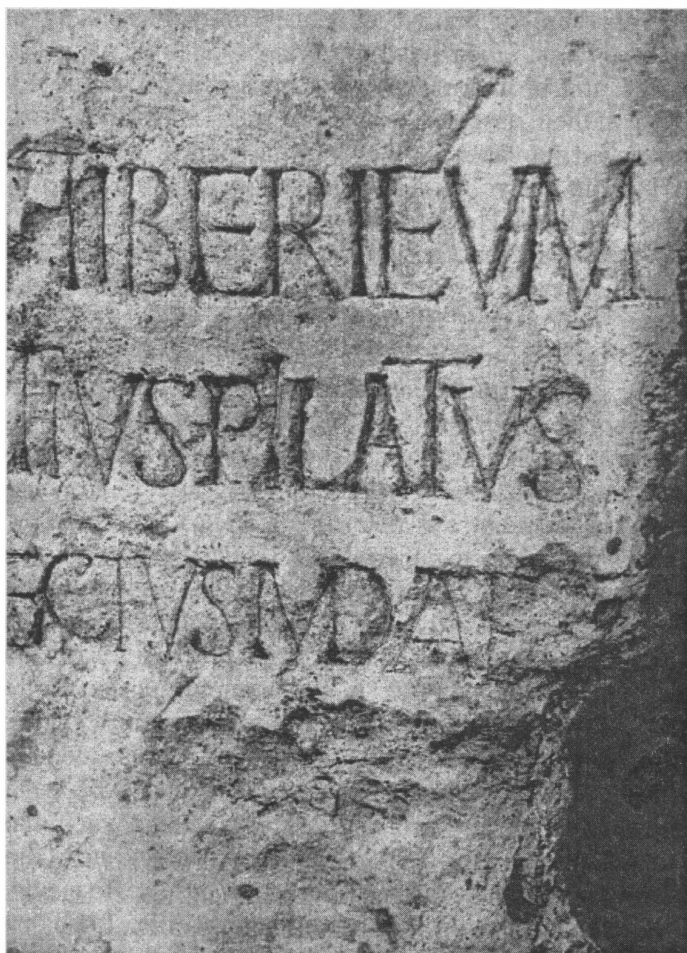

Иерусалим времен Иисуса Христа. Макет

и исцеления Иисуса, также не могла понравиться руководителям иудеев, боявшихся народных выступлений и прежде всего реакции на них римлян, а в Иерусалим перед Пасхой стекались бы массы людей из самых разных мест и социальных слоев, людей экзальтированных, жаждущих чуда и явления Мессии. Перед Пасхой Иисус был схвачен по наущению одного из Его учеников — Иуды Искарриота, который хранил общие деньги (милостыню). Фигура Иуды Искарриота довольно загадочна. Не вполне ясен и смысл его прозвища, греческое написание которого имеет небольшие варианты и которому существуют ряд объяснений: Искарриот — из Кириафа (Кариата); искаженное «сикарий» — т.е. принадлежащий к крайнему крылу zelотов. Обстоятельства ареста и суда над Иисусом неясны и запутанны в христианской традиции. Согласно Евангелиям (и неканоническим также), Иисус устроил трапезу вместе со своими учениками, однако, если это была пасхальная трапеза, то она не совпадала с иудейским календарем. Некоторые ученые полагают, что Иисус и Его ученики пользовались кумранским календарем; другие — что это была обычная общая трапеза, и только последующая традиция, сакрализовав Тайную Вечерю, связала ее с Пасхой. Зачем первосвященникам нужно было подкупать Иуду, непонятно (интересный символ в евангельской традиции: ему заплатили римскими деньгами — серебряными денариями с изображением императора — это был явный жест презрения). Возможно, это легенда, созданная учениками уже после казни Иисуса, но о предательстве говорит не только христианская, но и иудейская версия, переданная Цельсом. Существует множество версий причин предательства. В Евангелии от Луки, который сам не мог найти логического объяснения (Лк. 22: 3), — это внушение Сатаны. Версия теологическая — дабы исполнилось реченное через пророков; светская — честолюбие, алчность, стремление подтолкнуть Иисуса к действию. Кармайкл предполагает, что Иуда выдал убежище, где скрывался Иисус и т.п., но все эти версии не имеют опоры в фактах. Может быть, поскольку арест должен был произойти ночью, задачей Иуды было именно указать Иисуса, чтобы не спутать Его с учениками.

Канонические Евангелия повествуют, что Иисус был осужден сначала судом синедриона, а затем приговорен прокуратором

*Надпись Понтия Пилата из Кесарии:
«Тибериум поставил для кесарийцев
Понтий Пилат префект»*

ром Понтием Пилатом к позорной казни — распятию на кресте. Этой казни подвергались рабы, разбойники, мятежники и вообще люди, поставленные вне закона. Синедрион мог приговорить к традиционной казни за религиозное преступление — побиванию камнями, но Иисус был передан Пилату для официального суда и самой позорной казни — распятию на крес-

те. Описание суда Пилата над Иисусом мало достоверно, а образ прокуратора не соответствует реальному, историческому лицу. Понтий Пилат был известен своей исключительной жестокостью. Когда в Самарии толпа собралась вокруг одного из проповедников на горе Гаризим, Пилат приказал своей коннице растоптать эту толпу. В конце концов Тиберий, в ответ на жалобу жителей Иудеи, отозвал Пилата с должности. И Иосиф Флавий, согласно версии, приведенной у Агапия, и Тацит говорят о том, что Иисуса казнил именно Понтий Пилат. Между тем в канонических Евангелиях дается совсем другая картина. Первосвященники и старейшины требуют казни Иисуса, Пилат пытается спасти Его, а толпа кричит: «Кровь Его на нас и потомках наших». Эта фраза, по мнению подавляющего большинства исследователей, вставлена каким-то благочестивым переписчиком в разгар споров с иудеями, уже после разрушения Иерусалима в конце I века; впоследствии она питала религиозный фанатизм христиан, что привело, как известно, к бесчисленным жертвам⁴⁵.

Дальше рассказывается, что когда Пилат предлагает освободить Иисуса по обычаю на Пасху, толпа выбирает мятежника Варраву (возможный смысл этого эпизода, созданного во время или сразу после Иудейской войны, в которой главную роль играли воинствующие zeloty, — подчеркнуть сочувствие толпы к повстанцам, а не к пророкам). Пилат не любил идти на поводу у толпы, тем более публично обсуждать свои решения и вряд ли поддался бы ее на требования. Иисус же не был для него опасен, но возможные претензии на мессианизм, т.е. на создание независимого Иудейского царства (с точки зрения римлян), стремление восстановить порядок и страх перед центральной властью побудили прокуратора приговорить Иисуса к казни (по Евангелиям — вымыв руки, очищая себя от Его крови). Не исключено, что казнь Иисуса была результатом сговора первосвященника Каиафы и Понтия Пилата; если судить по несколько более поздним данным, приведенным у Иосифа Флавия, синедрион не мог собираться без согласия прокуратора. Представляется более близким к действительности описание суда

---

⁴⁵ В настоящее время католическая церковь (на II Ватиканском соборе) сняла вину за распятие Иисуса с еврейского народа, ибо Его страдания и казнь были уготованы свыше как искупительная жертва за грехи всего человечества.

над Иисусом в неканоническом Евангелии от Петра, отрывок из которого был найден в Египте: Иисуса судит синедрион и Ирод Антипа (что соответствовало галилейскому происхождению Иисуса), причем суд происходит в претории — резиденции римского наместника. Пилат и здесь умывает руки, предоставляя — не толпе! — а особому судилищу решать этот вопрос. Именно Ирод, уже казнивший Иоанна, предлагает распять Иисуса, что Пилат равнодушно исполняет⁴⁶ — без его санкции распятие было невозможно. После казни Иисуса, по свидетельству этого евангелия, «народ ропщет и ударяет себя в грудь», а иудейские старейшины бегут к Пилату и просят Его приставить стражу к гробнице, «чтобы как-нибудь ученики, пришедши, не украли Его, и народ не поверил бы, что Он воскрес из мертвых, и не сделал нам зла». В Евангелии от Матфея есть похожее место, только там отсутствуют слова о страхе перед народом (Мф. 27: 64). Версия о краже тела появилась уже после рассказов христиан о воскресении и преображении Иисуса — для многих верующих иудеев воскресение из мертвых было возможно, но в отдаленном будущем, после конца света, а не одного человека здесь и сейчас, так что вряд ли иудейские старейшины выдвинули эту версию до того, как обнаружили гробницу пустой. В Евангелии от Луки (Лк. 23: 6—11) Пилат также пытался передать дело Ироду (вполне вероятно, что ему не хотелось ввязываться в религиозные споры), но Ирод Антипа, поиздевавшись над Иисусом, отослал Его обратно Пилату. Ирод упомянут в числе судей на первом месте и в Деяниях апостолов (Деян. 4: 27): против Иисуса выступили «Ирод и Понтий Пилат с язычниками (в греческом тексте — «народами», обычное название для неиудеев) и народом Израильским». Участие неиудеев не зафиксировано в других источниках, вероятно, здесь подразумеваются римские служители и воины. Таким образом, можно думать о существовании версии об участии Ирода Антипы в процессе над Иисусом, что кажется более вероятным, чем прямое давление толпы на Пилата. Распятие, как и издевательства

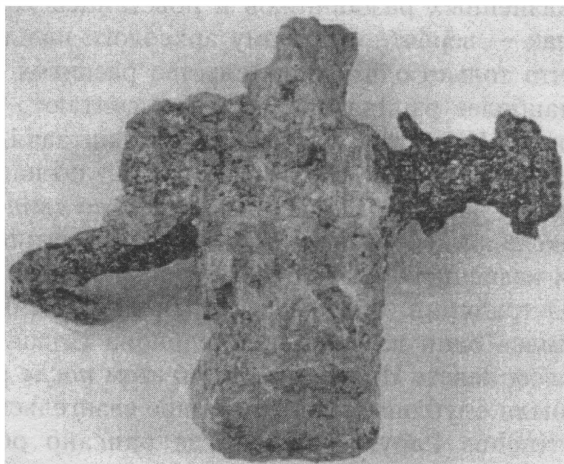
---

⁴⁶ В этом описании нет кричащей толпы, требующей распятия, что более реально. Обычай отпускать любого преступника перед Пасхой неизвестен из других источников (так, в частности, пишут комментаторы к Евангелию от Марка в Собрании всех евангелий — The Complete Gospels, San Francisco 1994, p. 49) и не согласуется с поведением римских наместников.

над Иисусом перед казнью, осуществляли римские солдаты. При распятии на кресте по приказанию Пилата была написано определение Его вины — «Царь Иудейский» (Мк. 15: 26). Таким образом, Пилат придал казни политический характер.

Как происходил сам акт распятия, не вполне ясно: в Евангелии от Иоанна упоминаются гвозди; в Деяниях апостолов говорится, что Он был повешен на древе. В последние десятилетия в результате археологических изысканий были обнаружены кости молодого человека⁴⁷, в лодыжке которого застрял гвоздь

Копия проткнутой гвоздем лодыжки

(кости относятся примерно к I в. до н.э.): т.е. ноги действительно прибивали, но пригвозждали ли руки, неизвестно, предположительно, что их привязывали (отсюда — повешен на древе). Последние слова Иисуса передаются в разных писаниях по-разному: наиболее достоверными представляются слова, переданные Марком и Матфеем: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15: 34; Мф. 27: 46), приведенные евангелистами на арамейском языке и переведенные ими на гречес-

---

⁴⁷ Обычно кости умерших иудеи хранили в специальных оссуариях (собраниях костных остатков), которые и исследуют археологи.

кий. Вероятно, это подлинные слова, и будучи последними, они передавались из уст в уста учениками Иисуса. Это были слова из библейского Псалма, но сказанные не на древнееврейском, а на родном для Иисуса языке, до к тому же, по-видимому, с галилейским акцентом: стоявшие рядом даже решили, что Он зовет пророка Илию... Интересно, что в минуту физических страданий Иисус употребил не выражение *Отец Мой*, а традиционное для иудеев — *Боже Мой* (в Молении о чаше в Гефсиманском саду Иисус — по Евангелию от Марка, обращается к Богу: Авва — Отче — Мк. 14: 36).

Обычно казненных разбойников и повстанцев хоронили в общих могилах — вероятно, поэтому археологи нашли в оссуариях пока что только одно свидетельство распятия. Поэтому некоторые наиболее радикальные ученые считают, что история с гробницей Иисуса — благочестивая фантазия Его учеников, которые уверовали, будто Иисус был по-настоящему погребен, а затем воскрес. Однако, мы знаем по свидетельству Филона Александрийского, что некоторые наместники разрешали семьям казненного совершить его погребение. Согласно христианской традиции, с просьбой к Пилату о таком разрешении обратился один из членов синедриона Иосиф из Аримафеи. В Новом Завете Иосиф просит об этом *после* распятия, но в 1972 г. были опубликованы небольшие евангельские фрагменты (Oxurinchus Parurgus 2949), где описано обращение Иосифа из Аримафеи к Пилату с просьбой выдать ему тело Иисуса — причем, в отличие от новозаветных Евангелий, эта просьба была сделана *до*, а не *после* казни Иисуса, что совпадает с соответствующим местом Евангелия от Петра (2: 3). Такая последовательность кажется более логичной: Пилат должен был заранее распорядиться о выдаче тела. Итак, Иисус был погребен по иудейскому обряду в гробнице (не в гробу — как в синодальном переводе), вырытой в скале, приготовленной Иосифом для себя.

После распятия Иисуса только вера в воскресение Учителя могла поддержать Его растерявшихся учеников. Об их растерянности и страхе может свидетельствовать предание об отречении Петра: во дворе у первосвященника после ареста Иисуса одна из служанок опознала в нем ученика Иисуса, а окружающие поняли по его произношению, что Петр — гали-

леянин. Тогда Петр трижды отрекся от своего Учителя. Если судить по синоптическим Евангелиям, никто из учеников не присутствовал при распятии, только женщины, пришедшие за Иисусом из Галилеи, которых Марк называет поименно, издали наблюдали за казнью (правда, в Евангелии от Иоанна говорится, что возле креста стоял любимый ученик Иисуса, кого потом традиция назвала евангелистом Иоанном, но вряд ли римская стража подпустила бы его непосредственно к кресту).

В обстановке растерянности и горя начинаются явления Иисуса ученикам: это было единственное, что могло их спасти; в канонических Евангелиях рассказывается о различных Его явлениях. В Евангелии от Луки двое учеников встречают Его на дороге, но не узнают, пока Он не подает им хлеба, но потом Он исчезает. Возвратившись, они узнают из рассказов апостолов, что Иисус явился Петру; затем Он является одиннадцати апостолам и ужинает вместе с ними (Лк. 24: 13–43). В Евангелии от Марка Христос является Марии Магдалине первой (Мк. 16: 9); в Евангелии от Иоанна это явление описано подробнее, и Иисус говорит Марии — «...не прикасайся ко Мне...»; но там же приводится рассказ о Фоме, который поверил в воскресение Иисуса, только вложив пальцы в раны Его (Ин. 20: 16–29). В Евангелии евреев Иисус первому является своему брату Иакову Праведному.

Вера в воскресение, экзальтированные видения явлений Иисуса разными Его последователями, как и возникшая вера в скорое Второе пришествие Христа не было чем-то исключительным, это соответствовало вере кумранитов в грядущее появление воскресшего Учителя праведности. Но именно вера в воскресшего Христа, восприятие позорного распятия как искупительной жертвы, убеждение в том, что истинно верующие избегнут смерти, и стали основой будущей проповеди христианства по всей империи.

Глава 5

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ В ПАЛЕСТИНЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Положение оставшихся учеников Иисуса было сложным. Согласно Деяниям апостолов, они собрались в Иерусалиме, где, по преданию, на них сошел Дух Святой, и их целью становится продолжение проповедей Иисуса. Одним из первых действий было сохранение сакрального числа двенадцать и избрание по жребию нового апостола, каким стал некий Маттиас, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно. Перед апостолами встала задача сохранения своего единства, они, по существу, отказались от свободного сообщества, существовавшего вокруг Иисуса, и попытались создать общину, во главе которой встали (как это явствует из посланий апостола Павла) Петр (Кифа по-арамейски), Иоанн и Иаков Праведный, брат Господень. В Деяниях апостолов, написанных, судя по языку и стилистике, тем же автором, что и третье Евангелие Нового Завета, собраны предания об этой общине, но автор не указывает точных дат, неясны и изменения ее во времени. Можно думать, что в целом он изображал сильно идеализированную картину общины, которая в известной мере должна была служить образцом для других христиан. Автор, без сомнения, преувеличил число обращенных. И все же мы можем полагать, что апостолы попытались создать организацию, которая помогла бы им, в отсутствие настоящего лидера, не раствориться в разнообразных религиозно-социальных движениях.

Такой организацией призвана была стать община, основанная на равенстве, с элементами общности имущества. Подобная община могла иметь прежде всего своим образцом объединения ессеев, конкретно — общину Кумрана или те более умеренные группы ессеев, которые, согласно Дамасскому документу, продолжали жить в городах. Как сказано в Деяниях апостолов: «Все

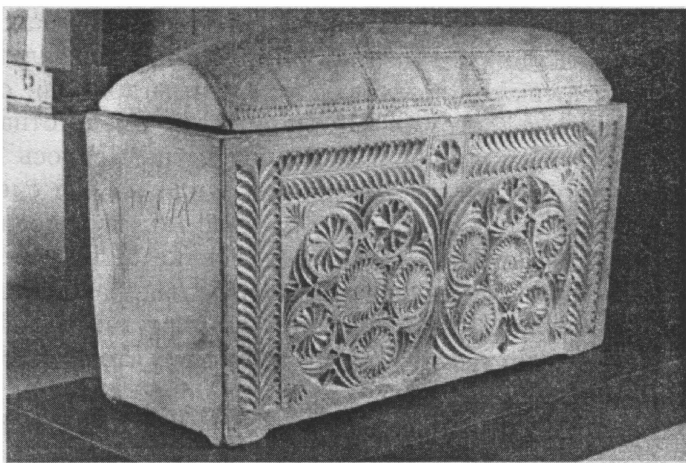
же верующие были все вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2: 44–45). История с Ананией и Сапфирой, которые утаили часть денег за проданную землю и были наказаны за обман (оба упали мертвыми), — явная легенда, призванная воздействовать на остальных верующих, равно как и немногие конкретные примеры добровольных взносов, которые затем распределялись между верующими. Однако, в отличие от кумранской общины, у иерусалимских христиан не было, да и не могло быть общежития. В тех же Деяниях апостолов сказано, что христиане «преломляли хлеб» по домам. Иерусалимская община объединяла тех, кого принято называть иудео-христианами, т.е., почитая Христа, они считали себя истинными иудеями и посещали Храм («каждый день единодушно пребывали в храме» — Деян. 2: 46). Как они называли сами себя — точно неизвестно, но с большой долей вероятности их самоназвание также восходило к кумранским ессеям, и они называли себя «нищими» (*эвийоним*), эбионитами в греческой передаче христианскими авторами этого слова. Эбиониты, по словам христианского писателя епископа Лионского Иринея (II в.) соблюдали Закон, вели образ жизни иудеев, чтити Иерусалим (Против ересей, I, 26), что совпадает с описанием Деяний апостолов.

Иерусалимские руководители претендовали на высший авторитет и среди тех почитателей Христа, которые появились за пределами Палестины. Павел в Послании к галатам (т.е. к христианам, жившим в малоазийской области Галаттия) пишет, что Иаков, Кифа и Иоанн почитались «столпами», и о том, чтобы, проповедуя среди язычников, Павел не забывал «нищих» (Гал. 2: 9–10), а в Первом послании к коринфянам прямо говорится о том, что подаяние, собранное коринфскими христианами, будет передано в Иерусалим (1 Кор. 16: 3). Сбор подаяний в пользу иерусалимских христиан свидетельствует об их бедности: описание в Деяниях апостолов явно не соответствовало действительности.

Если следовать преданию, отраженному в Деяниях апостолов, то можно говорить о противоречиях среди сочувствующих христианам, в частности, между обращенными из палестинских иудеев и так называемых «эллинистов» — т.е. эллинизованных евреев, живших в Палестине или пришедших в Иеру-

салим из районов диаспоры, из-за распределения помощи (6: 1): равенство не могло реально поддерживаться без жесткой дисциплины, какая была у кумранитов и какую не могли (и не хотели принципиально) утвердить руководители Иерусалимской общины. Против последователей Христа выступали и иудеи, выдвигая все то же обвинение в Его намерении разрушить храм. Согласно преданию, которому нет оснований не доверять, за оскорбление храма был насмерть забит камнями некто Стефан — судя по греческому имени, возможно, происходивший из среды эллинистов. Вероятно, в связи со всеми этими сложностями некоторые из последователей Иисуса отравились проповедовать свою веру в другие места, в различные деревни и города Палестины и соседние области (так, Филипп, согласно Деяниям, проповедовал в Самарии и потом дошел до Кесарии — Деян. 8: 5—40), другие «рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана», дошли до Финикии и Сирии, проповедовав только иудеям по вере (Деян. 11: 19), кем они продолжали себя считать. Но старшие апостолы оставались в Иерусалиме. Среди них особое место занимали Иаков Праведный, брат Иисуса, и Петр. Об Иакове известно из посланий Павла, евангелий иудео-христиан, Церковной истории Евсевия Кесарийского, о нем упоминает и Иосиф Флавий. Поскольку Иаков, брат Иисуса, не вошел в канонический список двенадцати апостолов, избранных Иисусом, можно предположить, что он уже был в Иерусалиме, когда туда пришел Иисус с учениками. Евсевий рассказывает об Иакове на основе сведений писателя II в. Гегесиппа (Церковная история, II, 23). По его словам, Иаков Праведный (Евсевий употребляет именно это прозвище) был сыном Иосифа от первого брака. Он вел аскетический образ жизни, не ел ничего мясного, не стриг волос, почти все время проводил в храме, стоя на коленях и молясь об отпущении грехов иудейскому народу; предположительно, он был связан с иудейской сектой аскетов-назореев, которые были близки палестинским христианам. Участь Иакова была трагической: Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XX, 9, 1) рассказывает, что первосвященник Анан, из саддукеев, отличавшихся в судах особой жестокостью, воспользовался сменой наместников (очередной наместник еще не прибыл в Иудею) и решил выместить свою злобу на очеред-

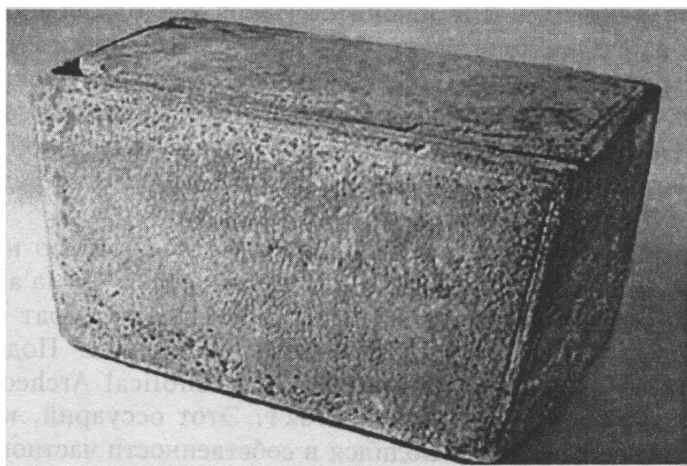
Оссуарий первосвященника Каиафы и его членов семьи

ной жертве: он собрал синедрион (на что — по свидетельству Флавия — не имел права без согласия наместника), представил ему Иакова, брата Иисуса, «называемого Христом», и других лиц, обвинил их в нарушении Закона и приговорил к побитию камнями. По словам Евсевия, Иакова сначала сбросили с крыши, а затем забросали камнями. Это событие произошло около 63 г. Для эбионитов Иаков продолжал оставаться одним из самых почитаемых апостолов, в созданном ими евангелии рассказывается, что ему первому явился воскресший Иисус. Эбиониты продолжали жить в Палестине; согласно церковной традиции, они во время первой Иудейской войны 66–70 гг., вероятно, из-за несогласия с действиями радикальных группировок, переселились за Иордан.

В октябре 2002 г. было официально объявлено о находке известнякового оссуария с арамейской надписью — «Ia'akov bar Yosef a khui Yeshua» — «Иаков сын Иосифа, брат Иешуа (Иисуса. — И. С.)»; кости в нем отсутствуют. Подробное сообщение о находке опубликовано в «Biblical Archeological Review» за ноябрь—декабрь 2002 г. Этот оссуарий, купленный у некоего араба, находился в собственности частного лица (имена не названы). Согласно предварительным исследованиям, оссуарий относится к I в. н.э. (примерно около 60-го г.).

Обычай сохранения костей умерших в особых ящиках существовал вплоть до разрушения римлянами Иерусалимского храма надпись также представляется ученым древней, сделанной одновременно с оссуарием. Упоминание имени отца умершего соответствует норме; имя же брата указывалось либо в том случае, когда погребение происходило на его средства, либо если брат был знаменит (последнее может относиться к Иисусу Христу, тем более если погребение было совершено христианами). По словам владельца оссуария, араб, продавший его, сказал, что находка происходит из окрестностей Иерусалима. Израильские геологи также полагают, что оссуарий находился в почве, соответствующей этим окрестностям. Оссуарий отправлен для дальнейшего изучения в США и Канаду (при транспортировке, к сожалению, он дал трещину). Однако нужно отметить, что ученые проявляют осторожность в идентификации человека, чьи кости были (должны были быть) похоронены в каменном ящике. Они говорят, что все три имени достаточно часто встречались в Иудее и доказать бесспорную связь оссуария с главой христианской общины в Иерусалиме вряд ли когда-нибудь удастся, хотя, по моему мнению, и время, и место, и сочетание имен дают возможность считать эту связь не только возможной, но и вероятной. Оссуарий мог

Оссуарий Иакова, брата Иисуса, сына Иосифа

быть заготовлен заранее, так как кости погребались после того, как тело истлевало; сторонники Иакова, ушедшие из Иерусалима или бежавшие от преследований, могли не найти тело, и в оссуарии костей не было никогда.

На Западе большого влияния эбиониты, по-видимому, не имели, но известия об иудео-христианах (возможно, потомках эбионитов) на Востоке сохранились в средневековых текстах. Следы длительного существования иудео-христиан в Сирии отразились в средневековом мусульманском трактате, направленном против христиан⁴⁸. Автор трактата пользовался иудео-христианскими источниками, чтобы доказать, что Иисус не был Сыном Божиим; из трактата явствует, что первое Евангелие было написано на еврейском языке, затем «истинное» христианство было заменено греческим. Эти позиции восходят к тому, что мы знаем об учении эбионитов из произведений христианских авторов. Одним из основных расхождений этой группы со сложившимся затем ортодоксальным христианством было непризнание божественного происхождения Иисуса. Ириной отмечает, что эбиониты придерживаются в отношении Господа того же мнения, что и Керинф — тот считал Христа человеком, который отличался от других людей справедливостью, благоразумием и мудростью (I, б); они «не принимают в свою душу веру в соединение Бога и человека, но пребывают в старой закваске рождения (плотского)» (V, 1). Согласно Евсевию Кесарийскому, эбиониты считали Иисуса «бедным и обыкновенным человеком, который только за совершенство нрава признан праведным и который родился от соединения мужа с Марией» (III, 27).

В дошедших до нас фрагментах не признанного Церковью евангелия, названного христианскими писателями *Евангелием эбионитов*, решающая роль придается крещению. Те же, что и в Евангелии от Марка (см. выше), слова, обращенные к Иисусу, голос с неба произносит в евангелии эбионитов, только там добавлено: «...в сей день я породил Тебя» (они полагали, что Бог воспринял Иисуса не как рожденного, а как своего рода адаптированного Сына, как Мессию). В другом иудео-христианском евангелии, известном также по цитатам у более поздних хрис-

---

⁴⁸ Этот трактат подробно разобран Ш. Пинесом: Pines Sh. The Jewish Christians of Early Centuries of Christianity according to New Source. Jerusalem. 1966.

тианских писателей, которое они назвали *Евангелием евреев*, Иисуса своим Сыном признает Дух Святой и обещает Ему, что будет покоиться в Нем и что Он будет править вечно. Для людей, которые говорили по-арамейски, «дух» женского рода, поэтому для них Дух Святой — духовная Мать Иисуса. В евангелии евреев было сказано: «Так сделала Моя Мать, Дух Святой, взяла меня за волос и перенесла на гору Табор» (Фавор)⁴⁹.

Взгляды эбионитов охарактеризованы в так называемых *Псевдо-Клементинах*, созданных во II веке, но авторство которых христиане приписывали Клименту, руководителю римских христиан в конце I века. Там действует Петр (которого наряду с Иаковом, почитали иудео-христиане); в его речах, возможно, отражены взгляды эбионитов, близкие учению Кумранской общины. Для обеих групп было характерно дуалистическое восприятие мира, в котором идет постоянная борьба между силами добра и зла. Эбионитам (как и членам Кумранской общины) было свойственно (это видно из отрывков их евангелия) резко отрицательное отношение к жертвоприношениям и проповедь аскетизма, отказ от мясной пищи (там сказано: «Я пришел отменить жертвоприношения; если вы не оставите жертвоприношений, гнев Божий не оставит вас...»). Таким образом, можно думать, что палестинские христиане оказались наиболее тесно связаны с традициями более ранних ессеитских групп, причем эта связь укрепилась уже после казни Иисуса, когда начала складываться традиция, сначала устная, а потом и письменная.

Палестинские христиане после гибели своего лидера Иакова и после поражения Иудейского восстания образовали достаточно замкнутую группу вне основного направления, в рамках которого формировалась христианская религия, но тем не менее, о них христианские авторы писали вплоть до V в. Известно, что палестинские христиане примкнули и ко Второму антиримскому восстанию 132 г. под руководством Бар Кохбы. Повстанцы использовали пещеры Кумрана; в них сохранились письма и распоряжения вождя восстания. В одном из них упоминаются галилеяне (возможно, речь шла о христианах). Но когда Бар Кохба объявил себя мессией, они его не признали.

---

⁴⁹ Эту фразу приводит Ориген в Комментариях к Евангелию от Иоанна (11: 12); иудео-христианские евангелия дошли только в цитатах.

Все ли палестинские христиане входили в группы эбионитов, сказать трудно, вероятно, были и другие группы иудео-христиан, менее замкнутые, кого ортодоксальные писатели называли «евреями». Евсевий после характеристики верований эбионитов говорит, что есть и другие, которые признают, что Иисус родился от соединения Святого Духа с Марией, но не допускают предвечности Его существования и не соглашаются исповедовать Его Словом и Премудростью Божией. Вряд ли верующие иудео-христиане могли поверить или создать догмат о непорочном зачатии, поскольку это противоречит основным догмам иудаизма: не исключено, что для них речь шла о символическом (духовном) участии Духа Святого в зачатии и рождении Иисуса, поэтому они и не признавали его предвечности.

Не все христиане переселились с эбионитами за Иордан; о христианах в Палестине рассказывает, в частности, сатирик II в. Лукиан в своем произведении «О кончине Перегрин», против которого — странствующего философа, шарлатана и даже, по мнению Лукиана, преступника — была направлена его сатира. Согласно одному из описанных им эпизодов, Перегрин в Палестине, не будучи иудеем, втерся в доверие к христианам, поучал их, даже якобы имел отношение к созданию христианских книг. Лукиан мельком упоминает о казни Иисуса — основателя этой группы, которого называет «великим человеком» и распятым мудрецом: т.е. к самим христианам у Лукиана не было враждебного отношения. Он дает характеристику отношений внутри христиан. Они представляли собой объединение, главой которого, по словам Лукиана, стал Перегрин, в его функции входило руководить собраниями, толковать священные книги (уже созданные к этому времени). По Лукиану, основное верование христиан — вера в бессмертие. Он пишет, что христиане презирают смерть, а некоторые даже ищут ее сами, уважает чувство взаимопомощи христиан, ведь все они считают себя братьями. Когда Перегрин был арестован властями за приверженность к христианам (по-видимому, именно как их руководитель), его товарищи по вере старались всячески помогать ему. Лукиан говорит, что с самого утра можно было видеть у дверей тюрьмы каких-то старух, вдов, детей сирот. Руководителям христиан удалось подкупить стражу, чтобы проводить с Перегрином ночи в тюрьме, приносить туда раз-

нообразную еду и вести священные беседы (О кончине Перегринна, 11—13). В конце концов, наместник Сирии освободил Перегринна, не сочтя его опасным, и тот ушел от христиан. Хотя в целом отношение Лукиана к Перегрину представляется тенденциозным (у философа были свои принципы — он кончил жизнь самосожжением), но описывает он христиан, скорее, с сочувствием и легкой иронией. Участие в христианских общинах старух, вдов, сирот соответствует тому, что сказано и в собственно христианских книгах; понятно также, что именно эти люди сидели около тюрьмы. Трудоспособные мужчины должны были быть заняты на работах. Характерно и замечание Лукиана, что некоторые христиане сами ищут смерти (они стремились стать мучениками, чтобы попасть в Рай): в дальнейшем христианским епископам даже пришлось принимать особые решения, осуждающие спровоцированное мученичество. Существенны и косвенные данные о позиции местных властей в отношении христиан: арест Перегринна не был следствием гонения — был арестован только он, других христиан не трогали, а наместник провинции вообще выпустил его на волю. Такая ситуация была в целом характерна и для других провинций, и зависела она не только от личных качеств римского правителя, но и от степени влияния и поведения самих христиан. В Палестине христиане были довольно малочисленны и не представляли для римской власти реальной опасности, особенно после расправ над иудеями и их выселения из Палестины. Наиболее значимые христианские общины формировались вне ее пределов, прежде всего в Сирии и Малой Азии.

Некоторые из апостолов проповедовали в Сирии — Дамаске и Антиохии. Согласно христианскому преданию именно в Антиохии среди грекоязычных иудеев родилось и само название — христиане (от греческого слова *Христос* — Помазанник, т.е. Мессия). К середине I в. христианские общины образуются в городах Малой Азии и Греции. Оттуда проповедники отправлялись и в другие области; довольно рано христианство появилось в Египте, прежде всего в Александрии, где было много иудеев. От начала второго века до нас дошли папирусные фрагменты неизвестных, отличающихся от канонических, евангелий, а также фрагменты Евангелий новозаветных, в частности Евангелия от Иоанна. Согласно церковной традиции основателем христи-

анской александрийской общины был евангелист Марк. Среди спутников апостола Павла упоминается александрийский иудей Аполлос, весьма сведущий в Писаниях (т.е. в священных книгах иудеев — Деян. 18: 24—26). Не исключено, что он придерживался иудео-христианства; его проповеди, по-видимому, отличались от того, что говорил Павел, который упрекал коринфских христиан в том, что они говорят: «...я — Павлов, а я — Аполлосов...» (I Кор. 3: 4), т.е. делят себя в зависимости от тех взглядов, которые они разделяют.

На Западе христианство распространялось медленнее; исключение составляла столица империи. Среди иудеев, переселившихся в Рим или приехавших туда на время, довольно рано могли появиться и христиане. В разноязычной римской толпе им было легче проповедовать. Возможно, христиане появились в Риме уже при Клавдии; как уже говорилось, Светоний в биографии Клавдия (25, 4) пишет, что «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом⁵⁰, он изгнал из Рима». Не исключено, что речь шла о конфликтах между иудеями и первыми христианами, оказавшимися в Риме и спорившими во время проповедей, как это было и в других городах империи. Об изгнании иудеев Клавдием говорится и в Деяниях апостолов — среди них были переехавшие в Коринф христиане Акила и жена его Прискилла, помогавшие Павлу и даже наставлявшие в вероучении других (Деян. 18: 2—26). Для императора Клавдия христиане пока еще не составляли особой группы, он воспринимал их споры как распри внутри иудейских переселенцев.

После поражения повстанцев в Первой Иудейской войне среди пленных, проданных в рабство и просто переселенных, могли оказаться и иудео-христиане. Пребывание иудеев зафиксировано в Помпеях: среди надписей в гладиаторской казарме одна сделана грекоязычным иудеем (или иудеями) — там написано «Генесис» (греческое название библейской книги «Бытие»). Некоторые ученые считают возможным толковать отдельные криптограммы, найденные там же, как христианские. Но большинство христианских общин и их учение, ставшее затем господствующим, складывались в восточных провинциях.

---

⁵⁰ В специальном исследовании, посвященном проблеме Хреста, И.М. Тронский доказал, что латинское «Хрестус» в народно-разговорной речи соответствует греческому «Христос» (Античность и современность. М., 1972. С. 34—37).

Пришедшие из Палестины проповедники первоначально обращались к иудеям, живущим в этих провинциях, т.е. к иудеям диаспоры («рассеяния»). Рассеяние началось давно. Еще в начале VI в. до н.э. вавилонский царь Навуходоносор, разрушивший первый Храм в Иерусалиме, переселил часть иудейского населения в Вавилонию. Вавилонский плен длился много десятилетий, пока персидский царь Кир в 538 г. до н.э. не захватил Вавилон и не разрешил иудеям вернуться на родину, но кое-кто остался на прежнем месте. Персы, в состав державы которых была включена Палестина, использовали на военной службе контингенты разного этнического происхождения и размещали их среди чуждого им населения: так, известно, что иудейские воины образовывали военное поселение в Египте. После падения Персидского царства Палестина входила в состав разных государств и приобрела, как было сказано выше, независимость в результате восстания Маккавеев, но в конце концов досталась римлянам. Притеснения со стороны завоевателей, борьба политических и религиозных группировок, экономические интересы, поиски лучшей жизни приводили к переселениям из Иудеи в соседние районы, а затем и в Рим. Переселившиеся иудеи стремились сохранить свою веру, они образовывали в городах землячества, но постоянное общение с населением тех мест, где они жили, наложило отпечаток на их образ жизни и мировоззрение. Многие из них потеряли свой язык и стали говорить только по-гречески. Так, еще в III в. до н.э. иудеи, жившие в Египте и говорившие по-гречески, предприняли перевод на греческий язык священных книг — Библии, сначала Пятикнижия, а затем и остальных книг. Это была так называемая Септуагинта («перевод семидесяти» — по преданию, в переводе принимали участие семьдесят человек). Грекоязычные иудеи, а затем христиане почитали текст Септуагинты священным и боговдохновенным — большинство цитат из Ветхого Завета в Евангелиях и посланиях Нового Завета сделаны по тексту Септуагинты.

Однако, невзирая на контакты с местными жителями, иудеи чувствовали себя чужаками, за редким исключением, они не пользовались правами гражданства тех городов, в которых они жили, не говоря уже о римском гражданстве, связанным с целым рядом привилегий. Порой в этих городах вспыхивали межэтнические конфликты. В то же время, с точки зрения ортодоксальных иудеев, без совершения в Иерусалимском храме

жертвоприношений и других обрядов приверженность иудейской религии не могла считаться подлинной. Все это создавало особую психологическую ситуацию: с одной стороны, иудеи диаспоры ощущали свою связь с Иерусалимом, старались посылать своих детей учиться у иудейских законоучителей, жадно ловили речи приходивших оттуда проповедников, а с другой — воспринимали местные обычаи, даже порой заключали смешанные браки. Неудивительно, что такие люди оказывались восприимчивыми к учениям, не признававшим жесткую регламентацию поведения, отвергавшим фанатизм отдельных групп фарисеев. Иудеи диаспоры собирались в синагогах; кроме них, в моленьях принимали участие и местные жители, которые интересовались иудейской религией. Такие люди считались сочувствующими, своего рода послушниками (в Новом Завете они названы «чтущие Бога»). Можно предположить, что именно из этих групп первоначально вышло больше всего сторонников христианского вероучения.

Основными источниками, по которым можно судить об организации, составе, внутренней жизни первых христианских общин, отношениях их с властями, являются Деяния апостолов; Послания апостола Павла, адресованные христианам конкретных городов и областей; Послания, включенные в Новый завет под именем учеников Иисуса; первые три главы Апокалипсиса Иоанна (создан, по мнению современных исследователей и по церковной традиции, в конце I в.), адресованные христианам малоазийских городов Эфеса, Смирны, Пергама, Тиатир, Сард, Филадельфии и Лаодикеи, а также некоторые внеканонические писания. Апокалипсис написан с позиций иудео-христиан: в обращении к смирнийцам автор говорит, что он знает о злословии тех, «которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2: 9). Христианские объединения названы там греческим словом *εκκλησία* (в синодальном переводе — церковь). В греческих городах так назывались официальные органы самоуправления — народные собрания граждан. Христиане сознательно противопоставляли свои собрания, истинные «εκκλησίες» — враждебным им органам власти. Однако при изучении жизни христиан середины I в. нужно иметь в виду, что, за исключением Посланий Павла, остальные упомянутые писания были созданы после достаточно длительного господства устной передачи учения, не раньше

*Ветхозаветный персонаж Сусанна
(из Книги пророка Даниила)
(Рим. Катакомбы Петра и Марцеллина)*

последней трети I в., поэтому более подробный анализ организации еkkлeсий и их эволюция будет дана в особой главе после характеристики христианских священных книг.

Послания апостола Павла (во всяком случае, те, которые исследователи считают подлинными), как и его деятельность, освещенная в Деяниях апостолов, а также имена наместников, ситуация в местах, где он проповедовал, вписывается в середину I в. Павел сыграл огромную роль в становлении христианства. Его еврейское имя было Савл, он происходил из малоазийского города Тарса, по профессии был изготовителем палаток и имел римское гражданство, что в I в. среди незнатных провинциалов было большой редкостью; невольно хочется предположить, что получение гражданства им или еще его отцом было связано с его ремеслом (палатки были нужны прежде всего армии). Савл сначала был фанатичным иудеем, принимал участие в гонениях христиан в Палестине (в частности, в избивании Стефана), но по дороге в Дамаск, куда он также шел, чтобы организовать антихристианские выступления, он внезапно упал, ослеп и услышал голос, вопрошавший его: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня?». Этот голос, возгласивший, что Он есть Иисус, сказал, что в Дамаске Савл исцелится от слепоты, что и произошло. То, что Савл, ставший затем называть себя римским именем Павел, верил в свершившееся с ним чудо, не вызывает сомнений (возможно, как считают некоторые историки и медики, экзальтированный Савл испытал солнечный удар). После этого он стал активнейшим проповедником христианства. О Павле создано огромное количество книг и исследований, в том числе и на русском языке. Его проповеди оказали важнейшее влияние на учение и распространение христианства, но нас сейчас интересует не столько сама эта замечательная личность, а обычные люди, которые слушали разных проповедников, вошли в первые христианские общины, их организация, отношения друг с другом и их складывающиеся верования.

Деяния апостолов, по церковной традиции, с которой согласны большинство исследователей, написаны автором третьего Евангелия⁵¹. Это произведение объединяет запись устных

---

⁵¹ См.: Козаржевский А.Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 62–63.

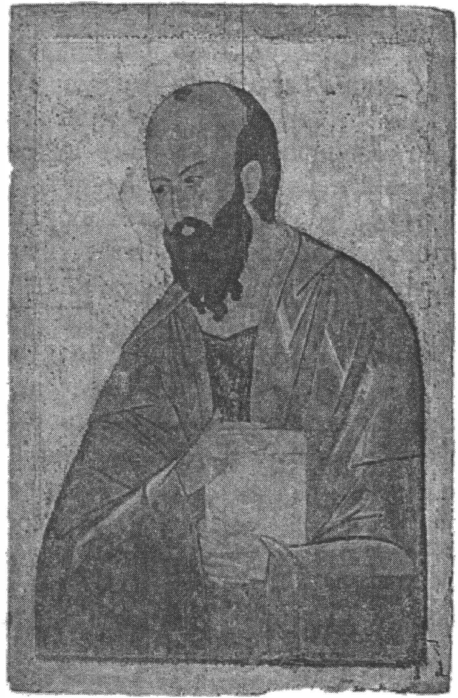
рассказов и легенд, связанных с Иерусалимской общиной, которую автор лично не знал, и своего рода путевой дневник, написанный от имени спутников (или спутника) Павла. В этой части содержится описание конкретных событий, реакции слушателей проповедей; там приводятся имена римских наместников, известных по независимым источникам; введены бытовые детали, соответствующие времени и месту действия. Сведения о христианах на территории империи содержатся и у языческих авторов, на них мы остановимся дальше.

Судя по сообщениям всех этих источников, довольно подробно воспроизводящих отдельные эпизоды деятельности первых христианских проповедников, в том числе и апостола Павла, вызывали разную реакцию: иногда их слушали со вниманием, иногда правоверные иудеи резко выступали против них. В Деяниях апостолов рассказывается, как в греческом городе Коринфе христианином стал «начальник синагоги», т.е. человек, который руководил организацией молитвенных собраний. А в городе Антиохии в Писидии — глубинной области Малой Азии, за Павлом и его спутником Варнавой пошли язычники, перед этим принявшие иудаизм, основная же масса правоверных иудеев убедила городское начальство изгнать христиан из города (Деян. 13: 14–50).

У Павла были сложные отношения с руководителями Иерусалимской общины. Он пришел к ним спустя три года после собственной проповеди, виделся там с Иаковом и Петром, с которыми вел переговоры (Галат. 1: 18–19). Многие иудеохристиане не доверяли ему: по свидетельству Деяний апостолов, даже боялись его. Только Варнава, его будущий спутник признал истинность его обращения в христианство и рассказал об этом апостолам (Деян. 9: 26–27). Павел несколько раз бывал в Иерусалиме; он договорился с руководителями Иерусалимской общины, что он и Варнава пойдут к язычникам («народам» — в греческом тексте), а те — к обрезанным, т.е. иудеям. По существу, Павел, не порывая с иудаизмом (как он пишет в Первом послании к коринфянам — «...для Иудеев я был как Иудей...» (I Кор. 9: 20), делом своей жизни стал считать обращение в христианство язычников (Галат. 2: 7); по существу, его идеей было, что Царство Божие наступит, когда во Христа уверуют и иудеи, и язычники.

Но не все проповеди приводили к успеху и среди неиудеев. Интересный эпизод, описанный в Деяниях апостолов, произошел с Павлом и Варнавой в Ликаонии (население ее в основном говорило на местном языке), области Малой Азии, мало затронутой греческой культурой. Павел и Варнава подошли к воротам небольшого города Листра и начали говорить о Спасителе. Местные жители, по-видимому, плохо поняли их, но темперамент странных гостей, повторяемое ими слово «Бог» произвели на слушателей впечатление: они решили, что к ним явились сами боги. Варнаву они приняли за Зевса, а Павла за Гермеса — последнее автор Деяний объясняет тем, что Па-

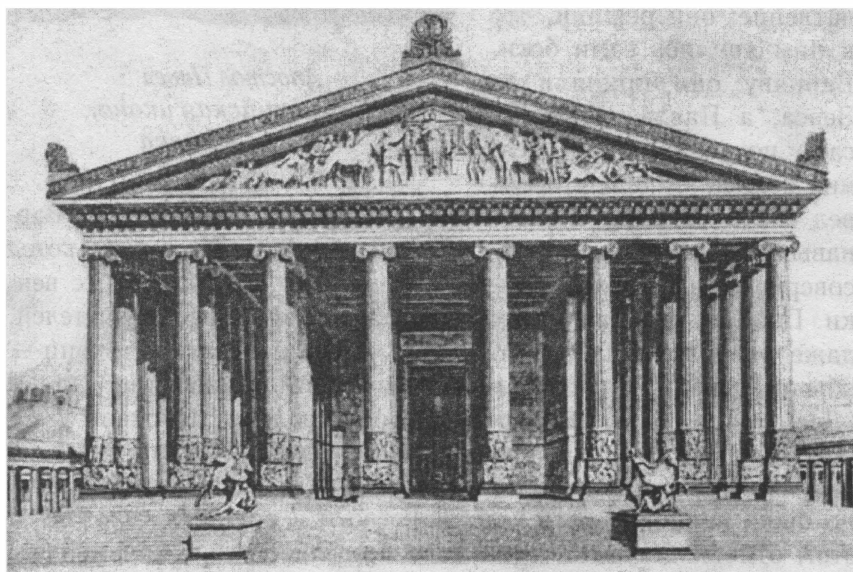

*Апостол Павел
Византийская икона,
конец VI века*

вел «начальствовал в слове», но, возможно, внешний вид Варнавы был более внушительен. Жрец святилища Зевса даже хотел совершить им жертвоприношения, привел волов и принес венки. Павел и Варнава всячески пытались разубедить слушателей, даже разорвали на себе одежду, чтобы показать, что они — обычные люди, и с трудом убедили толпу разойтись по домам (Деян. 14: 11 — 18). Интересно, что археологи раскопали у ворот Листры святилище, посвященное Зевсу, — место действия описано в Деяниях апостолов достаточно верно. Не менее сложно было проповедовать христианство и в крупных городах. В этом отношении важно описание происшествия в крупнейшем городе Малой Азии Эфесе. Во время пребывания там Павла и его спутников против них выступили ремесленники города —

серебряных дел мастера (Деян. 19: 25—40). Они изготовляли в качестве сувениров для приезжих серебряные модели храма Артемиды Эфесской, считавшегося одним из семи чудес Света. И вот кто-то из ремесленников подбил товарищей выступить против христиан, которые якобы утверждали, что «делаемое руками человеческими не суть боги». Толпа ремесленников, схватив спутников Павла, собралась в театре (к ним присоединились и просто любопытствующие) и начала выкрикивать обвинения против христиан и хвалу Артемиде. Стихийное выступление толпы напугало власти. Перед собравшимися выступил грамматевс (должностное лицо, один из сотрудников городского совета; в синодальном переводе — блюститель порядка) и стал успокаивать кричащих, говоря им, что если у них есть жалобы, пусть обратятся в суд или к наместнику, иначе они могут быть обвинены в возмущении, «ибо нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище». Этот рассказ отражает реальность общественной жизни в провинциальных городах империи, страх местных руководителей перед римскими властями, стремление избежать несанкционированных сборищ тол-

Храм Артемиды в Эфесе. Реконструкция

пы, нежелание ввязываться в религиозные конфликты, а также зафиксированное надписями существование влиятельной гильдии мастеров-серебряников в Эфесе. Понятно, что люди, подобные этим ремесленникам, не примыкали — во всяком случае, на первых порах — к христианам.

Кем же были первые последователи Христа за пределами Палестины? Анализ источников второй половине I в. позволяет сделать некоторые выводы об их этническом (вернее, этнокультурном) и социальном составе. В Посланиях Павла упоминается довольно много греческих имен, преобладают они и в Послании к римлянам (т.е. римским христианам). Правда, там названы некая Юлия и Юния, родственница автора письма. Обе эти женщины носят римские родовые имена; по всей вероятности, это были вольноотпущенницы, т.к. по римским обычаям вольноотпущенники принимали родовые имена своих бывших господ, ставших их патронами. Среди встречающихся в посланиях имен имеется и рабское прозвище — Филолог. Рабам часто давали клички по их занятиям. (В данном случае, вероятно, речь идет об образованном греке при каком-то богатом господине.) Еще одному рабу, Онисиму, по-видимому, беглому, ставшему христианином, посвящено Послание к Филимону. В Послании к колоссянам Павел особо оговаривает, что два человека, о которых он пишет — Марк, племянник Варнавы, и Иисус, прозванный Юстом (от латинского *юстус* — справедливый) — из обрезанных. В данном случае мы снова встречаемся с иудеями, которые приняли римские имена и прозвища, что показывает их связь, несмотря на еврейское происхождение, с античной языковой средой. Латинское прозвище Фортунат носит еще один персонаж в Первом послании к коринфянам. Среди приверженцев Павла был и некий Тит (типично римское имя), несколько раз упоминаемый во Втором послании к коринфянам, хотя в Послании к галатам он назван эллином, притом необрезанным (Гал. 2: 3). Еще одно латинское имя Гай принадлежало выходцу из глухого малоазийского города Дерве (Павел говорит, что крестил его — Деян. 20: 4; I Кор. 1: 14); вряд ли он был связан с римлянами по крови так же, как и Тит. В Посланиях Павла и Деяниях апостолов преобладают в целом греческие имена: Тимофей (характерно, что его отцом был грек, а матерью иудейка),

*Домовладелец Теренций Неро с женой.
Роспись из Помпей (Неаполь, Национальный музей)*

Тихик, Аристарх, Трофим, хотя нельзя сказать с определенностью, что это были именно эллины, в городах восточных провинций еще со времени завоеваний Александра жители городов (а позже и деревень) перенимали античную культуру, говорили на греческом языке, а некоторые из них, даже не будучи вольноотпущенниками, брали римские имена. Таким образом, смешение имен разного происхождения может свидетельствовать о том, что многие люди из окружения Павла не были прочно связаны с местными или семейными традициями, что облегчало им принятие новых верований. В этой связи интересно отметить, что в таком центре эллинской культуры и образованности, как Афины, проповедь Павла успеха не имела его рассказ о будущем воскресении мертвых вызвал насмешки. В Деяниях апостолов названы только два челове-

ка, примкнувшие к Павлу в Афинах: собственно афинянин Дионисий и женщина, носившая явно негреческое имя восточного происхождения Дамарь (Деян. 17: 34). Среди помощников Павла в тех городах, где он действовал, были и переселенцы. В Коринфе такими людьми стали Акила, иудей, родом из малоазийской области Понт (южное побережье Черного моря), и жена его Прискилла (латинизированное имя); некогда они жили и работали в Риме (как и Павел, изготовляли палатки), были изгнаны из Рима при императоре Клавдии и обосновались уже в Греции. В городе Филиппы христианкой стала переселенка Лидия, торговка багрянницей (дорогая ткань багряного или пурпурного цвета). Можно говорить, что среди неиудеев первыми, кто принял христианство, были люди, происходившие от смешанных браков, вольноотпущенники, может быть, и рабы, переселенцы, потерявшие связь с родиной, которые рядом с образованными жителями больших городов, гордившимися своими эллинскими традициями, чувствовали себя людьми «второго» сорта».

В Посланиях, вошедших в Новый Завет под именем Павла (не все эти Послания созданы им самим, как об этом будет сказано в следующей главе), и в большинстве глав Деяний апостолов упомянуты люди, главным образом связанные с окружением Павла и его учеников. Но это были не единственные люди, поверившие в Иисуса. Откровение Иоанна повествует об иудео-христианах в некоторых из тех городов, где проповедовал Павел (Эфес, Лаодикия — существовало, не дошедшее до нас Послание Павла к лаодикийцам). Интересно, что в обращении к эфесским христианам в Откровении сказано, что они испытали тех, кто называет себя апостолами, «а они не таковы» — может быть, здесь имеются в виду сам Павел и его ученики, бывшие в свое время в Эфесе? Иудео-христиане, в частности эбиониты, по свидетельству того же Иринея, не признавали апостола Павла, считая его отступником. Впрочем, среди христианских групп, названных в Откровении, были и такие, которые общались с язычниками и ели идоложертвенное (т.е. мясо животных, принесенных в жертву языческим богам). Послание к евреям также обращено к иудео-христианам. Так что в конце I в. иудео-христиане существовали в греческих городах наряду с теми общинами, которые принимали

и язычников, не заставляя их соблюдать иудейскую обрядность и на первых порах не выступая против нее. Свидетельство этому то, что Павел, обращая в христианство Тимофея, чья мать была иудейкой, а отец эллином, совершил над ним обрезание «ради иудеев, находившихся в тех местах» (Деян. 16: 3). Он стремился объединить всех уверовавших в воскресение Христа и скорое Второе пришествие. В Первом послании к коринфянам апостол прямо говорит: кто призван обрезанным — «не скрывайся», а кто необрезанным — «то не обрезавайся» (I Кор. 7: 18). Призывы Павла, повторенные в нескольких посланиях: «Нет уже Иудея, ни язычника (в греческом тексте — эллина), нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе» (Послание к галатам, 3: 28; в Послании к колоссянам добавлено: «варвара, скифа» — 3: 11), направленные на объединение всех христиан из разных этнических групп и социальных слоев, заложили основы для превращения христианства в мировую религию, но успех пришел не сразу. По-видимому, еще были сильны противоречия внутри обращенных. Есть основания предполагать, что в конце жизни Павел оказался в одиночестве. В Деяниях апостолов упоминается, что во время его последнего посещения Иерусалима против него выступили иудеи и, возможно, иудео-христиане. Павел был арестован прямо во дворе Храма. После слушаний перед синедрионом римский наместник ночью под охраной отправил его в Кесарию, по-видимому, боясь расправы с Павлом толпы, считавшей его отступником. В конце концов как римский гражданин он был отправлен для суда в столицу империи. Автор Второго послания к Тимофею⁵², послания, которое, возможно, написано раньше Первого, пишет о том, что находится в заточении в Риме, что все его сторонники из провинции Малая Азия ушли, что многие его оставили: «Димас оставил меня, возлюбив нынешний век», т.е. совсем отошел от христианства; при первом допросе Павла (римлянами) с ним никого не было. Соответствуют ли эти слова действительности, мы не можем сказать точ-

---

⁵² Послания к Титу, два послания к Тимофею современные комментаторы не считают принадлежащими Павлу, но созданными его последователями. Второе Послание к Тимофею кажется более близким Павлу. См.: Brown R. An Introduction to the New Testament, N.Y. 1997. P. 672 ff.

но, но так ощущали те, кто, может быть, с устных слов Павла или по чьим-то рассказам описывали его переживания, а также называли имена тех, которых они знали как покинувших Павла. Деяния апостолов не дают сведений о конце жизни Павла. В христианской литературе преобладает предание о том, что Павел был казнен в Риме при императоре Нероне. Но в Посланиях Климента Римского, бывшего, по преданию, главой римской христианской общины в конце I в., есть указание на то, что Павел достиг «западных пределов», т.е. самой западной провинции — Испании. Такая неопределенность может быть связана с тем, что в конце деятельности у Павла не было много сторонников, поэтому следы его затерялись. Лишь позже, во II в., когда изменилась ситуация внутри христианских общин, учение Павла о равенстве всех людей⁵³ перед Христом получило широкое распространение и о нем создавались различные рассказы.

Количество христиан в период создания Посланий Павла и Откровения Иоанна Богослова было еще невелико. В Деяниях апостолов иногда говорится о множестве эллинов и иудеев, которые шли за христианскими проповедниками, но если перейти от общих фраз к конкретным примерам, приведенным там же, то вырисовывается иная картина. Так, во время пребывания Павла в малоазийской области Троада все его ученики уместились в одной комнате (Деян. 20: 7—8). В Эфесе Павел обратил в христианство двенадцать последователей Иоанна Крестителя. В Откровении сказано, что в Сардах есть «несколько человек, которые не осквернили одежд своих», т.е. не отошли от учения, которое автор считал истинным.

Определение социального состава первых христианских общин вызывает известные трудности из-за скудости данных. Принято считать, что в них преобладали низы населения, в том числе рабы, хотя конкретные примеры в источниках христиан-рабов не слишком многочисленны. Теоретически христианство должно было привлекать рабов: они были чужаками в римском обществе. Какое бы положение они ни занимали —

---

⁵³ Обращает на себя внимание, что в перечислении этих людей не названы римляне: Павел их воспринимал, по-видимому, только как правовую группу римских граждан, среди которых могли быть и эллины, и иудеи, как он сам. Для него политические и правовые разделения этого мира — кроме рабов и свободных, значения не имели.

доверенного слуги, который мог распоряжаться другими рабами, или закованного в кандалы сельского раба, они оставались вещью, собственностью хозяина. В Посланиях Павла вопрос о рабстве специально не рассматривается. В Первом послании к коринфянам сказано: «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» (1 Кор. 21: 22). Проблема реальной свободы или несвободы была не только для Павла, но и для первых христиан вообще несущественной: они ожидали конца этого мира, Страшного суда и установления Царства Божьего на преображенной земле, где люди, вошедшие в это Царство, тоже будут преображены. Поэтому обстоятельства их временной жизни не имели значения. В отдельных случаях вопрос о рабстве того или иного христианина решался между членами общины. Павел (хотя авторство его подвергается сомнению, но в данном случае это несущественно) в небольшом Послании к Филимону просит его принять раба Онисима, покинувшего своего господина, но ставшего для Павла братом во Христе, и в свою очередь отнестись к Онисиму как к брату возлюбленному. Некоторые ученые выдвигают версию, что Онисим был затем освобожден; будучи еще молодым человеком, он занял в Эфесе особое положение среди христиан, стал епископом и был жив еще полвека спустя. Епископ Онисим упомянут в послании Игнатия Антиохийского (II в.) к ефесянам (1: 3). Он мог сохранить разрозненные письма Павла, в том числе и то, которое обеспечило ему свободу. Эта романтическая версия истории одного раба в свете почитания христианами II в. памяти святого апостола Павла представляется заслуживающей интереса.

В конце I в. множество иудеев были обращены в рабство, они жили, работали, сражались на аренах амфитеатрах вместе с другими рабами. Те из них, кто принял христианство или знал историю Христа, рассказывали о своей вере товарищам, которые тоже проникались новой верой. Среди христиан восточных провинций были люди разных профессий. Акила, соратник Павла, изготовлял палатки и одно время работал вместе с апостолом. Еще в II в. Цельс упрекал христиан, что они проповедуют среди «грубых мужланов» — шерстобитчиков, валяль-

щиков, кожевников — это были самые непрестижные в империи профессии. Сельских жителей за пределами Палестины первоначально, вероятно, было немного, но уже в начале II в. христианство проникает в малоазийские деревни, в те, что прежде всего находились вблизи городов. Плиний Младший, посланный императором Траяном в малоазийскую провинцию Вифанию, сообщал императору, что суеверие (он имел в виду христианство) распространилось и в сельские местности (Письма, X, 96). Был христианином или, скорее, сочувствовал им некий Тиранн в Эфесе, в школе которого после изгнания из синагоги учил Павел (Деян. 19). Однако для образованных людей в христианстве время еще не пришло. Большинство общин первого века были бедны. О христианах в Смирне автор Откровения пишет, что знает их нищету (Откр. 2: 9). Павел постоянно нуждался в помощи своих собратьев по вере, но не все могли — или хотели — ему помочь. В Послании к филиппийцам Павел пишет, что, когда он вышел из Македонии, никто кроме них не оказал ему участия в подаянии, зато христиане города Филиппы посылали ему помощь даже когда он пребывал в Фессалониках. Кроме филиппийцев упомянуты и другие благополучные общины — община в Лаодикее считала себя богатой и ни в чем не имевшей нужды, но, с точки зрения автора Откровения, это отнюдь не достоинство, на самом деле, по его словам, она слепа, нища и нага (имелось в виду — духовно). Отрицательное отношение к богатству, восходившее к проповедям Иисуса, в среде иудео-христиан сохранялось довольно долго. Но в целом христианство на территории империи привлекало не только бедняков, проповедники обращались ко всем обездоленным в широком смысле слова. Через все писания ранних христиан проходят призывы к нищим, сиротам, вдовам, калекам, грешникам, блудницам — ко всем тем, кто чувствовал себя социальными или моральными изгоями в окружающем их мире, людям, лишенным семейных связей, порвавшим по тем или иным причинам с родиной, чужакам среди коренного населения, а также ущемленным физически — их особенно должна была привлекать христианская идея сочувствия и спасения через страдание.

Подход христиан отличался от представления о сострадании в античном мире. Аристотель в «Поэтике» писал, что со-

страдание бывает лишь к незаслуженно страдающему; жалость может быть вызвана только несчастьем, причиненным близким людям. Если же так поступаешь по отношению к врагу, то ни действие, ни намерение не содержат ничего вызывающего жалость. Другими словами, страдание само по себе сочувствия не вызывает. Первые же христиане принимали к себе всех страждущих: презираемых сборщиков налогов и блудниц, если они раскаивались, больных, калек. Физическое уродство вызывало в греческих полисах презрение и брезгливость, там сложился идеал человека, прекрасного внутренне и внешне. Недаром Цельс, полемизируя с христианами, писал, что, если бы божество воплотилось в человеке, оно выбрало бы статного, красивого, сильного человека, обладающего красноречием, а Иисус (пишет Цельс), по словам самих христиан, был некрасив и мал ростом; мы не знаем, где эти слова у христиан вычитал Цельс, подобное описание скорее могло относиться к Павлу, но характерно само представление язычника о необходимости для божества внешней красоты. Среди калек, примкнувших к христианству, вероятно, было много нищих в прямом смысле слова, поскольку многие из них не могли работать, но, возможно, среди них были и зажиточные люди.

Особое место среди христиан занимали женщины. Общественное мнение античного мира не признавало равенства мужчин и женщин. Аристотель называл женщину существом низким, хотя она и могла быть благородной (Поэтика, 15). Тот же Цельс, издеваясь над сложившейся верой в непорочное зачатие, писал, что если бы Бог захотел отправить на землю Дух, зачем его было вселять в столь нечистое место, как чрево женщины (Ориген. Против Цельса, VI, 73). В первые века нашей эры отношение мужчин к женщинам было противоречивым. С одной стороны появляются восхваления женщин: Плутарх создал специальное сочинение «О доблестях женщин»; главными женскими добродетелями почитались скромность, верность, героическая защита своей чести. Но в реальности далеко не многие женщины следовали этому идеалу; обедневшие женщины, потерявшие кормильцев, вынуждены были сами зарабатывать себе на жизнь разными способами, становились наемными работницами, актрисами в площадных балаганах, музыкантшами и, наконец, теми, кого в христианской литера-

туре называют блудницами (впрочем, некоторые из них были очень богатыми гетерами). Женщины обеспеченные, происшедшие из верхов общества, стремились принимать участие в общественной жизни, влиять на политику, пусть хотя бы в масштабе родного города. Они жертвовали деньги на организацию празднеств, стремились проникнуть в частные союзы мужчин и даже создавали собственные объединения, но таких женщин было немного. Честолюбивые стремления женщин наталкивались на стойкую традицию недопущения их к открытой политической деятельности, к таинствам мужских союзов. Противоречия между мужчинами и женщинами — наряду с восхвалениями и поучениями — вызывали отрицательную реакцию представителей мужского пола. В литературе того времени распространяется представление о женщине как носительнице темного начала; можно вспомнить колдуний, распутниц, убийц из «Метаморфоз» Апулея, например, женщину, убившую своего мужа, или ту, которая «несчастливого мужа вводила в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянному блуду, оскверняя свое тело» (IX, 14).

Неудивительно, что в такой психологической обстановке христианская проповедь, не разделявшая мужчин и женщин, нашла отклик в женских душах. Здесь уже приводились имена женщин-христианок, упомянутых в Посланиях Павла и Деяниях апостолов. Среди них были вольноотпущенницы римских господ, возможно, рабыня Персида (она названа в Послании к римлянам, 16: 12), родственницы христианских проповедников — четыре дочери диакона Филиппа (Деян. 21: 9), сестра некоего Нерея (К римлянам, 16: 15). Мать спутника Павла Тимофея была иудейкой, уверовавшей во Христа. К христианам примкнула уже названная выше Лидия, торговка, имевшая собственный дом. Крестились и женщины из высших слоев общества. В Деяниях апостолов рассказано, что в Фессалониках к Павлу и его спутнику Силе присоединилось немало женщин «из первых» (в синодальном переводе — из знатных, Деян. 17: 4); а в городе Берое наряду с мужчинами уверовали и женщины из «благородных» (в синодальном переводе — «почетные»: Деян. 17: 12). Христианки вели активную проповедническую деятельность. В Послании к филиппийцам Павел просит помогать двум женщинам Евдокии и

*Портрет женщины-христианки. Роспись
(Рим. Катакомбы Петра и Марцеллина)*

Синтихии (оба имени греческие), «подвизавшимся в благовестии вместе со мною и Климентом...» (Флп. 4: 3). Помощницей Павла была диакониса Фива (Послание к римлянам, 16: 1–2). Среди женщин были и пророчицы: этим даром, согласно Деяниям апостолов, обладали дочери Филиппа из Кесарии (Деян. 21: 8–9). Стремление женщин к активному участию в молитвенных собраниях привело к тому, что Павел вынужден был сформулировать для них правила поведения: женщины, молящиеся или пророчествующие, должны быть с покрытой головой. Основная масса женщин-христианок должны были молчать в этих собраниях и учиться дома у своих мужей (речь шла о рядовых замужних женщинах, но не о пророчицах). Однако не все пророчицы в иудео-христианских общинах вели себя достойно. Так, в Откровении Иоанна, обращаясь к еkkлeсии (христианской общине) в Фиатирах, автор говорит о пророчице, которую он называет Иезавель, возможно, употребляя это имя как образ⁵⁴. Эта пророчица вводила христиан в заблуждение, учила «любодействовать и есть идоложертвенное» (Откр. 2: 20).

Другой проблемой внутри христианских общин было отношение между полами. Отсутствие семейных связей у ряда христиан при недостаточно глубоко понятом единении в вере и пренебрежении к светским установлениям приводило к тому, что Павел в Первом послании к коринфянам называл блудодеянием: «Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние и притом такое, какого не слышно даже у язычников, что некто имеет вместо жены жену отца своего» (1 Кор. 5: 1). Павел требует изгнать блудодеев из среды верующих, при этом апостол подчеркивает — блудодеев из христиан, ибо внешних будет судить Бог. Павел не требует безбрачия (у апостолов Иисуса и братьев Господних были семьи), но он считает невозможным развод со стороны христианина (христианки) даже с неверующим супругом: развод возможен только по инициативе неверующего.

Среди верующих было, по-видимому, много вдов, находившихся на содержании общины, что ложилось тяжким финансо-

---

⁵⁴ Имя этой блудницы неоднократно упоминается в Ветхом Завете: в 3-й Книге Царств она истребляла пророков, любодействовала и т.п.

вым грузом на остальных христиан. Автор Первого послания к Тимофею полагает, что те, у кого есть родственницы-вдовы, должны сами о них заботиться, чтобы община (экклесия) могла «довольствоваться истинных вдовиц». По-видимому, для оказания помощи вдовицам избиралась одна не моложе 60 лет, известная добрыми делами, бывшая один раз замужем (характерное требование для жительниц империи, где разводы и повторные браки были достаточно частым явлением), воспитавшая детей, принимавшая странников. Резко выступает автор послания против молодых вдовиц, которых не следует принимать на содержание. Такие вдовы впадают в роскошь, в противность Христу, и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны и говорят то, чего не должно (1 Тим. 5: 11–13). Поэтому молодые вдовы пусть лучше вступают в новый брак, рожают детей, управляют домом. Разумеется, эти раздраженные слова не отражают поведения всех молодых христианок, но, говоря о существенной роли женщин в распространении христианства на первых этапах его существования, нельзя забывать и о тех реальных конфликтах, которые порождало их участие в христианских общинах рядом с мужчинами.

Мы мало знаем о внутренней жизни христианских общин на территории империи середины первого века. Сам термин «община» условен — христиане называли свои объединения экклесиями (на русский язык это слово применительно к христианам переводится как церковь). Религиозные объединения язычников назывались иначе — союзы, фисасы, коллегии и т.п. Христиане противопоставляли свои собрания союзам язычников, участие в которых определялось уставами: христианам не нужны были уставы, созданные людьми — в своей жизни они следовали учению Иисуса. В отличие от Иерусалимской общины, у христиан вне Палестины не было не только общности имущества, но и распределительного равенства. Те, у кого были средства, не распродавали свое имущество, но оказывали помощь братьям по вере. Уже упоминавшаяся христианка Лидия имела свой дом, куда пригласила Павла и его спутников; имели дом в Эфесе Акила и Прискилла. В Первом послании к коринфянам, Павел, упрекая христиан в невоздержанности во время общих трапез, писал: «Разве у вас нет домов, чтобы есть и пить?». Общинные трапезы были, по-видимому,

главной составной частью собраний христиан, как и у других древних религиозных объединений, в том числе и мистерияльных, где совместное поедание пищи (главным образом жертвенных животных) и питье вина носили сакральный смысл единения участников собрания. Но мистерияльные обряды имели вневременной характер. Христиане же, жившие в окружении языческих обычаев, наполнили общую трапезу новым смыслом, превратив ее в обряд *евхаристии* (благодарения — слово, также существовавшее в языческом лексиконе) — преломлении хлеба и вина, так же как они наполнили новым смыслом понятия *евангелие* и *екклесия*.

Восстановить верования разнородной массы первых христиан на территории империи, существовавшие до создания основного корпуса писаний, и без учета их хронологии довольно сложно, поскольку мы имеем дело с ограниченным количеством источников. Можно говорить об идеях Павла (но насколько широко они были приняты в середине I в.?), в известной мере — об идеях Страшного суда в Апокалипсисе, хотя произведение это, созданное в конце I в., отражает умонастроения христиан уже после поражения Иудейского восстания. Общей для всех групп христиан была вера в воскресение Христа, в его искупительную жертву (как сказано в проповеди Петра в Деяниях апостолов: «всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (Деян. 10: 43). Хотя в этой проповеди еще нет рассказа о непорочном зачатии и рождении Иисуса как Сына Божия, такие верования, по всей вероятности, уже появлялись в отдельных группах. Павел не отрицал человеческой природы Иисуса, но для него главным была его извечная божественная сущность. Он — образ «Бога невидимого», олицетворение «Славы Божией» (2 Кор. 4: 4, 6). Характерным было также страстное ожидание Страшного суда, к которому христиане должны были готовиться, «чтобы... быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 1: 8). Второе пришествие, как и в проповеди Иисуса, должно установить Царство Божие, в котором воскреснут мертвые. Повидимому, это учение о воскресении мертвых (оно стало актуальным, когда часть первых христиан уже умерла) вызывало много вопросов (недаром афиняне, слушая проповедь Павла, высмеяли именно это положение). Павел отвечает, что

воскресение произойдет в ином «нетленном» теле (I Кор. 15: 54). В Царстве Божием будет править Сын властью, врученной Ему Отцом, «доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится — смерть... Когда все покорит Ему, тогда и сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (там же, 15: 24—28). Таким образом, у Павла еще нет догмата о Святой Троице, ибо Сын, в его представлении, в конце концов покорится Богу. Такая позиция вполне понятна, Павел продолжал быть связан с иудейским монотеизмом.

Если Павел сосредоточивался на идее воскресения, то у христиан, к которым обращался автор Апокалипсиса, была надежда на Страшный суд, во время которого погибнут грешники, идолопоклонники, убийцы. Главная тема — образ страшных наказаний, которые Иоанн описывал с особым вдохновением. Ненависть вызывал Рим, правивший множеством народов: «Ибо грехи ее дошли до неба и Бог вспомнил неправды ее...» Впрочем, нельзя упускать из виду, что Откровение создано уже после первых гонений на христиан при Нероне и разгрома Иудейского восстания. Ни Павел, ни автор описания Страшного суда не отражают в полной мере недостаточно оформленных верований первых христиан. Христианские еkkлeсии были открыты, в них, насколько можно судить по посланиям Павла, выступали разные проповедники и пророки. Собственно, сами Послания и были связаны с тем, что их автор стремился подкрепить ими свое учение и нравственные наставления, направленные как на внутреннюю жизнь христианских общин, так и на отношения их с внешним миром, которые определялись, по существу, все тем же скорым ожиданием конца света, а значит и неважностью отношений мирских. Показательны слова Павла об «идоложертвенном», т.е. о мясе животных, принесенных в жертву языческим богам. Вслед за иудеями христиане резко отрицательно относились ко всем языческим обрядам, принимать участие в них считалось страшным грехом — вероотступничеством. Но в то же время, имея дело с частными людьми, отдельные христиане могли в их доме вкушать такое мясо. Дело в том, что, согласно установлениям в античных городах, лишь одна определенная часть животного сжигалась на алтаре в качестве жерт-

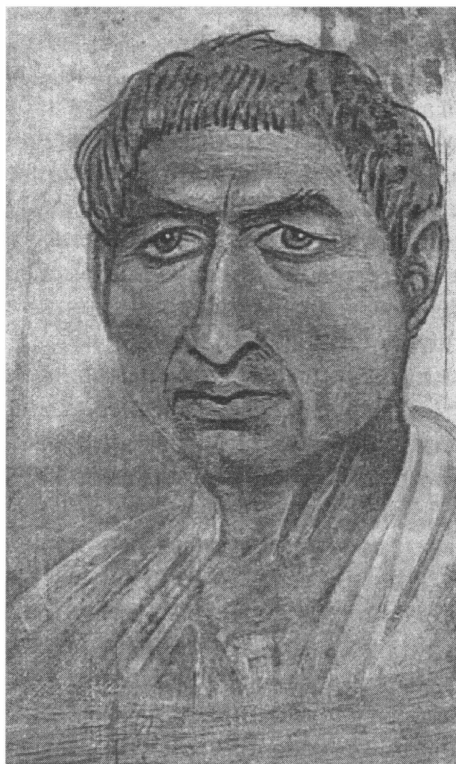

вы, другая часть шла жрецу, а третья возвращалась жертвователю. Павел попытался дать конкретные рекомендации по этому поводу: в Первом послании коринфянам он пишет, что все, что продается на торгу, можно есть без всякого исследования; если христианин приходит в гости к язычнику, он не должен спрашивать о происхождении пищи. Но если ему скажут, что это — идоложертвенное, то он должен отказаться ради совести и не подавать соблазна ни иудеям, ни эллинам, ни Церкви Божией (1 Кор. 10: 25—33). Это позиция человека, для которого главное — духовная подготовка к Царству Божию, а не соблюдение мелочных регламентаций. Христианин сам должен по совести определять свои поступки... В то же время открытое разрешение есть идоложертвенное могло привести к смешению с язычниками, к разрушению той особой избранности, отрешенности от осужденного мира, которую ощущали первые христиане. Также характерно, что, стремясь сохранить единство и отделенность христианских объединений от остального мира, Павел призвал все конфликты, которые могли бы возникнуть между христианами, не разрешать у официальных судей, но решать их между собой. Вероятность обращения к судьям показывает, что между христианами могли возникать противоречия не только в связи с расхождениями в вероучении, но и на бытовой почве (имущественные?), но они то и не должны были разъединять христиан; это наставление косвенно указывает также, что в середине I в. еще не сложились собственно христианские правовые нормы, впрочем, люди, ожидавшие скорого конца света, и не стремились к закреплению подобных норм.

С таким отношением связано и восприятие — вернее, невосприятие христианами властей, против которых они не выступали, ибо те были частью «греховного» мира, обреченного на гибель. В свою очередь, как уже говорилось, римские провинциальные правители до поры до времени не воспринимали христиан всерьез, но только в связи с возможными беспорядками: они были для них лишь частью беспокойных иудеев. Ситуация изменилась в 64 г., после грандиозного пожара в Риме, уничтожившего значительную часть бедных кварталов города. После пожара поползли упорные слухи, что сам император Нерон отдал приказ о поджоге, чтобы на месте сгоревших до-

мов построить новые роскошные здания. Историк Тацит в «Анналах» подробно описал пожар и его последствия; он говорит, что пресечь слухи о виновности императора было невозможно никакими средствами: ни щедротами императора, ни обращением к божествам. Тогда Нерон решил найти виновных. Естественно, что такими виновными оказались чужаки — христиане, находившиеся вне традиционных связей и традиционных верований. В Риме вряд ли было много христиан, но важно было выдать разъяренному плебсу людей, за которыми не стояла сколько-нибудь влиятельная социальная или этническая группа, и можно было не опасаться выступлений в их защиту.

*Портрет римлянина
(Конец I — начало II в.,
Лондон, Брит. музей)*

Именно в связи с этими событиями христиане как бы выделяются в особую группу, о которой основное население столицы до этого знало мало. О христианах ходили разные слухи, их считали врагами рода человеческого (вероятно, в связи с идеей конца мира); Тацит пишет, что «своими мерзостями» они навлекли на себя всеобщую ненависть (XV, 44), хотя в чем конкретно заключались эти «мерзости» — неизвестно. Позиция Нерона не была принципиально антихристианской, просто христиане оказались удобным «козлом отпущения». Их подвергли изощренным пыткам и публичным казням; доносы, как всегда во время террора, касались самых разных людей, и не только христиан — но до-

носы эти не проверялись. Сначала, по словам Тацита, были схвачены те, кто открыто признавал себя христианами, а потом множество прочих, избличенных не столько в поджоге, сколько в ненависти к роду человеческому. Описание казней производит страшное впечатление: христиан облачали в шкуры диких зверей, чтобы они были растерзаны на смерть собаками, распинали на крестах, поджигали с наступлением темноты в виде «живых факелов» для ночного освещения. Для этого Нерон предоставил свои сады. По преданию, именно в это время были казнены апостолы Петр и Павел.

*Портрет женщины.
На пороге христианства
(Санкт-Петербург)*

Изощренная жестокость вызвала обратную реакцию: Тацит пишет, что римляне стали испытывать сострадание к мученикам, «ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона». Сострадание в сочетании с ненавистью к Нерону должно было увеличить число сторонников (пока, может быть, скрытых) христиан. Гонения на христиан не вышли за пределы Рима, но теперь учение этой религиозной группы стало осознаваться не только самими христианами, но и окружающим населением как нечто значимое, противостоящее миру политеизма и вызывающее отчасти интерес, отчасти симпатию, но отчасти — и пока еще среди большинства — неприязнь как к чему-то чуждому.

Глава 6

СОЗДАНИЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НОВЫЙ ЗАВЕТ И АПОКРИФЫ

Со второй половины I в. начинается важнейший процесс самоидентификации христиан — создание собственных священных книг.

Проблема определения времени и места возникновения христианской литературы, особенностей жанров, авторства, истоков и источников книг как признанных впоследствии ортодоксальной Церковью священными, так и отвергнутых, представляет большие трудности. В Новый Завет — собрание, почитаемое всеми христианами, входят 27 писаний: четыре Евангелия, Деяния апостолов, четырнадцать Посланий, автором которых считается Павел, а также Послание Иакова, два Послания Петра, три Послания Иоанна и Послание Иуды — их принято называть соборными или католическими (т.е. всеобщими), так как они затрагивают общецерковные вопросы и не адресованы — в отличие от Посланий Павла — конкретным общинам. Завершает собрание книг Нового Завета Откровение Иоанна Богослова (или Апокалипсис — по-гречески). Однако писания, вошедшие в Новый Завет, были лишь частью обширной христианской литературы, создававшейся в I—III вв. Состав Нового Завета был определен после долгих споров на Лаодикийском соборе 363 г. и на Карфагенском соборе 419 г. — т.е. спустя столетия после зарождения христианства. Не дошло ни одной полной рукописи входящих в Новый Завет писаний, которые могли быть прямо связаны с их авторами или первыми переписчиками. Самый древний кодекс Нового Завета — так называемый Синайский — относится к IV в.; найдены только отдельные папирусные фрагменты не раньше первой четверти II века.

Как уже говорилось, несколько десятилетий после казни Иисуса проповеди были устными, и слово «евангелие» не относилось к письменному тексту, а лишь к благой вести об Иисусе. Таково значение этого слова в Посланиях Павла, который ни разу не ссылается на писаное евангелие: например, во Втором послании к коринфянам: «Ибо, если бы кто, придя, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали... или иное благовестие (в греческом тексте — евангелие), которого не принимали, то вы были бы очень снисходительны к тому» (2 Кор. 11: 4). В таком же значении это слово употреблено и в Послании к римлянам (2: 16). Применительно к писаному тексту «евангелие» стало употребляться не раньше II века. Христианский писатель середины II в. Юстин упоминает речения Иисуса и «воспоминания апостолов» — последнее, вероятно, относится к писаниям от имени апостолов, т.е. некоторым евангелиям.

Устная традиция продолжала существовать и в тот период, когда уже появились писания. Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» приводит слова Папия, который собирал устные рассказы в первой половине II в.: «...если мне случалось встретить кого-либо общавшегося со старцами, то я заботливо расспрашивал об учении старцев, например, что говорил Андрей, что — Петр, что — Филипп, что — Фома или Иаков... Ибо я полагал, что книжные сведения не столько принесут мне пользы, сколько живой и более внедряющий голос» (III, 39). В течение XX века ученые, используя различные методики анализа прежде всего трех первых Евангелий Нового Завета, выделили разные блоки традиции: речения Иисуса, поучительные истории, рассказы о чудесах, сотворенных Иисусом. Составной частью традиции считаются и повторяющиеся из проповеди в проповедь цитаты из иудейских священных книг, главным образом из пророков. Некоторые ученые даже высказали предположение, что первыми записями, сделанными христианами, были цитаты из книг Ветхого Завета, тех, где речь шла об ожидании мессии (так называемые свидетельства). Впрочем, цитаты могли заучиваться наизусть.

Между устными выступлениями разных проповедников неизбежно возникали расхождения — что обуславливалось объективными (избирательностью памяти) и субъективными (теоло-

гическими задачами, стоявшими перед тем или иным проповедником) причинами. По существу, раннее христианство представляло собой множество вариантов, часто имевших между собой мало общего, хотя все они концентрировались вокруг веры в воскресение Спасителя; каждая группа имела свою «историю Иисуса». В этих условиях как одни из самых ранних письменных памятников христианской литературы и появились Послания Павла. Современные ученые на основе стилистического и содержательного анализа не считают подлинными все послания, авторство которых обозначено его именем. К подлинным относят Послание к римлянам, Послание к галатам, оба Послания к коринфянам (судя по их содержанию, существовало еще одно послание, не дошедшее до нас), Первое послание к фессалонийцам, Послание к филиппийцам, иногда — Послание к Филлимону, о котором говорилось выше. Существовала точка зрения о подлинности Первого послания к Тимофею, но в литературе последних лет его подлинность отрицается, как раз Второе послание к Тимофею считается более близко передающим наставления Павла, хотя написано и не им⁵⁵. Безусловно, не принадлежит Павлу Послание к ефессянам, стилистически существенно отличающееся от других посланий; вероятно, оно было создано уже после его смерти его учениками. Особняком по языку и содержанию стоит Послание к евреям, совсем не похожее на писания Павла. В авторстве последнего сомневались уже христианские писатели II—III веков (Ориген, Тертуллиан). Послания Павла, когда они писались, не были священными, хотя и почитались в отдельных христианских общинах и толковались по-разному. Так, во Втором послании Петра, созданном во II в. (возможно, это самое позднее произведение Нового Завета), сказано, «что невежды и неутвержденные к собственной гибели» превращают сказанное в Посланиях Павла «в нечто неудобовразумительное» (1 Петр. 3: 16).

В Посланиях Павла встречаются ссылки на слова, произнесенные Иисусом, причем не все они имеют прямые параллели в канонических Евангелиях (такие речения, приведенные у некоторых других христианских писателей, принято называть

---

⁵⁵ Проблемы, связанные с посланиями Павла, разобраны в работе: Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 71—81.

«аграфы» — неписаное). Например, описание Второго пришествия в Первом послании к фессалоникийцам: «Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4: 15–17). В Послании к ефесянам также есть аграфы — «Посему сказано: встань, спящий, и воскресни из мертвых и осветит тебя Христос» (Еф. 5: 14). Вероятно, именно отдельные речения — логики Иисуса были записаны одними из первых. Папий посвятил логиям специальное сочинение «Изъяснение Господних изречений». В 1897 г. в Оксирихе (Египет) были найдены на папирусе восемь изречений на греческом языке, а несколько лет спустя — еще шесть. Каждое изречение начинается словами — «Говорит Иисус». Некоторые из речений перекликаются со словами Иисуса, приведенными в Новом Завете; например: «Говорит Иисус. Не бывает принят пророк в своем отечестве, да и врач не лечит знающих его» (ср. Мк. 6: 4; Мф. 13: 57; Лк. 4: 24; Ин. 4: 44). Некоторые логики восходят к иудео-христианству: «Говорит Иисус. Если вы не отречетесь от мира, не обретете Царства Божия, если вы не будете соблюдать субботу, не увидите Отца». Это речение отражает аскетическую позицию первых христиан из иудеев (эбионитов?), продолжавших соблюдать иудейскую обрядность — вероятно, это один из самых древних логигов. Многие из найденных речений соответствуют коптскому тексту обнаруженного в Египте Евангелия от Фомы, также состоящего из отдельных речений (об этой находке см. ниже); например: «Говорит Иисус. Где будут двое, там они не будут без Бога, и где будет один одинок, там Я с ним. Подними камень, и там найдешь Меня, рассеки дерево — и там». Возможно, речения, найденные в Оксирихе, были одними из самых ранних собраний, образовавших особый евангельский жанр — без жизнеописания, но состоявший из речений и поучений.

Последняя треть первого века была временем интенсивного литературного творчества христиан. Разброд среди них после разгрома Иудейского восстания послужил причиной

усиления расхождений в проповедях. Кроме того, все меньше оставалось людей, которые могли сказать, что они слышали слова Иисуса или, по крайней мере, слова его учеников. В этих условиях все более насущной становится потребность свести воедино отдельные элементы традиции, создать писаное благовестие, фиксирующее учение Иисуса. Появляются евангелия нового жанра — развернутые повествования, ядром которых было учение об искупительной смерти и воскресении Иисуса. Вокруг этого ядра группировались речения Иисуса, притчи, библейские пророчества о мессии, эпизоды из жизни Иисуса (реальные или сконструированные), соответствующие этим пророчествам («да сбудется реченное»). Это не была биография — историческая достоверность не интересовала авторов, они создавали свою собственную сакральную историю, упоминая те реальные факты, которые были заложены и сохранились в более древней устной традиции и без которых нельзя было обойтись. Сложилось своеобразное сочетание поучения и рассказа, характерное для Евангелий, вошедших в Новый Завет и ряда других, в него не включенных, в частности для иудео-христианских и тех, фрагменты которых были обнаружены в Египте. Греко-римский мир знал жанр биографий, но евангелия отличались от них теологической направленностью, определенной миссионерской целью, использованием традиции; евангелия первоначально предназначались для чтения вслух на собраниях верующих, затем в христианских общинах появились люди, записывавшие и обрабатывавшие традицию. Так, в Послании к ефесянам сказано, что одних Христос поставил апостолами, других — пророками, иных — евангелистами, иных — пастырями и учителями (Еф. 4: 11). В Первом послании к коринфянам, написанном самим Павлом, упомянуты, пророки, апостолы, учителя — но евангелистов нет, что соответствует ситуации в христианских общинах времени Павла.

Из канонических Евангелий наиболее ранним считается самое краткое из них — Евангелие от Марка. Греческий подлинник называется Евангелие по Марку (как и Евангелия по Матфею, по Луке, по Иоанну) — т.е. согласно Марку. Предполагается, что автор третьего Евангелия, начинающегося словами: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях...», имел в виду Евангелие

от Марка, которое он хорошо знал. Согласно традиции, сохраненной у Евсевия Кесарийского, Марк с точностью записал то, что запомнил со слов Петра, чьим переводчиком он был. Примерная датировка этого Евангелия — около 70 г., сразу после разрушения Иерусалима или во время его осады. Но канонический текст Евангелия от Марка не был единственным писанием от его имени. К египетскому, точнее александрийскому, христианству принадлежит отрывок неканонического (называемого также секретным или тайным) Евангелия от Марка. Этот отрывок был приведен в письме христианского писателя Климента Александрийского (150—215), открытым в одном из сирийских монастырей в 50-х гг. XX в. Письмо было адресовано некоему Феодору. Издатель письма М. Смит⁵⁶ считает это письмо подлинным, как и содержащийся в нем отрывок (точнее, два отрывка). Само письмо близко по стилистике к произведениям Климента, но текст из Евангелия явно написан другим автором. Большинство современных исследователей также разделяют это мнение. Евангелист Марк почитался в Александрии как основатель христианской общины этого города. Евсевий Кесарийский рассказывает, что Марк отправился в Египет и был там первым проповедовавшим Евангелие. В письме Климента говорится, что в Александрии Марк переделал и дописал свое евангелие для ограниченного круга людей, преданных (истинному) знанию. Климент отмечает в письме, что это евангелие для избранных было написано самим Марком, но потом его переделали и исказили сторонники некоего Карпократа, чье учение ортодоксальные христиане считали ересью: Климент в письме для того и приводит отрывки из подлинного «секретного» Евангелия от Марка, чтобы Федор сравнил его с версией карпократян. Итак, мы можем говорить о существовании, по крайней мере, двух версий Евангелия от Марка: той, что вошла в канон, написанной как бы для всех христиан, и той, которой должны были пользоваться избранные и которая, по мнению Климента, была длиннее новозаветной. В отрывке приведен рассказ о юноше, воскрешенном Иисусом, который стал его спутником. Этот рассказ, возможно, связан с крещением Иисусом своих последователей (русский перевод см. Приложение). В трех первых канонических Евангелиях о таком крещении ничего не сказано.

---

⁵⁶ Smith M. Clement of Alexandria and Secret Gospel of Mark. Harvard, 1973.

В Евангелии от Иоанна в одном месте сообщается, что Иисус жил с учениками и крестил (Ин. 3: 22), а в другом — что Он сам не крестил, но это делали Его ученики (Ин. 4: 2). М. Смит предполагает, что в найденном отрывке юноша после воскрешения приходит к Иисусу для крещения обнаженным: христианский писатель Ипполит (рубеж II и III веков) в «Апостольских традициях» (21.11) говорит о том, что человек, принимающий крещение, и пресвитер, совершающий обряд, стоят в воде обнаженными. На мозаичной фреске в Равенне в баптистерии ариан (сторонников епископа Ария, не признававшего догмата о Троице — учил в начале IV в.) Иисус стоит в водах Иордана обнаженным. Если судить по найденному отрывку, то можно предположить, что крещение у первых христиан воспринималось как особое таинство и не производилось публично.

В научных исследованиях встал вопрос о соотношении канонического и секретного евангелий от Марка. Существует точка зрения о независимости «секретного» евангелия от канонического (Кроссан) или даже о более раннем происхождении первого (как предполагает С.Дж. Паттерсон, то, что известно как каноническое Евангелие от Марка, на самом деле является версией секретного евангелия, из текста которого были удалены некоторые отрывки⁵⁷). Возможно, к этому евангелию относится добавление в одной рукописи к концу Евангелия от Марка между главами 16: 14 и 16: 15 (так называемый Freer logion — по имени исследователя, обнаружившего рукопись): «И они (апостолы) оправдывались, говоря: Этот век (греч. *эон*) неверия и беззакония Сатаны, который через нечистых духов не позволяет, чтобы истинная сила Божия была постигнута. Посему яви нам справедливость. И Христос ответил им: Мера лет (царства) Сатаны исполнилась. Но грядут страшные свершения и (для тех) за кого я принял смерть, чтобы они могли вернуться к Истине⁵⁸ и не грешить больше, а наследовать Духу и нетленной Славе чистоты в небесах»⁵⁹. Однако нужно признать,

---

⁵⁷ The Complete Gospels. P. 410; D.D. Crossan. The Birth of Christianity. P. 115.

⁵⁸ Возвращение к Истине может быть связано с представлением, что человек должен открыть в себе заложенное Духом знание (гносис) об Истине.

⁵⁹ Слова апостолов из начала отрывка приведены Иеронимом (Против Пелагия (Contra Pelagium) II, 15). Об этом отрывке см.: Свенцицкая И. С. Апокрифические евангелия. М., 1996. С. 54.

что проблема формирования канонического текста Евангелия от Марка еще ждет новых исследований и новых открытий...

Евангелие от Марка легло в основу Евангелий от Матфея и от Луки; сходство первых трех Евангелий Нового Завета не вызывает сомнений, но то, что у Матфея и Луки выходит за рамки повествования Марка, взято отчасти из устной традиции какой-то из христианских групп, но главным образом из не дошедшего до нас сборника речений Иисуса (в научной литературе этот источник определяется буквой Q, от немецкого *Quelle* — источник). Общие места у Матфея и Луки, не встречающиеся у Марка, совпадают почти дословно, что свидетельствует о письменном, а не устном их источнике. Основную часть этого источника составляют тематически объединенные речения, но есть и небольшие включения рассказов: искушение Иисуса и история чуда исцеления. Q был написан по-гречески: текстуальное совпадение у Луки и Матфея предполагает, что они читали источник по-гречески, а не переводили с арамейского. В настоящее время детальное сравнение речений у Матфея и Луки позволило в значительной степени восстановить Q. Анализ текста дал основание полагать, что создатели этого собрания речений воспринимали себя как людей гонимых, подобно древним израильским пророкам, бедных, голодных, отринутых близкими и своим народом. Ответом на это были угрозы наказания Израиля за отказ признать Иисуса и Его сторонников. Мы не знаем, насколько речения, собранные в Q, отражают подлинные слова Иисуса, скорее всего, они связаны с мировосприятием особой группы его ранних последователей, чье творчество частично вошло в канонические Евангелия.

Время создания и относительная хронология двух остальных синоптических Евангелий неясны. Можно говорить лишь о том, что они созданы в разной социально-этнической среде. Автор Евангелия от Луки — образованный грек (Евсевий Кесарийский называет его врачом из Антиохии — III, 4). У Луки ясно выражены сочувствие низам и представление, что именно они будут первыми в Царстве Божиим: именно в его Евангелии Иисус рождается не в доме, как у Матфея, а в яслях для скота. Его рождение приветствуют не маги с дорогими дарами, а простые пастухи; в заповедях блаженства сказано, что блаженны будут нищие и жаждущие...

Евангелие от Матфея выявляет более тесные связи с иудейскими традициями. Среди христианских писателей II—IV вв. бытовало мнение, что Матфей написал свое Евангелие по-арамейски, а затем оно было переведено на греческий. Арамейским Евангелием пользовались — по словам Иринея — эбиониты. Иероним, переводчик Библии на латинский язык, специально занимался изысканием рукописей в Палестине и Сирии; он утверждал, что перевел с еврейского (он имел в виду арамейский язык) на греческий евангелие, которое многие считают подлинным Евангелием от Матфея. Однако дошедший канонический текст, по мнению исследователей, не может быть переводом, хотя в нем содержатся семитизмы. Цитаты из Ветхого Завета даны по Септуагинте, общие места с Евангелиями от Марка и от Луки также не являются переводами.

Особенностью Евангелий от Матфея и Луки является наличие в них генеалогии, возводящей Иосифа, мужа Марии, к Аврааму и царю Давиду, тем самым подчеркивается реальный мессианизм Иисуса. В то же время в обоих писаниях присутствует уже сложившееся представление о непорочном зачатии Марией Иисуса. Генеалогия Иисуса не противоречит этой идеи — с точки зрения иудеев, Иосиф, взяв Марию в жены, признал Иисуса своим сыном, тем самым его мессианизм был оправдан. Непорочное зачатие создавало особую связь Иисуса с Богом; кроме того, с теологических позиций для христиан было важно показать, что Иисус был свободен от первородного греха. Наиболее подробно разрабатывает этот сюжет Лука, вводя Благовещение, посещение Марией Елизаветы, матери Иоанна Крестителя. У него это — художественное повествование, предназначенное прежде всего для христиан из эллинов, воспитанных на греческой литературе. Матфей гораздо более сдержан: для него непорочное зачатие таинство, подробностей которого знать не дано и не надо.

Сложен вопрос об относительной хронологии канонического Евангелия от Иоанна. Оно существенно отличается по содержанию, образу и проповеди Иисуса от первых трех Евангелий Нового Завета. Согласно церковной традиции, Евангелие от Иоанна было последним. Евсевий Кесарийский говорит, что Иоанн проповедовал устно, а после появления трех Евангелий вознамерился их «восполнить». Само начало Евангелия от

Иоанна, где Христос назван «Словом» («И Слово стало плотью и обитало с нами...»), придает особый религиозно-философский смысл всему дальнейшему повествованию. Это Евангелие написано как бы от имени любимого ученика Иисуса, не названного по имени; но еще в древности авторство четвертого Евангелия вызывало сомнения: так, Папий считал автора четвертого Евангелия и Откровения Иоанна Богослова разными людьми, причем только последнего он называл учеником Иисуса (Евсевий Кесарийский, Церковная история, III, 39, 6). Автор Евангелия если и знал первые три канонические Евангелия, то практически их не использовал. В нем нет описания рождения, сцены крещения — о крещении рассказывается только со слов других лиц искушения Иисус; нет его молитв в Гефсиманском саду; последних слов из Ветхого завета — т.е. всего того, что восходило к ранней иудео-христианской традиции и где выступала человеческая природа Иисуса. В то же время в этом Евангелии, как и в других писаниях, связанных с именем Иоанна, есть совпадения с кумранскими рукописями, в частности выражение «живая вода» появляется несколько раз в Евангелии от Иоанна и в кумранских рукописях⁶⁰, что может свидетельствовать о традиции, связывавшей ессеев и первых последователей Иисуса, традиции, возможно, отраженной и в первых писаниях, с которыми был знаком автор четвертого Евангелия. В целом же, как пишет А.Ч. Козаржевский, «четвертое Евангелие отражает весьма развитую богословскую мысль, далекую от архаизмов Апокалипсиса и тем более кумранских документов»⁶¹. Четвертое Евангелие не было известно христианскому писателю и мученику II в. Поликарпу, автору Послания к филиппийцам, хотя, по преданию, он был учеником Иоанна. Однако это свидетельствует не столько о позднем создании Евангелия от Иоанна, сколько о недостаточном его распространении. Есть несколько версий места его написания — Эфес, Сирия, о-в Патмос; оно было создано в среде особой группы христиан, пользовавшейся иной традицией, чем Марк, — возможно, это были ученики Иоанна, слу-

---

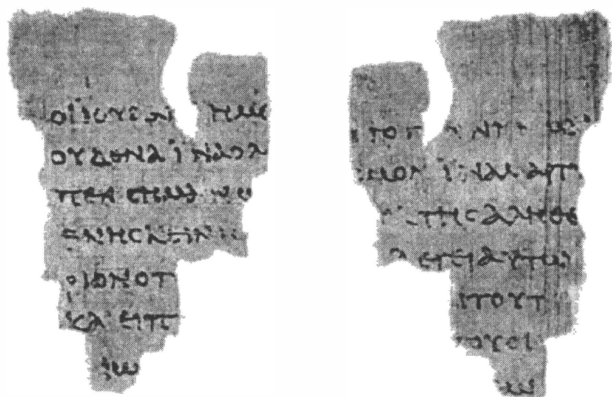
⁶⁰ Сходные выражения из Нового Завета и кумранской литературы приведены в книге: Амосин И.Д. Кумранская община. С. 217–219.

⁶¹ Козаржевский А.Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. С. 56.

шавшие некогда его устные рассказы. В Египте был найден небольшой папирусный фрагмент Евангелия от Иоанна (18 глав), который специалисты-папирологи датируют 125—130 гг. Таким образом, в первой трети II в. это Евангелие уже было известно и переписывалось в Египте, а создано оно было предположительно в конце века предыдущего.

Евангелия, ставшие затем каноническими, были лишь небольшой частью евангельского творчества христиан. Мы уже говорили

Папирус Райлендса. Фрагмент Евангелия от Иоанна (18: 31—33, 37—38). Список первой половины II в. Манчестер

о существовании иудео-христианских евангелий, но до нас дошли не только отрывки из внеканонических евангелий, которые упоминают христианские авторы и о принадлежности которых мы можем судить с той или иной степенью достоверности, но и фрагменты из неизвестных (неидентифицированных) евангелий, прежде всего на папирусах, обнаруженных при раскопках в Египте. Одним из самых ранних по времени открытия (1903 г.) является *Оксиринхский папирус 1224*, содержащий небольшие фрагменты речений Иисуса, (некоторые из них вписаны в реальную ситуацию) которые, правда, с трудом восстанавливаются и не дают сколько-нибудь связного текста. Восстановление отдельных фраз по признанию самих ученых проблематично. В одной более или менее понятной фразе книжники, фарисеи и жрецы упрекают

Иисуса в том, что Он сидит за столом вместе с грешниками. Ответ Иисуса неясен. Вероятно, он переключается с Евангелием от Марка (2: 17) и Евангелием от Матфея (9: 19). Пожалуй, наиболее читаемым на этом папирусе представляется отрывок речения Иисуса, чье восстановление достаточно убедительно: там говорится о необходимости молиться за врагов, «ибо тот, кто не против вас, тот за вас» («на вашей стороне» — ср. Мк. 9: 40). Анализ фрагментов (в том числе и грамматическое построение

*Папирус Эджертон. Фрагмент неизвестного евангелия.
Список первой половины II в. Британский музей*

фраз) дал основание предположить, что сохранившиеся отрывки не восходят непосредственно к текстам Нового Завета. Сам текст папируса относится к IV—V вв., но создан он был, по мнению исследователей, значительно раньше⁶². Важность этой находки для истории христианской литературы заключается в том, что уже после создания Нового Завета в Египте продолжали пользоваться неканоническими евангелиями, использовавшими традицию, сходную с новозаветной.

Большой интерес представляют *Оксиринхский папирус 840* и так называемый *папирус Эджертон* (по коллекции, в

---

⁶² Этот папирус разобран и прокомментирован в книге: *The Complete Gospels*. P. 422—424.

которой он находится). Оксиринхский фрагмент был обнаружен в начале XX в. и опубликован в 1908 г. Он представляет собой листок, исписанный с двух сторон мелкими буквами: очевидно, он был своего рода амулетом. В начале фрагмента Иисус, по-видимому, предостерегал учеников от коварства, которое может привести их к гибели. Основная часть сохранившегося отрывка — столкновение Иисуса со жрецом Леви в Иерусалимском храме (в греческом тексте — архиереем, что не обязательно означает «первосвященник», но кто-то из главных священнослужителей), о котором мы рассказывали выше. По жанру и основной направленности отрывков близок к традиции, лежащей в основе трех первых новозаветных Евангелий. Однако сюжет этого отрывка самостоятелен — в каноне нет эпизодов, связанных с очищением при входе в Храм.

Оксиринхский фрагмент ученые пытались идентифицировать с разными евангелиями: евреев, египтян, назареев, Евангелием от Петра, но вопрос остается открытым. Главная идея, выраженная в описании столкновения Иисуса с фарисеем-жрецом, — отрицание формальной обрядности (сочетание жреца и фарисея в одном лице, с исторической точки зрения, необычное, но понятное в контексте конфликтов Иисуса и его сторонников как с фарисеями, так и со жречеством). При этом противопоставление фарисея, омывшегося в стоячей воде, Иисусу и его ученикам, омывшимся в «живой воде» веры, сделано гораздо более остро, чем в споре по поводу немытых рук в Евангелии от Марка (7: 1—8). Интересен образный строй отрывка — Иисус говорит о собаках и свиньях — вряд ли свиньи могли быть в Иерусалиме (иудеи не ели свинины): скорее всего, это предельно резкое определение ритуальной и физической нечистоты, которое могло относиться к духовно «нечистым» людям: они не только не очищались, купаясь в стоячей воде, но оскверняли ее. Египетским же христианам этот образ был достаточно понятен, так как жившие там греки (как и в других местах своего обитания) разводили свиней. В каноне Иисус в ответ на обвинения упрекает фарисеев в лицемерии, ибо они чтут предание, а не Священное Писание. Папирусный же отрывок обрывается на грозных словах, предрекающих погибель тем, кто не примет очищения духовного — во всяком случае, таков должен быть смысл последней фразы (перевод см. в Приложении). Время

возникновения этого евангелия, созданного в русле новозаветной традиции, вероятно, II век. Его содержание указывает на то, что традиция (устная?) не была достаточно устойчивой и позволяла создавать различные варианты не только учения Иисуса, но и эпизодов его деяний.

Еще один отрывок из так называемого евангелия Эджертонна (по месту хранения) также обнаружен на листочках папируса. Несколько фрагментов было найдено в 1934 г. и в следующем году опубликовано⁶³. Их издатель Белл полагал, что сам текст на листочках записан во второй половине II в., а евангелие, к которому они относятся, было написано в первой четверти II в., во всяком случае, до 150 г.⁶⁴ Он считал также, что отрывки написаны с использованием традиции Евангелия от Иоанна, а также той, которая может быть прослежена в Евангелии от Луки, с привлечением каких-то других источников, в том числе устных рассказов. При этом Белл решительно возражал против мнения теологов, которые считали, что папирусные фрагменты составлены просто на основе компиляции из четырех новозаветных Евангелий⁶⁵. Многие современные исследователи считают отрывки на папирусе Эджертонна независимыми от текста новозаветных писаний; язык и словоупотребление во фрагментах не похожи на авторов первых трех Евангелий, а традиция, общая с Евангелием от Иоанна, менее разработана, чем в каноне, что дает возможность предположить более раннюю дату — по сравнению с Евангелием от Иоанна — создания писания, отрывки которого сохранились на папирусе. Первоначальный текст, возможно, был записан в палестинско-сирийском регионе во второй половине I в., примерно тогда же, когда и другие повествовательные евангелия⁶⁶, однако характерно, что он почитался и переписывался в Египте наряду с другими неканоническими евангелиями и после распространения писаний Нового Завета, т.е. входил в число почитаемых там священных текстов.

---

⁶³ Еще один маленький фрагмент был найден и опубликован в 1987 г. (так называемый Кельнский папирус — Papyrus Köln 255).

⁶⁴ Bell H.I. *Recent Discoveries of Biblical Papyri*. Oxford, 1937. P. 20.

⁶⁵ Bell H.I. *Recent Discoveries of Biblical Papyri*. Oxford, 1937. P. 17–18.

⁶⁶ *The Complete Gospels*. P. 412-413. Дж. Д. Кроссан относит Евангелие Эджертонна к писаниям, предшествующим каноническим Евангелиям и независимым от них (*The Birth of Christianity*. San Francisco. 1998. P. 115).

Папирус Эджертона отражает время, когда среди христиан уже сложились отдельные блоки традиции (на основе устной передачи) — речения Иисуса, притчи, рассказы о Его земной жизни и воскресении, но эти блоки при создании писаных текстов варьировались в соответствии с пониманием и выбором каждого автора.

Отрывок (перевод его см. в Приложении) начинается с фрагментов, из которых явствует, что Иисуса обвиняли в нарушении установлений иудейского Закона. Затем идет рассказ о том, что Иисуса как вероотступника решили забросать камнями, но Он ускользает из рук «правителей» (речь, разумеется, идет не о римлянах, но о «руководителях» народа, т.е. старейшинах, жрецах). Именно в этих эпизодах можно увидеть аналогию с Евангелием от Иоанна (например, 7: 30: «...Никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его»). Различно с Новым Заветом трактуется вопрос о подати императору (кесарю). Прежде всего вопрос касается не конкретно подати, которую наложили на иудеев римляне (как в первых трех канонических евангелиях), а отношения к государственной власти вообще — следует ли давать то, что установлено властью царей? Иисус не дает конкретного ответа, а упрекает в лицемерии и коварстве спрашивающих. В папирусном варианте этого эпизода ощущается то противопоставление мира земного Царству Божьему, наступления которого так ждали христиане. Вопрос «платить или не платить подать?» был для создателей этого евангелия несуществен, поскольку они ждали скорейшего конца света со всеми его атрибутами, включая власть, деньги и т.п. Не исключено, что на формулировку ответа Иисуса повлияло восприятие египетских гностиков-христиан, считавших самым главным духовное единение с Богом, а не земные поступки.

Последний отрывок Евангелия Эджертона весьма фрагментарен. Можно только догадываться, что в нем речь идет о каком-то чуде, сотворенном Иисусом на берегу Иордана, которое раскрывает смысл вопроса, заданного Иисусом ученикам (сам вопрос не сохранился, только слова, что ученики были в недоумении от этого вопроса). Чудо это, по-видимому, должно было символизировать истинную веру, зерна которой дают обильные плоды. Было сделано много попыток реконст-

руировать этот текст, но ни одна не получила сколько-нибудь широкого признания.

Еще один фрагмент евангелия, до сих пор вызывающего споры исследователей и богословов, был обнаружен в Египте в могиле средневекового монаха в 1886 г. Там же находились Апокалипсис Петра и Книга Еноха. Сама рукопись на пергамене относится примерно к VIII—IX вв., но язык и стиль фрагмента евангелия указывают на принадлежность его к раннехристианской литературе. Возможно, тексты были положены в могилу монаха как своеобразные амулеты, а может быть, египетский монах не разделял позиций ортодоксальной Церкви в отношении апокрифов и завещал положить вместе с собой в могилу драгоценные для него тексты, связанные с именем столь почитаемого апостола, каким был Петр, один из ближайших учеников Иисуса.

Найденный отрывок, посвященный суду, распятию и воскресению Иисуса (см. Приложение), начинается с середины фразы и обрывается фактически на полуслове. Однако переписчик не знал более того, что сохранилось на пергаменном фрагменте: перед обрывком первой фразы и после неоконченной последней нарисован орнамент из сплетенных лент и крестов. По-видимому, даже небольшой отрывок был дорог верующему монаху и его предшественникам, и они не просто сохранили и переписали часть евангельского текста, но и украсили его орнаментом со священными символами.

Отождествление найденного фрагмента с Евангелием от Петра сделано на основании того, что повествование шло от первого лица, и автор называет себя Симон Петр. Это евангелие упоминает христианский писатель Ориген, живший на рубеже II—III вв., в «Комментариях на Евангелие от Матфея», а также Евсевий Кесарийский в «Церковной истории». Ориген, обсуждая проблему братьев Иисуса, которые упомянуты в Евангелиях от Марка и от Матфея (Мк. 6: 3; Мф. 13: 55), писал, что представление о братьях как о сыновьях Иосифа от первого брака восходит к Евангелию от Петра и «Книге Иакова о рождении Марии»⁶⁷. Ориген поддерживает это

---

⁶⁷ «Книгой Иакова» Ориген называет рассказ Иакова о детстве Марии (Протоэвангелие Иакова). В нем Иосиф перед браком говорит Марии, что у него уже есть сыновья.

объяснение, признавая тем самым свидетельство, содержащееся в Евангелии от Петра. Более подробно об этом евангелии рассказано в «Церковной истории» Евсевия (VI, 12, 2—6). Он пишет, что Серапион, епископ в Киликии, руководивший также христианской общиной в Сирии (около 200 г.), обнаружил, что верующие этой общины пользуются Евангелием от Петра. Сначала епископ разрешил им читать это евангелие, но затем внимательно ознакомился с текстом и направил христианам своей округи специальное послание, запрещающее чтение евангелия. Причина запрета, по словам Серапиона, заключалась в том, что этим евангелием пользовались докеты, «преемники тех, от кого они ведут начало». Слово «докеты» происходит от греческого слова *δοκεο* — казаться; так называли неортодоксальную группу христиан, которая отрицала человеческую природу Иисуса Христа, считая, что пребывание Его на земле было лишь кажущимся, нереальным. Учение докетов, близкое гностическим группам, существовало в Сирии во II веке. Осуждая докетов, повлиявших на Евангелие от Петра, Серапион тем не менее отмечает, что многое в этом писании «согласно с истинным учением Спасителя, некоторые же заповеди прибавлены». В другом месте «Церковной истории» Евсевий уже от себя называет это евангелие подложным.

В настоящее время в научной литературе преобладает мнение, что текст Евангелия от Петра, попавший в руки Серапиона, не был первоначальным, но обработанным позже сектой докетов. На это указывают слова еще одного христианского писателя, жившего на рубеже IV—V вв., Феодорита, который в «Собрании еретических выдумок» говорил, что иудеи (назарей) чтут Иисуса как справедливого человека и пользуются так называемым Евангелием Петра (*Haeretic. Fabularum Compendium II*). Этим евангелием, по-видимому, пользовались не только сирийские, но и египетские христиане. В 1972 г. были опубликованы небольшие евангельские фрагменты (*Oxyrinchus Papyrus 2949*), где описано обращение Иосифа из Аримафеи к Пилату перед казнью Иисуса с просьбой выдать ему тело Иисуса, что совпадает с соответствующим местом Евангелия от Петра (2: 3). Этот папирусный

фрагмент относится к концу II — началу III веков. Египетская находка, как и фрагмент на пергамене, свидетельствует о почитании в Египте в течение длительного времени (вплоть до средних веков!) этого евангелия.

Евангелие от Петра относится к тому же жанру, что и новозаветные Евангелия, т.е. содержит не только поучения, но и повествовательный материал, в частности, кроме описания суда и казни Иисуса, в нем упоминались братья Иисуса. Из канонических Евангелий наиболее близким к повествованию Петра представляется Евангелие от Луки, однако расхождения между двумя евангелиями достаточно существенны.

В сохранившемся отрывке описывается суд над Иисусом, его казнь, воскресение, а также поведение иудейских старейшин, народа и римского прокуратора Понтия Пилата. Главную роль в суде над Иисусом, как уже говорилось выше, отводится правителю Галилеи (где в Назарете жила семья Иисуса) Ироду Антипе. Привлечение Ирода к суду над Иисусом, который воспринимался выходцем из Галилеи, кажется вполне вероятным, тем более что он упомянут в Евангелии от Луки и Деяниях апостолов, авторами которых был, по всей вероятности, один и тот же человек. Но в Евангелии от Петра можно проследить традицию, связанную и с другими каноническими Евангелиями; например, там говорится о гвоздях, которыми руки Иисуса были прибиты к кресту, так же как и в Евангелии от Иоанна.

В описании мучений Иисуса перед казнью имеются отдельные детали, расходящиеся с новозаветным повествованием, хотя в целом рассказ фрагмента совпадает с каноном. Расхождение заключается в том, например, что Иисуса (глумясь над ним) посадили на судейское место и обращались к нему со словами: «Суди праведно, Царь Израильский». В трех первых новозаветных Евангелиях упоминания судейского места (греч. *бема*) нет; у Иоанна на это место садится не Иисус, а Пилат. Деталь эта важна потому, что ее упоминает Юстин, апологет II в., в своем сочинении (Апология, I, 35). Фразеология Юстина близка фразеологии Евангелия от Петра; по-видимому, он использовал это евангелие. Ссылка Юстина на «воспоминания апостолов» больше всего подходит именно к Евангелию от Петра, поскольку оно написано от первого лица.

Наиболее своеобразно описаны в Евангелии Петра смерть и воскресение Иисуса. На кресте Иисус не испытывает страданий; перед смертью Он произносит фразу: «Сила Моя, Сила, ты оставила Меня!» И после этого восклицания Он вознесся. Обращение к некоей Силе, а не к Богу, как в канонических Евангелиях, говорит о возможном редактировании слов Иисуса теми группами христиан, которые считали, что в Иисуса в период его земной жизни вошла особая божественная Сила. Описание смерти, возможно, позволяет думать о какой-то связи с докетами, ибо кажущееся (астральное) тело не может испытывать страданий. Однако, с точки зрения автора Евангелия, отсутствие страданий могло быть связано и с тем, что в Иисусе находилась некая Сила, удерживавшая в нем жизнь. Интересно, что представление о божественной Силе можно встретить и в Деяниях апостолов: там приводятся слова апостола Петра, что Бог помазал Иисуса «Духом Святым и Силою» (Деян. 10: 38). По-видимому, не случайно слова о Силе были связаны автором Деяний (тем же, что и автор третьего новозаветного Евангелия, наиболее близкого Евангелию от Петра) с именем этого апостола.

Фантастично и в противоречии с каноническими Евангелиями выглядит описание воскресения Иисуса. В Новом Завете само чудо воскресения совершается втайне. В Евангелии от Петра воскресение происходит на глазах у всех, два мужа выводят из гробницы третьего, имеющего фантастический облик: голова его выше неба. За ними сам по себе идет крест; с креста раздается голос, отвечающий на вопрос: проповедовал ли Ты усопшим? Тем самым как бы подтверждается идея докетов, что человеческая природа Иисуса была лишь видимостью, а воскресает его истинная сущность. Но тогда кто отвечает с креста? Можно предположить, что в этом описании отразилось представление, бытовавшее в то время, согласно которому телесная оболочка Иисуса и дух, вошедший в него, — извечно существующий Христос (или Сила?) — были разделены. В христианском сочинении II в. «Пастырь» Гермы сказано, что Бог поместил Святого Духа «прежде сущего» в тело Им самим избранное. Тело Иисуса воскресло, ибо Он много трудился и много страдал. «Пастырь» почитался многими христианами, это сочинение, относящееся к жанру апо-

калипсисов, было даже включено в свод Нового Завета, относящийся к IV в. (так называемый Синайский кодекс). Крест, участвующий в воскресении, — не просто орудие казни, он становится символом «древа жизни»; в Апокалипсисе Петра крест сопровождает апостола на небо⁶⁸.

Фантастика и обилие чудес при описании воскресения дали основание думать о сравнительно позднем — по отношению к каноническим Евангелиям — времени создания апокрифа, адресованного новообращенным язычникам. Однако в современной научной литературе поддерживается идея связи первоначального варианта этого евангелия с иудео-христианскими традициями⁶⁹. Следы иудео-христианского влияния видны в этом апокрифе при противопоставлении иудейской верхушки — жрецов и старейшин — народу. Народ не принимает участия в осуждении Иисуса: суд над ним происходит в претории, резиденции прокуратора или во дворце Ирода в Иерусалиме. После распятия народ ропщет, бьет себя в грудь, уверовав в Спасителя. В Евангелии от Луки тоже упоминается о горе и раскаянии народа: когда Иисуса вели на казнь, Его сопровождало великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем, а после распятия народ возвращался, «бия себя в грудь» (Лк. 23: 27; 23: 48). Противопоставление народа и жречества могло быть свойственно тем иудео-христианским группам, которые считали Храм оскверненным действиями жречества и фарисеев. Как известно, не признавали Храм и иудейские сектанты, например, те, кто жил в пустыне около Мертвого моря в области Кумран и учение которых могло повлиять на составителей Евангелия от Петра.

Дискуссионной представляется степень зависимости Евангелия от Петра от канонических Евангелий. Долгое время было распространено мнение о зависимости апокрифа от каноничес-

---

⁶⁸ Ж. Даньелу подробно рассматривает «мистерию креста» в учении иудео-христиан и гностиков (Daniélou J. *Théologie du iudeo-christianisme*, Toungne, 1958. P. 291—292). В гностическом Евангелии Филиппа крест отождествляется с деревом; воскресение произошло благодаря «древу жизни» (91—92).

⁶⁹ Наиболее подробно эту точку зрения обосновал Кроссан — *The Birth of Christianity*, p. 483 ff. Даньелу считает Евангелие от Петра одним из ранних иудео-христианских евангелий.

ких писаний⁷⁰, однако в последние годы все настойчивее высказывается предположение о независимости этого писания от Нового Завета и даже о более раннем, чем Четвероевангелие, создании его первоосновы. Так, Кроссан полагает, что описание воскресения восходит к независимому раннему источнику, который он условно называет «Евангелие Креста» и считает созданием иудео-христиан, во всем обвинявшим верхушку иудейского общества, ибо сами они были отвергнуты ортодоксальными иудеями. С иудео-христианством Кроссан связывает и упоминание проповеди Христа умершим — это первые указания на предполагаемое сошествие Христа в ад. В более позднем, так называемом Евангелии Никодима (III—IV вв.), содержится подробное повествование об этом сошествии и освобождении из подземного царства иудейских праотцев и пророков, которых Христос ведет в рай. В Евангелии от Петра этих подробностей еще нет, но представление о проповеди умершим могло быть связано с тем, что христиане, не порывавшие связь с иудаизмом, не могли помыслить, чтобы почитаемые ими предки и проповедники остались вне спасения, не познав Христа.

Раннюю дату создания этого евангелия поддерживают и другие исследователи. Так, автор вступительной статьи к этому тексту в уже упомянутом американском издании «Полные Евангелия» А. Дж. Девей считает, что в Евангелии от Петра отражена самая ранняя традиция Страстей⁷¹. Он отмечает, что почти все описание Страстей сделано на основании аллюзий и заимствований из ветхозаветных псалмов и пророков. Это описание не ставило своей целью воспроизвести исторические факты (они пока не интересовали последователей Иисуса), но было своего рода иллюзорным ответом на шок, полученный от гибели Иисуса, которого преследуют, истязают, но который получает избавление в смерти. Описанная в Евангелии от Петра мистерия чудесного воскресения, появления божественных посланцев на глазах многих свидетелей, страха виновников перед возмездием, по существу, компенсировала травму, полученную сторонниками Иисуса во время его позорной казни. В той же

---

⁷⁰ См., например: Иисус Христос в документах истории / Сост., статьи и комментарии Б.Г. Деревенского. СПб, 1999. С. 198.

⁷¹ The Complete Gospels. 398—401.

книге первый вариант Евангелия от Петра относится ко времени не позже второй половины I в. (самая ранняя дата — около 50 г.). Другими словами, при его анализе ряд исследователей учитывают психологический фактор, который играл не меньшую, если не большую роль в создании первых рассказов о смерти и воскресении Иисуса Христа. Изменение точки зрения на хронологию и принадлежность этого апокрифа не только затрагивает частную проблему, но и влияет на восприятие современными читателями истории ранней христианской литературы и психологии ее создателей. Фрагмент, дошедший до нас, по всей вероятности, не является первоначальным текстом евангелия, в дальнейшем оно переписывалось, перерабатывалось, в том числе и группами, близкими к докетам, хотя и сохранило свою основу. Оно создавалось в то время, когда евангельский материал находился в неоформленном виде, канона не существовало и материал этот свободно переделывался.

Сходство с каноническими повествованиями может говорить о том, что в изложении земной жизни Иисуса создатели этого писания пользовались той же устной традицией, что и Лука, а может быть, автор третьего Евангелия знал Евангелие от Петра? Ведь он в начале своего Евангелия в обращении к некоему Феофилу говорит, что уже многие начали составлять повествования «о совершенно известных между нами событиях». Многие — значит, не только Марк... Впрочем, не зная полного текста Евангелия от Петра, говорить сколько-нибудь определенно обо всем его содержании и источниках не представляется возможным. Нужно заметить, что не случайно отрывки из этого евангелия обнаружены в Египте: Петр был почитаем христианами по всей Нильской долине. При христианизации Нубии (VI в.) храмы египетских богов превращали в христианские, в одном из них обнаружено примитивное изображение во весь рост апостола Петра (имя его написано) в окружении египетских языческих рельефов⁷². Сохранялась в отдельных христианских кругах и память о существовании созданного им писания: до нас дошло средневековое изображение Христа, вручающего книгу (евангелие?) апостолу Петру⁷³. Возможно,

⁷² Померанцева Н. В. Иконография настенных росписей Кафедрального собора в Фераса // Древний Египет и христианство. М., 2001. С. 61.

⁷³ Leipoldt J., Moren. Heilige Schriften. Leipzig, 1953. Tf. 12.

когда-нибудь будут открыты еще фрагменты, проливающие свет на содержание и значение этого особенного писания.

Наиболее интересные и важные открытия, связанные с христианством, были сделаны в Южном Египте в 1946 г. Феллахи, выполнявшие земляные работы у подножия горы Гебель-эль Тариф на левом берегу Нила недалеко от древнего поселения Хенобоскион (совр. Наг-Хаммади), неожиданно обнаружили тайник. В тайнике оказалась целая библиотека — более сорока текстов религиозного содержания на коптском языке (языке коренного населения Египта, развившемся из древнеегипетского). Эти тексты были созданы особой религиозной группой так называемых гностиков, связанных с пересмысленным христианством (им были близки докеты). Найденные списки текстов относятся к III—V вв., но сами произведения, во всяком случае многие из них, были написаны значительно раньше на греческом языке и затем уже переведены на коптский. Среди найденных рукописей — Евангелие от Фомы, Евангелие от Филиппа, Евангелие от Марии, Евангелие Истины. О последнем Иринея в своей книге «Против ересей» с возмущением писал, что некоторые «дошли до такой дерзости, что назвали свое сочинение Евангелием Истины». Название, которое получили создатели этих произведений, гностики, происходит от слова *гносис* — знание. В основе мировоззрения гностиков лежало представление об интуитивном знании, заложенном в человеке, с помощью которого можно познать абсолютное Божество и слиться с ним⁷⁴. Земным миром правит не это Божество, а несовершенный Творец. Авторы (или редакторы) этих евангелий полемизировали с основными положениями новозаветных писаний. Так, одно из первых речений коптского Евангелия от Фомы гласит: «Иисус сказал: Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие внутри вас и вне вас». В свою очередь, христианские писатели, последо-

---

⁷⁴ Гностицизм подробно охарактеризован в книге: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979; перевод Евангелий от Фомы и Филиппа — в этой же книге; также см.: Гностические апокрифы из Наг-Хаммади // Апокрифы древних христиан. М., 1989; см. также: Хосроев А. Из истории раннего христианства. М., 1997. С. 254—285.

ватели церковного (или ортодоксального⁷⁵) христианства во II в. активно полемизировали с гностиками (именно они расширительно употребляли этот термин). У Иринея главным объектом критики были различные гностические писания, которые он называет «апокрифическими (греч. тайными) и подложными» (I, 29). Термин *апокрифы* первоначально и был введен в связи с гностическими сочинениями, авторы которых пользовались сложной символикой образов, придавали магическое значение числовым сочетаниям, которые могут быть постигнуты только «избранными» и недоступны непосвященным. Именно такой подход и дал основание Иринею назвать сочинения гностиков апокрифами, а так как он полемизировал с ними, стремясь доказать, что они искажают истинное учение Христа, то их сочинения, якобы написанные от имени апостолов, он считал не только тайными, но и подложными. Такое же словоупотребление тайные=подложные встречается и у Тертуллиана. Затем словом «апокриф» стали называться все сочинения ранних христиан, которые не были признаны Церковью священными, хотя многие из них не были тайными, а открыто почитались отдельными христианскими группами.

Наряду с евангелиями был распространен жанр откровений (апокалипсисов), к которому принадлежит уже упомянутое Откровение Иоанна Богослова, написанное, по мнению большинства современных ученых, во время правления императора Домициана около 90 г. Существовал и Апокалипсис Петра, найденный вместе с фрагментом Евангелия от Петра. Апокалипсис Петра содержит древнейшее описание христианского рая и ада. Рай в этом описании — огромное пространство, вне этого мира, сияющее сверхъярким светом; ад в Апокалипсисе назван местом наказания (интересно, что наказание осуществляют ангелы-мучители, а не слуги дьявола⁷⁶). Но был еще один Апокалипсис Петра, найденный в библиотеке из Наг-Хаммади, он не имеет ничего общего с первым, достаточно традиционно отражающим народные верования начала II в. В гностическом Апокалипсисе утверждается, что на кресте распятие приняла

---

⁷⁵ Первоначально слово «ортодоксы» было употреблено Климентом Александрийским для обозначения людей чистой веры.

⁷⁶ Перевод Апокалипсиса Петра (не гностического) см.: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1990. С. 215–217.

только кажущаяся телесная оболочка Спасителя: там описывается, что Петр, наблюдающий за распятием, видит рядом с собой стоящего Иисуса, радостного и улыбающегося, и Он говорит, что тот, в руки и ноги которого вбивают гвозди, лишь кажущаяся телесная оболочка⁷⁷. К жанру откровений относится и популярное среди ранних христиан сочинение «Пастырь» Гермы (Герма — человек, от имени которого написано это произведение). Это описание серии видений, причем — в отличие от канонического Апокалипсиса, где все видения зашифрованы и требуют особого понимания, «Пастырь» рассчитан на массового читателя: там все видения, символы и аллегории разъясняет Пастырь «неразумному» Герме, который задает вопросы по поводу каждого видения.

Наряду с книгами, отражавшими поучения Иисуса, Его чудеса, разные видения, существовали и книги, регулирующие внутреннюю жизнь христианских общин. Одна из таких книг — *Учение двенадцати апостолов*, или *Дидахе*, найденная в XIX в., является важнейшим источником по организации первых еkkлесий — мы остановимся на ней подробнее, когда будем характеризовать организацию первых христианских общин.

Множество вариантов благой вести, споры между проповедниками поставили перед христианами отдельных общин задачу отбора тех книг, которые почитались бы источниками христианского вероучения. Эту проблему пытался решить ученик Юстина Татиан: он создал своеобразный пересказ четырех новозаветных Евангелий, добавив к ним некоторые места, совпадающие с цитатами из Евангелия евреев. Свое сочинение он назвал *Диатессарон* («По четырем»). В нем нет родословной Иисуса, ничего не сказано о Его детских годах. Диатессарон был переведен на сирийский язык, и сирийские христиане долгое время почитали его как священную книгу. При раскопках древней крепости Дура-Европос на берегу Евфрата был обнаружен фрагмент Диатессарона, относившийся к III в. Сочинение Татиана свидетельствует о достаточной популярности четырех Евангелий, с одной стороны, и о стремлении христиан упорядочить священные книги — с другой.

---

⁷⁷ Перевод гностического Апокалипсиса см. в книге: Хосроев А. Из истории раннего христианства. Приложение 5, где приводятся и подробные комментарии.

Еще до Татиана была сделана попытка отобрать несколько писаний и установить их авторитетный текст. Эта попытка связана с именем Маркиона, богатого судовладельца, прибывшего в Рим из Малой Азии. Маркион сделал большой взнос в римскую общину и приобрел там влияние. Он утверждал, что учение Иисуса было искажено в распространенных среди христиан текстах и отобрал только Евангелие от Луки и десять посланий Павла. Из Евангелия от Луки он убрал ветхозаветные цитаты, которые, по его мнению, были вставлены туда сторонниками иудаизма. Согласно его «редакции», в Евангелии от Луки отсутствовали легенды о рождении Иисуса и Иоанна Крестителя. Маркион полагал, что Иисус сошел с небес в пятнадцатый год правления императора Тиберия и явился в Капернауме. Ириней с возмущением писал о Маркионе: «Он бесстыдным образом богохульствует против проповеданного Законом и пророками Бога, говоря, что Он — виновник зла, жаждет войны, непостоянен в своих намерениях и сам себе противоречит; Иисус же происходил от того Отца, который выше Бога, творца мира» (Против ересей. I.27, 2). Образ Иисуса в данной интерпретации близок восприятию гностиков. Однако учение Маркиона не было принято большинством христианских общин; римские христиане изгнали его из своей общины. Но эти попытки Маркиона, а затем и Татиана привели к тому, что руководители христианских общин вынуждены были отобрать из всей массы христианской литературы те книги, которые можно было считать источниками вероучения — т.е. каноническими.

Слово «канон», как и другие понятия, применявшиеся христианами, пришло из языческого мира. Это слово употреблялось для обозначения образца, стандарта, нормы. В Посланиях Павла слово «канон» встречается в значении «правило» — «...тем, которые поступают по сему правилу (в греческом тексте — канону), мир им и милость...» (Послание к галатам 6: 16). Только после длительного отбора священных книг с середины IV в. слово *канон* стало употребляться по отношению к собранию христианских священных книг. Что касается определения *Новый Завет*, то как название собрания признанных священными книг оно встречается с конца II в.: Евсевий Кесарийский упоминает о сочинении неизвестного автора, в ко-

тором сочетание «Новый Завет» употреблено именно в таком значении, хотя само понятие Нового Завета (или Нового договора с Богом) существовало значительно раньше — еще в рукописях Кумранской общины, члены которой заключили новый договор (завет) с Богом. Похожее словоупотребление встречается и в Евангелии от Луки: «...Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк. 22: 20).

Самым первым известным списком почитаемых книг является фрагмент, составленный в Риме около 200 г. (правда, некоторые исследователи предлагают более позднюю дату) и обнаруженный в 1740 г. По имени нашедшего его ученого этот фрагмент назван «Канон Муратори», хотя слова *канон* там нет. В этом фрагменте не сохранилось начало, но ясно, что в первых строках речь шла о четырех Евангелиях. Составитель списка указывает, что они согласны между собой. Список включает «Деяния всех апостолов в одной книге» — имеются в виду новозаветные Деяния апостолов, которые и выделены определением «в одной книге», так как ко времени составления списка существовало уже довольно много деяний отдельных апостолов. Включены и тринадцать Посланий Павла (без Послания к евреям); но при этом автор списка оговаривает, что Второе послание к коринфянам и Второе послание к фессалоникийцам — повторные. Интересно его замечание, что Послания к Титу, к Тимофею и Филимону включены из любви к Павлу: по-видимому, римские христиане не видели в этих посланиях вероучительного смысла — и в то же время важно, что именно в Риме авторитет Павла был очень высок. Из новозаветных соборных посланий отсутствуют Послания Петра, Послание Иакова, Третье послание Иоанна. Зато там упомянута «Премудрость Соломона», книга, которая отсутствует в древнееврейском каноне, но включена в Септуагинту. По поводу апокалипсисов составитель пишет: «Из Откровений мы признаем только Иоанна и Петра (речь идет, по-видимому, о негностическом Апокалипсисе Петра. — *И. С.*), которое некоторые из наших не хотят читать в церкви. Но Герма написал «Пастыря» уже в наши дни в Риме, когда епископом был его брат Пий. Поэтому его можно читать, но ни публично в церкви, ни среди апостолов, ни среди пророков». Таким образом, при отборе священных книг играло роль не только содер-

жание, но древность создания. Список Муратори не был каноном в собственном смысле слова, он отражает позицию христиан Рима, а не всех христианских групп империи. Как уже говорилось, окончательный канон был утвержден на съездах епископов в IV—V вв. Интересной особенностью ранней христианской литературы было ее внешнее оформление. Как можно судить по довольно ранним находкам в Египте, христиане отказались от папирусных свитков и заменили их кодексами — книжными постраничными текстами. Вероятно, это было связано с удобством чтения как дома, так и руководителями общин во время собраний.

Уже после того, как в христианских общинах разных областей выявились списки наиболее почитаемых священных книг, утвердилась определенная традиция, начиная примерно с середины II в. стали создаваться многочисленные сочинения, как бы дополняющие эти книги — посвященные детству Иисуса, Его матери Марии, отдельным апостолам, а также тем лицам, которых христианская традиция стала называть «свидетели Христовы». Понтию Пилату и процессу над Иисусом была посвящена целая серия писаний, переполненных самыми фантастическими подробностями (в так называемом *Евангелии Никодима* сказано, что перед Иисусом склонились копьа, которые держали римские стражники во время суда).

К этим книгам христианские епископы относились по-разному — одни запрещали, другие разрешали их для домашнего чтения. Целый ряд праздников, в частности Богородичных (Рождество Богородицы, Введение во храм, Успение Марии), основаны не на Священном Писании, а на этих сочинениях. Их создание связано с распространением христианства среди людей разных национальностей, различных верований, образованности, социальных чуждений, а также специфической организационной и идеологической обстановкой в христианских общинах конца I—II вв., к характеристике которых мы и перейдем в следующих главах.

Глава 7

ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ. ХРИСТИАНЕ И ЯЗЫЧНИКИ

Преемственность между Иисусом и Его последователями в первые годы после распятия заключалась в проповедях странствующих апостолов и пророков, исцелениях, совершаемых ими, собраниях христиан с молитвами, исполнении ряда обрядов, общей трапезе. Главной целью была духовная подготовка ко Второму пришествию Христа. Но христиане не были подобны кумранитам — они не удалялись в пустыню, не образовывали общезжитий, отделенных от остального мира. Для нормального существования среди массы языческого населения им необходима была определенная организация — не такая жесткая и закрытая, как у ессеев Кумрана, но тем менее со своими обычаями, некоторым руководством, что, при всей открытости христиан, давало бы им возможность не раствориться в окружающем мире, где они продолжали жить и работать, и чувствовать себя частью избранного сообщества верующих. Мы мало знаем об организации первых христианских еkkлeсий за пределами Палестины. Автор Откровения Иоанна свои писания адресует не просто христианским группам малоазийских городов, но ангелу той или иной еkkлeсии. Возможно, имеется в виду ангел-хранитель общины, которому автор передает слова Господа, но поскольку Иоанн должен написать ангелу, то не исключено, что в этих общинах существовали вестники (или глашатаи — дословно по-гречески слово «ангел» означает «вестник»), которые читали перед собранием послания от проповедников. Но никаких других сведений об ангелах еkkлeсий у нас нет.

Христиане называли себя братьями и сестрами. Они давали добровольные взносы для организации общих трапез и помо-

щи нуждающимся. Но жить за счет общей казны считалось недостойным, хотя среди христиан были и такие, кто к этому стремился. Во Втором послании к фессалоникийцам Павел настойчиво повторяет требование трудиться, он пишет, что среди христиан есть такие, которые «поступают бесчинно, ничего не делают, а только суетятся» (2 Фес. 3: 11). Открытость христианских еkkлесий приводила к тому, что к ним могли присоединиться люди, не столько движимые верой в Спасителя, сколько неприятием окружающего мира; они приносили свои привычки, свое нежелание жить тяжелым трудом. Как поступать с теми, кто конфликтовал друг с другом, судился у языческих судей, злословил? Павел пытается дать советы, как нужно поступать в этих случаях — не общаться с теми из собратьев, кто занимается блудом, лихоимством, злоречием... В качестве более мягкой меры — иметь «на замечании», не общаться с провинившимся, чтобы устыдить и вразумить, но не считать врагом (2 Фес. 3: 14 — 15). Чтобы предотвратить внутренние конфликты, Павел убеждал свою паству, что Бог дал разным людям различные дары: одних Бог поставил апостолами, других — пророками, и учителями, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки (Первое послание к коринфянам. 12: 28). Характерно, что отмечается призывание к руководству повседневной общинной жизнью, без которого внутренний порядок вряд ли был возможен. По-видимому, уже в I в. в некоторых общинах появились старейшины-пресвитеры; их функции, насколько можно судить по отрывочным данным, были организационно-хозяйственными — они распределяли помощь, собирали взносы, навещали больных и заключенных. Пресвитеры выбирались общиной и вводились в должность наиболее почитаемыми проповедниками (апостолами). В Деяниях апостолов и в Посланиях Павла пресвитеры называются также епископами (надзирателями — в Кумранской общине также существовала должность надзирателя). Это не были до поры до времени разные должности, просто надзор за внутренней жизнью был одной из функций старейшин. В Деяниях апостолов говорится, что Павел собрал пресвитеров христиан Эфеса, но в обращении к ним он назвал их епископами (в русском переводе — блюстителями). Оба термина употребляются по отноше-

нию к одним и тем же лицам и в Послании к Титу. Автор послания обращается к адресату, с тем чтобы тот довершил недоконченное и поставил пресвитеров по всем городам; а затем перечисляет, какими качествами должен обладать пресвитер: непорочен, муж одной жены, имеет верных детей и т.п. Говоря о епископах, автор Первого послания к Тимофею, повторяет требование непорочности, а также что он должен происходить из зажиточных людей, хорошо управлять домом своим... Но в общинах христиан I в., где все мечтали обрести Божию благодать и чувствовали себя «сынами Божиими», апостолы и пророки, обладавшие этой благодатью, харизмой, пользовались большим авторитетом, чем те, кто занимался организацией повседневной жизни. Рядовые члены общины могли быть недовольны своими старейшинами; управлять общиной при отсутствии каких бы то ни было средств принуждения было достаточно трудно. В Первом послании к Тимофею (которое, по существу, представляет собой свод правил внутренней жизни общины), освященном именем Павла, хотя и написанном не им, подчеркивается, что достойным пресвитерам нужно оказывать особую честь; обвинение против пресвитера можно принимать только при двух или трех свидетелях. Таким образом, во второй половине I в. происходит постепенное распространение должностей руководителей общин (пресвитеров-епископов). Существовали и служители — дьяконы и дьяконисы, они прислуживали во время причастительных трапез; дьяконы не должны быть пристрастны к вину, корыстолюбивы (по-видимому, они также имели дело с общинной кассой).

Наиболее полное представление о христианской общине рубежа I и II веков дает нам памятник раннехристианской литературы, открытый в 1875 г. — Дидахе (Два пути), или Учение двенадцати апостолов. Некоторые ученые относят это произведение ко времени между 70 и 112 годами, другие — ко второй четверти второго века. Но даже если Дидахе было написано во II в., то в нем отражено положение в такой общине, где сохранились традиции первоначального христианства. Дидахе состоит из трех частей — первая, вероучительная рассматривает «путь жизни», т.е. путь спасения и «путь смерти» (погибели), затем идет характеристика обрядов и молитв, в третьей части устанавливаются правила, регулирующие

внутреннюю жизнь общины, отношения членов общины с проповедниками. Это было время складывания христианских объединений во главе с лидерами и установления определенных правил. Община принимала моральный кодекс, ибо этический радикализм Иисуса был невозможен на практике. Требования и запреты в основном восходили к евангельским заповедям; были прибавлены и новые, связанные с обычаями окружающего мира и появлением в общине новообращенных язычников. Так, запрещались распространенные среди римлян гадания по полету птиц, занятия астрологией (математикой), которая была особенно популярна в восточных провинциях империи.

В составе христианской общины, чей уклад отражен в Дидахе, преобладали низы населения, что следует из призывов к обязательному труду и взаимопомощи. Но среди христиан были и зажиточные люди, владевшие рабами. В Дидахе оговаривается необходимость мягкого обращения с рабами-единоверцами, а рабов призывают повиноваться господам своим.

Христианская обрядность ко времени создания Дидахе еще полностью не сложилась. В Дидахе содержатся правила совершения древнейших обрядов — крещения, желательно в проточной воде; причащения во время общей трапезы вином и хлебом. Порядок причащения основывался на рассказе Матфея и Марка о Тайной вечере, во время которой «Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им (т.е. апостолам. — И. С.) и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И взяв чашу, благодарив, подал им и пили все из нее...» (Мк. 14: 22—24; ср. Мф. 26: 26). У Луки Иисус сначала дает ученикам чашу (Лк. 22: 19). Среди молитв приводится текст молитвы «Отче наш», который несколько отличается от новозаветного; упоминаются молитвы, которые должны произноситься после евхаристии: например, молитва с призывом избавить церковь (экклесию) от всякого зла: «...Собери ее от четырех ветров в Царство Твое, которое ты уготовил ей...». Приведенная молитва характерна только для этого памятника: по-видимому, молитвы варьировались от общины к общине. В этой молитве встречается арамейская фраза — Господь пришел (*маран ата*) и провозглашается осанна Богу Давида. И Давид и Иисус называются там «Дитя Господне». Можно сказать, что теология Дидахе во

многим зависела от Ветхого Завета. Тем самым в общине сохранялись иудейские и иудео-христианские элементы. В заключительной главе Дидахе описывается Второе пришествие и то, что ему будет предшествовать: ненависть, неправда; появится Искуситель мира и сотворит беззакония, каких не было от века. Многие соблазнятся и погибнут, но пребывающие в вере спасутся. И мертвые воскреснут — но не все, а как сказано: «приидет Господь и все святые с ним». Последняя фраза представляет собой цитату из книги пророка Захарии (Зах. 14: 5), она показывает, что верования в воскресение мертвых имели варианты — в данном случае они были основаны на ветхозаветном пророчестве, что может свидетельствовать о сохраняющемся влиянии иудео-христианства.

В то же время члены этой общины отделяли себя от ортодоксальных иудеев: в Дидахе упомянуты посты, причем специально оговорено, что верующие должны соблюдать посты, но не тогда, когда постятся лицемеры (т.е. верующие иудеи), а в другие дни, и молитвы нужно иметь особые. Правда, пророки после евхаристии могли произносить молитвы «какие им угодно». В совершении грехов или в дурных помыслах члены общины калялись публично на собрании всех верующих. Для них именно собрание (экклесия) обладала благодатью: все христиане назывались святыми и все вместе могли отпускать грехи. Публичность покаяния имела ритуальный смысл. Клирики, служители церкви, наделенные исключительным правом отпускать грехи, еще не появились.

Главную роль в общине по-прежнему играли апостолы и пророки. Апостолы были странствующими проповедниками, разъяснявшими учение Иисуса; пророки же говорили как бы по вдохновению свыше, сообщая верующим ниспосланные им откровения и видения: христиане верили, что устами пророков говорит Святой Дух. Однако устные рассказы и пророчества расходились друг с другом. Поэтому перед членами общины встал вопрос, кого можно считать истинным пророком и апостолом, а кого ложным? В Дидахе даются достаточно примитивные советы, как отличить истинного пророка от ложного; критерием служит не содержание их выступлений, а поведение: странствующий апостол или пророк не должен оставаться в общине больше двух дней; уходя, он может взять хлеба

на дорогу, но если он попросит денег, то он лжепророк и лжеапостол. Если во время своих пророчеств он просит устроить трапезу для бедных, но сам не ест, то он пророк истинный, а если ест сам — то ложный. В этих правилах отразилась и бедность общины и наличие среди странствующих проповедников людей, порой далеких от христианства, стремившихся подчас использовать средства общины в корыстных целях (возможно, именно таким человеком был описанный Лукианом Перегрин).

Наряду со странствующими пророками были и такие, кто постоянно жил в том поселении, где находилась христианская община. Дидахе разрешает пришлому пророку селиться в качестве ремесленника, если же он не владеет ремеслом, нужно подыскать ему занятие (приобрести землю он не имел возможности). Однако уже появляются и такие «истинные пророки», «истинные учителя», которые сами не работают, а только проповедуют и пророчествуют. Жили такие люди за счет сборов с верующих — «от произведений точила и гумна, от быков и овец»; а также делаются денежные сборы, часть пищи и вина, одежды, «сколько найдешь нужным» — строго определенных размеров сборов еще не существовало. Если же постоянно живущих пророков нет, то сборы отдавались нищим. Характер сборов, преимущественно натуральных, говорит о том, что среди верующих были не только ремесленники, но и земледельцы.

В общинах, для которых было создано Дидахе, появились и особые руководящие должности епископов и дьяконов. Там сказано: «Рукополагайте себе епископов и дьяконов, достойных Господа, мужей кротких, истинных, испытанных: они тоже исполняют у вас службу пророков и учителей... Поэтому не презирайте их — они ваши почтенные наряду с пророками и учителями». Последняя фраза весьма значима — епископы и дьяконы пользовались меньшим авторитетом, чем пророки, поскольку выполняли хозяйственные функции. Составители свода правил в Дидахе пытались переломить несколько пренебрежительное отношение к этим должностям и приравнять их к учителям и пророкам, т.е. сделать их авторитетными и в вопросах верования.

Авторитет епископов утверждался с трудом и в некоторых других христианских общинах. Так, в письме, адресованном

христианам Коринфа, авторство которого приписывалось руководителю римских христиан Клименту (вероятно, начало II в.) говорится о крупном конфликте внутри этой общины: более молодые члены ее выступали против своих старейшин и даже устранили епископов (термины *пресвитеры* и *епископы* Климент употребляет как синонимы). Автор письма увещевает «молодых» слушаться своих епископов. Конфликт затронул и вопросы веры — «молодые» (имелись в виду новообращенные) выступали против учения о воскресении во плоти — один из наиболее острых вопросов, которые трудно воспринимались людьми, пришедшими из языческого окружения. Но епископат постепенно укреплялся, что было связано с продолжающимся притоком к христианам новых людей, а также необходимостью существования внутри имперского общества.

Для того чтобы представить себе причины распространения христианства и отношение к ним разных слоев населения, нужно иметь хотя бы примерное представление об общем положении империи во II веке. На рубеже I и II веков завершилось становление государственной организации империи. В 96 г. был убит император Домициан, вызывавший ненависть своими расправами с неудобными людьми, и наступает период правления династии Антонинов, добившихся экономической и политической стабилизации империи. Императоры дают гражданство верхушке провинциального населения, включают ее представителей в сенат. Важнейшим фактором общественного развития была постепенная нивелировка положения восточных и западных областей империи, смешение населения в результате переселений. Со времени правления императора Адриана империя отказывается от внешних завоеваний. Это был Римский мир, в котором постепенно изживались гражданские традиции, как пишет историк Г.С. Кнабе, умиротворение на деле означало отделение народа от политики, переставшей быть близким и жизненно важным для него делом⁷⁸. При этом стабилизация была в известной степени поверхностной — опора на местную знать и коррумпированных императорских вольноотпущенников вызывала острое недовольство разных слоев

---

⁷⁸ Подробно характеристику римского общества см.: Кнабе Г.С. Римское общество в эпоху империи // История древнего мира. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М., 1989.

населения, конфликты между богатыми и бедными, между императорскими чиновниками и остальным населением. Ко II веку в сельском хозяйстве господствовали арендные отношения — большинство землевладельцев, в том числе и императоры, передавали участки земли колонам и посаженным на землю рабам. Многие колоны, особенно в императорских имениях, страдали от несправедливых судей и хищных чиновников, тем более что подобные явления встречались на каждом шагу. До нас дошли жалобы на злоупотребления императорских чиновников в провинциях, направленные земледельцами императорам (причем дошли только те, которые получили положительную резолюцию владыки — а сколько жалоб не дошло до него и осталось без ответа?!): в одних говорится, что управители императорских имений завышают платежи, а прокураторы покрывают этих управителей и даже бросают жалобщиков в тюрьмы, как это происходило в Северной Африке. В других рассказывается, как императорские чиновники вымогают деньги, незаконно арестовывая земледельцев. В городах, где увеличилось ремесленное население, время от времени вспыхивали выступления, связанные с затруднением хлебоснабжения, но и они подавлялись местными властями.

В 132 г. в Иудее вспыхнуло грандиозное восстание под руководством Симона бен Косебы, объявившего себя мессией и принявшего имя Бар-Кохба — Сын звезды. Восставшим удалось захватить Иерусалим. Их отряды находились и в пещерах Кумрана. Восстание было жестоко подавлено, иудеям было запрещено приближаться к Иерусалиму чаще, чем раз в году. На его месте была основана римская колония Элия Капитолина, в городе воздвигнут храм главному римскому божеству Юпитеру Капитолийскому. Фактически это означало дальнейшее рассеяние иудеев по всей империи. Казалось, империя несокрушима, и освободиться от ее бремени можно было только духовно. Таким духовным спасением могло быть христианство, привлекавшее людей тем, что оно призывало к единению в любви; при этом оно снимало проблему «несправедливого страдания», ибо объявляло, что через страдание обретается благодать и спасение в Царстве Божием.

К началу II в. появляются наиболее достоверные сведения о христианах, об отношении к ним властей и окружающего

населения, содержащиеся в нехристианских источниках, поскольку они становились все более заметными. В частности, христиане упоминаются в переписке Плиния Младшего с императором Траяном. Плиний был послан императором навести порядок в провинции Вифиния и Понт в Малой Азии. Среди других дел он столкнулся и с проблемой существования христиан. Ему был передан список множества христиан, составленный неизвестным лицом — т.е. донос был анонимный. При проверке выяснилось, что некоторые из названных людей христианами не были или за много лет до приезда Плиния порвали с ними (даже лет за двадцать — Письма, X, 96). Какие побуждения двигали этим неизвестным доносчиком? Уже не выгода, как во времена прежних императоров, когда доносчики получали вознаграждение; анонимность доноса показывает, что автор его стремился остаться в тени. Вряд ли это был человек из высших слоев общества — их еще было мало в христианских или околохристианских кругах, и вряд ли почетный член общества стал бы скрывать свое имя перед посланцем императора. Скорее всего, доносчик — выходец из низов, возможно, сам был когда-то участником собраний христиан и не был принят ими — на это может указывать тот факт, что среди названных христиан, по свидетельству Плиния, были люди, давно отшедшие от христианства. Стремление уничтожить иноверцев могло быть вызвано и тем, что к христианам примкнули его близкие родственники — жена, сестра, дочь, что породило в будущем доносчике острую неприязнь к новой религии. Такова типичная ситуация, описанная почти во всех апокрифических деяниях апостолов, созданных во II в.; вероятно, она в известной мере отражала реальное положение. В любом случае доносчик знал христиан в своем окружении и воспринимал их (или стал воспринимать после разрыва с ними) как чужаков, непонятных и потому враждебных миру, в котором он жил. Появление в доносе имен нехристиан могло быть связано с тем, что доносчик включил туда тех людей, которым хотел навредить. Сама анонимность доноса свидетельствует, что человек, написавший его, не хотел открываться ни властям, ни знавшим его людям (кто знает, какие темные дела были в жизни этого человека). Можно думать, что христиане стали уже выделяться и их образ жизни не только привлекал,

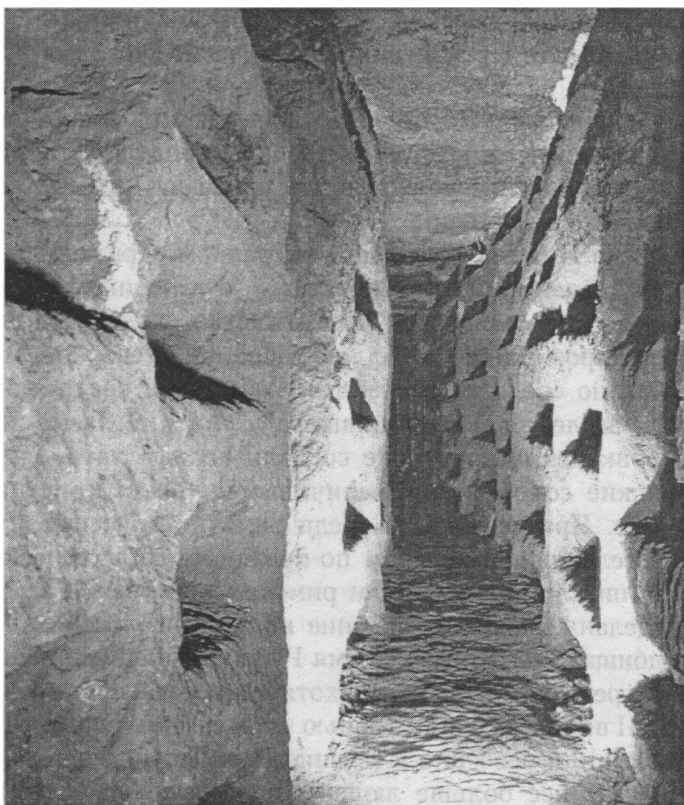
но и раздражал живших рядом язычников. Доносы на христиан, обвинения их в самых фантастических преступлениях вплоть до убийства младенцев продолжались на протяжении II—III вв. и исходили они, как правило, от людей толпы. Для внутренней жизни малоазийских христиан сведения Плиния важны тем, что они показывают известную текучесть состава общины: люди приходили к христианам, а затем могли покидать их. Открытость общин, отсутствие изоляции от внешнего мира способствовали не только увеличению числа верующих, но и уменьшению их за счет случайных людей.

Расследуя этот донос, Плиний оказался в затруднении. Он пишет Траяну: «Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах, поэтому не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать... прощать ли раскаявшихся, или же человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем» (т.е. противоправные действия, вытекавшие из их верований). Плиний допрашивал тех, кто был упомянут в доносе, кто признал себя христианами; спрашивал второй и третий раз — т.е. давал им возможность одуматься. Тех, кто говорил, что он не христианин или что он давно был им, Плиний заставлял поклониться и принести жертву перед статуями богов и изображением императора, а также похулить Христа («настоящих христиан, — пишет Плиний, — нельзя принудить ни к одному из этих поступков»). Тех же, кто упорствовал, Плиний велел казнить. Среди христиан оказались и римские граждане, их он отправил для суда в Рим. Допросы, по сообщению Плиния, показали, что христиане собирались в определенный день до рассвета, восхваляли Христа, обязывались воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова... Они собирались и для вкушения пищи, «обычной и невинной»: последними словами Плиний подчеркивал, что слухи о кровавых жертвах, убийстве младенцев не подтвердились. Плиний спросил под пыткой и двух рабынь-христианок (рабов, как правило, допрашивали под пыткой — иначе их показаниям не доверяли). Эти рабыни были в общине диаконисами. В результате, по словам Плиния, он не обнаружил ничего, кроме безмерно «уродливого суеверия».

Для представления о внутренней жизни общин важны его сведения об общих собраниях в конце ночи (перед рассветом), времени, связанном с тем, что большинство христиан работали. Где они собирались — неясно, возможно, под открытым небом, в домах ремесленников и земледельцев. Их собрания были посвящены молитвам, песнопениям, вероятно, покаянию, обязательствам не совершать и не замысливать дурных поступков, и общей трапезе (как и в Дидахе — основной обряд ранних христианских общин). Плиний отмечает, что среди христиан — люди разного возраста, состояния и пола. Действительно, наряду с рабами к христианам примыкали и представители местной элиты, получившие римское гражданство: провинциалам даровали гражданство за особые заслуги перед государством. Руководителей общин Плиний не упоминает, может быть, епископат в этом регионе еще не сложился, а может быть, не играл существенной роли, и Плиний не обратил на него внимания. В конце своего письма Плиний пишет, что «зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям». Распространенные в научной и научно-популярной литературе представления о том, что христиане жили прежде всего в городах, а в деревнях дольше сохранялось язычество, не вполне соответствует ситуации в восточных провинциях, в частности в Малой Азии, и об этом свидетельствуют и надписи, поставленные христианами из сельских местностей.

Из письма Плиния видно отношение властей к христианам — автор письма кое-что слышал о христианах, возможно, в связи с воспоминаниями о казнях при Нероне, но знал о них очень мало. Расследования о принадлежности к христианству были еще столь редки, что Плиний даже не знал, как они проводятся. По существу, ему было важно лишь проявление христианами лояльности к императорской власти, выраженное в почитании божественного императора. Поэтому он приказывал казнить тех, кто отказывался это сделать, считая такое поведение закоснелостью и упрямством. Для римского чиновника вера в любого бога могла спокойно сочетаться с почитанием владыки империи — ритуал носил достаточно формальный характер; для большинства жителей империи он не имел никакого сакрального смысла. Почитание римских богов и императора было

Внутренний вид катакомб

долгом римского гражданина и должностного лица независимо от его личных чувств и верований. Плиний не мог понять психологии христиан, для которых отказ от идолопоклонства означал верность Христу и надежду на жизнь вечную. Примерно так же относился к христианам и Траян. Смысл его ответа на отчет Плиния заключался в том, что нельзя устанавливать какие-либо общие правила; выискивать виновных незачем, но если на них поступит донос и они будут изобличены, то их следует наказать. Тех же, кто отречется от своей веры, следует помиловать. Но анонимные доносы не надо принимать во внимание. Впоследствии христианский писатель Тертуллиан упрекал Траяна в непоследовательности — с одной стороны,

христиан не надо разыскивать (т.е. они невиновны), а с другой — наказывать их как виноватых, если кто-либо все-таки их обнаружит. Между тем Траян в своих рассуждениях был достаточно логичен. До поры до времени христиане сами по себе не беспокоили представителей верховной власти, но публичное неповиновение должно быть наказано, прежде всего — в назидание окружающим.

Переписка Плиния Младшего с Траяном отражает переходный период в истории христианства — эта религия становится все более и более заметной. Христианство распространяется и в западных провинциях, в Галлии, Испании, Северной Африке, первоначально среди переселенцев, но затем и среди римлян и местного населения, воспринявшего латинский язык. Именно североафриканские христиане создали первые латиноязычные христианские сочинения. Увеличивается число христиан и в самом Риме. Правда, во II в. среди римских христиан преобладали переселенцы, их языком по-прежнему был греческий, на греческом писали руководители римских христиан II в., на греческом сделаны наиболее древние надписи в римских подземных кладбищах; даже римское имя Руфина в надписи конца II в. написано греческими буквами, хотя использование греческого языка во II в. могло быть и данью священной традиции.

С конца I в. и особенно в течение II в. к христианам начинает примыкать все больше людей из высших слоев общества. Возможно, именно христианство имеет в виду историк Дион Кассий, когда пишет, что император Домициан (конец I в.) казнил своего родственника Флавия Клемента и его жену Домициллу, обвинив их, в числе прочего, в безбожии. В этом, по словам историка, были обвинены многие другие, склонявшиеся к иудейским обрядам. Не исключено, что под иудейскими обрядами могло подразумеваться христианство. О преследованиях христиан Домицианом пишет и Тертуллиан. О судовладельце Маркионе, вошедшем в римскую общину, мы уже говорили. Косвенным свидетельством существования влиятельных людей в Риме могут служить слова из письма схваченного местными властями епископа Антиохии Игнатия (II в.). Письмо было адресовано римским христианам: в нем епископ просил собратьев не употреблять свое влияние для его освобождения (он верил, что мученическая смерть обеспечит ему жизнь вечную).

Деятельность состоятельных христиан в Риме была связана не только с помощью собратьям, но и с таким важным аспектом жизни верующих, как предоставление помещений для их собраний. Христиане Рима большей частью были бедными людьми, населявшими лачуги в пригородах столицы, по берегам Тибра, около разного рода производств; они могли быть заняты в строительстве, уборке улиц и т.п. Им трудно было собираться где-либо в Риме для совершения евхаристии, слушания проповедей, совершения молитв, за исключением частных домов. Постепенно такие дома, своего рода домашние церкви, стали постоянным местом собраний (вероятно, на верхних этажах); дома назывались по имени владельца. Даже когда христианство было легализовано, христиане сохранили память о первоначальных владельцах, объединяя порой их со святыми мучениками; дошли имена некоторых из них: Сабина, Бальбина, Анастасия, Кризогон, Евсевий и т.д. Но такие люди предоставляли не только помещения, они позволяли решить проблему, которая стояла перед христианами Рима и других крупных городов: проблему захоронения. По римскому обряду покойников кремировали, хотя существовало и трупоположение. Но для христиан, веривших в воскресение во плоти, сожжение тела было невозможно: его нужно было предать земле. Кроме того, христиане хотели лежать рядом друг с другом, чтобы воскреснуть вместе.

Земля в некрополях около Рима была очень дорогая, поэтому зажиточные римляне-христиане начиная со II в. предоставляли часть своей земли для погребений, причем таких, которые совершались в катакомбах — вырытых глубоко в земле галереях. Названия таких подземных кладбищ также получили имена по их владельцам — Присциллы, Домициллы, Максима, Комодиллы, Агнессы, Оттавиллы (следует обратить внимание на преобладание женских имен: женщины, по-видимому, продолжали преобладать среди зажиточных слоев христиан Рима). В некоторых катакомбах были использованы дохристианские подземные помещения, которых в Риме было довольно много — заброшенные клоаки, каменоломни, которые затем были расширены и углублены. Современные ученые утверждают, что подземные кладбища не были вырыты для безопасности христиан во время гонений (римские власти достаточно хорошо знали, где они находятся, да и рыть столь глубокие подземелья, вывозить

землю втайне невозможно)⁷⁹. Эти кладбища существовали на земле за стенами города, именно в них христиане и иудеи Рима нашли возможность хоронить всевозрастающее число своих последователей. Сохранились катакомбы и в других городах, где трудно было найти места для захоронений: сохранились древние подземные кладбища в сицилийском городе Сиракузах, в Неаполе и других.

Деятельность состоятельных последователей христианства изменила общее отношение к богатству. Достаточно ярко это выражено в «Пастыре» Гермы, сочинении, написанном в первой половине II в. Характерен образ автора, созданный в этом произведении: он выходец из низов (вольноотпущенник), пытавшийся разбогатеть на торговых операциях, но разорившийся — типичный представитель средних слоев, которые стали примыкать к христианам. Герма не осуждает богатство, но лишь стремление к роскоши и мирским наслаждениям. Он призывает к благотворительности, причем создает своеобразную теорию взаимной необходимости богатых и бедных: богатые должны отдавать часть своего состояния беднякам, тогда можно стать угодным Богу. Бедные, в свою очередь, помогают богатым спастись, ибо возносят молитвы за своих благодетелей. Таким образом, сосуществование бедных и богатых в христианских общинах становится признанным фактом, способствовавшим привлечению туда людей из высших слоев общества.

Увеличение состоятельных людей среди христиан могло идти и за счет использования отдельными членами общин связей между христианами разных областей для торговых операций, но были и такие, которые пытались приобрести богатство за счет общинных средств: в послании епископа Смирны Поликарпа сказано, что он скорбит о некоем Валенте, который некогда входил в клир, но проявил страсть к обогащению. Одним из способов приобретения средств руководителями христиан была опека над завещанным общине имуществом: часто в таких случаях христиане назначали душеприказчиками пресвитеров. Использование завещанного имущества и опе-

---

⁷⁹ Как пишет итальянский исследователь Ф. Манчинелли, представление о катакомбах как убежищах от преследований — романтическая фантазия, созданная писателями XIX века (Mancinelli F. *Catacombs and Basilicas. Early Christians in Rome*. Firenze, 1998. P. 7).

ки над малолетними детьми в личных целях вызывало в III в. особые постановления епископов, запрещавшие клирикам заниматься мирскими делами. В этих условиях особую роль в идейном и организационном руководстве общинами приобретали люди не только зажиточные, но высокообразованные, пользующиеся настоящим авторитетом.

Среди христиан II в. появляются люди, знакомые с греко-римской философией, которая уже перестала их удовлетворять. Они разрабатывают христианское богословие, стремясь создать стройную систему, теоретически выступают в защиту христианства. Одним из самых знаменитых апологетов христианства II в. был Юстин, происходивший из богатой греческой семьи, которая жила в Палестине. По его собственным словам, он учился у философов разных школ, но в конце концов стал христианином, начал проповедовать новое учение, переезжая из города в город, затем обосновался в Риме, где создал специальную школу для христиан; кончил он свою жизнь как мученик — примерно около 166 г. был осужден и казнен по доносу одного из языческих философов. Во второй половине II в. в Александрии была создана школа христианского богословия, во главе которой одно время стоял Климент Александрийский, выходец из аристократической семьи, до своего обращения занимавшийся античной философией; затем ею руководил Ориген. Одним из самых крупных христианских писателей рубежа II—III вв. был уроженец Северной Африки Тертуллиан. Он получил образование в Карфагене, был адвокатом в Риме. Первоначально он отрицал христианство, а затем стал его страстным проповедником. Епископ города Лиона (Лугудуна в Галлии) Ириней написал огромное сочинение «Против ересей», где защищал авторитет четырех Евангелий и основные положения ортодоксального христианства. Характерно, что Ириней происходил из Малой Азии, переселенцами были и другие видные руководители христиан — Татиан и ученик Юстина Теофил переселились из Месопотамии, писатель Афиногор — из Греции и т.д. Их переселение было связано с разными причинами — стремлением быть в гуще христиан в Риме, но также и желанием распространять веру в тех провинциях, где христиан было не так много: миссионерская проповедь была делом образованных христиан. Неудивитель-

но, что они, как Ириней, заняли руководящие должности среди христиан западных провинций.

Мы не будем здесь характеризовать зарождающуюся христианскую теологию, которая сосуществовала с народным христианством, но изменение состава христианских организаций сыграло свою роль и в дальнейшем их развитии, выделении авторитетных руководителей. Потребность в таких руководителях, в отличие от I в., возрастала по мере распространения христианства в разных областях империи, многие христиане говорили уже не по-гречески, а на народной латыни. Новообращенные христиане нуждались в поучениях, проповедях, отборе священных книг. Второй век — как будет показано дальше — был временем расхождения между разными христианскими группами, ожесточенных споров по вопросам вероучения; недаром Цельс писал, что вначале их (христиан) было немного и у них было единомыслие, а размножившись, они тотчас же распадаются и раскалываются: «каждый хочет иметь свою собственную группу...». Поскольку скорое наступление Царства Божия постепенно отодвигается в неопределенное будущее (по учению христиан того времени — оно наступит, когда как можно больше людей обратится в веру Христову), то особо важными становятся вопросы этики, отношения к властям, друг к другу, к язычникам, к аскетическим требованиям ранней христианской традиции. В связи с отдельными преследованиями христиан и появлением отрекшихся вставали и новые вопросы — можно ли прощать тех «падших», которые раскаиваются, и кто вправе их простить? Ответы на все эти вопросы далеко не всегда можно было найти в почитавшихся древних писаниях, поэтому ответы эти брали на себя руководители христианских общин. В письме епископа Игнатия, адресованного христианам Филадельфии, автор с горечью пишет, что некоторые христиане говорят ему: «если я не найду этого в древности, то не поверю в евангелие (имеется в виду благовестие об учении Иисуса), а когда я говорю, что это действительно написано в наших древних писаниях, они отвечают: «Это нужно доказать». Стремление к доказательству отражало сохранявшийся у новообращенных язычников логический подход, свойственный античному мышлению.

Важной проблемой, возникшей перед христианами и христианскими руководителями, было отношение к иудаизму:

иудео-христианство сохранялось на периферии христианского мира, в Палестине, а основная масса обращенных язычников не признавала иудаизма, особенно ясно это стало ощущаться после восстания против Рима в Палестине под предводительством Бар-Кохбы. Разгром восстания еще раз показал христианам, что Бог не поддерживает иудеев в наказание за то, что они отвергли Иисуса Христа. С религиозными соображениями переплелись и реальные интересы людей, боявшихся преследований со стороны римских властей, которые порой продолжали объединять христиан с иудеями. Полный разрыв с иудаизмом для основных христианских групп приводил к своего рода новому «священнотворчеству» — с одной стороны, и к необходимости сохранить и вписать в систему верований древнюю традицию Ветхого Завета, почитаемого Иисусом, — с другой. Все это создавало сложные проблемы для богословов и смущало умы рядовых верующих.

Потребность в единстве и авторитете порождала среди христиан убеждение, что если отдельный христианин может быть слаб и нетверд в вере, то их совокупность в целом обладает Божией благодатью. Экклесия — церковь уже воспринимается не как собрание отдельных групп христиан, а как всеобщая Церковь, мистически связанная с Богом. Само понятие «всеобщая» (по-гречески кафолическая) церковь было употреблено в письмах именно Игнатия. Происходит абстрагирование понятия Церковь, которое приобретает сакральный смысл — это уже не отдельные собрания, не совокупность верующих, но учрежденное Христом сообщество, обнимающее христиан всех времен и народов. Такое понимание Церкви встречается уже в Послании к ефесянам, авторство которого, как уже говорилось, по всей вероятности, Павлу не принадлежит. В этом Послании сказано, что Христос «возлюбил Церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного» (Еф. 5: 25 — 27). Такое восприятие Церкви прослеживается и в «Пастыре» Герм⁸⁰. Церковь в видениях автора — Герм

---

⁸⁰ Текст «Пастыря» в русском переводе опубликован в книге: «Пастырь» Герм. Апокрифические тексты. М., 1997.

является сначала в образе старицы, «которая сотворена... прежде всего и для нее сотворен мир». Существование Церкви реализуется в активной деятельности верующих. Церковь объединяет и живущих праведников, и некогда живших пророков, и тех, кто в будущем, покаявшись, может войти в нее. Когда Церковь будет достроена, произойдет Второе пришествие (тем самым снимался вопрос, волновавший первых христиан о сроках конца света). Пока Церковь строится, у грешников еще есть возможность спастись покаянием, но с завершением строительства каяться будет уже поздно. Только тяжкие грешники — вероотступники и предатели отбрасываются навсегда уже при строительстве Церкви. По мере строительства Церкви старица молодеет, радуясь рвению верующих. Герма призывает к единству Церкви — это был актуальный вопрос для времени создания «Пастыря». Сам автор не упоминает руководителей христианских общин, его взгляды, как мы покажем далее, не вполне совпадали с основным (ортодоксальным) учением, но споры, раздоры ослабляли христианские общины, и это было ясно автору «Пастыря». Но чтобы обеспечить хоть какое-то единство, необходимо было иметь во главе общин авторитетных, образованных людей, которые взяли бы на себя руководство всей жизнью общин. Такими людьми становятся представители клира (этим понятием обозначалась совокупность руководителей общин). Клирики — епископы, пресвитеры, диаконы — первоначально выбирались, но чтобы эти люди получили особую благодать, их рукополагали другие пресвитеры и епископы, как бы передавая ту благодать, которую их предшественники получили от первых апостолов, новым руководителям христианских общин (о рукоположении упоминается в Деяниях апостолов и Посланиях Павла).

В течение II в. из старейшин-пресвитеров выделяются руководители нескольких общин города или округа — епископы, должность которых теперь уже отличается от должности пресвитера. Выделению епископата предшествовало особое положение старшего пресвитера (который затем и стал называться епископом), имевшего право совершать обряд причащения, рукополагать остальных пресвитеров и диаконов, представлять свою общину в сношениях с другими общинами. Основная масса христиан поддерживала епископов, олицетворявших един-

ство христиан данной округи, а благодаря переговорам с другими епископами — и единства более широкого. Важным источником, по которому можно судить о становлении власти епископа, являются послания епископа Антиохии Сирийской первой половины II в. Игнатия. По церковному преданию, он был осужден при императоре Траяне (за что точно — остается неясным) и был в оковах отправлен в Рим. По дороге, когда его везли через Малую Азию, к нему приходили группы христиан и вели с ним беседы. Сопровождавший его помощник записал послания Игнатия, адресованные разным христианским общинам, а также епископу Смирны Поликарпу (повидимому, охрана была не слишком сурова). Всего посланий Игнатия — семь (цифра в известной степени символическая), эти послания как бы перекликаются с посланиями, приведенными в начале новозаветного Откровения. Все ли они принадлежат Игнатию — или часть представляют собой обработанные беседы, — неясно, но идеи епископа отражены в них достаточно последовательно. Главная мысль посланий — утверждение авторитета клира и епископа, что соответствовало ситуации начала второго века, когда власть епископов понемногу укреплялась. Игнатий утверждает, что власть епископов восходит к апостолам Иисуса Христа и что именно к епископам от них перешла благодать. Он призывает следовать епископу так же покорно, как Иисус Христос следовал Отцу (в представлениях Игнатия, как и Павла, Иисус и Бог Отец еще разделены). Причащение в общинах должно производиться епископом или лицом, им поставленным. В Послании к филодельфийцам дано теологическое обоснование власти епископов: «Одно тело наше Господь Иисус Христос и одна чаша с Его кровью и один единственный алтарь, как и один епископ с его клиром». Верующие должны следовать за епископами подобно овцам. Тем самым автор посланий выступает за монархическую власть епископа. Но не везде такая власть осуществлялась на деле: Игнатий упоминает тех христиан, которые на словах признают епископа, а делают все без него.

В ряде провинций христианами продолжали руководить группы влиятельных пресвитеров. Неясно также, был ли епископ у римских христиан: возможно, одного епископа еще не существовало, а все проблемы многочисленных христиан Рима

решались группой руководителей. В письме Игнатия к римлянам епископы вообще не упомянуты. Церковная традиция возводит руководство римскими христианами к апостолу Петру, но даже если Петр действительно погиб в Риме при Нероне, он не выступал в роли постоянного руководителя, а был странствующим апостолом, пользовавшимся влиянием благодаря тому, что был учеником Иисуса. Не упомянуты епископы и в послании Поликарпа христианам города Филиппы. Филиппийская община, если судить по этому письму, еще управлялась пресвитерами. В Александрии епископы существовали, но вплоть до III в. епископов рукополагали не другие епископы, как в большинстве мест, а пресвитеры. Но в течение II—III вв. епископы встали во главе большинства христианских общин, руководство которыми взяли на себя люди состоятельные и образованные. Они занимались организацией богослужения, рекомендацией священных книг, накладывали дисциплинарные взыскания сами или с помощью назначенных судей. В период гонений со стороны властей важное значение придавалось отношению к «падшим», т.е. отрекшимся, но затем захотевшим вернуться в лоно Церкви. Епископы и клир взяли на себя право прощать таких людей, накладывая определенные временные наказания. Таким образом, уже не собрание всех христиан общины, как во времена Дидахе, но клир мог отпускать самые тяжкие грехи, даже совершенные после крещения. Рядовые верующие, по существу, перестали ощущать себя избранными, святыми (как они названы в Дидахе); избранными становились лишь церковнослужители. Совместные трапезы в большинстве христианских общин практиковаться перестали. С конца II в. епископатом было выработано учение о таинствах — обрядах, во время которых верующие через посредство клира получали божественную благодать; главными обрядами были крещение и причащение. По существу, это отделило клир от остальных верующих уже не организационно, а духовно.

Епископы стали распоряжаться имуществом, рекомендовать для изучения священные книги. Сложился порядок богослужения, во время которого клирики читали отрывки из писаний и произносили проповеди. Само слово епископа стало культовым. В столице, где христиан становилось все больше и больше, в III в. епископ Рима Фабиан (название римского еписко-

па — папа утвердилось только в V в.) ввел разделение христиан на семь районов и поставил в качестве надзирателей за жизнью христиан, их благотворительной деятельностью диаконов. По этим же районам были поделены и катакомбы за пределами стен города.

Одной из существенных проблем, стоявших перед епископами и христианскими писателями, было отношение к властям. Епископ Мелитон из города Сарды утверждал, что установление Августом мира в империи было частью божественного приготовления для распространения благой вести об Иисусе Христе. А Тертуллиан в своей «Апологии» писал, что христиане молятся «об императорах... о всех властях». Но при этом христиане упорно отказывались поклоняться статуям императоров и приносить жертвы языческим богам.

Однако всевластие епископов было скорее идеалом, чем реальностью. Выдвижение во II в. епископата еще не означало создания единой церковной организации. Епископальные церкви разных областей соблюдали свои обычаи. Древнейшим праздником христиан была Пасха⁸¹ — Воскресение Христово, но единообразия в праздновании Пасхи долго не существовало. Малоазийские христиане, как и иудео-христиане Палестины, следуя иудейской традиции, праздновали Пасху по иудейскому лунному календарю 14-го числа месяца нисана. В Риме же Пасху праздновали не каждый год и в другой день — в седьмой день недели — день Господень (воскресение) после первого полнолуния, после весеннего равноденствия. Сохранилось предание, что епископ малоазийского города Смирна Поликарп приезжал в Рим, чтобы устранить это расхождение. Однако согласие достигнуто не было, и христиане Малой Азии вплоть до начала IV в. продолжали праздновать Пасху по иудейскому календарю. В конце II в. римский епископ Виктор выступил с осуждением этих христиан и объявил их неистинными христианами. Но в защиту малоазийских христиан выступили епископы других областей, и Виктор вынужден был отказаться от своего заявления. Конфликты возникали и между

---

⁸¹ Слово *Пасха* восходит к древнееврейскому *Пейсах* — празднику умилоствления в память Исхода из Египта; этому слову оказалось созвучным греческое *пасхо* — страдать. Христиане стали воспринимать этот праздник как память страстей и Воскресения Господа.

отдельными деятелями внутри той или иной христианской общины: так, Ориген, возглавлявший одну из самых значительных христианских школ в Александрии, поссорился с епископом Деметрием и вынужден был уехать в палестинский город Кесарию. А в начале III в. в Риме шла ожесточенная борьба между двумя претендентами на должность епископа — Каллистом и Ипполитом. Когда первый был избран епископом, часть христиан не признала его и выбрала другого — Ипполита. Но борьба их так ничем и не кончилась — оба погибли во время гонений на христиан.

Епископы руководили христианами в крупных городах и на прилегающих к ним землях. Христиане существовали и в небольших деревнях. У нас имеются только отрывочные сведения, главным образом на надгробиях, где встречаются прямые или косвенные указания на принадлежность человека к христианам. Христиане в деревнях жили бок о бок с язычниками. В деревенских некрополях сосуществовали захоронения и тех, и других. До нас дошли деревенские надгробия христиан, а также предположительные христианские надписи из малоазийских областей Фригии, Ликаонии, где использовались употребительные у христиан имена и символика, которая могла быть заимствована и из языческих надгробий. Анализ христианских надписей деревень показали, что там главную роль продолжали играть пресвитеры, диаконы и диаконисы (женщины в должности дьяконис сохранялись в деревнях дольше, чем в основных церквях, где уже в III в. они почти не встречаются). Пресвитеры имели семьи: в ряде надгробий указано, что покойному пресвитеру наследует сын пресвитер, дочери пресвитеров становились диаконисами. Это, по-видимому, было связано с тем, что в сельских местностях руководителей общин выбирали из сравнительно узкого круга авторитетных среди соседей семей, а сами христиане старались сохранить семейные связи (в отличие от языческих надгробий, в христианских надгробиях упоминается большее число родственников: детей, братьев, сестер). Единичные надгробия, поставленные себе при жизни, у деревенских христиан не встречаются. В христианских надгробиях упомянуты двоюродный брат, тетя, зятя, в двух надписях из деревни — тесть и теща. В этом регионе найдено всего два единичных надгробия, оба в городе; одно из них постав-

лено епископом себе при жизни — возможно, некоторые епископы уже с III в. не вступали в брак, хотя первоначально одним из требований к кандидату в епископы являлось хорошее воспитание детей.

Среди сельских жителей — христиан Малой Азии были выходцы из местного населения, сохранившие свои имена: так, надгробие дияконисе со странным именем Гуласа (или Гуласи — именительный падеж имени неясен) ставят два человека: один с римским именем Лукий, другой — по имени Уака. Интересно отметить, что за первые столетия распространения христианство пришло и в те области, где его первоначально просто не поняли: например, в Ликаонию (где найдены христианские надгробия), там, где некогда Павла и Варнаву приняли за языческих богов. Деревенское христианство по своей структуре и отчасти по верованиям отличалось от христианства больших городов.

Распространение христианства и активная миссионерская деятельность проповедников вызывали сложные реакции окружающего населения. Если к христианам примыкали и выходцы из низов населения, и отдельные представители образованной элиты, то большинство жителей империи относилось к новому религиозному учению настороженно, а порой и открыто враждебно. Можно выделить две группы противников христиан — со II в. начинается критика христианства со стороны философов, общественных деятелей, т.е. представителей той же элиты, из которой происходили и христианские богословы. Вторая группа, неоформленная, но наиболее опасная для христиан — это те же низы населения, толпа, видевшая в христианах чужаков, отступников, тем более ненавистных, что они принадлежали к плебсу. В период социальных или стихийных бедствий, люди искали виноватых среди тех, кто не похож на них, подозревая их в колдовских действиях, злокозненности и т.п. Если первые античные писатели, упоминавшие христианство, просто называли его отвратительным суеверием, то со второй половины II в. появляются специальные сочинения, где христиане обвиняются уже в конкретных суевериях и даже преступлениях. Так, оратор Элий Аристид, выступая против христиан, обвинял их в том, что они никому не приносят пользы, не желают участвовать в общественных празднествах

и заседать в городских советах. В произведениях Лукиана, уже упоминавшегося Цельса и Фронтон (чья речь против христиан излагается в диалоге «Октавий» христианского апологета Минуция Феликса) христианство противопоставляется античной философии и образованности. Наиболее снисходительно — с оттенком презрения — относился к христианам Лукиан; он называет их несчастными, которые уверовали в то, что будут бессмертными. Страстное обличение христиан содержится у Цельса, подробно пересказанного Оригеном. Цельс не только повторяет выступления иудеев против христиан, он называет Иисуса колдуном и магом, старается показать нелепость христианских догматов, а в отношении тех положений, которые могут заслужить одобрение, он говорит об их несамостоятельности. Так, он издевательски описывает Страшный суд: с их стороны нелепо думать, что когда бог, как повар, разведет огонь, все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти, вся эта «надежда червей». С точки зрения логики, Цельс анализирует воскресение Иисуса, доказывая, что если бы Он действительно воскрес, Он должен был бы явиться всем, чтобы доказать свою правоту и божественность (отчасти такая же логика была и у создателей Евангелия от Петра, согласно которому воскресение произошло на глазах у стражи). Цельс стремится показать, что христиане многое заимствовали у древних философов: к примеру, положение — не противиться обидчику было высказано давно, оно содержится у Платона. Цельс полагает, что христиане не поняли учения Платона о человеческой и божественной мудрости, о божестве, смешав все это с мистериями персов (имеются в виду мистерии Митры). Только первые христианские богословы действительно владели античной философией, стремились создать стройную теологическую систему, вводя туда близкие им философские идеи и переводя их на язык христианства. Иисус и первые христиане не читали Платона; поучения Нагорной проповеди не связаны с античными философами; многие идеи первых христиан носились в воздухе — как это видно и из литературы Кумранской общины и из мистерияльных культов, о принципиальном отличии которых от христианства мы уже говорили.

В диалоге «Октавий», созданном в начале III в. христианским апологетом, адвокатом Минуцием Феликсом⁸² в виде спора противника и защитника христианства, основанном на более ранних антихристианских сочинениях и на слухах, распространенных в языческих низах, отражена не столько философская точка зрения на христианство, сколько массовые представления о нем. В этом диалоге со стороны обвинителя Цецилия приводятся преимущества политеизма, причем один из главных аргументов, столь типичных для мировоззрения людей Древнего мира — аргумент о вере предков, аргумент, который никак не мог воздействовать на христиан, считавших приход Иисуса началом новой жизни и провозвестием нового мира. Затем Цецилий характеризует нелепость их поведения и их моральных принципов: он называет христиан «жалкой, запрещенной, отчаянной сектой, набранной из подонков, которые отвергают почести и пурпур, не боятся мучений и смерти — но боятся умереть после смерти, у них надежда заглушает страх, обольщая утешительной мечтой о воскресении». В речи, вложенной в уста Цецилия, приводятся все фантастические обвинения толпы против христиан: они почитают голову осла, предаются «отвратительной похоти», убивают младенцев. Последний обряд живописуется со всеми подробностями, рожденными воспаленной фантазией противников христиан: перед лицом, посвящаемым в их таинства, кладут младенца, обмазанного мукой, и предлагают новичку нанести удары, и он убивает младенца, а все остальные слизывают кровь...

Эти страшные истории, связанные с непонятным для язычников таинством евхаристии — претворения хлеба и вина — подогревались ненавистью к чужакам, маргиналам тем сильнее, что реально христиане окружающему населению ничем не угрожали, и Цецилию просто нужно было оправдать свою «ксенофобию». По-видимому, наиболее распространенным было издевательское утверждение, что христиане почитали Бога в виде осла — об этом пишет и Тертуллиан, противники христиан изображали христианского Бога в виде человека с ослиными ушами, с копытом на одной ноге. В Ватикане было

---

⁸² Сочинение Минуция Феликса, как и другие антихристианские сочинения, приведены в книге: Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.

*Античная карикатура
на христиан. Подпись:*

*«Алексамен поклоняется Богу».
Рим. Палатинский дворец, III в.*

обнаружено выцарапанное на стене карикатурное изображение распятого человека с ослиной головой. Появление осла связано, вероятно, с тем, что осел, ослица играли в Библии определенную роль: знаменитая ослица, на которой ехал Валаам, заговорила по воле Божией; Иисус въехал в Иерусалим на ослице. В то же время в сказаниях и баснях осел представлялся достойным осмеяния, ему свойственны глупость, упрямство и похотливость. Итак, отношение язычников к христианам

варьировалось от снисходительного презрения, рационалистической критики до фантастических обвинений. Наиболее опасны для христиан до начала общегосударственных гонений, начавшихся в III в. при императоре Деции, были именно настроения толпы. В 177 г. в городах Лугудуне (Лионе) и Виенне в Галлии произошли массовые преследования христиан в связи с запрещением центральной власти вводить новые культы, вызывающие народные смуты. Это распоряжение не было собственно антихристианским; но сначала христианам было запрещено посещать общественные места — бани и рынки, вероятно, чтобы избежать их проповедей. Однако вскоре, когда наместник провинции покинул Лугудун, против христиан выступила толпа горожан, возмущенная нежеланием христиан отречься от своей веры. Их забросали камнями, притащили на главную площадь города — форум, где под давлением толпы градоначальник заключил их в тюрьму. Христиан обвинили в каннибализме и сексуальных извращениях. Разъяренные лугудунцы, готовые во всех своих бедах винить инакомыслящих, требовали пыток и публичных казней.

ней на аренах амфитеатров. Местные власти пошли на поводу у толпы и действительно пытали и казнили заключенных. Среди казненных были люди разного социального положения: рабыня Бландина, молодая девушка, во время пыток проявившая, согласно преданию, необычайное мужество (впоследствии она была канонизирована); ее госпожа; врач; адвокат; диакон из Виенны, который на допросе отвечал: «Я христианин» по-латыни (появление латиноязычного христианина в Виенне не случайно, этот город был основан как римская колония). Но гонения — пока! — коснулись сравнительно небольшой группы христиан, христианская община в Лугудуне сохранилась, епископом Лугудуна стал Ириней.

Гонения в конце II в. зафиксированы и в Северной Африке. Около 180 г. там были осуждены христиане небольшого городка Скилии. Позже гонения в Северной Африке повторились — среди казненных также были люди из разных слоев общества. Если толпа побуждала местные власти к преследованию христиан, то некоторые наместники в этом отношении не проявляли энтузиазма. Тертуллиан рассказывает, что во время преследований в одной из провинций все христиане (вероятно, это некоторое преувеличение) явились к наместнику. Некоторых он посадил в темницу, а другим сказал: «Трусые, если вы хотите умереть, то разве нет достаточно веревок и пропастей?»; разумеется, этот наместник не знал о том, что для христиан самоубийство — это грех. Но он бы предпочел сам не казнить этих людей. Тертуллиан приводит конкретных правителей в провинциях, которые пытались спасти христиан разными судебными уловками: так, один признал христиан всего лишь нарушителями порядка и присудил, чтоб они извинились перед согражданами; другой отпустил христианина, заявив, что ему очень неприятно заниматься такими делами; еще один, по словам Тертуллиана, искусным образом включил в обвинение против приведенного к нему христианина вымогательство, а так как свидетелей этому не нашлось, то объявил, что дело ввиду их отсутствия продолжить нельзя⁸³. Возможно, это были единицы, но остальные действовали из лояльности к государственной власти, а не из иррациональной ненависти к христианам, как толпа. В результате отдельных доносов во II в. погибли некоторые христианские проповедники —

Игнатий, старый епископ Смирны Поликарп, Юстин. В целом, преследования христиан в провинциях были гораздо значительнее, чем в Риме, где и христиане, и настроенные против них язычники находились под бдительным надзором городских властей.

Христианские руководители и апологеты не оставляли без ответа критику в свой адрес. Так, Ориген написал подробное опровержение всей критики, содержащейся у Цельса, — только благодаря этому опровержению значительная часть сочинения Цельса дошла до нас. Христианские писатели Афинагор и Феофил Александрийский утверждали, что языческих богов выдумали древние поэты. Минуций Феликс полагал, что языческие божества — это всего лишь обожествленные предки; Тертуллиан называл рассказы о богах баснями. Но, как и в языческой среде, восприятие языческих божеств в рядовой массе христиан было несколько иным — постепенно они перешли от полного отрицания «идолов» к представлению о том, что языческие божества — это злые демоны: своего рода вывернутое верование, свойственное язычникам, ставшим недавно христианами. Христианские писатели резко выступали против таких обычаев римского общества, как гладиаторские бои (эти бои осуждали и иудеи): «Что может быть более бесчеловечным, более жестоким?» — писал об этих боях карфагенский епископ Киприан. Он обличал также царившие в империи беззаконие и взяточничество, утверждал, что совершившие злодейство остаются безнаказанными оттого, что скромные молчат, свидетели боятся, а тех, кто должен судить, подкупают. Христиане отмежевывались от подобных явлений: Тертуллиан говорил, что сосуществовать с язычниками позволительно, но разделять с ними общие нравы недопустимо.

Но при этом существовала и другая тенденция — примирение с существующей властью, стремление убедить ее в том, что христиане не выступают за изменение политического порядка на земле, а лишь за распространение веры в Христа. Тот же Тертуллиан писал в «Апологии»: «Мы (т.е. христиане. — *И.С.*)

---

⁸³ Текст Тертуллиана в русском переводе содержится в той же книге: Ранович А.Б. Первоисточники... С. 173—174.

собираемся, чтобы молиться Богу всенародно, угождая Ему, молимся об императорах, о всех властях, о благосостоянии всего мира, об отдалении конечного часа» (XXXIX).

Приход самых разных людей в христианство, притом по самым разным мотивам, привносил различные интерпретации первоначального учения, неизбежное влияние языческих — пусть переосмысленных — верований, свои надежды и потребности... Второй век был не только веком распространения христианства, становления ортодоксальной теологии, но и временем острой идеологической борьбы внутри тех, кто называл себя христианами, по вопросам о сущности Иисуса Христа, отношении Отца и Сына, путях спасения.

Глава 8

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ХРИСТИАНСТВЕ II ВЕКА

Когда мы говорим — христиане первых веков нашей эры, мы должны отдавать себе отчет, что это название обобщенное, оно охватывает самые разные группы со своей теологией, своими священными книгами, обрядами и т.п. Общим для этих групп было то, что они почитали Иисуса Христа как посредника между людьми и Богом, хотя представления о Его сущности были весьма различны. Продолжали существовать расхождения с иудео-христианством, как об этом свидетельствует полемика с эбионитами у Иринея; во втором веке, хотя иудео-христиане и продолжали существовать на Востоке (кроме Палестины они были и в Египте; о христианах, которые посещали и церковь и синагогу упоминает Ориген), но в большинстве провинций империи их влияние было незначительным и косвенным. Этому способствовало и отношение иудеев к христианам: в конце I — начале II века, после разрушения храма, верующим иудеям необходимо было консолидироваться и отмежеваться от тех, кого они считали инакомыслящими. В молитву, читавшуюся в синагогах, было включено проклятье против тех евреев, которые придерживались «неправильных» религиозных взглядов, что могло касаться иудео-христиан. Затем было объявлено, что тексты Торы, переписанные христианами, не являются священными. В свою очередь, во II в. произошел окончательный разрыв христиан (большинство из которых уже были выходцы из язычников) с иудаизмом; иудеев обвиняли не только в осуждении Иисуса на распятие, но и в преследованиях Его во время проповеднической деятельности. Ряд руководителей христианских общин, защищая свое учение перед императорами, стремились полностью снять вину за казнь Иисуса с римской администрации, при том, что в массо-

вом сознании верующих формировалось представление о всемогущести христианства с самого момента проповеди Христа и о признании Его римлянами, как и всеми, кто общался с христианами — за исключением «ослепленных» иудеев. В этой связи усилилось стремление обелить Понтия Пилата даже по сравнению с каноническими Евангелиями. В конце II в. имело хождение сочиненное христианами письмо донесение Пилата императору Тиберию, где описывались события, связанные с процессом над Иисусом; это письмо упоминает Тертуллиан, называя Пилата «христианином в душе» (Апология, 21, 24), и Евсевий Кесарийский (Церковная история, II, 2, 1). Позднее было создано «Письмо Пилата императору Клавдию», хотя Клавдий царствовал уже после того, как Пилат за свои неоправданно жестокие действия был отозван с должности прокуратора. Но создателей этого апокрифа, как и многих других христианских писаний, не волновала подлинная хронология; они писали о том, что, с их точки зрения, должно было быть, выдавая желаемое за действительно происходившее, а может быть, искренне веря в легенду, ими же сочиненную. Греческий подлинник этого послания Пилата не дошел, латинский же вариант Письма Клавдию вошел в так называемое Евангелие Никодима, созданное не раньше III в.⁸⁴, в первой части которого дано фантастическое описание суда над Иисусом, а во второй — сошествия Христа в ад. Юстин в «Апологии» (I Апология, 35: 48), защищая христианство, говорит, что противникам следует узнать об Иисусе и совершенных им чудесах из неких «актов Пилата», в которых описаны чудеса при его казни, но неясно, имел ли Юстин в виду созданное христианами «Письмо Пилата Тиберию (Клавдию)» или же содержащийся в государственных архивах отчет прокуратора, в котором, по его мнению, обязательно было описание чудес. В средневековых рукописях сохранился греческий текст донесения Пилата (в одной оно адресовано просто Августу Кесарю — т.е. императору, в другой — императору Тиберию). Они близки по содержанию «Письму Пилата Клавдию» — по-

---

⁸⁴ Перевод Е.С. Лазарева славянской версии этого апокрифа см.: Наука и религия, 1990, № 5—8. Перевод с латинского В.В. Геймана первой части этого Евангелия, где описывается суд над Иисусом, см.: Иисус Христос в документах истории. С. 177—195.

видимому, в их основе лежит греческий оригинал одного из апокрифов, содержавших «Письмо Пилата» (см. Приложение). Оно составлено с использованием канвы новозаветных Евангелий, но имеет специфические черты; прежде всего стремление сделать Пилата «свидетелем Христовым», описывающим как бы объективно и с сочувствием все происходившее. Характерно, что иудеи, требовавшие «Распни!», после казни сразу же погибают во время землетрясения, поглощенные землей.

Но при всех своих выступлениях против иудеев отношения христиан с иудейской традицией были достаточно сложными: ортодоксальные (или как их иногда называют, церковные) христиане не могли отвергнуть иудейскую Библию, поскольку и проповеди самого Иисуса, и тексты признанных Евангелий постоянно ссылаются на Закон и Пророков. Идет процесс включения всех священных книг Библии, а не только отдельных пророчеств, в теологическую систему христианства как на уровне философии, так и в народных верованиях. В этом отношении важны произведения первого достоверно известного христианского философа Юстина. В своем сочинении «Разговор с Трифоном иудеем» автор утверждает, то Ветхий Завет — это всего лишь «временный» закон, в то время как христианство — Новый Завет для всего человечества, новый Израиль. Он говорит о противоречиях в Торе, в частности, выдвигает тезис, что Бог не отдыхает и в субботу. В то же время Юстин много внимания уделяет толкованию книг библейских пророков, предрекавших явление Мессии — Иисуса (48—108).

Для христиан, отделившихся от иудеев, вся предшествующая история человечества стала восприниматься как предыстория, пролог к пришествию Христа, предуготовлением которого были и книги Ветхого Завета, истинного смысла которого иудеи не поняли. Так, Крест стал трактоваться не как орудие казни, а как Древо жизни, произраставшее в раю; Моисей, добывший воду из скалы, воспринимался как провозвестник крещения; пророк Иона, побывавший во чреве кита, — символ избавления от тьмы и возвращения к свету истинной веры... А после утверждения догмата о Святой Троице посещение тремя ангелами Авраама и Сарры стало провозвестием и символом Троицы христианской. Тем самым иудеев как бы отлучали не только от собственно христианского Священного Писа-

ния, но и от Ветхого Завета. Но, как мы увидим из дальнейшего изложения, не все те, кто почитал Иисуса Христа, включили Ветхий Завет, как и книги Нового Завета, в систему своих верований.

Споры во втором веке шли и среди тех, кто считал себя последователем церковного христианства. Так, Герма в «Пастыре» затрагивает вопрос о сущности Иисуса. Согласно его трактовке Бог поместил Святого Духа «преждесущего» в тело, Им самим избранное. Таким телом был Иисус. Бог сделал Иисуса Своим посредником. После распятия Христос вернулся к Богу, а тело Иисуса воскресло, ибо Он много потрудился и много пострадал. Таким образом, здесь происходит отделение Иисуса-человека от Христа: Герма пытается дать представление об Иисусе Христе, разделяя его человеческую и божественную сущности, что впоследствии было отвергнуто ортодоксальной догматикой. Разделяет он Отца и Сына — в «Пастыре» приводится притча о виноградарях в варианте, которого нет в новозаветных Евангелиях (во II в. они еще не были каноническими). Согласно этой притче, хозяин передал виноградник своему рабу на время отсутствия, чтобы тот сделал ограду. Раб совершил еще деяния и получил прекрасный урожай. Хозяин, вернувшись, угощает раба пиршественными яствами, которые раб раздает своим сотоварищам. Господин, восхищенный рабом, делает его своим наследником. Притча толкуется следующим образом: Хозяин — это Бог, виноградник — народ, Им созданный, раб — Сын Божий, сделанный Богом наследником ради спасения «виноградника». Здесь Иисус выступает и как раб, и как Сын Божий, отличный от Отца. Формулировки догмата о Троице Герма не знал, скорее всего, этот догмат еще не был сформулирован.

В конце II в. своеобразно возрождается учение иудео-христиан, о котором пишет Ипполит, а также Евсевий Кесарийский (Церковная история, V, 28), согласно которому Бог «усыновил» человека Иисуса; проповедники этого учения, прибывшие с Востока (они носили греческие имена), были отлучены римским епископом от церкви.

Но наиболее радикальное восприятие образа Иисуса Христа, как и путей спасения, существовало в самом распространенном течении II в., противостоявшем христианству церков-

ному, течению, называемом в научной литературе гностицизмом, о котором мы говорили при характеристике христианской литературы. Именно с этим течением наиболее активно боролся Ириней в своей книге «Против ересей», называя своих противников гностиками. Последователи гностицизма не были единым течением, распадаясь на разные группы. А. Хосроев выделяет следующие общие черты этих групп: претензия на исключительное обладание знанием, полученным в результате откровения, и в итоге противопоставление себя прочим христианам, такого знания не получившим; непризнание церковной иерархии, отсутствие единой Церкви; использование для своих построений различных, часто небиблейских традиций и настоящий индивидуализм в творческом процессе⁸⁵. Большинство гностических групп резко противостояли иудаизму, хотя многое из него заимствовали. Все эти черты носили общий характер и проявлялись в разных образах и символах именно благодаря отсутствию сложившейся догматики.

Важной чертой учений гностиков, с которыми боролись ортодоксальные теоретики, было дуалистическое восприятие мира. Разочарование в окружающей действительности, в представлениях о разумном устройстве космоса приводило к тому, что в философии и религиозных верованиях все явственнее проступала идея о двойственной природе мира, о непрерывной борьбе добра и зла — идея, которая прослеживается еще у кумранитов. Теперь она становится ведущей в социальной психологии самых разнообразных слоев населения. Разумеется, эта идея имеет глубокие корни и в иранских культах, включая митраизм, а также у почитателей Гермеса Трисмегиста (Трижды-величайшего), объединившего образы греческого Гермеса и египетского бога Тота; культ Гермеса Трисмегиста был особенно распространен в Египте. По верованиям герметистов, отраженным в их трактатах, земля и весь телесный мир — зло, темное начало. Они созданы не божеством, представляющим собой абсолютное благо и свет, а промежуточными силами. Душа человека через космические сферы опускается от света

---

⁸⁵ Хосроев А. Из истории раннего христианства. Приложение 3. Хосроев предлагает называть таких христиан гностицистами, в отличие от нехристиан, которые также претендовали на обладание гносисом, например, герметистов, или такого христианского гностика, как Климент Александрийский. С. 259.

к тьме и теряет свое совершенство. Все телесное представлялось герметистам тьмой, стремящейся поглотить свет. Спасение от зла — мистическое слияние с божеством, в том числе и путем особых мистических заклинаний.

Не только в религиозных верованиях, но и в философских учениях были сделаны попытки создать систему, противостоящую примитивному политеизму, и дать надежду на помощь божественных сил. Еще в I в. Филон из Александрии Египетской создал философское учение, в котором попытался сочетать иудейский монотеизм и античную философию. Бог, согласно Филону, не обладает никакими качествами, не имеет протяженности, охватывает все в космосе. Посредником между этим абсолютным божеством и миром служит Логос — Слово, Разум. Логос — порождение Бога, первый ангел. Ниже него находятся силы Божии, воздействующие на мир и человека: благодать, милосердие, справедливость, могущество, мудрость.

Приход к христианам людей из мира мистических верований и философских рассуждений, неприятие ими иерархической структуры складывающихся христианских общин, разнообразие священных книг, существовавших среди египетских христиан, привели к появлению учений, в основе которых лежала совокупность идей о непознаваемом Боге, о мире, созданном не Богом, а низшими силами, о Логосе как посреднике между божеством и миром, о человеке, который должен пробудить в себе истинное знание и воссоединиться с Богом. До открытий в Наг-Хаммади наши знания о гностиках-христианах были отрывочны и искажены их оппонентами. Христианские ортодоксальные писатели называют нескольких проповедников, которые первыми внесли перечисленные идеи в христианское учение. К таким первым проповедникам принадлежал, в частности, Симон Маг, основатель — вместе со своей спутницей Еленой — секты симониан. В Деяниях апостолов упоминается Симон, волхвовавший в Самарии, выдавая себя «за кого-то великого». Этот Симон пришел к апостолам и хотел дать им денег, чтобы те дали ему возможность возложением рук передавать людям Дух Святой. Но Петр отверг его (Деян. 8: 9—22). Отождествление Симона Мага с основателем секты сомнительно, Симон — распространенное имя, но в церковной традиции это отождествление достаточно прочно. Суть учения симони-

ан сводилась к тому, что в основе мира лежит единая Сила, которая проявляет себя как Разум. Разум создает стоящую ниже себя Мысль, обладающую творческой способностью. Она породила ангелов и силы, создавшие земной мир. Но в процессе создания Мысль потеряла контроль над своими творениями; она находится в плену у них в «нижнем» мире, мире зла. Необходимо освободить Мысль из этого плена. Мистические представления симониан переплетались у них с магией, что и дало дополнительное основание для прозвища Симона — Маг. Про Симона рассказывали, что он всюду возил с собою женщину по имени Елена (христианские авторы называли ее проституткой), которую он считал живым воплощением божественной Мысли. Симон воспринимался христианами как один из главных противников истинной веры. О Симоне и его учении сообщают многие христианские писатели: Ириней, Ипполит, Тертуллиан. Действует он и в апокрифических Деяниях Петра.

Гностические идеи можно увидеть и в сведениях о Маркионе, который, как уже говорилось, стремился отредактировать и отобрать священные книги. Маркион полностью отрицал человеческую природу Иисуса; по его мнению, абсолютное божество не имеет никакого отношения к созданию мира и человека; люди полностью чужды ему. Миссия Иисуса — спасти этих чуждых неизвестному божеству людей; Христос выкупил их своей кровью, а купить можно только то, что тебе не принадлежит. Маркион исправлял тексты в соответствии со своими взглядами: так, в Послании к галатам вместо «возлюбившего меня» (Гал. 2: 20, имеется в виду Христос) Маркион вставляет «выкупившего меня». В учении Маркиона не было места Царству Божию, и он также не признавал Ветхого Завета. Тем не менее при всей радикальности своих взглядов он действовал внутри римской общины, стремясь убедить ее членов в своей правоте. Но он был исключен из римской общины, ему даже вернули его взнос. Впрочем, Маркион продолжал свою проповедь, а руководители ортодоксальных групп, опасаясь его влияния, убеждали его вернуться в истинную веру. Но переговоры ни к чему не привели: Маркион умер.

Маркион пытался использовать признанные священные книги в своих целях, подчинить себе ортодоксальную общину. Однако во II в. распространяются объединения гностического тол-

ка, которые резко противопоставляют себя церковному христианству и даже называют его еретическим. По конкретному содержанию гностические учения отличались друг от друга; общим у них было признание того, что материальный мир создан по ошибке или злой воле. Ничто телесное спастись не может; только избранные, в душе которых сохранилась частица божественного Света, могут обрести спасение путем интуитивного познания-самопознания. Для гностиков, которые называли себя почитателями Христа, Иисус не имел человеческой природы; Он — предсуществующий Спаситель, «небесный Адам», Логос. Такие гностики отрицали воскресение Иисуса во плоти, полагая, что верить в это могут только глупцы. Для них оно было духовным, не материальным явлением и символизировало то, как присутствие Иисуса может ощущаться в настоящем: Христос, как сказано в гностическом Апокалипсисе Петра, — Дух, наполненный сверкающим светом. Поэтому их писания посвящены не земной жизни Иисуса, а Его учению и беседам с избранными учениками уже после воскресения. Пребывание Иисуса на кресте одни толковали как кажущееся, другие — что Христос вообще исчез до распятия, а ослепленные иудеи распяли вместо Него некоего Симона, который нес крест Иисуса к месту казни (версия о распятии другого человека встречается и в мусульманском средневековом трактате).

Гностики резко выступали против сложившейся церковной организации: в Апокалипсисе Петра из Наг-Хаммади приводятся слова, сказанные воскресшим Христом Петру, будто явится род людей, которые будут подавлять своих братьев, говоря им: «Посредством этого (т.е. церковной общины. — *Перев.*) наш Бог дарует милость, поскольку спасение для нас может иметь место (только) в ней...» Говорит Он также, что те, кто называет себя епископом или же диаконом, стремятся к первым местам. (Однако) они «каналы безводные»⁸⁶.

Важное место в учениях большинства гностиков занимали спекуляции о возникновении телесного мира как результате падения предсуществующей Души, о разделении совершенно-

---

⁸⁶ Цитаты из Апокалипсиса Петра даны в переводе А. Хосроева (Из истории раннего христианства. С. 321); Хосроев дает также подробные комментарии к этому памятнику.

го Единства на противоположности верхнее — нижнее, правое — левое, мужское — женское. Мироздание виделось им как многоступенчатая пирамида, на вершине которой находится абсолютное божество (Единый, Отец, Благо), а на спускающихся ступенях — различные ангелы, силы, власти (архонты), постепенно теряющие первоначальное совершенство. Из представления о материальном как зле разные гностики делали противоположные этические выводы. Одни проповедовали крайний аскетизм, безбрачие, другие же, наоборот, считали, что раз тело и душа принадлежат низшему миру, исправить их нельзя; те же избранные, которые открыли в себе частицу божественного духа, как бы отделились от своей материальной сущности. Для многих гностических учителей характерен крайний индивидуализм. Так, видный гностик, живший во II в., Василид утверждал, что истинное благо придет для человеческих существ только тогда, когда каждый будет знать только самого себя и свою сферу. Он безразлично относился к отступничеству при гонениях, считал, что в мученичестве нет никакого смысла; внешнее отречение не имеет значения, важно только внутреннее состояние человека, его прозрение божества.

Одним из наиболее известных гностиков II в. был Валентин, проповедник и своего рода поэт. Родился он в Египте, впитал мистические и магические религиозные учения египтян. Сначала Валентин учил в Александрии, а потом переехал в Рим. Римские христиане его не приняли, но в Египте, Малой Азии и даже некоторых городах Италии у него было немало сторонников. Учение Валентина дошло до нас в пересказе его ортодоксальных противников.

Своеобразием гностических представлений о божестве была его двойственность в единстве — обладание и мужским, и женским началом; согласно Ипполиту, некоторые гностики молились единым Отцу и Матери. Мужское начало создало Разум (*нус* в греческом языке мужского рода); женское начало — создало Мысль (греч. *эпинойа* — женского рода), которые и отличаются друг от друга и едины. Сходную теорию развивал и Валентин. Бог — Неизвестный Невыразимый Первоотец, Глубина; женское начало — Благодать (греческое слово *харис* — женского рода), Молчание, Лоно, Мать всего сущего. Семя Невыразимого вошло в Молчание как в Лоно, и отсюда

возникли все эманации (истечения) божества, различные зоны (извечные сущности), которые в совокупности образуют полноту бытия. Вне плеромы (множества, обилия) возникают попарно различные силы и власти (каждая пара противоположностей рождает новую). Правым архонтом Валентин назвал непосредственного создателя космоса, а левым — Сатану, образ, заимствованный им отчасти из иудаизма, отчасти из складывавшихся христианских верований II в. в Сатану как носителя зла. Христос — одна из мистических сущностей открыл людям возможность гносиса — духовного достижения плеромы. Валентин и его последователи отрицали за епископами право на руководство христианами. Авторитетом может обладать только тот, кто вступает в непосредственный контакт с «Живущим» (т.е. Логосом-Иисусом). Они полагали, что только собственное переживание (озарение) служит критерием истины, отказываясь от любой традиции, полученной, как они считали, из вторых рук. Обладание авторитетом, таким образом, оказывалось неожиданным, харизматическим и открытым.

Алогичные, оторванные от конкретной действительности построения гностиков были не просто попыткой сочетать идеалистическую философию, в частности, взгляды Филона Александрийского, с христианским учением — они были выражением их ощущения абсурдности реального мира, стремления создать картину мироздания, полностью исключенную из действительной жизни, замкнутую в самой себе. Перечень всех этих рождающихся из самих себя, опускающихся эонов создавал определенный настрой, восприятие окружающего мира как видимости, за которой скрываются истинные сущности, недоступные рядовому человеку. Отсюда — стремление к мистическим толкованиям, к символическим буквам, цифрам и именам, магические формулы. Некоторые группы гностиков, прежде всего в Египте, селились в уединенных местах, вдали от больших городов, чтобы избежать общения с непосвященными и создать особую духовную обстановку для озарения. Наследием этих групп в ортодоксальном христианстве явилось монашество, возникшее в III в. в Египте, по духу чуждое первым христианским еkkлeсиям, открытым для всех, кто почитал Иисуса.

Естественно, что для Валентина, как и для других гностиков, Иисус был лишен человеческой сущности. Климент

Александрийский приводил слова Валентина, что Он ел и пил особенным образом, не отдавая пищи; сила воздержания была в Нем такова, что пища в нем не разлагалась, так как Он сам не подлежал разложению.

Наиболее полное представление о писаниях гностических групп было получено благодаря уже упомянутым находкам в Наг-Хаммади. Как и кумранские рукописи, библиотека из Наг-Хаммади была открыта благодаря случайной находке местных арабов. Сами рукописи на коптском языке датируются примерно 350—400 г., по-видимому, они были спрятаны в период, когда победила ортодоксальная Церковь (IV в.) и гностиков стали преследовать как еретиков. Но в научной литературе идут споры о времени создания оригиналов, с которых найденные рукописи переписывались или переводились. Некоторые из них не могли быть написаны позже первой половины II в.; Ириней говорит о многих евангелиях, которые в его время (около 180 г.) имели хождение в Риме, Греции, Малой Азии. Один из наиболее близких к ранним христианским писаниям — Евангелие от Фомы, по мнению исследователей, содержит логики Иисуса, восходящие ко второй половине I в., возможно, столь же ранние, а может быть, и более ранние, чем Евангелия от Марка, Матфея, Луки и Иоанна; автор этого писания нигде не ссылается на канонические Евангелия. Дошедшая до нас коптская редакция Евангелия от Фомы относится примерно ко II веку. Вопрос о месте возникновения этого евангелия не вполне ясен. Оно начинается словами: «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома». Такая форма имени апостола Фомы встречается в сирийских деяниях Фомы: Фома был популярен именно среди сирийских христиан, поэтому возможно, что первоначальное собрание речений Иисуса, вошедших в это Евангелие, было создано в Сирии, однако не исключено и использование иудео-христианских речений, бытовавших в Палестине: так, в речении 12 (по другому делению — 13), когда ученики спрашивают Иисуса, кто будет буйшим над ними, когда Иисус уйдет, Он отвечает: «В том месте, куда вы пришли, вы пойдете к Иакову справедливому, из-за которого возникли небо и земля»⁸⁷. Так что иерусалимс-

---

⁸⁷ Цитаты из Евангелия от Фомы и (далее) Евангелия от Филиппа даны в переводе М.К. Трофимовой в книге: Апокрифы древних христиан.

кое влияние на первоначальный текст вероятно. По своему жанру Евангелие от Фомы восходит к иудейской «литературе мудрости», такой как Екклесиаст или Премудрости Соломоновы, Притчи. Ряд речений созданы в традициях этой литературы, особенно относящейся к I в. н.э., они, как литература мудрости, посвящены жизни людей, этическим ценностям, тому, что плохо в этом мире, причем часто приводимые примеры более конкретны, чем в Евангелиях Нового Завета. В этом отношении интересна приводимая Фомой притча о пире, которая и в новозаветных Евангелиях содержится в разных вариантах. В Евангелии от Фомы рассказывается, как некий человек приказал рабу позвать гостей на ужин, но все они стали отказываться: один — потому, что вечером должен получить деньги от торговцев; другой — потому, что купил дом; третий шел на свадьбу; четвертый купил деревню и едет собирать подать... Тогда господин приказывает рабу пойти на дорогу и привезти тех, кого он найдет. Притча кончается грозными словами: «Покупатели и торговцы не войдут в места Моего Отца». Эта притча ближе всего к Евангелию от Луки: там господин также посылает раба позвать гостей, но те отказываются, ссылаясь на дела. Тогда господин велит рабу пригласить нищих, увечных, хромых и слепых — типичная для этого Евангелия ориентация на бедных и обиженных. Заключительной фразы о торговцев и покупателей у Луки нет. В конце притчи говорится: «Много званых, но мало избранных» — т.е. мало тех, кто последует за Иисусом и получит награду (Лк. 14: 16—24). В Евангелии от Матфея притча оторвана от реальной действительности, она еще более аллегорична; ее символика должна быть расшифрована самими слушателями; брачный пир устраивает царь для сына своего (автор Евангелия, обрабатывая эту притчу, вводит туда Сына — т.е. Иисуса, в то время как царь — это Бог); приглашенные не просто отказываются, но еще и убивают рабов, за что тут же получают возмездие: царь послал против них войско и сжег их город (образ наказания как гибели в огне). И приказал рабам звать всех на брачный пир. В эту притчу добавлен эпизод с человеком, который пришел на пир одетым «не в брачную одежду», за что царь приказывает слугам схватить его и бросить «во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22: 2—14). В этой притче наказаны не толь-

ко гонители слуг царя, но и тот, кто оказался одет не в ту одежду — иными словами, тот, кто исповедует не истинное учение. Царь у Матфея выступает как грозный судья и мститель. Притчи Фомы и Луки восходят, по-видимому, к более древнему источнику, возможно, к подлинным словам Иисуса, поскольку там нет Сына и нет убийц рабов Бога; царь — грозное божество Ветхого Завета. К речениям, осуждающим богатство, относится и утверждение Евангелия от Фомы: «Смотрите, ваши цари и ваши знатные люди — это они носят на себе мягкие одежды и они не смогут познать истину».

Как уже говорилось при характеристике заповедей блаженства, они содержатся и в Евангелии от Фомы. Но наряду с обещанием блаженства бедным, гонимым, голодным (что ближе к Евангелию от Луки) включена фраза, непосредственно связанная с гностическим восприятием: «Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете Царствие. Ибо вы от него и снова туда возвратитесь».

Отголоском древней христианской традиции представляется речение Евангелия от Фомы, призывающее к необходимости распространять новое учение: «То, что ты слышишь ухом, возвещай это другому с ваших кровель. Ибо никто не зажжет светильника и не ставит его под сосуд, и никто не ставит его в тайное место» (38; по другому расположению текста — 33). Эта фраза восходит к полемике с замкнутостью кумранитов, отраженной и в новозаветных Евангелиях. В коптском тексте Евангелия от Фомы, во многом пронизанном гностическими идеями, она кажется противоречащей тайности учения. Встречаются там и аналогии с греческими папирусными логиями, явно заимствованными из иудео-христианской традиции: «Если вы не поститесь (отречетесь) от мира, вы не найдете Царствия, если вы не делаете субботу субботой, вы не увидите Отца» (32). При этом автор резко выступает против такого иудейского обряда, как обрезание: он утверждает, что если бы обрезание было полезно, Отец зачал бы людей в матери обрезанными; полезно лишь то, что автор Евангелия от Фомы символически называет «духовным обрезанием».

В то же время Евангелие от Фомы пронизано идеями, противостоящими не только христианскому ортодоксальному учению, но и представляющими своеобразный перевертыш гос-

подствовавших культурных ценностей. Автор Евангелия от Фомы полемизирует с необходимостью возносить христианами молитвы, раздавать милостыню и с такими уже начинавшимися устанавливаться обычаями, как пост: «Иисус сказал: Если вы поститесь, вы зародите в себе грех⁸⁸, и если вы молитесь, вы будете осуждены, и, если вы подаете милостыню, вы причините зло вашему духу. И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения, если вас примут, ешьте то, что вам выставят. Тех, которые больны, лечите. Ибо то, что войдет в ваши уста, не осквернит вас, но то, что выходит из ваших уст, это осквернит вас» (15). В этих фразах использованы речения, вошедшие и в Новый Завет — и о необходимости лечить, и о том, что входящее в человека не оскверняет его (последнее, по-видимому, одно из ранних положений христиан, возможно, восходящих к самому Иисусу и связанных с противопоставлением духовных ценностей иудейскому ритуалу). Однако отказ от молитвы — обращения к Богу не соответствовал всей древней религиозной практике не только христиан, но и последователей восточных верований; а осуждение милостыни ставило последователей, разделявших эти взгляды, вне общепринятой морали, тем более христианской.

Более ярко и напряженно, чем в Новом Завете, в этом евангелии описаны последствия, которые вызовет приход Иисуса. В первоначальной традиции это описание относилось к Страшному суду, но здесь речь идет о крахе космоса: «Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир в космос, и они не знают, что я пришел бросить в мир разделение, огонь, меч, войну. Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих. Отец будет против сына и сын против отца и они будут стоять как единственные»⁸⁹ (17). В канонических Евангелиях сказано более кратко — у Матфея употреблен символ меча: «...не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10: 34: Лука употребляет конкретное слово «разделение» (Лк. 12: 51).

---

⁸⁸ В другом речении (108) приводятся слова, близкие новозаветным, и не осуждающие пост и молитву в отсутствие Иисуса: «...Когда жених выйдет из чертога брачного, тогда они (неясно кто) пусть постятся и пусть молятся». Вероятно, это было в одной из более ранних редакций, но гностики (гностики) затем внесли свою оценку этих обычаев.

⁸⁹ В английском переводе — «и они будут стоять одни»; см.: The Complete Gospels, Thomas, 16.

Автору дошедшего текста Евангелия от Фомы свойственно особое восприятие Царства Божия. В самого начале этого писания содержится полемика с идеей Царства Божия на небе: «...Царствие внутри вас и вне вас» (2); еще в одном месте говорится, что Царствие распространяется по земле и люди не видят его. Другими словами, здесь проведена идея извечного присутствия божественного духа — Царствия Божьего; обрести его человек может только познав самого себя, и в себе найти его, если внутри него есть свет. Иисус и есть свет: «Иисус сказал: Я — свет, который на всех. Я — всё: всё вышло из меня и вернулось ко мне» (81); Он исполнен тайны. Идея о невыразимости сущности Иисуса присутствует в эпизоде, где Иисус спрашивает учеников, кому Он подобен. Петр сравнивает Его с ангелом, Матфей — с мудрым философом, Фома же говорит, что его уста не могут выразить, кому Он подобен. Тогда Иисус сообщает Фоме некие слова, которые тот не решается передать остальным ученикам. Миссия Иисуса — помочь «детям человеческим», ради которых Он явился (не родился!) во плоти, чтобы напомнить им, откуда они пришли и куда им нужно вернуться. Иисус не отождествляется с Богом, в известном речении, приведенном и в новозаветных, и в иудео-христианских евангелиях о возможности платить подать Риму ответ Иисуса похож на новозаветный вариант, но там прибавлено: «То, что Мое, дайте Мне». Это добавление отделяет Иисуса от Бога, в которого верили иудео-христиане, но который не был для гностиков истинным божеством; его Фома называет не Богом, но Отцом. Вероятно, этим объясняется и то, что в Евангелии от Фомы опускается эпитет «Божие», когда речь идет о Царствии. Возможно, этот эпитет отброшен также потому, что он вызвал устойчивые ассоциации с конкретным наступлением Царства Божия на земле, что было чуждо индивидуалистическому сознанию автора Евангелия от Фомы. В этом евангелии нет описаний создания мира, эонов, ниспадения Души и возможностей ее возвышения, правых и левых сил и архонтов, что было свойственно развитой гностической мысли. Евангелие от Фомы отражает первые шаги ранних христиан в направлении гностицизма, неприятия реального мира (космоса), что достигнет своего расцвета во второй половине II в. Для Фомы самое важное — самоидентификация личности в мире, который кажется жестоким и ничтожным.

Если Евангелие от Фомы непосредственно связано с древней христианской традицией, то Евангелие от Филиппа представляет собой религиозно-философский трактат, предназначенный для более узкого круга читателей. Он содержит гностическую мифологию и символику, состоит из отдельных, не всегда связанных между собой высказываний. Название — Евангелие от Филиппа стоит в конце коптской рукописи, относящейся к IV в., но оригинал, по мнению исследователей, был создан в период распространения гностических учений — во II веке.

Много места уделено в этом евангелии происхождению и сущности мира, познанию истины, вопросу о том, кого можно считать подлинным христианином. Ясно проступает в нем представление о разделении несовершенного мира на противоположные начала: свет и тьму, правое и левое, истину и заблуждение, мужское и женское, что и вызвало смерть: «Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое братья друг другу» (10); «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того, как она отделилась [от него]⁹⁰, появилась смерть. Когда она снова войдет в него, смерти не будет» (71). Совершенный духовный мир должен быть единым.

Возникновение материального мира было следствием ошибки; создатель мира хотел сделать его негибнущим и бессмертным, но не достиг этого (99). Кто являлся создателем земного мира, в Евангелии от Филиппа не сказано. Но там упомянуты различные силы, власти (греч. архонты), которые заполняют разрыв между совершенным божеством и низшим миром; архонты выступают как силы, стремящиеся погубить и обмануть человека и сделать его своим рабом.

Однако автор Евангелия от Филиппа не просто раскрывает гностический подход к космосу, он еще и считает себя христианином. Поэтому он стремится объяснить некоторые христианские догматы, принять одни и отвергнуть другие. Один из кардинальных вопросов, стоявших перед ним, — это вопрос о соотношении существования зла и всемогущества абсолютного божества. Автор Евангелия от Филиппа отвечает на этот воп-

---

⁹⁰ В прямых скобках в переводе даны слова и выражения, дополненные издателями в оригинале; в круглых скобках — поясняющие слова, данные переводчиком.

рос, признавая относительность зла: в конечном счете и злые силы подчиняются Святому Духу. Как сказано в этом евангелии: «Архонты думали, что они делали то, что они делали, своей силой и своей волей. Но Дух Святой втайне совершал все через их посредство, как он желал» (16). Но люди могут одолеть силы зла только если они познали истину, он призывает уничтожить зло в своем сердце (общехристианская идея), но оно будет уничтожено, если человек познает его. Только знание (гносис) делает людей свободными. Истина, свобода и как противоположность — незнание и рабство — ключевые понятия у Филиппа. Свобода и рабство в его учении не имеют ни малейшего социального оттенка. Эта свобода — духовная, достигнутая познанием истины, в то время как рабство — это незнание: «Тот, кто обладает знанием истины, свободен. Свободный не творит греха, ибо тот, кто творит грех — раб греха» (110). В одном из поучений приводятся слова, которые приписываются Логосу (Слову Божию): «Логос сказал: если вы познаете истину, истина сделает вас свободными» (123). Но познать истину не просто, ибо она «не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах» (67). И это евангелие переполнено символами и образами, которые должны быть расшифрованы, прочувствованны и тем самым поняты и познаны.

Важное место в этом произведении занимают рассуждения о людях, способных обладать истинным знанием. В самом начале автор проводит одну из основных своих идей: люди, обладающие внутренним знанием, «таковы, каковы они с самого начала» (1), именно эти избранные люди создают других истинных людей. Другими словами, только особые люди, в которых заложен свет, могут познать истину. Дальше он приводит образный пример: «Осел, ходя вокруг жернова, сделал сто миль, шагая. Когда его отвязали, он находился на том же месте. Есть люди, которые много ходят и никуда не продвигаются. Когда вечер настал для них, они не увидели ни города, ни села, ни творения, ни природы, ни силы, ни ангела. Они напрасно трудились» (52).

Каким же образом сочетается с этим учением то, что автор причисляет себя к христианам? Уже в начале Евангелия от Филиппа сказано: «Когда мы были евреями, мы были сиротами, у нас была только мать, но когда мы стали христианами, у

нас появились Отец и Мать» (6). Но христианство создателя Евангелия от Филиппа своеобразно. Ему чужда вера в телесное воскресение; с некоторой долей иронии он пишет, что есть люди, которые боятся воскреснуть обнаженными (наивные опасения, действительно существовавшие среди христианских низов). Это потому, сказано в Евангелии от Филиппа, что они хотят воскреснуть во плоти. Но ни плоть ни кровь не могут наследовать Царство Божие (по существу, эта фраза переключается с аналогичным высказыванием апостола Павла). Воскреснут те, кто имеет плоть и кровь Иисуса, Его плоть — Логос, Его кровь — Дух Святой (23). Отношение к плоти здесь отрицательное: еще в одном предложении плоть прямо названа презренной. Духовное воскресение нужно обрести при жизни: «Если не получают сначала воскресения, будучи еще живыми, (то) когда умирают, не получают ничего» (90). Так же воспринимается и обряд крещения; сам обряд по себе не может дать ничего; только если человек обрел Духа святого, он может называться христианином.

Сложен в этом Евангелии и образ Христа. Он имеет все в себе самом: и человека, и ангела, и тайну, и Отца; Он не открылся таким, каким Он был воистину. Он открылся великим как великий, Он открылся малым как малый, ангелам — как ангел, людям — как человек (26). Тем самым для автора человеческое начало в Иисусе — лишь способ его общения с людьми. Имена Иисуса — Иисус Назаретянин Христос — неподлинны, ибо истинное имя Логоса — тайна. Эти имена толкуются как символы: Иисус — искупление, назара — истина. Интересна полемика, направленная против догмата о непорочном зачатии: «Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда (бывало, чтобы) женщина зачала от женщины? Мария — дева, которую сила не осквернила (сила, как уже говорилось — понятие отрицательное). Затем еще прибавлено: «И Господь не [сказал бы]: [Отец] Мой, [который на] небесах, если бы у Него не было [другого] отца, но Он сказал бы просто Отец мой» (17). Первое возражение связано с тем, что, как уже говорилось, слово «дух» на арамейском языке женского рода; вероятно, также с тем, что в ранних евангелиях Святой Дух назван Матерью. Второе исходит из словоупотребления канонических Евангелий или, возможно, логиев. В

Евангелии от Филиппа редко употребляется слово «Господь»⁹¹. Представляется, что этот текст заимствован автором из какого-то более раннего писания, вероятно, иудео-христианского, возможно, связанного с воззрениями эбионитов, чтобы высказаться против ортодоксального христианства, но в него вставлена собственная мистическая трактовка Марии, имя, которое обыгрывается еще в одном месте, где сказано, что Мария — Его сестра, и Его мать, и Его спутница (32).

Евангелие от Филиппа — произведение сложное и многозначное. Оно вобрало в себя элементы античной философии⁹² с ее диалектическим методом и учением об Едином, восточные верования, положения в распространенных в то время христианских философских трактатах. Мы показали только некоторые стороны этого памятника, имеющие отношение к истории группировок внутри раннего христианства и отражающие стремление создать учение, в центре которого стоял бы внутренний мир человека.

Еще одно писание, открытое в Наг-Хаммади, называется *Евангелием Истины*, — но оно так же далеко от новозаветных сочинений. В этом произведении также главная идея — постижение истины. Отец истины — абсолютное божество; Слово — посредник между людьми и божеством. Автору Евангелия Истины знакома христианская традиция о жизни и поучениях Иисуса; ученые обнаружили у него ряд выражений, совпадающих с теми, что встречаются в Новом Завете (Евангелиях, Откровении Иоанна, Послании к евреям). Но осмысление и контекст этих выражений иной⁹³. В основном там говорится о Слове-Логосе, которое спасает тех, кто не знает Отца. Об Иисусе сказано, что Он пришел в подобии тела — все та же идея нереальности человеческой природы Иисуса.

---

⁹¹ Это слово употреблено в выражении «Господь вошел в красильню» (54). Эпизод с красильней, тоже, вероятно, заимствованный из более раннего христианского источника, встречается в вариантах Евангелия детства, созданных во II в. и позже.

⁹² Как писал Ж.Э. Менар, оно находится на слиянии философских школ стоицизма и неоплатонизма (Mignard J. L'Evangelie selon Philippe, Strasbourg 1967, P. 35).

⁹³ О Евангелии Истины написано много, прежде всего в западной литературе; можно указать на книги: Schenke H.M. Die Herkunft des sogenannte Evangelium Veritatis, Göttingen 1959; Pagels E. The Gnostic Gospels, N.Y. 1989, Ch. 6.

Слову противопоставлено Заблуждение — столь же абстрактное понятие. Оно преследовало Иисуса за то, что Он дал свет людям — здесь отсутствует ортодоксальная идея искупительных страданий Иисуса. Автора не интересуют обстоятельства распятия Иисуса: Он был пригвожден к дереву, символу Древа жизни, и стал плодом знания об Отце (18: 24 — 2, 6). Он не воскресает телесно, а снова становится самим собой, сбросив смертные одежды. Известные автору примеры из поучений Иисуса трактуются символически: пример со спасением овцы в субботу объясняется, что Иисус дал жизнь овце, чтобы показать людям, что Спасению не дано отдыхать. Как и у других гностиков, христианство — это возвращение к истинному знанию о Боге, которого люди забыли. Подобно поэтам, автор Евангелия Истины сравнивает земную жизнь с пустым сном. Люди — жертвы пустых образов из снов, они находятся во власти тоски и страха, которые, незнание принесло в мир. «И тоска распространялась как туман, так что никто не мог видеть. Поэтому Заблуждение стало могущественным» (17: 10 — 16). Посредством мистического откровения — гносиса люди пробуждаются, вспоминают, освобождаются от ошибок. Гносис носит для автора интуитивный, а не логический характер. Для создателя этого произведения не существует проблем этики — человек воспринимается как одинокий, живущий вне окружающего мира и людей. Вероятно, автором Евангелия Истины был Валентин или его ближайшие последователи. Он пытался освободить своих сторонников от страха — не только от страха перед внешними силами (а страх охватывал все больше людей уже во II в.), но перед Богом, страха перед наказанием, перед невозможностью войти в Царство Божие, который испытывали считавшие себя грешными христиане ортодоксального направления. Ведь познание божества означало и соединение с ним.

Идея абстрактного человека вне общества, семейных, этнических связей и традиций нашла здесь свое крайнее выражение. Гностики, как это видно из Евангелий Филиппа и Истины⁹⁴, не признавая иудейского Бога как Единое божество, хоро-

---

⁹⁴ Хотя эти произведения и названы евангелиями, они настолько далеки от жанра евангелий, что составители полного собрания евангелий не включили в него оба этих произведения.

шо знали иудео-христианские традиции и ортодоксальные учения, но трактовали их по-своему.

Идея равенства во Христе мужского и женского началашла у гностиков свое законченное выражение. Они создали Евангелие от Марии (имеется в виду Мария Магдалина), хотя оно было найдено не в Наг-Хаммади, но примыкает к обнаруженным там сочинениям. Оно также представляет собой перевод на коптский язык с греческого оригинала. Название текста — *Евангелие Марии* дано в его конце. В этом евангелии (к сожалению, сохранившемся во фрагментах)⁹⁵ сначала Иисус говорит с учениками, а потом Мария рассказывает им о своем видении Иисуса и Его поучениях. Иисус рассуждает о грехе, который творят сами люди. Перед своим исчезновением Он произносит слова, по смыслу близкие Евангелию от Фомы, предостерегающие от руководителей христиан: «Берегитесь, как бы кто-нибудь не ввел вас в заблуждение, говоря: «Вот сюда! Или вот туда! Ибо Сын человека внутри вас» (8: 15–19). Многие из слов самой Марии напоминают каноническую традицию, другие с ней расходятся. Содержатся там и диалоги Марии Магдалины с апостолами, из которых понимает их только Левий. В Евангелии Марии проходит тема восхождения Души к верхним сферам, борьба ее со злыми силами. Это произведение как бы подтверждает авторитетность и роль Марии Магдалины и в то же время принижает возражающих и непонимающих апостолов, таких как Петр и Андрей, столь почитаемых в других христианских общинах. Создание этого евангелия отражает дискуссии о роли женщин в раннем христианстве; у гностиков духовное прозрение было доступно и женщинам и мужчинам, что и должно было снять их разделение.

Мы рассмотрели только небольшую часть гностических сочинений, созданных начиная со II в., хотя ряд подобных представлений содержались и в более ранних христианских писаниях (например, Иисус-Логос в начале Евангелия от Иоанна или Его слова в том же Евангелии: «Моя пища есть творить волю пославшего Меня...» — Ин. 4: 34) и нехристианских текстах (дуализм кумранитов). Гностические мыслители попытались

---

⁹⁵ Перевод этого евангелия и комментарии к нему см.: М.К. Трофимова. Евангелие Марии // Апокрифы древних христиан. С. 325–328.

оформить их в целую систему. Однако замкнутость, таинственность, сложные магические обряды, которые должны были вызвать внутреннее озарение, привлекали к себе только отдельных людей и изолированные группы, поставившие себя вне существующего общества. Идея изначальной избранности была чужда основной массе христиан, как и замена понятия веры, главного в основных направлениях христианства, интуитивным гносисом, а также отсутствие ясно выраженных нравственных норм и идеи наступления Царства Божия после Страшного суда.

Гностицизм оказал большое влияние и на собственно христианские течения, прежде всего восточные (например, монофизитство⁹⁶, считавшее, что человеческая природа Иисуса была поглощена божественной), и на манихейство, из которого выросли многие средневековые ереси, но самостоятельной религией он стать не смог.

Борьба с гностицизмом представителей церковного христианства была достаточно долгой и упорной. Но это было не единственное противостояние среди людей, считавших себя христианами. Становление епископальной церкви с ее иерархией вызвало протест не только у гностиков. Во второй половине II в. появляется новое течение, стремившееся возродить нормы жизни первоначального христианства. Это течение было связано с именем некоего Монтана. Некогда он был жрецом малоазийской богини Кибелы-Матери, популярной в Римской империи, затем принял христианство и начал выступать против церковной организации. Он стремился возродить принципы, существовавшие у первых последователей Христа. Главную роль среди его последователей играли пророки и пророчицы. Пророчествовал сам Монтан, пророчествовали его сподвижницы Максимилла и Присцилла. Эти женские имена — латинского происхождения, вероятно, обе женщины были связаны с городами и даже имели римское гражданство. Возможность обрести дар пророчества признавалась за любым верующим; через пророков шло распространение идей Монтана. Монтанисты возобновили собрания верующих с общими трапезами — практика, от которой другие христианские общины

---

⁹⁶ К монофизитским церквям относятся армяно-григорианская, коптская, эфиопская.

уже отказались, заменив их собраниями для молитв и выслушивания проповедей епископов. Главное место среди монтанистов — если судить по произведениям их противников — занимали патриархи города Пепузы; остальные верующие назывались товарищами, а епископы играли в их системе незначительную, по-видимому, хозяйственную роль. Отношение монтанистов к епископату не устраивало руководителей христианских церквей. Но была еще одна важная особенность: монтанисты, как некогда автор Откровения Иоанна, проповедовали скорое Второе пришествие и наступление конца света. И пришествие должно было произойти именно в небольшом городе Пепузы, который монтанисты называли «небесным Иерусалимом». Странники Монтана толпами шли в Пепузу, чтобы стать свидетелями этого события. В ожидании Страшного суда Монтан призвал их соблюдать строгий аскетизм, поститься и расторгать браки. Движение монтанистов — одно из последних всплесков в условиях Римской империи надежд на скорое торжество Царства Божия на земле. Его породил развивающийся политический кризис в империи, а также ощущение отхода от первоначальных верований, отраженных в древних евангелиях. Трагическая наивность веры в скорейшее Второе пришествие приводила к тому, что многие люди бросали все, что они имели, и шли в Пепузу, часто голодные, встречать Второе пришествие, которое так и не наступало...

Монтанисты имели свои священные книги, хотя основную роль у них играла устная проповедь. Но эта литература до нас не дошла; противники монтанистов приводят только отдельные фразы из нее. Скудость цитирования, вероятно, объясняется тем, что между монтанистами и другими христианскими группами не было существенных догматических расхождений. По свидетельству Тертуллиана, они признавали те же таинства и праздники, что и остальные христиане. Споры велись не по существу учения; церковные руководители выступали против радикализма монтанистов. Были собраны местные съезды епископов, которые должны были осудить монтанистов и сплотить остальных христиан в борьбе с ними. Тех христианских руководителей, которые не смогли прибыть, опрашивали письменно: так было получено осуждение монтанистов у «лионских мучеников», которые находились в темницах Лугудуна

(совр. Лион). С ними связались, вероятно, через навещавших их единоверцев или сочувствующих. Таким образом, возникла новая форма объединения церковных руководителей — съезды (соборы); они сыграли огромную роль в становлении христианской догматики в период превращения христианства в господствующую религию. Но пока еще у собравшихся епископов не было возможности заставить всех христиан подчиниться их решениям. Монтанизм продолжал распространяться; даже Тертуллиан, живший в Карфагене, перешел на их сторону. Противники этого течения от споров по существу перешли к самым фантастическим обвинениям. Так, руководитель римских христиан Сотер заявил, что во время своих таинств монтанисты используют кровь младенцев, т.е. совершают ритуальные убийства. Это были те же обвинения, которые язычники возводили на всех последователей Иисуса Христа. Теперь ортодоксы воспользовались тем же самым обвинением, чтобы опорочить своих противников. Причем обвинение было таково, что оно не только должно было отвратить от монтанизма верующих, но и обратить на него внимание римских властей, которые и без того должны были опасаться шестивий фанатиков в Пепузах. Похоже, Сотер стремился расправиться с монтанистами руками римлян. По-видимому, были и прямые столкновения между сторонниками и противниками Монтана. Евсевий сообщает, что первые называли своих преследователей «пророкоубийцами», а пророчица Максимилла говорила, что ее гонят как волка.

Движение монтанистов, то разгораясь, то затухая, просуществовало довольно долго. В VI в. император Юстиниан запретил им собираться и устраивать совместные трапезы.

Гностицизм и монтанизм были как бы двумя крайними течениями в христианстве II века. В борьбе с ними складывались догматика, этика и организации того христианства, которое наиболее соответствовало потребностям массы христиан и наиболее адекватно приспособилось к окружающему обществу. Но второй век не был только борьбой крайностей; это было время появления и развития в рамках основных направлений христианства, почитавших ортодоксальные священные книги, верований и писаний, выходивших за рамки содержания Нового Завета.

Глава 9

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЧИТАНИЯ ДЕВЫ МАРИИ. ЕВАНГЕЛИЯ ДЕТСТВА

Во втором веке, когда уже были созданы основные почитаемые Евангелия, появляются своеобразные христианские сочинения, примыкавшие к Евангелиям, заполнявшие пробелы в рассказах о жизни Иисуса и связанных с ним людей, а также дававшие возможность отразить те представления, которые — в отсутствие жесткого канона — бытовали среди массы христиан на стыке ортодоксального, иудео-христианского и гностических учений. Среди этих писаний выделяются рассказы о Марии и детстве Христа.

Мария не занимала сколько-нибудь важного места в учении первых христиан. Эбиониты, в соответствии со своим представлением об Иисусе, считали ее обыкновенной женщиной, женой плотника Иосифа (возможно, отзвук этой традиции содержится в словах Евангелия от Матфея, что Мария родила первенца (Мф. 1: 25). В новозаветном Откровении Иоанна в видениях предстает женщина, рождающая в муках дитя, но ничего земного в ней нет. Эту женщину, облаченную в солнце, преследует дракон, который хочет вступить в борьбу «с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12: 1—17). Другими словами, дети этой жены — все верующие христиане. Возможно, образ ее, аллегорический, как и все образы в этом писании, связан с представлением иудео-христиан о Матери — Святом Духе. Описание ее, как и описание Рима — блудницы, сидящей на семиголовом звере, нуждалось в толковании, в постижении скрытого смысла и не имеет отношения к реальной женщине. В Евангелии от Марка ничего не сказано о рождении Иисуса; мать Иисуса упоминается там вскользь. В Евангелиях от Матфея и от Луки говорится о непорочном зачатии Марией Иисуса; наиболее под-

робен этот рассказ у Луки, где описано Благовещение — возвещение ей ангелом чуда зачатия от Духа Святого. Похожий эпизод содержится в этом Евангелии раньше, когда престарелому Захарии ангел возвещает о будущем рождении у него сына (Иоанна Крестителя). Лука вводит и посещение Марией жены Захарии Елизаветы, у которой Мария прожила три месяца. Далее в Евангелии от Луки мать Иисуса упоминается лишь при посещении вместе с Иисусом и Иосифом Иерусалима на Пасху, но дальше она фактически из рассказов исчезает, что неудивительно: как уже говорилось, согласно первым трем новозаветным Евангелиям, как и иудео-христианским, Иисус от Матери и братьев отрекается. В этих Евангелиях она не названа среди присутствовавших при распятии и пришедших к гробнице женщин. Только согласно Евангелию от Иоанна Мария, мать Иисуса, стоит около креста и Он поручает ее своему любимому ученику... В Деяниях апостолов упоминается, что она пребывала в молитве после распятия Иисуса вместе с апостолами и братьями его (Деян. 1: 14). Вот, по существу, и все сведения о ней, содержащиеся в канонических текстах.

В критике христианства верующими иудеями, как она передана Цельсом (и отвечала его собственным взглядам), Мария использована для принижения Иисуса — якобы незаконного сына солдата и пряхи. Об обвинениях в адрес Марии, бытовавших в то же время, когда писал Цельс, сообщал и Тертуллиан («Трактат о зрелищах»). Марию обвиняли в том, что она была блудницей, а Иисус — сыном блудницы и плотника. Незаконное рождение Иисуса выводило Его за пределы ортодоксального иудейства: согласно Второзаконию, сын блудницы (и даже десятое поколение его), как и евнух, не может войти «в общество Господне» (Втор. 23: 1–2)⁹⁷. Переосмысление Ветхого Завета как предыстории христианства не давало возможности отвергнуть или перетолковать эти слова — нужно было их опровергнуть. Возможно, именно в ответ на обвинения матери Иисуса и начинается защита Марии, образ которой приобрета-

---

⁹⁷ Правда, в Книге Судей рассказывается история конкретного сына блудницы Иеффая, которого его братья изгнали от законной жены. Но Иеффай выступил против врагов Израиля — аммонитян при условии, что соплеменники признают его, и победил врагов (таким образом, это установление имело исключение, поскольку в данном случае Иеффаю помогал Бог).

ет новые черты, в соответствии с психологическим настроем христиан второго века. В рассказах о ней можно видеть и нарастание элементов чудесного, характерное для массового сознания этого времени (не только у христиан), и традиции почитания женских божеств, сохранявшиеся, во всяком случае, в подсознании новообращенных язычников, и стремление переосмыслить священную историю иудеев, чтобы «найти» в ней план Бога по спасению людей через Иисуса Христа.

Подробный рассказ о детстве и замужестве Марии содержится в так называемой «Истории Иакова о рождении Марии» или «Книге Иакова», как это произведение называет Ориген (Комментарии на Матфея, X, 17). В научной литературе это произведение принято называть *Протоевангелием Иакова*. Популярность этого текста была такова, что в раннем средневековье он был переведен на многие языки, в том числе сирийский, коптский, армянский, славянские⁹⁸.

Греческий текст дошел в нескольких средневековых рукописях. Наиболее ранний текст Протоевангелия обнаружен на папирусе, найденном в Египте и опубликованном в 1958 г. (так называемый папирус Бодмера)⁹⁹. Там дано название — «Рождение Марии. Откровение Иакова». Папирус относится к III в., но текст, вероятно, подвергся некоторой переработке. Поскольку этот апокриф знал Ориген, он был создан, по всей вероятности, между 150 и 200 годами¹⁰⁰. По сравнению с текстом на папирусе в рукописях имеются вставки: Так, в момент рождения Иисуса Иосиф начинает говорить от первого лица (до и после этого отрывка повествование ведется от третьего лица). Стилистика этого отрывка расходится с остальным изложением, он введен, по-видимому, из какого-то другого произведения, написанного от имени Иосифа. Посторонним представляется и заключительный рассказ, никак не связанный с рождением Марии и Иисуса, посвященный гибели Захарии и бегству его жены Елизаветы с маленьким Иоанном от преследований царя Ирода, этот отрывок, вероятно, был прибавлен

⁹⁸ На Русь это писание пришло в XII веке; оно встречается в списке запрещенных книг XIV века. См.: Кобяк И.А. Индексы «ложных» и «запрещенных» книг и славянские апокрифические евангелия. М., 1983.

⁹⁹ Опубликовано в: Testuz M. Papyrus Bodmer V. Nativité de Marie. P. 1958.

¹⁰⁰ Перевод на русский язык И.С. Свенцицкой см. в кн.: Апокрифы древних христиан. С. 117—126; Иисус Христос в документах истории. С. 220—227.

позже оформления основного текста, его не знает Ориген. Он явно был заимствован из рассказов об Иоанне Крестителе.

Скудость сведений о Марии в первоначальной традиции привела к тому, что автор конструировал свой рассказ на основе разных источников — Ветхого Завета, канонических Евангелий и каких-то еще недошедших до нас устных преданий или писаний, созданных разными группами христиан.

Протоевангелие написано от имени Иакова, который выступает там как сын Иосифа от первого брака. Оно начинается с описания того, как Иоаким (происходивший из рода Давида!) и Анна, будущие родители Марии, скорбят об отсутствии у них детей. История эта перекликается с историей пророка Самуила в Ветхом Завете (1 Царств, в еврейском тексте — 1 Самуила), согласно которой, у жены Елкана не было детей, и она скорбела об этом и молилась (похожая молитва Анны-матери Марии есть и в Протоевангелии). Параллели с Ветхим Заветом проходят через все это писание: даже некоторые фразы прямо включены в греческий текст. Однако при этом в нем явно видны несоответствия с тем, что было в реальной иудейской действительности. В отличие от Ветхого завета, где поношение терпит только Анна, здесь, по навету иудея Рувима, Иоакима отлучают от храма, не разрешают ему приносить жертвы, что было невероятно. Но это усиливало драматичность и показывало непонимание иудеями истинной сущности происходящего. Автор, который, не был верующим иудеем, хотя и использовал Ветхий Завет, писал в то время, когда Храма уже не существовало, обычаи, с ним связанные, отошли в прошлое. Реальность его не интересовала, он писал «историю» — как и во многих других апокрифах II—III вв. — такую, какой она должна была быть, наполняя ее под видом якобы действительных событий особой символикой. Иоаким и Анна порознь получили знамение от ангела (здесь использован мотив Благовещения) о том, что у них родится ребенок.

После рождения Марии мать устроила ей особое (святое) место в спальне, а когда девочке исполнился год, отец созвал жрецов, книжников, старейшин и весь народ израильский; ее благословили жрецы храма, первосвященники и подтвердил народ («Да будет так!»). Этот рассказ связывает Марию с иудейской, скорее, с иудео-христианской традицией: эпизод

всеобщего благословения был необходим автору для возвеличения и признания Марии перед иудеями — в противовес той критике, которой она подвергалась именно с их стороны. В нем видно и выраженное во многих апокрифах II—III вв. стремление подчеркнуть торжество христианства с самого зарождения, реализацию божественного замысла, по крайней мере начиная с родителей Марии. Когда девочке исполнилось три года, ее отводят в храм в соответствии с данным Анной обетом. Этот обет также заимствован из Книги Самуила, но там посвящают мальчика. Введение во храм и помещение девочки в Святая святых, с точки зрения реальности, совершенно немислимые вещи для верующих иудеев. Но вряд ли это результат неведения автора — он подчеркивает, что в истории Марии все было чудом; это сразу выделяет ее из обычных людей. Чудом было и то, что, оставаясь в храме, Мария питалась особой пищей, которую приносил ей ангел (можно вспомнить утверждение Валентина об особой пище Иисуса). Ее дальнейшая судьба также определялась божественной волей. Когда Марии исполнилось 12 лет, жрецы по повелению ангела созвали старцев, чтобы вручить кому-то из них Марию для своего рода опеки. Одним из этих старцев и был вдовец плотник Иосиф. Он был избран хранителем Марии, так как из его посоха вылетела голубка — образ, который должен был ассоциироваться в умах христиан со Святым Духом, сошедшим на Иисуса во время крещения. Даже в деталях дальнейшей жизни Марии обнаруживается знак избранницы Божией — так, ей по жребию в храме достается ткань самую дорогую ткань, настоящую багрянцу (пурпур). Пурпур здесь имел скрытый мистический смысл — так, во всяком случае, толковали византийские богословы: прядение пурпура как бы возвещает «прядение» тела младенца из крови матери.

Благовещение¹⁰¹, затем приход Марии к Елизавете представляют собой драматизированный и детализированный рассказ на основе Евангелия от Луки (повторяются даже отдельные фразы), подробно описана реакция Иосифа, так же, как и в Евангелии от Матфея, получившего знамение от ангела. Когда беременность Марии стала заметной, появился еще один недруг из иудеев — книжник Анна, который сообщил об этом первосвященнику. Тогда Марию и Иосифа подвергли испытанию «во-

---

¹⁰¹ Некоторые гностики считали, что сам извечный Христос явился во время Благовещения и вошел в тело Марии.

дою ревности»: это был древний обычай, согласно которому женщину, подозревавшуюся в прелюбодеянии, заставляли выпить воду, смешанную с грязью¹⁰²: в данном случае автор рассказывает о применении действительно существовавшего обычая; это может заставить предположить, что в остальном изложении он сознательно отступает от реальных норм иудейского права, с которыми он в какой-то степени был знаком. И Иосиф и Мария с честью проходят через это испытание.

Особое место в апокрифе занимает рассказ о рождении Иисуса. Вопреки новозаветным Евангелиям, Иисус рождается не в Вифлееме, а в пещере, в пустынном месте. Версию рождения в пещере знает Юстин, вероятно, она существовала в какой-то независимой традиции, возможно (но необязательно), позднее, чем новозаветная. Эта традиция имела более ярко выраженную теологическую символику, чем рождение в доме (Евангелие от Матфея) или в яслях для скота (Евангелие от Луки, в котором подчеркнута обстановка простоты и бедности, противостоящие высокому предназначению Иисуса). Для второго века версия рождения в пещере, а не в Вифлееме, могла привлекать христиан и тем, что в это время — после поражения восстания Бар-Кохбы, когда не только Храма не существовало, но и Иерусалим стал Элией Капитолиной, образ мессии из дома Давидова, восстановителя независимой Иудеи, потерял свой смысл. Иисус стал восприниматься как мировое божество. Это было рождение во тьме Света, который наполняет всю пещеру, т.е. сокрушает тьму. Именно сюда — в момент рождения — вставлено описание, отсутствующее в папирусе, когда природа и все живое, по словам Иосифа, замирают: «И вот я, Иосиф, шел и не двигался. И посмотрел на воздух и увидел, что воздух неподвижен, посмотрел на небесный свод и увидел, что он остановился и птицы небесные в полете остановились...» (XVIII). Все в природе замерло в ожидании чуда.

Характерной чертой зарождающегося почитания Марии было представление о ее нерушимой девственности, об этом не было речи в канонических Евангелиях. Поэтому при описании рождения введены дополнительные персонажи — повивальная бабка и некая Саломея, которая усомнилась в девствен-

---

¹⁰² В Книге Чисел Ветхого Завета жене, подозреваемой в измене, жрец дает выпить «горькую воду, наводящую проклятье» (5: 24).

ности Марии после родов, за что была тут же наказана: у нее отнялась рука. В ужасе она обращается с молитвой (эта молитва в папирусе Бодмера отсутствует), ей является ангел и говорит, чтобы она поднесла руку к Младенцу, и это исцеляет ее. Таким образом, уже в этом апокрифе видна тенденция представлять Иисуса как могущественное божество с самого момента своего рождения, наиболее ярко эта тенденция проявилась в писаниях, посвященных детству Иисуса. В Прото-евангелии есть эпизоды с магами, с преследованием младенцев Иродом, но нет бегства святого семейства в Египет. Там только говорится: Мария, услышав, что избивают младенцев, положила ребенка в ясли. Здесь использован мотив Евангелия от Луки, по-видимому, весьма популярный среди христианских низов, но совсем в другом контексте; всесильное божество не должно было появиться рядом со скотом, это был не тот Иисус, который, согласно Оригену, сказал: «Ради слабых я был слаб, ради голодающих голодал, ради жаждущих жаждал» (Комментарии на Матфея, 13: 2).

Итак, в этом произведении мы видим, что Мария — своего рода Предтеча, обладавшая божественными свойствами, признанными первосвященниками (в отсутствие разрушенного Храма это можно было легко утверждать), но в то же время и страдавшая от наветов дурных иудеев (скрытая параллель с теми иудеями, кто принижал ее, считая матерью незаконного ребенка). В Протоевангелии были использованы разные традиции: и иудео-христианская с опорой на Ветхий Завет, и гностическая с ее символикой Тьмы-Света, и новозаветная, поскольку собственной сложившейся традиции жизнеописания Марии еще не существовало. Но начало ее почитания было положено. В дальнейшем, хотя Прото-евангелие не было причислено к священным книгам, целый ряд христианских праздников был введен на основании рассказов этого произведения: «Рождество Богородицы», «Введение во храм». А в IV в. был создан еще один апокриф — «Об Успении Марии», наполненный описанием самых невероятных чудес¹⁰³ (например, к дому, где лежит Мария, спускаются... солнце и луна!).

---

¹⁰³ Перевод этого апокрифа см.: Апокрифические сказания об Иисусе, Святом семействе и свидетелях Христовых. Сост. И.С. Свенцицкая, А.П. Скорев. М., 1999. С. 135–145.

Богоматерь с Младенцем. Роспись в римских катакомбах

Параллельно с почитанием Марии распространялись представления, которые можно проследить уже в Протоевангелии — об Иисусе Христе как о Боге могущественном, карающем и милующем с самого начала своего явления (или рождения) на Земле. Среди апокрифов, дополняющих повествование новозаветных Евангелий (и в известной мере меняющих трактовку образа Иисуса), особой популярностью пользовалось описание детства Иисуса в возрасте от пяти до двенадцати лет¹⁰⁴, авторство которого приписывалось апостолу Фоме, хотя, по-види-

¹⁰⁴ Название «Евангелие» условно, оно употребляется в научной литературе, в рукописях это писание названо «Историей». Оно не имеет ничего общего с Евангелием Фомы, найденном в Наг-Хаммади. Перевод основной версии Евангелия детства. См.: Свенцицкая И. С. Апокрифические евангелия. С. 179—186.

тому, в оригинале автор был назван израильским философом. Рукописи на греческом языке поздние (Дрезденская и Болонская — XV—XVI вв., а также рукопись XIV—XV вв. с кратким вариантом истории детства из Синайского монастыря). Имеются версии: латинская, сирийская (самые ранние рукописи той и другой — V в.), древнеславянская¹⁰⁵, древняя грузинская, арабская, эфиопская. Первоначальный греческий текст был создан, скорее всего, во второй половине II в., когда получили распространение учения гностиков, оказавшие влияние на истории детства, т.е. примерно в то же время — или несколько позже — что и Протоэвангелие Иакова. Рассказы гностиков о детстве Иисуса упоминает Иринея. Достаточно вольное отношение к новозаветным Евангелиям в этом апокрифе также указывает на то, что ко времени его возникновения канон окончательно еще не был оформлен или признан большинством церквей. Однако восстановить адекватно этот текст пока не представляется возможным. Издатель текста *Евангелия детства* К. Тишендорф выделил две его версии — пространную и краткую, несколько отличающиеся друг от друга.

Евангелие детства было создано в период, когда уже сложились новозаветные Евангелия и когда среди массы верующих распространились различные сказания, дополняющие сведения этих Евангелий о самом Иисусе и его окружении. Один из вопросов, который мог волновать верующих при создании подобных легенд: если во время своего открытого служения Иисус совершал чудеса и говорил от имени Бога, то когда он получил эту Силу? Во время крещения, когда на него сошел Дух Святой, как считали первые иудео-христиане, или еще раньше? Истории детства, как и рассказ Евангелия от Луки о пребывании двенадцатилетнего Иисуса в храме, по мнению крупнейшего исследователя Нового Завета Р. Брауна, и были призваны показать обладание Христом всеми чудодейственными свойствами с самого детства (по существу, с самого рождения), причем слушателей и читателей евангелий детства не смущало, что рассказы об Иисусе-мальчике могли вступить в противоречие с тем, что Иисуса не признали жители Назаре-

---

¹⁰⁵ Древнеславянский текст см.: Лавров А.П. Апокрифические евангелия. СПб., 1899.

та, которые должны были бы помнить его детские деяния и из-за неверия которых Он не смог совершить чудеса¹⁰⁶.

Однако не только этот в какой-то мере рационалистический подход (если только новообращенные язычники сохранили элементы античного рационализма) определял особенности Евангелия детства и его многочисленных версий. Евангелие детства представляет собой многослойное произведение — с одной стороны, оно удовлетворяет потребность рядовых христиан в чудесах, которые знаменовали всеислие христианства с самого начала появления Иисуса, а с другой — отражает не всегда хорошо понятые гностические представления о тайной символике всего совершаемого Им. Гностики, по существу, не признавали человеческой природы Иисуса, по их представлениям, он не был реальным младенцем, но имел только видимость младенца. В гностическом сочинении «Пистис (Вера) София» сохранился рассказ¹⁰⁷ о том, как в дом Иисуса, когда тому было три года, пришел мальчик (дух?), абсолютно похожий на Иисуса; сам маленький Иисус в то время работал вместе с Иосифом на винограднике. Пришелец спросил: «Где находится Иисус, брат мой?» Испуганная Мария привязала его к кровати и пошла рассказать Иосифу. Когда Иисус услышал ее слова, Он спросил: «Где же он, ибо Я ждал его здесь?» Когда мальчик вошел в комнату, пришелец освободился, и они стали единым целым. В этом рассказе в результате слияния происходит как бы преодоление разделения мальчика Иисуса, уже обладавшего особым знанием (поскольку он ждал пришельца), с тем, кто пришел в его облике — Христом-Логосом, извечно существующим, обладающим сверхъестественными свойствами и абсолютным знанием (гносисом)¹⁰⁸. Правда, сочинение, написанное от имени Фомы, во всяком случае, его основной текст ориентирован на более широкого читателя, зна-

---

¹⁰⁶ Brown R.E. An Introduction to New Testament Christology, NY, 1994. P. 126—129; idem, An Introduction to the New Testament, NY, 1997. P. 234—235.

¹⁰⁷ Schmidt C. Pistis Sophia: Ein gnostische Originalwerke des 3. Jahrhunderts. Berlin, 1925, S. 89—90. О «Пистис Софии» см.: Трофимова М.К. Вестник древней истории, 1999, 4, Приложение.

¹⁰⁸ В этом еще одно отличие от канона — в Евангелии от Луки, которое хорошо знал автор апокрифа, сказано, что Иисус «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости» (Лк. 2: 40); в апокрифе Иисус обладал премудростью уже в пятилетнем возрасте.

когого с Новым Заветом. Деяния Иисуса в детстве должны были символизировать и как бы предсказывать то, что Он совершит впоследствии. Рассказ начинается с эпизода, как обвиненный в том, что Он лепит у потока глиняных птичек в субботу, маленький Иисус оживляет их и отправляет лететь двенадцать птичек — символ двенадцати апостолов, которых Он пошлет проповедовать по миру; в апокрифе маленький Иисус-сеятель собирает невиданный урожай с брошенного им зерна — символ распространения христианства; по просьбе матери Он приносит воду в своем плаще, не пролив ее, так как сосуд по дороге к источнику разбился; вода, принесенная Иисусом, символ — живая вода веры.

Характерно, что все чудеса, описанные в апокрифе, совершаются в обыденной обстановке работ отца, игр детей; подобные квазибытовые детали подчеркивали для читателей как бы достоверность происходящего, хотя, по существу, эти детали не отражали реалий маленького палестинского городка, которых автор не знал. Но ни для него, ни для тех, к кому он обращался, подлинная достоверность не имела никакого значения. Некоторые исследователи называют подобные рассказы, созданные низами христиан, занимательной и пестрой сказкой¹⁰⁹. Но вряд ли христиане воспринимали рассказы о детстве Иисуса как сказку: их не интересовала история как таковая, они создавали своего рода «историческую» мифологию (или мифологизированную историю). Именно поэтому даже расхождения с новозаветными Евангелиями не смущали верующих — христианская традиция, отраженная в апокрифах, была своего рода изобретенной традицией, существовавшей и развивавшейся сама по себе. Однако при этом автор или те, кто записал Евангелие детства, стремились формально связать свой рассказ с каноническим текстом: они заключили пространную версию историй о пребывании мальчика Иисуса в храме, взятой из Евангелия от Луки, почти дословно, но в переработанном виде. Сама эта переработка значима: согласно каноническому Евангелию, Иисус пришел вместе с родителями в Иерусалим, но не ушел с ними, а остался там. По рассказу Луки,

---

¹⁰⁹ Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы // Т. I. М., 1983. С. 511.

родители нашли Его в храме, слушающего учителей и спрашивающего их. «...все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его (Лк. 2: 46—47). В Евангелии Детства после слов «спрашивающего их» добавлено: «И все со вниманием слушали Его и дивились, как Он, будучи ребенком, заставил умолкнуть старейшин и учителей народа, разъяняя Закон и пророков»... А увидев мать Иисуса, книжники и фарисеи говорят ей, что «такой доблести и такой мудрости мы никогда не видели и никогда не слышали» (XIX). В этом варианте Иисус не только слушает и отвечает, но заставляет умолкнуть учителей; даже книжники и фарисеи, будущие противники Иисуса, согласно ранним писаниям, признают Его мудрость. И в других местах, где вводятся словоупотребления из новозаветных текстов, автор Евангелия детства изменяет их. Например, в Евангелии от Луки свидетели чудес называют Иисуса «великим пророком» (Лк. 7: 16). В Евангелии детства люди, дивящиеся его чудесам, называют его Богом или ангелом, но ни разу — пророком.

Важное место в апокрифе занимают рассказы, с одной стороны — о мгновенном наказании мальчиком-Иисусом всех, кто Ему противодействовал, а с другой — о Его помощи раненым и погибшим. Подобные рассказы отражали народную жажду чудесных спасений и наказаний не в отдаленном будущем, а немедленно, не во время Страшного суда, а в повседневной жизни. Иисус наказал мальчика, который разбрызгал воду из лужицы, где Он играл (мальчик высох); другой мальчик, толкнувший Иисуса, умер; ослепли люди, которые жаловались на Него Иосифу; учитель, осмелившийся поднять на Иисуса руку, упал замертво... Жестокость Иисуса не соответствовала образу Его в новозаветных Евангелиях, где было сказано, что «...Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, но спасти» (Лк. 9: 53—56); в «Истории детства» Фомы нет ни следа идей Нагорной проповеди¹¹⁰. Гонимые христианские низы мечтали о возмездии — и рассказы о наказаниях, какой бы скрытый смысл в них ни вкладывали рассказчики и редакторы, компенсировали для них унижения и преследования в языческом мире. Но маленький Иисус творил и добрые

---

¹¹⁰ С.С. Аверинцев считает, что в Евангелиях детства Иисус изображен как опасный маг, использующий свою силу для расправы над сверстниками и учителями (История всемирной литературы, I, с. 511).

дела: Он исцелил соседа, поранившего себя топором, и брата Иакова, укушенного змеей. Когда другой учитель признал Иисуса исполненным благодати и мудрости, мальчик сказал, что ради него будет воскрешен и тот, другой учитель. Таким образом, сначала устранив читателя, автор показывает возможность милости — но только для уверовавших в Него. При этом за каждым деянием Иисуса, будь то возмездие или исцеление — скрывается высшая цель, недоступная для понимания простого смертного: чудеса должны открыть путь к высшей истине. Согласно Евангелию детства, Иисус, будучи ребенком, обладал скрытым, подлинным знанием. В этом отношении характерен эпизод с учителем, который стал обучать его греческому алфавиту: когда учитель показал ему все буквы от альфы до омеги¹¹¹ и просил повторить, мальчик сказал: «как ты, который не знаешь, что такое альфа, можешь учить других, что такое бета» (вторая буква алфавита). И Он стал объяснять строение буквы альфа, какие она имеет линии и в середине черту, линии сходятся и расходятся, три знака того же самого свойства, зависимые и поддерживающие друг друга... (VI). Ириней знал о существовании преданий о детстве Иисуса, а может быть, и какого-то варианта текста этого евангелия, но считал его «поддельным»: он передает ту же историю с учителем: «...будто Господь, в отрочестве учась грамоте, когда учитель по обыкновению сказал ему: скажи «альфа», Он отвечал «альфа», а затем, когда учитель велел Ему сказать «бета», Господь отвечал: ты сначала скажи Мне, что такое альфа, и я скажу тебе, что такое бета. И это объясняют так, что Он один лишь знает неведомое, на которое указал в образе альфы» (I, 20: 1). Для Ириней за этим эпизодом скрывались авторы-гностики, которые увлекались толкованием мистического смысла цифр и геометрических фигур.

Гностическое влияние более всего сказывается в краткой версии Евангелия детства и в сирийском его варианте, которое, по существу, является не переводом, а самостоятельным сочинением «на тему». История детства уже не была непосредственно привязана к каноническому тексту, идеи которого

---

¹¹¹ Первая и последняя буквы греческого алфавита. Вряд ли обучение в маленьком иудейском городке начиналось с изучения греческих букв, но апокриф предназначался для говорящих по-гречески.

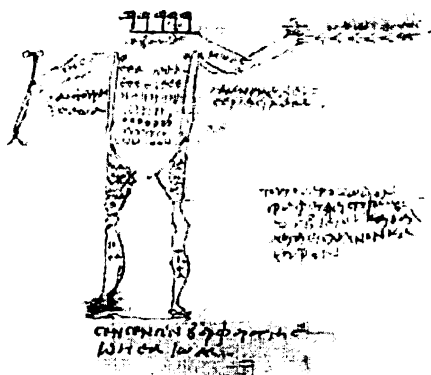

автор этой версии, может быть, и не вполне разделял. В краткой версии подчеркнута, что мальчик Иисус обладал особым знанием о прошлом и будущем, в том числе и о сроках человеческой жизни, о чем Он говорит Иосифу и учителю (в этом можно увидеть скрытый намек на предопределенность существования каждого человека, чего нет в Новом Завете). В сирийской версии гностические идеи выражены с еще большей ясностью, в ней видны идеи докетов, считавших человеческий облик Иисуса лишь кажущимся. На это указывают слова Иисуса Иосифу о том, что Он — вне окружающих людей и что когда он вознесется, то отбросит человеческую природу: «Ибо Я вне вас, хотя и живу среди вас. Чести в телесности нет у Меня. Ты существуешь по Закону и Закону ты повинешься. Я же уже был, когда ты родился. Ты думаешь, что ты Мой отец. Ты должен познать от Меня учение, какого другой не знает и не может познать... Ибо когда Я вознесусь, Я отброшу ту часть, которая у меня есть от Вашего рода». Евангелия детства представляли собой смесь народных преданий и верований с вульгаризованным учением гностиков об истинном знании. Маленький Иисус предстает там грозным божеством; Он снова вносит в сердца людей страх и неуверенность, от чего хотели освободить их и проповедь Иисуса из Назарета, и автор Евангелия Истины.

Глава 10

НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО II—III ВЕКОВ

Во II веке и на протяжении существования всей Поздней Римской империи в массовом сознании населения происходят существенные сдвиги. Если образованные слои продолжают воспринимать мир еще в рамках античного рационализма и античной философии, то для простых людей это было время растущих иррациональных страхов. Существенное место в этом новом мировосприятии занимала вера в потусторонние силы зла, ведьм, демонов как активных злых сил, которым человек должен все время противостоять с помощью тоже внешней чудодейственной силы. Ощущение невидимой битвы нависло над религиозной и интеллектуальной жизнью людей, причем это касалось и язычников и христиан. Демоны были ответственны за все несчастья — частные и общественные: неурожай, болезни; даже несчастную любовь. Язычники пытались противопоставить демонам магию, заклинания, обращенные к разным божествам. В Египте распространяется культ Гермеса Трижды-величайшего: к нему обращались с заклинаниями: «...Пусть не противится мне всякий дух, ни демон, ни дурная встреча, ни что другое из злых сил...» (Лейденский папирус). На

*Безголовый демон.
Магический папирус*

одном из магических папирусов изображен страшный безголовый демон, весь покрытый магическими письменами. Античные писатели пытались шаржировать подобные страхи, как это сделал Апулей во вставной новелле в «Золотом осле» о фессалийских ведьмах, собиравшихся отрезать нос и уши у покойника, а вместо этого отрезали их у сторожившего его человека. Лукиан с издевкой описывает колдунью, которая использует серу, бросает соль в огонь, вертит веретено, называя какие-то ужасные варварские имена (духов?). Но насмешки не помогали...

Что же стояло за этим всплеском страхов? Разумеется, Римская империя с конца II в. переживала кризис, варвары вторгались в западные провинции, военачальники боролись за власть. Античный мир перенес и не менее страшную для греков борьбу полководцев Александра, и римские гражданские войны, особенно разорившие восточные провинции, и увлечение восточными культами — все это было в рамках традиционного мировосприятия космоса, как упорядоченного целого; частные религиозные союзы создавали свои уставы, города на основании постановлений народных собраний принимали новые, наиболее популярные культы.

Представляется, что основой зарождения тревог, страхов был прежде всего распад традиционных коллективных связей в огромной империи, в том числе семейных и гражданских. Полисы изжили себя, став просто городами со смешанным населением; анализ надгробий Малой Азии II—III вв. показал, что, особенно много надгробий в больших городах (до трети из них сохранились), поставлены человеком «себе при жизни» — т.е. автор такой надписи не надеялся, что кто-нибудь похоронит его. Космос уже не воспринимался упорядоченным. Человек оставался один на один и со своим божеством, которого он не всегда чувствовал себя достойным, и со всеми своими бедами, причину которых ему легче было видеть не в собственных действиях, а в происках потусторонних злых сил. Перенос вины вовне — типичная психологическая ситуация массового сознания, но эта ситуация неизбежно порождает страхи перед этим «внешним».

Эти настроения охватили и народные массы, принявшие христианство. В христианстве II в. складывалась достаточно

сложная идеологическая ситуация: с одной стороны, появились сочинения христианских философов-апологетов, впитавших многое из античных учений и разрабатывавших сложные теологические проблемы, а с другой — усилился приток новообращенных язычников из самых разных этнических и социальных групп, далеких от этих проблем. Они привнесли в христианство веру в силу магических обрядов, чародейство, многочисленных демонов, действующих в окружающем их мире. Апокрифическая литература II—IV вв. наполнена описаниями самых невероятных чудес, совершаемых Иисусом, Марией, апостолами. Но наряду с верой в неограниченную чудесную силу святых, формировались представления и о могуществе сил зла.

Языческие верования в демонов уже внутри христианства слились с восходящими к иудаизму представлениями о «князе тьмы», диаволе — противостоятеле Бога.

Христиане второго и последующих веков уже не были небольшой группой людей, ощущавших себя избранными, находившихся по существу вне общества. Теперь они жили по законам этого общества, обогащались, грешили, с точки зрения максималистской морали Нагорной проповеди, а порой во время гонений даже отрекались от своей веры. Вопрос о вине и возмездии, поставленный и в Евангелии детства, о степени личной ответственности — был для них особенно острым.

Как известно, в Средние века в сознании жителей Европы, по словам Ле Гофа, творимые дьяволом опасности были столь многочисленны, а шансы на спасение столь ничтожны, что страх преобладал над надеждой¹¹². Но отношение человек — диавол рассматривалось уже в доникейском христианстве, прежде всего в апокрифах, где большое внимание уделялось роли сатаны и его приспешников — демонов как врагов человека.

В Ветхом Завете образ сатаны был достаточно неопределенным: он фигурирует в Книге Иова, побуждая Бога испытать веру праведника, при этом свободно приходит к Богу вместе с сынами Божиими, и Бог разрешает ему творить с Иовом все, что хочет, только не трогать самого Иова (Иов, 1: 6—12): в данном контексте, как пишет С.С. Аверинцев, сатана высту-

---

¹¹² Ж. Ле Гоф. Цивилизации средневекового Запада. М., 1992. С. 302.

пает не как враг Бога, но как обвинитель человека, своеобразный «космический прокурор»¹¹³. Но в другой книге он внушает Давиду намерение провести неугодную Богу перепись населения (I Пар. 21: 1); упомянут он и в книге Пророка Захарии (Зах. 3: 1), где Сатана стоит перед ангелом Господним рядом с первосвященником, по-видимому, собираясь обвинить его, но Бог запрещает ему. Образ сатаны как соблазнителя человека разработан лишь в более поздней иудейской литературе (например, Книга Премудрости Соломона, 2: 23–24, где сатана отождествляется со змием, соблаздившем Еву).

В учении Иисуса, как оно дано в новозаветных Евангелиях, диавол также не занимает существенного места, ибо спасение зависит от веры и личного поведения человека, отречения его от всех мирских благ, следования заповедям Нагорной проповеди. Испытание диаволом Иисуса в пустыне происходит как бы по воле свыше, поскольку в пустыню Он был возведен Духом Святым. Возможно, о том же шла речь и в одном из ранних евангелий иудео-христиан, известном под названием Евангелия евреев. Как уже говорилось выше, для некоторых групп иудео-христиан Иисус был праведным человеком, на которого при крещении сошел Дух Святой, объявивший его своим Сыном. Для этих людей, вероятно, казалось естественным, что Иисус-Мессия как бы доказывает свою подлинность, проходя через испытание.

С другой стороны, диавол предстает в Новом завете как некая космическая сила, князь мира сего (в греческом тексте — «архонт сего космоса» — Ин. 12: 13). Явление Иисуса означало конец этого мира и его владыки: в Евангелии от Луки Иисус говорит: «Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию» (Лк. 10: 18); интересно отметить, что, по представлениям автора этого Евангелия — как и по представлениям автора Книги Иова, — сатана мог находиться на небе.

Наиболее ярко сражение с «князем тьмы» в образе красного дракона дано в Апокалипсисе Иоанна (Откр. 12: 7–12): сражение это происходит на небе, и сатана вместе со своим воинством низвергается с небес на землю. Сатана назван там вводящим в заблуждение всю ойкумену (в синодальном пере-

---

¹¹³ История всемирной литературы, т. 1. М., 1983. С. 231.

воде — обольщающий) и, в соответствии с ветхозаветными представлениями, обвинителем людей перед Богом. После низвержения с неба дракон продолжает борьбу уже на земле. В Послании к ефесянам содержатся призывы не поддаваться коварству диавола, бороться против властей (архонтов — имеют в виду злые силы, как в отдельных заявлениях гностиков), космократоров тьмы¹¹⁴ и поднебесных духов лукавства (6: 11 — 13; в синодальном переводе — духов злобы). Тем самым борьба с диаволом воспринималась как космическое противостояние, конец которому положит явление Иисуса. В перечислении злых сил в Послании диавол не выступает как их глава, поскольку он назван в одном ряду с ними, можно думать, что представление об иерархии всех этих сил повсеместно еще не сложилось. Понятие сатаны как противостоятеля (Иисусу) содержится и в трудах первых апологетов¹¹⁵.

Но наряду с восприятием сатаны как космической силы, ведущей постоянную борьбу с Богом¹¹⁶, в раннем христианстве существовало и нарастало во времени представление о нем как о вдохновителе всех дурных поступков и помыслов людей, повелителе множества бесов (демонов). В Новом завете проблема искушения не решается однозначно: в Послании Иакова (Иак. 1: 14) сказано, что человека искушает не Бог (повидимому, существовало и такое представление, с которым спорит автор послания¹¹⁷), «но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью». Тем самым источник греха находится внутри человека. Поскольку послание адресовано иудеям в рассеянии, можно полагать, что автор отра-

---

¹¹⁴ Возможно, представление о владыках тьмы восходит к учению Кумранской общины о существовании созданных Богом двух противостоящих духов — правителя Света и ангела тьмы, в руках которого вся власть над сынами Кривды до конца мира (см.: Тексты Кумрана. Санкт-Петербург, 1996, Устав общины, III. С. 116).

¹¹⁵ Юстин пишет, что окончательно сатана со всем своим воинством будет послан в огонь (во время Страшного суда) — I Apolog. 28.

¹¹⁶ См.: N. Forsyth. *The Old Enemy. Satan and the Combat myth*. Princeton, 1987. В связи с идеей космического противостояния появляется и представление о связи сатаны с Антихристом — злодеем, который должен явиться перед концом света и Страшным судом (G.C. Jenks. *The Origins and Early Development of the Antichrist Myth*, Berlin-New York, 1991. P. 50 ff.).

¹¹⁷ Иаков, считающийся автором этого послания, вероятно, идентичен «брату Господню».

жает точку зрения самой ранней группы верующих — иудеохристиан.

Постепенно в восприятии основной массы христиан источник греха переносится вовне: грех становится результатом злокозненной деятельности диавола и его подчиненных — многочисленных демонов-бесов, вселяющихся в человека. Люди, одержимые бесами, которых исцелял Иисус, упоминаются в Новом Завете: в Евангелии от Матфея (Мф. 4: 24) «бесноватые» (в греческом тексте — одержимые демонами) названы в одном ряду с больными, прокаженными, лунатиками; в другом месте рассказывается об изгнании беса из немого бесноватого (Мф. 9: 32), который стал говорить. Эти люди не выступают как злодеи, но как лишившиеся разума, больные. Изгоняемые бесы не только не противятся Иисусу, но даже сами просят Его вселить их в стадо свиней (Мф. 8: 31) — это скорее мелкие демоны, а не орудия сатаны, и изгнание их воспринималось как излечение от болезни.

Однако в дальнейших представлениях, созданных отчасти под влиянием языческих верований в существование могучих злых сил и дуалистических религий Востока, отчасти под влиянием собственно христианских представлений о зле, грехе, наказании, происходит своего рода гиперболизация роли дьявола и его слуг-демонов, которые вселяются в человека, дабы побудить его к свершению дурных дел. В апокрифическом *Послании Варнавы* (согласно Деяниям апостолов — спутника апостола Павла), созданном в начале II в., дуализм прослеживается достаточно ясно: автор говорит о двух путях для человека — пути Бога и пути сатаны (Варн. XVIII). Сам образ сатаны получает окрас: его путь назван путем «Черного» (XX).

Проблему сатаны и его роль рассматривали и христианские богословы II—III вв., но формирование народных представлений отразилось прежде всего в апокрифической литературе, которая адресовалась основной массе верующих и — не будучи признана впоследствии и даже запрещена церковью — сыграла свою роль в глубинных верованиях населения империи. Эта литература не только передавала самые фантастические легенды, но и содержала поучения для верующих, в том числе и о преодолении козней сатаны. В этом отношении интерес представляет «Пастырь» Гермы (написано, скорее всего, око-

ло 120 г.). В отличие от сложной образной структуры канонического Откровения Иоанна Богослова, все образы и притчи в «Пастыре» адресованы таким же, как автор, не слишком образованным людям, жаждущим получить ясные ответы на мучившие их вопросы. Одна из главных проблем «Пастыря» — проблема этическая, нормы поведения христиан. В связи с этой проблемой и возникает вопрос о роли дьявола, бесов и возможности отдельного человека противостоять им.

Согласно рассуждениям, приведенным в части этого сочинения, называемого «Заповеди» (VI), рядом с человеком находятся два ангела: добрый и злой. Злой ангел (прообраз чёрта народных верований) входит в сердце человека, и тогда им овладевают гнев, досада, вожделение, надменность и т.п. При чем вера не спасает от злого ангела — он тоже может войти в сердце верующего, и тогда тот непременно согрешит. Тем самым все эти дурные чувства и побуждения — в отличие от того, что писал автор Послания Иакова, — как бы внушены извне. Правда, верующие должны отдавать себе отчет об источнике подобных помыслов и бороться с ними. Осознание того, что все дурное навязано человеку дьяволом, по всей вероятности, помогало людям не ощущать себя до конца греховными, смягчало чувство собственной вины, которая, по существу, превращалась только в слабость, неумение противостоять дьяволу.

В другом месте «Заповедей» подробно обсуждается вопрос о могуществе дьявола (XI, V—VI). Герма говорит явившемуся ему наставнику (он называет себя «ангел покаяния») о том, что дьявол упорен и своею силою противодействует рабам Божиим. И получает ответ, что дьявол страшен тем людям, кто не силен в вере: он искушает верующих и вселяется в тех, кто не полон веры, и они становятся его рабами. Человек, не соблюдающий заповеди, губит сам себя: здесь как бы сделана попытка соединить идею дьявольского внушения и личной ответственности человека.

Согласно этому произведению, дьявол оказывается ответственным и за действия лжепророков (острый вопрос для христиан второго века, когда шла ожесточенная борьба между разными христианскими группами, а многочисленные проповедники обвиняли друг друга в искажении истинного учения Христа): он вселяет в них свой дух. При этом наряду с пустыми

предсказаниями по наущению дьявола лжепророк может сказать и что-либо справедливое, чтобы привлечь к себе верующих (Заповеди, XI): тем самым косвенно признается коварство и сила злого духа.

Пафос всех рассуждений о дьяволе — настойчиво повторяемые в разных местах «Пастыря» убеждения не бояться сатаны («не может дьявол пересилить рабов Божиих, которые веруют в Господа от всего сердца»). Эти рассуждения были своеобразным ответом на складывающуюся веру в сатану как главного врага человека, побуждающего его к отступничеству, и на всевозрастающий страх перед этим главой злых духов.

Во II в. сатана выступает как единый образ могущественного владыки (начальника) всех злых духов: именно так пишет о нем апологет Юстин (I Apolog. 28). Христианские апологеты пытались, сталкиваясь с подобными верованиями, согласовать существование Сатаны как воплощение зла с единым Создателем мира — Богом. Ориген в трактате «Против Цельса» писал, что демоны тоже творение Божие, они были созданы не как демоны, но будучи разумными существами, сами отпали от добра. Тертуллиан также считал, что созданный изначально добрым сатана не устоял в добре, но добровольно развратился, посеял грех, сделался виновником зла.

Среди масс христиан развивается вера в демонов; разные авторы пытаются объяснить мотивы вражды демонов к людям. Наиболее близким к обыденному сознанию представляется объяснение, данное в диалоге апологета Минуция Феликса «Октавий», где приведена мотивация стремления демонов отвратить людей от истинной веры. Согласно автору (Октавий XXVI), есть лживые нечистые духи, упавшие с небесной чистоты. Они этой чистоты лишились, осквернив себя пороками, и для утешения себя в несчастьи, погибшие сами, не перестают губить других; отчужденные от Бога, они стремятся и других отвратить от Него. Итак, Минуций Феликс полагает, что демонами движет своего рода зависть, они утешаются дурным, но вполне человеческим чувством, желая, чтобы плохо было не им одним. В этом объяснении отражены «низовые» представления о побудительных мотивах многих дурных поступков; демоны выступают не столько как «космократоры тьмы», сколько как мелкие злобные существа. Согласно этому диа-

логу, демоны помогают чародеям совершать то, что «похоже на чудеса». Последние слова свидетельствуют о том, что демоны не только совращают верующих, но помогают разного рода колдунам и магам.

В апокрифах поздней античности сатана и демоны играют все большую и большую роль. Они оказываются вдохновителями всех дурных дел, совершаемых не только христианами, но также язычниками и иудеями. В Евангелии Никодима, созданном не раньше III в., сатана утверждает, что это он подговорил иудеев распять Христа, хотя это не соответствовало ни рассказу, ни теологической концепции ранних евангелий. В Деяниях апостолов гонителями апостолов выступают люди, движимые вполне реальными побуждениями: правоверные иудеи, ремесленники Эфеса, недовольные проповедями Павла против языческих богов (и в частности Артемиды), причем не столько из религиозных соображений, сколько из страха, что сократятся покупатели изготавливаемых ими серебряных моделей храма богини. Противники христиан обращались с жалобами к провинциальным властям, которые, как уже говорилось, поступали по-разному: в Филиппах Павла и его спутников приказали бить палками (Деян. 16: 19–22); проконсул Галлион отказался судить Павла, заявив, что не хочет быть судьей в споре между иудеями и христианами (там же, 18: 15–16); в Эфесе власти были напуганы не столько проповедями христиан, сколько сборищем в театре толпы, против этих проповедей выступавшей (там же, 19: 35–40). Ни бесы, ни ангелы в этих рассказах, вполне достоверных, не действуют. Но воображению христиан времени поздней античности такой достоверности было мало. Как пишет С.С. Аверинцев об апокрифической литературе подобного рода, в ней дана автономия повествовательной фантазии, открыт доступ самым диковинным, аморальным, противоречащим стилю христианства эпизодам¹¹⁸. Но там, где речь шла о демонах, дело было не только в фантазии составителей таких рассказов: христиане, пережившие (или переживающие) гонения III в., жившие в условиях острого кризиса во всей империи, хотели верить, что все злодейства внушены приспешниками сатаны и что с ними успеш-

---

¹¹⁸ История всемирной литературы, т. 1. С. 511.

но можно бороться чудесами, совершаемыми именем Иисуса. Противник христиан Цельс говорит о множестве имен демонов, записанных у христиан, против этих демонов используются самые различные заклинания, очистительные обряды, амулеты (Ориген. Против Цельса, VI, 39). Имена демонов в магических заклинаниях в большом числе фигурировали у гностиков, но слова Цельса можно отнести почти ко всем христианским группам. В связи с верой в демонов меняется отношение и к изображениям языческих божеств — идолам, возрождается древнее¹¹⁹, в известной мере уже изжитое в античном мире (не говоря уже об иудеях) представление о том, что статуи были вместилищем богов. В Ветхом Завете содержатся резкие выступления против изображений языческих богов: в Книге пророка Иеремии они названы обточенным столбом, они не говорят и не могут ходить, поэтому их носят (Иер. 10: 3—5). У пророка Исаии идола названы не приносящими никакой пользы, они сделаны из остатков дерева, которое сожгли, чтобы согреться (Ис. 44: 10—17). Примеры высказываний против идолов в Ветхом завете можно умножить. Первые христиане относились к изображениям богов так же, как и иудеи. Павел подчеркивает безгласность идолов, к которым ходили новообращенные, когда были язычниками (последнее понятие в греческом тексте передано словом *народы, племена* — 1 Кор. 12: 2); в другом месте того же послания сказано, что в мире (космосе) идол ничто (1 Кор. 8: 4). Согласно Деяниям апостолов, Павел, выступая перед афинянами, убеждал их, что люди не должны думать, будто божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого (Деян. 17: 29). В первые века нашей эры изменилось восприятие статуй и нехристианским населением Римской империи (во всяком случае, образованной его частью): так, Цельс, отвечая на обвинение в идолопоклонстве, выдвигаемое христианами, писал, что никто кроме глупцов не считает статуи богами, но только их изображениями (Orig. Contr. Cels. VII, 62).

---

¹¹⁹ Персы, например, после разгрома восстания малоазийских греков в 500 г. до н.э., чтобы наказать мятежный Милет и лишить город покровительства божества, перенесли святилище и статую Аполлона — покровителя Милета в другое место.

Но согласно апокрифам, созданным начиная со II в., в представлениях христиан языческие божества стали восприниматься как демоны, а идолы становятся их вместилищем, благодаря чему изображения богов могут творить чудеса, давать предсказания и исцелять больных (правда — с дурной целью подчинения себе людей): происходило возрождение веры в магическую силу изображений. Наиболее ярко эти представления об идолах-демонах выражены в «Страстях апостола Варфоломея»¹²⁰. Согласно этому апокрифу Варфоломей отправляется проповедовать христианство в Индию, расположенную на краю света (это какая-то другая страна, а не та, где действовал, по наиболее распространенному преданию, апостол Фома¹²¹, возможно, имелась в виду, как полагает переводчик, Аравия). Там он вошел в храм, где находился идол Астарота (имя, вероятно, образованное от имен семитских божеств — Астарты, популярной в восточных провинциях империи, и ее супруга Астора); в нем обитал демон, который исцелял людей от болезней, но только от тех, какие насылал сам (демон в этом рассказе — источник не только дурных побуждений, но и болезней). В присутствии Варфоломея демон не мог ничего сделать, и тогда страждущие спросили другого идола — Бейрета, что случилось с их божеством. И тот ответил, что с того времени, как в храм вошел Варфоломей, Астарот не может вымолвить ни слова.

Интересно отметить, что в этом рассказе идолы разговаривают сами (в отличие от древних оракулов, где предсказания озвучивались жрецами или прорицателями): они уже не безгласны. Дальше, после описаний разных чудес, совершенных Варфоломеем, в апокрифе приводится его разговор с демоном, которого сковал апостол: демон признается, что он действует по воле своего владыки дьявола: тот подсылает покорных ему слуг-демонов к людям, чтобы губить сначала плоть, а потом и душу. Варфоломей приказывает демону выйти из идола и самому сокрушить его, что тот и выполняет, а заодно крушит и

---

¹²⁰ Русский перевод см.: Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. СПб., 2000. С. 304–316.

¹²¹ В начале апокрифа говорится, что есть три Индии: одна, что ведет в Эфиопию, вторая — в Мидию, а третья, у которой с одной стороны царство мрака, а с другой — Океан, — туда и пришел Варфоломей.

все изображения, украшавшие храм. В апокрифе детально описывается внешний вид вышедшего из идола демона — это уже не абстрактный дух, представления о нем «материализуются»: он чернее сажи, с длинной бородой, космами до пят, пылающими глазами, из которых сыплются искры, из ноздрей выходит пламя серное, и при этом у него — колючие крылья: воображение людей, верящих в бесов, не жалело красок для создания устрашающего образа. Это одно из первых конкретных описаний облика беса, которое затем варьировалось в более поздних сказаниях. Заканчивается история с демоном тем, что явившийся ангел отправляет его в пустыню, где нет людей и где он должен пребывать до Страшного суда.

Во всех подобных рассказах демоны оказываются бессильными перед апостолами и ангелами: другими словами, справиться с ними могут только небесные существа и люди, обладающие особой силой. По-видимому, внутреннего побуждения обычного верующего, о чем говорилось в «Пастыре» Гермы, христианам более позднего времени казалось уже недостаточным: слишком сильным был страх перед дьяволом и велико сознание собственной ничтожности.

Если в апокрифах демонам противостоят святые апостолы, то в реальной жизни с конца второго века изгнанием бесов занималась Церковь. Там существовала специальная должность «изгоняющего» демонов — экзорциста. Тертуллиан писал, что изгнание бесов производилось именем Христа: при произнесении его, демоны в ужасе покидали тела людей (Апология. 23), при этом Тертуллиан считал, что изгонять дьявола могут только клирики. А в обрядовых правилах так называемого «Египетского ордера», опубликованного в 1916 г., в формулу крещения было введено отречение от сатаны (т.е. любой язычник считался порождением сатаны). Впоследствии должность экзорциста исчезла, но страх перед демонами и стремление изгонять их в сознании христиан остались.

Одновременно с вопросом об источнике грехов перед верующими возникла проблема наказания грешников. В «Пастыре» Гермы наказания осуществляет не дьявол, а ангел, являющийся посланцем Бога: там сказано, что этот ангел праведный, но приставлен для наказания. Согрешившим людям посылаются разные несчастья: убытки, бедность, болезни.

Если же они раскаиваются и начинают служить Богу с чистым сердцем, то не испытывают больше никакой жестокости. Те же, кого соблазнил злой ангел, кто стал хулить Господа, не могут покаянием заслужить прощения: их удел — окончательная погибель (как сказано в части этого писания — Подобия, VI), однако что означает «погибель», не объяснено, она уподоблена смерти — т.е. лишению вечной жизни в Царстве Божиим.

Однако уподобление это было недостаточно наглядно: начиная со II в. среди христиан складывались представления об особом месте наказания грешников и о различных способах воздаяния за содеянное¹²². В Новом Завете место наказания с определенностью не обозначено; главный признак его: огонь — геенна огненная, печь огненная, «там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13: 42), а также «тьма внешняя» как противопоставление Свету — Царству Божию (там же, 8: 12). Но для массового сознания бывших язычников, привыкших воспринимать мир через конкретно-чувственные образы, мистика противопоставления тьма—свет казалась слишком абстрактной. Во II в. в апокрифическом *Апокалипсисе Петра*, найденном вместе с фрагментом Евангелия от Петра, дается описание ада. Это мрачное место, где грешники терпят разные наказания. Картина устрашающая: огонь, озеро, полное пылающей грязи, где наказываются люди, хулившие и оставившие путь справедливости; особенно жестокие муки терпели те, кто поносил «путь праведный» (т.е. оставившие христианское учение). В аду были женщины, совершившие прелюбодейание и прервавшие беременность, богачи, не жалевшие сирот и вдов, ростовщики, убийцы, брошенные в темницы, полные ядовитых гадов. Наказания вершат ангелы, одетые в темные одежды, но не потому, что они — злые силы, а в соответствии с темнотой места. Интересная деталь отражает сознание масс, жаждущих мщения: за муками убийц наблюдают души тех, кого они убили, воздавая хвалу справедливости Божией (наказания и мучения преступников, таким образом, исходят, по представлениям этого апокрифа, от Бога; дьявола в описании наказаний нет).

---

¹²² Свидетельства о вере ранних христиан в жизнь после смерти собраны в кн.: Elliott J.R. *The Apocryphal Jesus. Legends of the Early Church.* Oxf., 1996. P. 189 ff; Owen D.D. *The Vision of Hell,* NY, 1970.

Несколько более позднее описание ада содержится в *Деяниях апостола Фомы* (III в.), дошедших до нас в сирийской и греческой версиях; последняя, по-видимому, представляет собой переработанный перевод с сирийского¹²³. Деяния Фомы — сложный памятник с сильным влиянием гностицизма; но наряду с теологическими рассуждениями в нем содержатся рассказы, восходящие к народным представлениям: к ним относятся и описание посмертных наказаний. В греческом тексте это описание дано более детализированно, чем в сирийском, оно перекликается с Апокалипсисом Петра, поэтому мы остановимся на нем. Ситуация, предшествующая описанию ада, следующая: юноша христианин убивает свою возлюбленную, не желавшую отказаться от любовных утех и стать христианкой, он не хочет, чтобы она продолжала отдаваться другим мужчинам. Об убийстве узнает апостол Фома; вместе с раскаявшимся юношей он идет к погибшей и воскрешает ее. Она же рассказывает, что с ней было сразу после смерти: «Взял меня некий муж, страшный видом, весь черный, в одежде выпачканной (образ, уже более близкий образу дьявола, чем ангелы наказания. — И. С.). Он повел меня в какое-то место, где было много пропастей и смертельные испарения шли оттуда». В одних пропастях бушевало пламя, другие были полны грязи и червей; видела она и пещеры, откуда шло зловоние. Черный проводник подробно рассказывает, за какие проступки и преступления терпят муки грешники: здесь прелюбодей (мужчины и женщины), жены, бросившие своих мужей и ушедшие к другим, женщины, прервавшие беременность. За язык подвешены клеветники, лжецы, люди, произносившие непристойности и не устыдившиеся этого; за волосы подвешены праздношатающиеся, бесстыдные и бездумные; за руки подвешены воры, а также никогда не приходившие на помощь нуждающимся; за вывороченные ноги — кто легко и охотно шел дурными путями, жил беспутно... (Acta Thom. 55—56). В этом описании нет наблюдающих за муками душ праведников: ад становится местом, полностью отделенным

---

¹²³ Подробный разбор сирийской версии и перевод «Деяний» с сирийского дан в книге: Мещерская Е.Н. Деяния апостола Фомы. М., 1990: см. также: Мещерская Е.Н. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997. Перевод И.С. Свенцицкой греческой версии описания ада см.: Апокрифические сказания об Иисусе... с. 158 слл.

от мест блаженства, где те пребывают. И Апокалипсис Петра и Деяния Фомы отражают массовые представления о карах, грозящих за каждое конкретное преступление: это уже не «тьма внешняя» или «геенна огненная» первых христиан, для которых лишение Света Царства Божия было самым страшным наказанием. Нужно отметить, что в «Деяниях Фомы» есть намек на то, что не все муки длятся вечно: черный человек говорит, что для одних душ наказания завершатся, а для других продолжатся.

Проводник женщины еще не владыка места наказания, он зависит от высших сил: когда стражники пещер, где содержатся души грешников, просят у него душу женщины, он отвечает: «Не могу сделать этого, так как боюсь Того, Кто вручил ее мне, ибо он не приказал оставлять эту душу здесь. Я хожу с ней, пока не получу приказание, ее касающееся». После этого проводник ведет женщину в другое место, и Иисус¹²⁴ вручает ее Фоме, который и воскрешает убитую. Таким образом, спутник женщины — олицетворение не столько зла, сколько ужасов наказания; при этом христиане верили, что чудо может избавить от мук: кем бы ни был черный спутник грешницы, он не смел ослушаться Христа.

Однако конкретные представления об адских муках не отвечали на ряд важных вопросов как для вероучителей, так и для рядовых христиан: что происходило с душами умерших до явления Иисуса, где находятся праотцы и пророки, возвестившие его приход, был ли рай и ад от века? На эти вопросы призвано было ответить апокрифическое *Евангелие Никодима*, содержащее описание сошествия Христа в ад¹²⁵. В начале этого повествования действуют люди, воскресшие во плоти и вернувшиеся из ада. Они и рассказывают, чему были свидетелями: ад находится под землей (земная жизнь, как

¹²⁴ В тексте сказано: «Тот, кто подобен тебе... вручил меня тебе (т.е. Фоме. — И. С.)»: в гностических текстах прозвище апостола Фомы — Блинец воспринималось как уподобление его Иисусу.

¹²⁵ Это евангелие состоит из двух тематически не связанных между собой частей: описания допроса и суда над Иисусом, созданного на основе апокрифических Актов Пилата (в частности, подложного донесения Пилата императору Клавдию, ставившего своей целью оправдать римские власти и обвинить иудеев в распятии Христа), и описания сошествия Иисуса в ад. Текст дошел в греческой, более полной латинской версиях, а также славянской. Перевод этого апокрифа с древнеславянского см.: Апокрифические сказания об Иисусе, Святом семействе и свидетелях Христовых. С. 72–103.

сказано, протекает в «верхнем мире» — 2), но не выступает как место страшных наказаний грешников — там пребывали до сошествия Христа, по словам рассказчиков, Адам с сыновьями, библейские праотцы и пророки, Иоанн Креститель. Некоторый намек на то, что в аду находились и язычники, содержится в словах Иоанна Крестителя, обращенных к обитателям ада: он призывал покаяться тех, кто поклонялся идолам, но дальше о них ничего не говорится. В ад приходит сатана и начинает разговор с Адом, который уже персонифицируется в соответствии с античными представлениями о владыке подземного мира Аиде и выступает как страж этого мира. Ад, хотя как-то связан с сатаной, пока еще не подчинен ему и спит ним. Сатана предупреждает Ад о пришествии Иисуса и требует не впускать его. Сатана говорит, что Иисус называет себя Сыном Божиим, «но я знаю, что он человек, я слышал, как он говорил: скорбит душа моя до смерти». Интересны возражения Ада, который дает свою интерпретацию приведенных слов Иисуса: «Он сказал это, посмеявшись над тобою, чтобы пленить тебя сильною рукою» (4). Здесь отражено восприятие Иисуса (сложившееся со второго века) как всемогущего божества, которое не может испытывать страданий. Именно в разговоре с Адом сатана говорит, что это он настроил иудеев казнить Иисуса. Затем в апокрифе описывается появление Христа. Ад не хочет впускать его: послушные ему демоны запирают ворота и запоры, но они рушатся, и в подземный мир входит «Царь Славы» как человек. Ад признает свое поражение, он называет Иисуса малым, но мощным, смиренным и высоким, владычествующим над мертвыми и живыми... Сошедший в ад Иисус приказывает ангелам схватить сатану, заковать его и передает Аду, чтобы тот держал его до Второго пришествия. Так ад и сатана соединяются, и ад становится его местопребыванием. А ветхозаветных праведников и Иоанна Крестителя Иисус ведет с собой в рай: погубленные Древом познания спасаются Древом креста¹²⁶; Иисус совершает

---

¹²⁶ Этот акт как бы причисляет праотцев и пророков к христианам и как бы отлучает их от иудаизма. Тем самым ветхозаветное предание включается в христианскую теологию, а в конце рассказа воскресенные иудеи, прежде не крещенные, принимают крещение в Иордане; говорится, что они были возвращены на землю, чтобы рассказать о свершившихся чудесах.

над ними крестное знамение, и они славят его как Господа. В раю до этого находились только Енох и Илия; туда же идет, неся свой крест, раскаявшийся разбойник, распятый вместе с Иисусом, но его не пускают до прихода выведенных из ада ветхозаветных праведников.

Главная теологическая идея этой части Евангелия Никодима — явление Христа преобразует весь космос: и небо, и землю, и подземный мир, не только будущее человечества, но и его прошлое. Только воскресший Иисус делает рай местом, где пребывают праведники и только его сошествие превращает ад в обиталище сатаны. Эта концепция, выраженная в конкретно-образной форме, оказалась близка массе верующих; со временем ад перестал быть персонифицированным Аидом, а лишь страшным темным местом, где наказания вершат не ангелы, а демоны, подчиненные сатане. Насколько быстро распространилось это представление, сказать трудно. Намек на сошествие Христа в ад содержится уже в апокрифическом Евангелии от Петра, но подробности сошествия в ад в нем отсутствуют. Можно думать, что представления о конкретных карах в темном месте (в «Апокалипсисе Петра» и «Деяниях Фомы» это место еще не названо адом) и о превращении подземного царства Аида в христианский ад складывались постепенно у разных групп христиан, пока наконец не стали всеобщими.

Но христиане не только боялись наказания в Аду, они надеялись попасть в Рай. Примерно в то же время, что и конкретные представления о посмертных наказаниях, появляются и первые описания Рая. В Новом Завете концепция рая не разработана. В притче о Лазаре из Евангелия от Луки (Лк. 16: 19—25) говорится о богаче, который роскошествовал, и о нищем Лазаре, лежавшем у ворот его в струпьях. После смерти богач горел в огне в аду (греч. — Гадесе), а Лазаря ангелы отнесли в «лоно Авраамово» — согласно позднеиудейским представлениям, заимствованным первыми христианами — место, где Авраам, отец всех верующих, собирает праведников (правда, Лазарь не был праведником, но страдальцем в соответствии с ранними христианскими проповедями). Что собою представляло это место — неясно; оно отделено от ада глубокой пропастью, но действующие лица этой притчи видят друг друга, т.е. лоно не на небе, а в каком-то особом месте. Слово

«рай» (греч. — парадис, сад) встречается в Евангелии от Луки в рассказе о разбойниках, распятых вместе с Иисусом: один из них поносил Его, другой — увещевал хулителя и попросил Иисуса: «...Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Иисус в ответ обещал ему: «...Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23: 39—43). В Евангелии от Матфея Иисуса поносят оба разбойника (Мф. 27: 44); в Евангелии от Марка говорится только о распятии разбойников по обе стороны от Иисуса (Мк. 15: 27), по правую и левую руку; возможно, именно это замечание, наводящее на противопоставление дурного — левого и хорошего — правого, и дало основание Луке единственному среди новозаветных евангелистов сконструировать этот эпизод.

Посмертная участь праведников в каноне описывается метафорами — брачный чертог, как в притче о пире у Матфея, «радость господина своего» в притче о талантах (Мф. 25: 21). В Первом послании к коринфянам апостола Павла сказано, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9)¹²⁷. В Откровении Иоанна описывается «великий город Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» — своего рода небесный Иерусалим, сошедший на землю, где осуществится Царство Божие. Он имеет 12 ворот (как 12 колен израилевых, 12 апостолов), описаны драгоценные камни и жемчуг, украшающие стены и ворота; характерно, что в городе нет храма, ибо Господь Бог — храм его, там нет ни солнца, ни луны, светильник его — Агнец (метафора для Иисуса). Там будут ходить спасенные народы, но никто из нечистых не войдет туда (Откр. 21: 10—27). Но это образно-символическое описание не рая для отдельных людей, а представления иудео-христиан о возрожденном Иерусалиме (Откровение было создано, по всей вероятности, после разгрома Иерусалима римлянами), объединившем народы уже по свершении Страшного суда. Но суд этот отодвигался в неопределенное будущее, и для массы христиан необходимо было конкретизировать представление о том, что

---

¹²⁷ Эти слова — перефразировка из Книги Исаии (65: 4): «Ибо от века не слышали и не внимали ухом и никакой глаз не видел другого Бога, который столько бы сделал для надеющихся на Него». Павел в соответствии с верой в грядущее Царство Божие переносит вознаграждение в будущее.

же ждет их, если они, будучи праведными, и попадут в рай. Во II в. возникают конкретные описания рая, как и ада; они дошли до нас в Апокалипсисе Петра. Там рассказывается о видении места, где находятся «праведные братья»¹²⁸: Господь показывает своим ученикам огромное пространство вне этого мира, сияющее сверхъярким светом; воздух там сверкал лучами солнца, сама земля цвела неувядаемыми цветами, была наполнена ароматами цветущих растений, приносящих неувядаемые плоды. Жители этих мест были одеты в одежды ангелов, и ангелы носились среди них. Такой же была и красота тех, кто там жил. Автор описывает вид святых, которые явились ученикам. Тела их были белее всякого снега и краснее розы, и красное у них было смешано с белым. Волосы были у них волнистые и блестящие... Праведники единым голосом славили Господа Бога. В этом апокрифе рай — не небесный Иерусалим, а сад, в описании которого соединились и ветхозаветный рассказ об Эдеме, и идея божественного Света, и языческие легенды об островах блаженных, где живут герои и мудрецы. Лукиан в «Правдивой истории» пародирует эти верования, описывая якобы со слов очевидца остров, где земля пестрит цветами и растут садовые деревья и виноград. Там бродят бестелесные тени. Но, в отличие от христианского рая, тени эти находятся в полусумеречном пространстве. Представления об аде и рае, сформировавшиеся в народном христианстве, вошли затем и в учение Церкви, хотя апокрифы, их описывающие, признаны не были. Но не только описание рая и ада занимало умы основной массы верующих.

Начиная со II в., и особенно интенсивно в III—IV вв., в Римской империи получает распространение особый жанр христианской литературы: сказания, посвященные персонажам евангельской истории, дополняющие и своеобразно излагающие те сведения о них, которые содержались в Новом Завете. В ранних евангелиях, не только вошедших впоследствии в канон, но и в иудео-христианских, основой вероучения было таинство чуда воскресения Христа, обещавшее искупление грехов и спасение во время скорого наступления конца этого

---

¹²⁸ Перевод см. в кн.: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. С. 215—216.

земного мира. Чудо воскресения было несоизмеримо даже с чудесами, совершенными по описанию евангелий самим Иисусом. Для верующих I в. это были прежде всего чудеса исцеления. В Деяниях апостолов в уста Петра вложены слова об Иисусе: «Он ходил, благоворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом; потому что Бог был с Ним» (Деян. 10: 38). Наставления об исцелении Иисус давал апостолам — согласно Евангелию Фомы из Наг-Хаммади: «Тех, которые среди них больны, лечите (15)». Но для новообращенных христиан разных национальностей и традиций, как это видно уже на примере Евангелия детства, необходима была вера во всепобеждающую мощь христианства, в возможность чудес, не меньших, чем это описывалось в языческой литературе. А в этой литературе — как отвлечение от трудностей жизни в огромной бюрократической империи, где личность рядового человека не играла роли, как иллюзорное преодоление беспомощности, описывались самые невероятные чудеса, совершенные реальными историческими лицами или вымышленными героями. Так, была распространена повесть об Александре Македонском, созданная в Египте, где Александр выступает как сын последнего египетского фараона Нектанеба; во время восточного похода он попадает в области, где живут великаны, людоеды, карлики; посещает он и место, где живут «блаженные». Это сочинение было настолько популярно, что его переводили на разные языки — латинский, сирийский. В первой половине II в. писатель Флегонт написал «Удивительные истории», где тоже действуют уроды, великаны, привидения. А в III в. Филостратом было создано «Жизнеописание Аполлония Тианского»¹²⁹, известного философа, жившего в первом веке и считавшегося чудотворцем; не исключено, что это произведение было создано под влиянием и в противовес христианской литературе, хотя связь Филострата с этой литературой вряд ли можно определять в терминах заимствования и зависимости.

Неудивительно, что на этом фоне создаются рассказы не только об Иисусе и Его матери, но и о Пилате, а также о де-

---

¹²⁹ Русский перевод см.: Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. Филострат изображает Аполлония как нравственный образец человека; он сравнивает философа с судьей, пророком и даже с самим Аполлоном (I, 17; III, 42).

ниях отдельных апостолов. Особенностью всей этой внеканонической литературы было сочетание описаний самых фантастических чудес (часто связанных с фольклорными традициями), превосходящих чудеса, описанные в Новом Завете, и поучений, вложенных в уста апостолов, а также тех, кого называют свидетелями Христовыми. Однако если внимательно вчитаться в содержание апокрифов, то можно увидеть, что — в отличие от большинства языческих сочинений сходного жанра — описания чудес и выступления героев сказаний решали, по существу, одну задачу — показать торжество христианской веры не в отдаленном будущем, а с самого момента проповеди Иисуса и апостолов. Для низов христиан чудо переставало быть великим таинством, оно могло произойти везде и со всеми. По сути, в подобных произведениях проявлялось то, что можно назвать компенсаторным или вторичным¹³⁰ мифотворчеством, когда желаемое воплощается в переосмысление (или даже переделывание) истории — сакральной и светской.

Как происходило такое мифотворчество, можно проследить прежде всего на описаниях деяний отдельных апостолов. Там обычно точно обозначено место действия, как правило, хорошо известное жителям империи; выведены действующие лица, реальные и мнимые, включая императоров и римских должностных лиц, чьи поступки обусловлены их отношением к христианству: они или уверовали сразу после проповеди и увиденных чудес, или были наказаны за преследования христиан (тоже немедленно).

Апокрифические деяния апостолов сохранились в разных версиях и на разных языках (греческом, сирийском, латинском), что показывает их популярность, хотя они и не были признаны Церковью. Распространенная сюжетная схема таких деяний: апостол приходит проповедовать христианство в какой-либо город; совершает самые разные чудеса, народ удивляется проповеди чужака, и массы начинают следовать за ним. Характерно, что чужеземное происхождение способствовало силе воздействия проповеди апостолов на народ: чужаков, с одной стороны, боялись, а с другой — верили в их могуще-

---

¹³⁰ О «вторичном» мифотворчестве, когда большую роль играет замена подлинных событий мифом, см. в кн.: Дьяконов И.М. Введение // Мифологии древнего мира. М., 1983. С. 31–32.

ство. Как отмечает крупный современный исследователь истории поздней античности Питер Браун, в то время, в особенности в восточных провинциях, именно чужак, которого считали существом сверхъестественным¹³¹, почитался как чудотворец, святой, поскольку он не был известен и не имел в этой местности семейных и общинных связей.

Во многих деяниях апостол побуждает толпу разрушить храмы и статуи богов (идолы) или сам по своему слову рушит их. Затем происходит противостояние с властями. Обычно в христианство обращается кто-то из домашних или приближенных правителя (проконсула, императора), прежде всего женщины (что отражало действительную роль женщин в первые века христианства). Правитель или тоже принимает новую веру или приказывает казнить апостола, за что затем терпит наказание. В некоторых деяниях действуют последовательно оба правителя — хороший и плохой, как, например, в «Мученичестве апостола Андрея», тексте, связанном с *Деяниями Андрея*; он был написан достаточно рано, вероятно на рубеже II—III вв. Действие происходит в городе Патры, резиденции проконсула провинции Ахайи. Проконсул по имени Лесбий уверовал вместе с народом, который бросился громить храмы, поджигать их, разламывать, уничтожать все, и Лесбий радовался вместе с ними. Но император отрешил его от должности за разрушение храмов и прислал другого проконсула, Эгеата, который приговорил Андрея к распятию. Жена Эгеата приняла христианство, ушла от него, а сам он «с угнетенной душой» бросился с большой высоты и разбился (перевод см. в Приложении). Вся ситуация с уничтожением храмов и статуй богов в I в., обращением в христианство правителя провинции совершенно нереальна; оба имени проконсулов вымышленные, эллинизированные, они образованы от названия местностей. Такие имена могли носить вольноотпущенники, но находиться им на ведущих должностях в империи того времени было совершенно невероятно, тем более что имена наместников и политических деятелей, равно как и история I в. хорошо известна, и она могла быть доступна тем, кто создавал апокрифы. Но авторов подобных деяний не интересовала историческая дос-

---

¹³¹ Brown P. *Society and the Holy*. Berkeley, 1989, p. 31.

товерность; место действия, подлинное название должностей составляли как бы раму для событий, которые не произошли, но должны были произойти. Ко II в. относятся *Деяния Павла и Феклы* (греч. — Теклы)¹³², написанные по образцу так называемого эллинистического романа, в котором обычно описывались злоключения разлученных влюбленных. Однако в «Деяниях Павла и Феклы» речь идет о любви духовной, христианской, но эмоционально столь же сильной, любви ученицы к своему наставнику. Фекла, молодая, прекрасная девушка, бросает свою семью и жениха, увлеченная проповедью Павла, становится христианкой, всеми силами защищает свою девственность¹³³, терпит всевозможные преследования, ее осуждают на казнь, от которой ее спасает чудо. Тертуллиан утверждал, что апокриф «Деяния Павла и Феклы» был написан неким пресвитером из Малой Азии, за что тот был отрешен от должности (De bapt. XIII), поскольку, по-видимому, описанная история, была переполнена чудесами, которых в то время еще не могли принять многие руководители верующих: достаточно сказать, что в одном из эпизодов ради поддержки Феклы во время грозящей ей смерти Иисус принимает облик Павла. Впрочем, решение местных христианских руководителей против автора не помешало популярности этого апокрифа.

При переписке и переводах апокрифов происходило редактирование и изменение текста, более поздние варианты усложнялись¹³⁴. Некоторые апокрифы были сразу созданы как писанные произведения: таковыми были уже упомянутые донесения Пилата Тиберию и Клавдию, подражавшие обязательным донесениям наместников императорам. Широкое распространение в империи грамотности и письменного общения приводит к созданию особого жанра письма, оказавшего влияние и на христиан. В сирийской версии *Деяний Адада* (Фаддея — имя одного из апостолов) был приведен текст письма Авгара, правителя восточной области Осроэна, Иисусу, на который Иисус

---

¹³² Этот апокриф в переводе С.С. Аверинцева см.: От Берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 128 и сл.

¹³³ В христианских рассказах о мученицах часто подчеркивается их девственность как высшее проявление преданности Христу.

¹³⁴ Общий обзор жанровых особенностей апокрифических деяний см.: Скоргов А.П. Апокрифические деяния апостолов. СПб., 2000.

дал устный ответ; однако у Евсевия Кесарийского в «Церковной истории» (I, 13) содержится даже письмо самого Иисуса Авгару.

Апокрифические сказания и деяния анонимны или подписаны псевдонимами... Но каков бы ни был жанр сказания — деяния апостола, донесение, письмо, небольшой рассказ, смысл, задачи и приемы повествования везде остаются, по существу одинаковыми.

Среди исследователей нет единства мнений об источниках подобной литературы. В описании чудес безусловно влияние фольклора, а также возможное влияние языческих описаний чудес. Однако если и можно говорить об известном сходстве между греко-римской и христианской литературой II—IV вв., то главным образом это касается некоторых сюжетных линий. Нельзя упускать из виду, что существенной особенностью, отличающей христианские писания от греко-римской литературы, была четкая миссионерская и апологетическая задача, а также стремление включить в увлекательный сюжет теологические и нравоучительные поучения.

В использовании в деяниях исторического и бытового фона можно наметить некоторую связь и с ветхозаветными традициями. Как отмечает И. Вейнберг, в Ветхом Завете существовал жанр сказки, которая повествует о нереальном событии, но в форме, призванной создать у слушателя-читателя впечатление достоверности рассказанного, поэтому в сказку включаются конкретные, нередко достоверные детали. Некоторые «исторические» новеллы Ветхого Завета, где действуют вымышленные лица, имеют определенную идеологическую направленность — в частности, история Эсфири и Мордехая (Мардохея в синодальном переводе), спасших иудейский народ от истребления, которое замыслил коварный Аман, приближенный персидского царя Артаксеркса. И сам сюжет и главные герои (кроме царя) — вымышлены, даже их имена, по видимому, не еврейские, а персидские или вавилонские. Эта новелла, оправдывающая деятельность иудеев при персидском дворе, связана с политическим положением Иудеи в составе Персидской монархии до завоеваний Александра Македонского; она отражала потребности как авторов, так и аудитории, а также исходила из основной пропагандируемой ценности —

бескорыстного служения своему народу в любых ситуациях¹³⁵. Оба эти жанра — и ветхозаветный, и языческий — могли повлиять на форму христианских писаний, однако задачи этих писаний и обращение с историей были в них иными, поскольку главные герои — апостолы были реальными людьми, действующими в нереальных ситуациях, и задачей деяний было не придание рассказу достоверности, а тенденциозная реконструкция (не просто вымысел) истории. Рассказанное в Книге Есфири не происходило в действительности, но теоретически могло произойти: персидскому царю служили реальные евреи, и роль цариц при дворе была достаточно велика. Описанное же в христианских апокрифах не только не происходило, но и не могло произойти.

В основе большинства апокрифических деяний лежала устная постканоническая традиция, призванная заполнить лакуны новозаветных писаний и прославить тех апостолов, которые особо почитались в данной местности. Интересно отметить, что в апокрифических деяниях своеобразной переработке подвергались новозаветные рассказы — это можно проследить, сравнивая рассказ о пребывании Павла и его спутников в Эфесе в канонических Деяниях апостолов и в апокрифических *Деяниях апостола Павла*. Новозаветные Деяния, написанные, по мнению большинства исследователей, автором третьего Евангелия, безусловно содержат преувеличения результатов проповедей апостолов и совершенных ими исцелений. Но в большинстве случаев в них достаточно реалистично передана ситуация, в которой действовали христианские проповедники: автор, спутник апостола Павла, писал для людей, которые многое видели собственными глазами. Для них единственным не сравнимым ни с чем чудом было воскресение Иисуса. Они верили в скорое Второе пришествие и собственное спасение даже без фантастических рассказов о разрушенных в одно мгновение храмах и ставших христианами наместниках. Достаточно вспомнить описание реакции афинян на проповедь Павла в Афинах (Деян. 17: 32), где за Павлом последовали

---

¹³⁵ См.: Weinberg J. The International Elite of the Achaemenid Empire; Reality and Fiction // Zeitschrift für die alttestamentische Wissenschaft, Bd. 111, 1999, S. 600–605.

только два человека, или конфликт с ремесленниками в Эфесе, которые собрались в театре и которых распустил один из управителей города, испугавшись реакции римских властей. Ситуация не просто достоверна, но типична: жители греческих полисов еще ощущали себя народом, который вправе выступать по любому поводу, а римляне стремились этот народ, который, по существу, становился толпой, подчинить жесткому порядку. Что же касается Павла, то в Деяниях апостолов говорится: сам он в собрании не был, хотя и хотел туда пойти, но его не пустили ученики и друзья.

Для христиан же поздней античности этот рассказ был недостаточно впечатляющ. Вот как пребывание апостола в Эфесе описано в апокрифических Деяниях Павла: к нему примкнуло множество народа, однако потом начался ропот — «Человек этот богов сокрушает и говорит: еще узрите вы, как сгорят они все в огне». Толпа схватила Павла и потащила его в театр, где перед ними явился не городской чиновник, а сам проконсул. Павел, как это было принято в подобных сочинениях, произносит проповедь, а проконсул предлагает толпе решить его участь (скрытая параллель с описанием в канонических Евангелиях действий Пилата по отношению к Иисусу). Собравшиеся требуют отдать его зверям, и наместник приказывает бичевать Павла и бросить на арену амфитеатра на растерзание зверям. Но так как на самом деле Павел после Эфеса остался жив (прочная традиция связывала его гибель с преследованиями Нерона), то на арене происходит нечто совершенно фантастическое. Согласно рассказу апокрифа о событиях, предшествующих пребыванию Павла в Эфесе, апостол встретил огромного льва, который припал к ногам Павла и человеческим голосом попросил окрестить его, что Павел и сделал. После крещения лев ушел в пустыню. Именно этот лев оказался на арене, заговорил с апостолом и, конечно, не тронул Павла.

Общего с каноническим повествованием в этом апокрифе только место действия — Эфес и толпа в театре. Однако в конструировании апокрифического рассказа была своя внутренняя логика — замена грамматевса на наместника провинции не только усиливала значимость происходящего, но и придавала для современников элемент достоверности, так как приговорить

к смертной казни городской магистрат не имел права. Впрочем, вряд ли это мог сделать и проконсул в I в. по отношению к римскому гражданину — Павлу (недаром его из Палестины отправили в Рим для судебного разбирательства). Но в 212 г. все свободные жители империи получили права римского гражданства и ко времени составления Деяний Павла забыли о правовых нормах, действовавших в начале нашей эры. Они переносили практику своего времени на прошлое: один из типичных приемов так называемой «модернизации», возможно, неосознанной; этот прием помогает конструировать якобы подлинную историю.

Интересно отметить, что рассказ о выступлении Павла на арене имеет своеобразное основание в писаниях Нового завета. Дело в том, что в I Послании к коринфянам (15: 32) Павел упоминает, что он боролся со зверями в Эфесе. Выражение «звери» в традиционной полемической риторике того времени употреблялось по отношению к оппонентам¹³⁶. Поскольку аналогичное выражение применяет Игнатий в I в. в Послании к римлянам (5: 1), говоря о своих стражах, не исключено, что Павла также могли схватить, и он называет зверьми тех, кто это сделал, хотя никаких прямых данных о его аресте в Эфесе нет. Во всяком случае, и согласно Деяниям апостолов, и его собственным Посланиям, Павел спокойно отправился из Эфеса в Македонию. Но употребленное им выражение пробудило народную фантазию, тем более что во время гонений христиан III в. действительно бросали на растерзание львам, чего не засвидетельствовано в провинциях I в. и никак не могло быть применено к римскому гражданину. Римских граждан в провинциях того времени было не так много, дарование прав гражданства их жителям происходило индивидуально, особыми постановлениями (Павел, уроженец малоазийского города Тарса, возможно, был гражданином потому, что он и его семья делали палатки для армии). Создатели же апокрифических Деяний

---

¹³⁶ Так, по свидетельству Плиния Младшего, Эхин назвал своего противника Демосфена (Речи II, 3, 10). Метафорически воспринимают это выражение и современные комментаторы Посланий Павла (Brown R.E.. An Introduction to the New Testament... P. 495; J.R. Bartlett. The Bible. Faith and Evidence. British Museum Press, 1994. P. 221), но кого имел в виду Павел под словом «звери», остается для нас загадкой.

ввели по принципу заполнения лакун новый эпизод, драматический и чудесный и в то же время как бы достоверный, опирающийся на слова самого Павла. Характерно появление в этих деяниях говорящего и даже принявшего христианство льва. Этот эпизод должен был возвеличить почитаемого апостола и усилить воздействие рассказа на новообращенных язычников, воспитанных на сказках и легендах.

В апокрифических Деяниях апостолы одерживают фантастические победы не только над иудеями и язычниками, но и над противостоящими им носителями ложных учений. Так, в апокрифических рассказах о Петре фантастическим содержанием оказалась наполнена история борьбы христиан ортодоксального направления с уже упомянутым Симоном Магом. Массе христиан теологической полемики для победы было недостаточно, да и вряд ли она была всем понятна. В различных легендах, восходящих ко второму веку, отраженных в псевдо-Клементинах (произведении, приписываемом главе римских христиан I в. Клименту и созданном во II в.) повествуется о противостоянии Петра и Симона в палестинской Кесарии и Риме. В столице Петр своими чудесами побеждает Симона — воскрешает сенатора, чего Симон не смог сделать; Мага же, поднятого демонами в воздух, апостол словом сбрасывает на землю. Эти рассказы были широко распространены уже во II в., а затем дополнялись все новыми и новыми эпизодами, уже никак не связанными даже с квазиисторией. Например, в них действуют говорящие животные — свирепый пес, который вместо нападения на Петра обличает Симона: говорящие животные, творящие волю Божию, отражают не только сказочные традиции, но и связываются с представлением о том преображенном мире, который был описан еще Папием на основании устных рассказов: все живое подчиняется Богу — и животные, даже дикие, будут служить праведникам.

В относительно ранних апостольских легендах, таких как упомянутое Мученичество апостола Андрея, Деяния Павла и Феклы, Деяния Варнавы (пожалуй, самое реалистическое из всех деяний), апостолы противостоят местным властям; в рассказе об Андрее поверившего в него проконсула император смещает именно за поддержку христиан и разрушение храмов.

Но в деяниях и сказаниях, созданных в III в., и особенно в записанных и переработанных после признания Константином христианства, так называемые исторические эпизоды связаны прежде всего с отношением их главных героев с императорами — Тиберием, Клавдием, Нероном — современниками Иисуса и апостолов. Эти императоры, а также их близкие или приближенные, как правило, внимали христианским проповедям. Характерно, что создание квазиреальных эпизодов имело под собой некоторую основу, о которой могли помнить, читать или слышать верующие в условиях широко распространенной грамотности среди населения империи и публичных выступлений языческих ораторов. Как происходили переосмысление и переработка подлинных событий в апокрифических сказаниях, можно проследить на нескольких примерах.

Светоний в биографии Тиберия (Тиберий, 36) сообщает, что император запретил чужеземные священные действия, в особенности иудейские и египетские; молодых иудеев под предлогом военной службы разослал в провинции с тяжелым климатом (впрочем, это не слишком помогло, уже при последующих императорах почитатели и тех, и других культов снова оказались в Риме). В одном из сказаний о конце Пилата, составленном на греческом языке¹³⁷, вероятно, в конце III в., Пилат предстает перед императором Тиберием, который обвиняет его в смерти Иисуса, но Пилат всю вину возводит на иудеев («Я сделал это из-за мятежа и беззакония иудеев», — говорит он). Тогда Тиберий отдает приказ наместнику восточных провинций в наказание за совершенное жителями Иерусалима и окрестных городов преступление изгнать иудейский народ из Палестины и отправить «в рассеяние по всем народам, чтобы они рабствовали у них». В этом эпизоде отражена явная антииудейская направленность, прослеживаемая в ряде христианских произведений этого времени, а изгнание иудеев из Рима при Тиберии превращено в общеимперский акт. Применено здесь и своеобразное дублирование, отнесение более поздних событий к более раннему времени: то, что происходило после разгрома восставших во время Первой иудейской войны, ког-

---

¹³⁷ Этот апокриф приведен в кн.: Апокрифические сказания об Иисусе, Святом семействе и свидетелях Христовых... М., 1999. С. 126–29.

да взявший Иерусалим в 70 г. Тит массу пленных иудеев превратил в рабов, а жестокие меры императора Адриана после подавления движения Бар-Кохбы оказались в апокрифе деянием императора Тиберия, правившего значительно раньше. Но ни Тит, ни тем более Адриан не могли быть современниками Иисуса и Пилата, поэтому стремление народных масс верить в мгновенное торжество христианства вопреки исторической правде вызвало к жизни подобные временны е несоответствия.

Появление Пилата при дворе Тиберия, последующая его казнь и раскаяние перед казнью, о чем говорится в этом апокрифе, — разумеется, вымысел. Причем мы видим здесь не только противоречие с действительными событиями (Пилат был отстранен от должности императором Калигулой в 37 г. из-за жалоб иудеев, обвинявших его в жестокости), но и с распространенной христианской традицией, ведь среди христиан имело хождение подложное донесение Пилата императору Клавдию о казни Иисуса. Составители апокрифа о Пилате и Тиберии или не знали, или игнорировали эту версию, согласно которой Пилат был жив при Клавдии, правившем после Тиберия и Калигулы. Но для многих христиан было важно, что возмездие настигло Пилата сразу же после распятия Иисуса¹³⁸.

Похожее обращение с историческими фактами можно увидеть и в отношении императора Клавдия в сирийском *Учении Аддая* (Фаддея) *апостола*¹³⁹. Этот апокриф, претерпевший изменения и дополнения на протяжении веков, был записан, вероятно, на рубеже IV — V вв., но легенды о христианизации сирийской области Осроэна восходят к более раннему времени. Клавдий в этом произведении назван соправителем Тиберия, при этом к нему применяется титул кесарь — греческая форма слова Цезарь, хотя на самом деле между Тиберием и им правил еще и Калигула. Для того чтобы ввести в действие Клавдия как главного правителя, составители апокрифа отправляют Тиберия в Испанию на подавление вспыхнувшего там

---

¹³⁸ Существует и другая версия (на латинском языке) конца Пилата: узнав, что император приговорил его к смерти, Пилат кончает жизнь самоубийством (Апокрифические сказания... С. 121 — 124).

¹³⁹ Апокрифы, связанные с Аддаем (Фаддеем), переведены и подробно прокомментированы в книге: Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. М., 1999.

восстания. Восстание действительно имело место, но нет никаких сведений (Тацит и Светоний подробно рассказывают о действиях Тиберия), что император сам подавлял его: это было бы необычно для правления Юлиев — Клавдиев. Такое совмещение двух императоров в одних хронологических рамках не было просто литературным приемом, литературной условностью, как называет это Е.Н. Мещерская¹⁴⁰. Это совмещение позволяло сделать Клавдия современником героя повествования апостола Аддая, действовавшего в Осроэне от имени Иисуса. Жена Клавдия Протоника приняла христианство, совершила путешествие к христианским святыням в Палестине, тем самым как бы предшествуя всему тому, что было связано в христианских рассказах с деятельностью матери Константина Еленой — происходило дублирование и перенесение в более раннее время не только событий, но и легенд. Само имя несуществовавшей жены Клавдия символично — скорее всего, оно значит «Первая победа» — первая победа христианства в императорской семье. Протоника стала свидетельницей чудес и, вернувшись, поведала обо всем Клавдию, в том числе и о неверии иудеев. Тогда Клавдий приказал изгнать иудеев из Италии. Таким образом, Клавдий предстает защитником христиан против иудеев.

Изгнание иудеев из Рима действительно имело место — о нем пишет Светоний в биографии Клавдия (25, 4) — «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима». Вероятно, изгнание было вызвано конфликтами между правоверными иудеями и христианами, оказавшимися в Риме. Об изгнании иудеев Клавдием говорится и в Деяниях апостолов — среди них были переехавшие в Коринф христиане Акила и Прискилла, помогавшие Павлу и даже наставлявшие в вероучении других (Деян. 18: 2, 26). Никакого желания защитить христиан в приказе Клавдия нет; по-видимому, пострадали и иудеи, и иудео-христиане. Это тем более вероятно, что Клавдий во время антииудейских выступлений в Александрии издал эдикт, защищавший права живших там иудеев. В данном случае в христианском апокрифе как бы происходит своего рода перевертыш — меняется мотив действий Клавдия, который стано-

---

¹⁴⁰ Там же. С. 124.

вится защитником христиан и действие его постановления распространяется на всю Италию.

При описании мотивов поступков владык империи наибольшую сложность представляла фигура Нерона, чьи гонения на христиан надолго остались в их памяти; с этими гонениями связаны легенды о гибели Петра и Павла. Но их гибель не могла означать для христиан более поздних поколений хотя бы временного поражения христианства. В латинских Деяниях Павла и в примыкающем к ним Мученичестве апостола Павла (III в.)¹⁴¹ рассказывается, что после его проповеди верующими во Христа становятся приближенные Нерона (в частности, его виночерпий), а затем и стражники, ведущие Павла на казнь. Перед своей гибелью Павел встречается с Нероном, произносит перед ним проповеди. Но Нерон, по наущению дьявола, приказывает казнить апостола и множество христиан. Здесь можно обратить внимание на введение в сюжет «внешнего врага» — дьявола, который постепенно становится, в представлении христиан, источником зла, влияющим и на антихристианские действия правителей (характерно, что в более раннем «Мученичестве апостола Андрея» проконсул Эгеат выступает против апостола по собственной инициативе и несет за это наказание). Но если Нерон преследует христиан, то весь народ Рима якобы активно выступает против императора, врываясь во дворец и требуя прекратить гонения. Трудно себе представить, чтобы в реальности преторианцы Нерона, пока еще верные ему, подпустили толпу даже близко ко дворцу; вряд ли такое вообще могло когда-либо случиться. Однако христиане хотели верить в торжество новой религии даже во времена правления одного из самых жестоких римских императоров. Казнь Павла свершилась, но воины, совершавшие казнь, уверовали. А апостол сразу же воскресает и является во дворец Нерона. Потрясенный император приказывает выпустить из темницы своих приближенных, принявших христианство, и издает эдикт о прекращении гонений на христиан — т.е. даже Нерон признает силу этой религии.

Разумеется, после официального признания христианства Константином христианам, прежде всего их руководителям и

---

¹⁴¹ Перевод и подробный разбор этих деяний содержится в книге: Скоговрев А.П. Апокрифические деяния апостолов. СПб., 2000.

идеологам было важно показать, что империя и христианство не противоречат друг другу, что императоры с самого начала поддерживали верующих и наказывали их врагов. Однако чисто политические мотивы кажутся недостаточно объясняющими изображение сочувствия христианству со стороны императоров I в., тем более, что ряд оригиналов апокрифических сказаний, по-видимому, были созданы до (а некоторые и задолго) официального утверждения христианства в империи. Да и сама фантастическая ситуация, в которой происходит «обращение» императоров, указывает на ее происхождение в низах христианского населения под влиянием устных рассказов, фольклора. Все эти легенды становились частью сакральной «истории» торжествующего христианства с самого начала его возникновения, наполненной такими чудесами, какие вряд ли могли представить себе авторы писаний Нового Завета.

Произвольное введение второстепенных исторических лиц в вымышленные события и в другое время действия характерно не только для собственно рассказов об императорах, но и для жанра в целом. В начале Учения Аддая апостола упомянут наместник Сирии, Финикии, Палестины Сабин, сын Евстрагия (невероятное сочетание имени-отчества для римского наместника). Такой наместник не засвидетельствован нигде, но Иосиф Флавий упоминает Сабина, прокуратора Иудеи в 4 г. до н.э. Возможно, составители апокрифа воспользовались этим именем, так как он мог запомниться на Востоке. При нем в Иудее вспыхнуло мощное восстание, Сабин с военным отрядом подвергся длительной осаде; восстание это было жестоко подавлено наместником Сирии Варом (Иудейские древности, XVII, 10). Использование имени Сабина, хоть и превращенного из прокуратора в проконсула, создавало для легенды определенный исторический фон. В апокрифы могли вводиться и лица, чьим прообразом служили реальные люди, но, как и апостолы, поставленные в фантастические обстоятельства. Так, в «Мученичестве апостола Павла» действует христианка, «знатнейшая римская матрона» Плавтилла, которая присутствует при казни апостола, отдает ему свой плат, а после казни чудесным образом получает его обратно. На самом же деле эта женщина — упоминаемая Тацитом Помпония Грецина — была женой Алла Плавтия (отсюда Плавтилла — такие формы жен-

ских имен, образованных от имен отца или мужа, встречались в Римской империи). Тацит в *Анналах* (XIII, 32) пишет, что ее обвинили в приверженности к чужеземным культам, но, по обычаю, в случае такого обвинения ее судил муж, и он оправдал ее. Чужеземный культ не обязательно был христианским (Тацит уже знал о существовании этой религии в связи с гонениями Нерона), но предание сначала сделало ее христианкой (что было возможно), а затем в народных преданиях она оказалась сподвижницей апостола Павла и свидетельницей чудес, с ним связанных.

Итак, даже на приведенных примерах можно проследить, в каком направлении в христианской среде шло переосмысление и дальнейшая мифологизация политической и даже священной истории. Первоначальная устная традиция постепенно заполняла лакуны этой истории, прибавляя новые подробности применительно к потребностям верующих. Рассказчики, вероятно, искренне верили в то, что говорили, припоминая одни события и искажая другие, дополняя повествование своей собственной фантазией. Легенды, обрастая красочными подробностями, передавались слушателями и читателями дальше.

Дальнейшая обработка материала сказаний происходила при их записи, и в процессе создания новых, когда подчеркивалось (а может быть и добавлялось) то, что отвечало замыслу и тенденции редактора и автора. Эти рассказы оказались настолько популярны, что вышли за пределы «низовой литературы». О Симоне Маге и говорящей собаке в III в. пишет поэт Комодиан, в трактате же христианского писателя Арнобия в рассказ о борьбе Петра с Симоном Магом введена дополнительная фантастическая подробность: Симон поднимается вверх на огненной колеснице и по слову Петра вместе с ней низвергается с небес (*Didascalia apostolorum*, XXIV). Уже упоминалось, что Евсевий признал подлинным послание Иисуса, написанное в Иерусалиме — вопреки исторической достоверности и подробным рассказам канонических Евангелий о событиях, связанных с пребыванием Иисуса в этом городе. Интересно отметить, что Евсевий перевел это послание, как и письмо Авгара Иисусу, с сирийского, обнаружив их, как он сам пишет, в архивах. Несмотря на то что в апокрифе *Учение Аддая* Иисус дает устный ответ, что больше соответствовало традиции, было

создано письмо и даже помещено в какой-то архив. Таким образом, дополнения канона уже становятся не просто апокрифами, но постепенно начинают входить в «священное предание» — если не для церковных соборов, то для основной массы верующих. Более сложной оказалась для Евсевия, который все-таки назвал свое произведение «Историей», ситуация с императорами-покровителями христианства. В связи с рассказом о донесении Пилата Тиберию и реакцией императора на него историк Церкви, современник Константина, прославлявший последнего за признание христианства, должен был объяснить, почему Тиберий сам не принял христианства и не распространил новую веру по империи. Евсевий доверял популярному преданию, но был достаточно знаком с традициями античной логики, чтобы не осознать подобного противоречия. И он выдвинул свою версию (Церковная история, II, 2): Тиберий сообщил Сенату о донесении Пилата и предложил признать нового Бога — Иисуса. Но Сенат отверг это предложение под тем предлогом, что он не занимался предварительным его рассмотрением, ибо по «издревле укоренившемуся закону никто не мог быть признанным у римлян богом иначе как по согласованию и декрету Сената». Невозможно представить себе, чтобы Сенат в правление Тиберия решился хоть в чем-нибудь противоречить императору, проводившему массовые преследования по закону «об оскорблении величия» и насаждавшему культ Августа. Впрочем, для историков-христиан это не имело значения, хотя не только сирийские, но и римские архивы в IV в. могли быть в их распоряжении, не говоря уж о произведениях языческих историков. Игнорирование реальных событий Евсевием тем более показательно, что данное им объяснение имело некоторое основание в древних римских традициях: еще во времена республики существовала особая коллегия децимвиров, надзиравшая за религиозными делами. Сенат мог запретить (также во времена республики) отправление каких-либо культов, но в период империи это делал император, хотя и безуспешно: почитатели Иисуса и иудаисты существовали в Риме и после решения Тиберия о высылке их из Рима. Население столицы, не говоря уже обо всей империи, было настолько этнически пестрым, что уследить за множеством культов было практически невозможно. Введение новых культов было

также делом императора, хотя и достаточно редким: так, Адриан приказал обожесть своего погибшего любимца Антина, но, по-видимому, широкого распространения этот культ не получил. Единственным общегосударственным культом был культ императора, который продолжал существовать и при Константине.

Объяснение Евсевия показывает тот процесс переработки исторических событий (со своеобразной опорой на выборочные реальные факты), который, начавшись на низовом уровне, перешел в творчество и образованных христиан. Разумеется, конструирование исторических событий на основе сказаний и легенд было свойственно античному историописанию, но это прежде всего касалось древнейших дописьменных периодов, как это можно видеть у Ливия в рассказах о правлении первых царей. На рубеже эр в Риме сложилась рационалистическая историография (а в Греции еще раньше), опиравшаяся на множество сочинений писателей и письменных документов, как архивных так и выбитых на выставленных на показ надписях на камне. Зачастую историки тенденциозно интерпретировали сообщения источников, но редко домысливали их. У некоторых римских историков можно встретить легенды о чудесах и предсказаниях. Однако эти легенды, как правило, связаны с политической ситуацией и не меняют реальных событий, а как бы придают им дополнительный авторитет и развлекают читателей. Так, Светоний в биографии Августа со ссылкой на произведение египетского писателя Асклепиада «Рассуждение о богах» рассказывает легенду о том, что мать Августа, переночевав в храме Аполлона, зачала сына от бога, явившегося к ней в виде змея (94, 4). Однако эта легенда никак не повлияла на изложение Светонием основных эпизодов деятельности императора, достоверность чего может быть проверена параллельными источниками. Она приведена в последних главах биографии Августа, и вряд ли сам историк верил в нее (недаром он указал источник, откуда взял эту легенду).

Апокрифы и основанные на них утверждения таких христианских писателей, как Евсевий, принципиально отличались от сочинений Тацита или Светония. Они не подкрепляли политическую установку, их не интересовала действительность;

они создавали собственную «сакральную историю» Постепенно подобные рассказы стали восприниматься как непреложные факты: так, в конце IV в. Иоанн Златоуст в «Беседе на Второе послание к Тимофею» передает как свершившийся факт свидание Павла с Нероном и обращение апостолом в христианство виночерпия императора.

Характерно, что образы правителей, принявших христианство, появляются и в апокрифах, сюжетно не связанных с римскими императорами. Одно из ранних подобных преданий (II—III вв.) связано с образом реального правителя Осроэны Авгара, который действует в Учении Аддая и принимает христианство непосредственно после переданных ему слов (письма) Иисуса. В других рассказах правители становятся христианами уже после того, как по их приказанию казнили апостолов: они не терпят наказания, как Эгеат в Мученичестве апостола Андрея, а под влиянием чуда, явления воскресшего мученика раскаиваются и просят окрестить их. В Деяниях апостола Фомы индийский царь Масдай (имя вымышленное) становится христианином уже после гибели апостола, когда прах, взятый из могилы Фомы, совершил чудо: излечил его сына, одержимого демоном. А в греческих *Деяниях апостола Матфея* царь страны людоедов (!), преследовавший апостола по наущению демона (см. Приложение), увидел, как погибший Матфей стоял на воде, его с двух сторон поддерживали два светлых юноши, море вдруг стало прозрачным и из него поднялся крест. Тогда царь бросился к епископам, умоляя простить его и дать ему возможность принять христианство. Явившийся царю апостол велел взять ему свое имя — Матфей. Затем царь издал указ об уничтожении всех идолов, а в конце жизни даже стал епископом. Этот апокриф уже выходит за рамки не только истории, но и квазиистории. Если о пребывании Фомы в Индии существовала стойкая христианская традиция, то о Матфее (или преемнике Иуды-предателя Матфии¹⁴²) никакой вне этих деяний давней традиции не было. Поэтому народная фантазия отправила его в сказочную страну, заимствовав и

---

¹⁴² В так называемом декрете папы Геласия (текст окончательно оформлен в VI веке), где перечислены апокрифические книги, не принимаемые Церковью, упомянуты *Деяния Матфии* (Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов... Приложение).

расцветив чудеса из других сказаний. То, что казалось христианам своего рода излишеством в Деяниях Павла и Феклы, постепенно становилось нормой.

Подобные рассказы создавались на протяжении поздней античности: при этом преследования христиан царями объяснялись не их внутренними побуждениями, а влиянием на них злых сил. В апокрифах проповедникам христианства уже никто не мог противостоять. Кроме того, столь обязательное обращение правителей в христианство или покровительство ему, когда речь шла об императорах I в., представляется показателем того, что среди народных масс, давно превратившихся из граждан в подданных, складывалась своего рода «цезаристская» идеология: в их представлении, сначала императоры, а потом любой владыка в конце концов должен был стать не просто христианином, но защитником веры.

Переосмысление и «изменение» истории в массовой апокрифической литературе прошли на протяжении первых веков существования новой религии длительный путь. В поздних сказаниях уже нет опоры на какие-либо действительные или хотя бы правдоподобные события, в том числе и на события, описанные в почитаемых священных книгах Нового Завета. Вера в учение Иисуса Христа — и вера в говорящих животных существовали параллельно, не пересекаясь в сознании массы верующих. Неудивительно, что церковные руководители отвергли все подобные писания. Даже некоторые части «Церковной истории» Евсевия Кесарийского не были признаны¹⁴³. Но популярность апокрифических деяний — как показывают многочисленные средневековые рукописи — не убывала со временем. И, не признавая апокрифические деяния в целом источниками веры, отдельные эпизоды из них, как показывают примеры христианских писателей и проповедников, вошли и в их сочинения. История, по существу, стала мифом о мгновенных обращениях народа и правителей в христианство и явлении непрерывных, самых невероятных чудес — чем более фантастических, тем более действующих на воображение верующих.

---

¹⁴³ Об этом подробно сказано в 4-й главе декрета папы Геласия.

Глава 11

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Для первых христиан было характерно резко отрицательное отношение к античной культуре, прежде всего к древним верованиям и изобразительному искусству. В Откровении Иоанна идолопоклонникам была уготована страшная участь: «...Кто поклоняется зверю и образу его... тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем» (14: 9–10).

Критика античного мировосприятия шла параллельно с утверждением собственно христианской культуры — первоначально в культуре слова. Причем можно выделить низовую, с которой мы познакомились на примере апокрифических деяний апостолов, и культуру, создаваемую элитарным образованным слоем христиан. Христианские писатели II—III вв. создали особый жанр апологий (с греч. — защитительное слово), целью которых не столько защита нового вероучения, сколько — по словам их авторов — просвещение язычников. Жанр этот создавался под влиянием античных речей и диалогов; по своему содержанию апологии скорее представляли собой религиозно-философские трактаты. Большинство апологетов вышли из античных философских школ. Юстин увлекался философией Платона; Климент Александрийский получил образование в древнем центре античной культуры; Тертуллиан закончил школу риторики в Карфагене. При этом они выступали против рационализма, возможности логического познания. Для Тертуллиана высшей ступенью знания была вера. Апологеты утверждали, что истину нельзя постичь ни путем размышлений, ни путем споров (хотя в реальности разные группы христиан ожесточенно спорили друг с другом). Такой подход, как

и вера основной массы христиан в реальность чуда, приводила к тому, что критика со стороны языческих противников христианства не давала результата, она была основана на логическом анализе, которому христиане противопоставляли веру и откровение. Апологеты выступали против этики античного мира; они формулировали христианское понимание гуманности и сочувствия ко всем людям, а не только к близким. Идея христианского милосердия означала помощь всем страждущим независимо от причин страдания. Милосердие это было направлено на конкретного человека, и в этом отношении христианская благотворительность отличалась от коллективных раздач со стороны местной или верховной власти, общественных пиршеств и зрелищ, которых требовала римская толпа («хлеба и зрелищ!»). Разумеется, нормативная мораль, провозглашенная в Нагорной проповеди и призывающая платить добром за зло, была трудновыполнима и, как показывают произведения «низовой» литературы, не соответствовала социальной психологии масс, но и рядовые христиане верили, что возмездие есть дело Бога. Сам максималистский характер нравственных требований христиан резко выделял их учение из всех языческих религиозных и философских систем, делал христиан в глазах многих окружающих людей провозвестниками действительно нового мира.

В раннем христианстве этика противопоставлялась эстетике, духовная красота — красоте внешней. Античный человек часто был безжалостен к уродству, ибо его идеалом было соответствие внешнего и внутреннего облика, в то время как христиане адресовали свою проповедь всем обездоленным, в том числе убогим калекам. Юстин писал, что облик Иисуса был лишен красоты, чести и славы, а Климент Александрийский — что Иисус блистал не красотой плоти, а истинной красотой души и тела: первая проявлялась в благих делах, вторая — в бессмертии плоти¹⁴⁴. Страстным противником изображений был и Тертуллиан. Христианские апологеты выступали против ан-

---

¹⁴⁴ Эстетика Отцов церкви охарактеризована в книге: Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981. О становлении и развитии христианского изобразительного искусства см. также: Бернштейн Б. Дар Христа царю Авгару. К спорам об изображении в средневековой христианской мысли и практике // Искусствознание, № 1, 2002.

тичного эстетизма — сочетания натуралистического воспроизведения изображаемого и стремления к внешней «красивости». Первые христиане не могли и помыслить изобразить Бога — это было запрещено в иудаизме и могло восприниматься как идолопоклонство. Христианские философы-богословы давали обоснование отказу от изображений уже в рамках христианского мировоззрения. Климент Александрийский учил, что поклоняться существу бестелесному (имеется в виду Бог), доступному лишь духовному зрению, изображая Его в телесных формах, значит только унижать Его; для Климента изображение — всего лишь прах, как он писал в своем сочинении «Увещевание язычникам». Осуждение изображений не только Божества, но и почитаемых святых встречается и в некоторых апокрифах. Так, в апокрифических *Деяниях Иоанна* описывается эпизод, когда обращенный Иоанном Ликомед из Эфеса в благодарность апостолу и для сохранения памяти о нем тайно от Иоанна заказывает художнику написать его портрет: Ликомед спрятал художника в комнате, откуда можно было видеть апостола. Когда портрет был готов, почитатель Иоанна показал его апостолу. Но тот не сразу узнал себя, как сказано в апокрифе, он никогда не видел своего отражения (деталь, показывающая, что апостол не придавал значения своей внешности), а когда Иоанна подвели к зеркалу и тот понял, что изображен именно он, апостол огорчился и произнес целую проповедь о том, что живописец изобразил лишь внешний вид, который могут увидеть все. «Будь лучше ты моим живописцем, Ликомед: ты имеешь те краски, которые через меня дал тебе Иисус, изобразивший нас всех с тобой... И есть краски, которыми я велю тебе пользоваться: вера в Бога, знание, благоговение, кротость, простота, братолюбие, чистота...». Кончается проповедь Иоанна жесткими словами: «Ты изобразил мертвый образ мертвого» (26–29). Автор этих *Деяний* отрицал возможность портретных изображений человека, поскольку для него имела значение только духовная сущность человека и духовная связь между святым и его почитателями.

Однако установка только на духовное зрение не могла быть близка основной массе христиан, живших в окружении зримых и звучащих образов античной культуры. Первоначально для них главным способом общения с Богом была молитва (правда, гно-

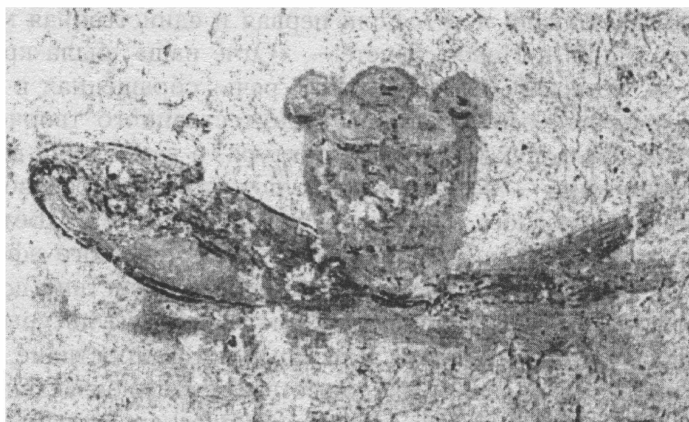
стики не признавали и ее). Если первая и единственная молитва, приведенная в Новом Завете — «Отче наш», была краткой и простой, то со временем молитва, речь, обращенная к Богу, становилась уже особым видом художественного творчества. Чтение молитв вслух, сама их структура, а затем сила воздействия песнопений — все это было художественной основой для создания религиозного настроения во время молебствий. Без эстетического переживания не было бы эмоционального эффекта молитвы. Рано или поздно и визуальное воздействие должно было найти свое место в системе христианской культуры.

Города Римской империи, в которых жили христиане, были украшены разнообразными художественными произведениями: можно было видеть статуи божеств, императоров, выдающихся людей на площадях, триумфальные арки, украшенные рельефами в столице и крупных городах провинций. Вдоль улиц были поставлены разнообразные статуи мифологических персонажей, как правило, на пожертвования частных лиц. Не только общественные места, но и частные дома были наполнены произведениями искусства — стены, как это можно видеть в домах в Помпеях, были украшены фресками самого различного содержания, включая портреты владельцев дома, мозаиками. Даже жители деревень привыкли видеть произведения искусства в своих небольших святилищах, на рельефах над посвянительными надписями, на надгробиях. Изображения были различного содержания и качества¹⁴⁵. Могли быть представлены божества, их символы (например, орел — священная птица Зевса, львы — животные, связанные с культом Кибелы — Матери богов). На надгробиях иногда изображались умершие, часто очень примитивно: работали местные, не слишком искусные резчики по камню, но потребность сохранять изображения была столь велика, что небогатые жители деревень соглашались даже на такие надгробия.

Можно предположить, что первыми христианскими изображениями были символы. Христианская символика складывалась постепенно; естественно, что христиане многое черпали из окружающего их мира — это происходило и в литературных па-

---

¹⁴⁵ Надгробия малоазийских деревень охарактеризованы в книге: Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I—III вв. М., 1977, главы 3, 4.

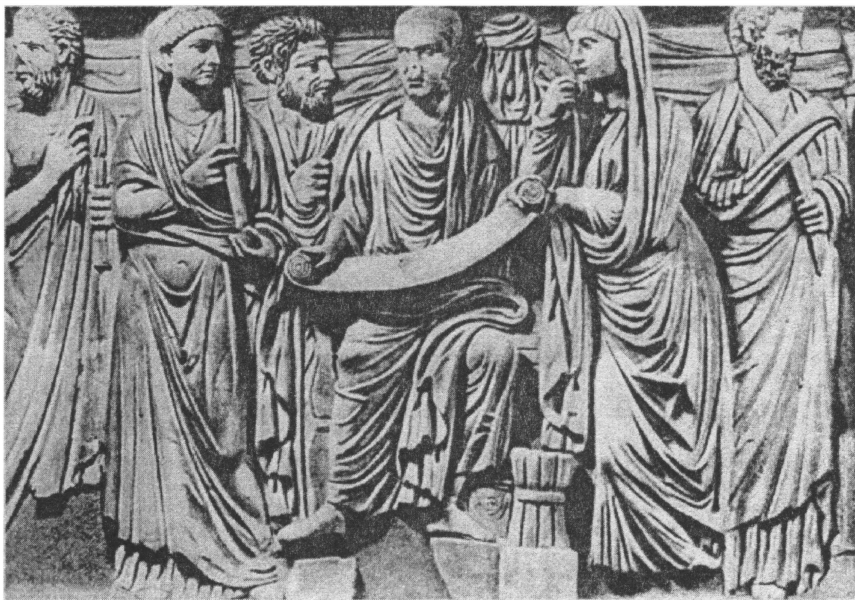
Рыба и корзина с хлебами. Роспись в римских катакомбах

мятников, и на уровне повседневной жизни. Если судить по надгробиям и росписям в катакомбах, христиане могли использовать языческие символы, переосмысливая их. До официального признания христианства почитатели Иисуса, не всегда решаясь открыто объявлять себя христианами (исключение составляли только монтанисты, ожидавшие скорого конца света и открыто писавшие на надгробиях своих собратьев — «христиане»), использовали тот тип языческих надгробий, который не противоречил их представлениям, и по-своему объясняли входившие в них изображения. Часто изображались виноград и виноградная лоза, что входило и в языческий культ бога Диониса: вино имело сложную символику, олицетворяло оно и кровь Христову, и было символом вечной жизни (в Евангелии от Иоанна рассказывается о чуде в Кане — претворении воды в вино — символ крови Христовой); рыба символизировала душу, «уловленную Христом», а также самого Христа: буквы, входящие в греческое слово *ихтис* (рыба), расшифровывались как «Иисус Христос Божий Сын Спаситель»; голубь воспринимался символом Святого Духа. Крест как главный символ появился сравнительно поздно — в IV в., но на малоазийских надгробиях христиане, чтобы как-то отделить себя от язычников и в то же время не заявить о себе открыто, писали в конце надписи в традиционной формуле «памяти ради» (*мнемес харин*) букву X в

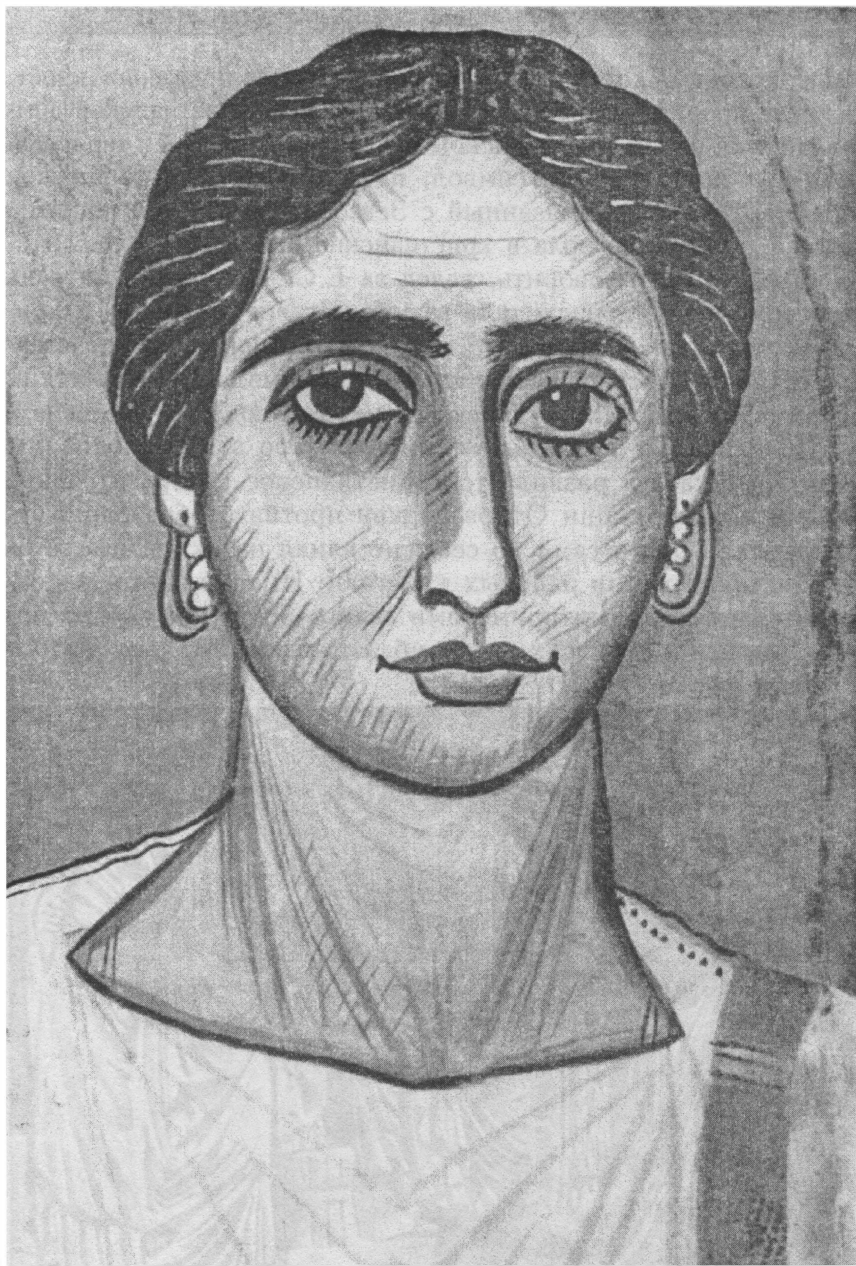
виде креста. Якорь также заменял и символизировал крест. Иногда происходило сочетание языческой и христианской символики: на одном малоазийском надгробии изображен терновый венец — христианский символ, но вместо голубя изображен орел, традиционно связанный с Зевсом. Смысл этой попытки неясен, включение орла в христианские надписи осталось единственным. Можно говорить, вслед за Е.С. Голубцовой, что на низовом уровне происходило взаимодействие язычества и христианства в так называемый «переходный период». Представляется, что приспособление языческой символики, языческих формул сближало христианское и нехристианское население.

Но наряду с отдельными символами со второй половины II в. возникает и развивается христианское изобразительное искусство; сентенции Отцов церкви против изображений существовали будто сами по себе, не влияя на вкусы и эстетические пристрастия рядовых христиан. Именно поэтому с относительно ранними примерами такого искусства можно познакомиться в росписях катакомб. Это искусство развивалось

Философский кружок неоплатоников

*Портрет женщины. Фаям.
Темпера, начало III в. Кембридж (США),
Музей искусств Фогга*

*Портрет женщины.
Темпера, II в., Париж, Лувр*

под влиянием новых черт, которые можно проследить в художественной культуре поздней античности. В основе ее было противопоставление несовершенного материального мира — инобытию, свойственное мистериальным верованиям и философским учениям. В III в. складывается учение неоплатоников, оказавшее большое влияние на христианских Отцов церкви и на христианство в целом, особенно в его восточном варианте. Неоплатонизм выдвинул идею Единого абсолюта (что было и у гностиков), который не есть разум, но и не нечто неразумное — он есть Сверхразум. Множественность космо-

*Портрет двух братьев
Энкаустика, II в. Каир, Египетский музей*

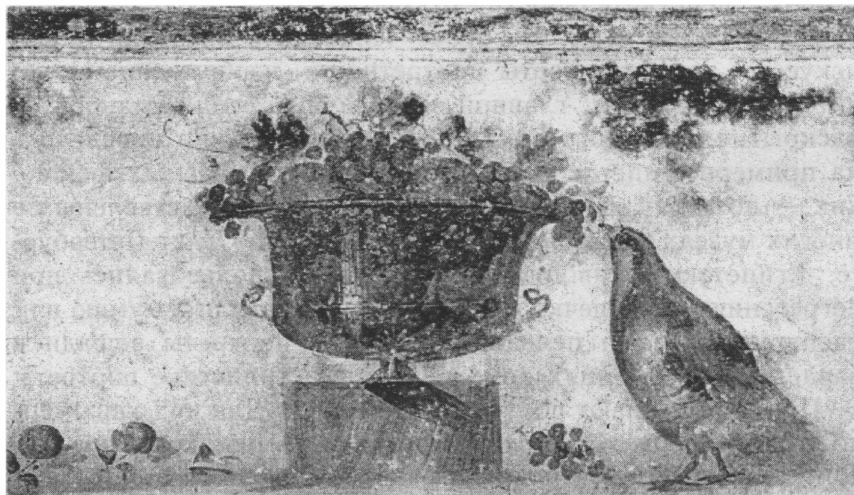

са возникает путем эманаций (истечений): из Единого истекает Разум, в свою очередь, из Разума исходит Мировая душа. Материя бескачественна и бесформенна (а не носительница дурного начала, как у гностиков), она получает свои формы свыше. Материя находится на самом низу иерархической структуры мира, но не противостоит ему. Душа человека — частица мировой души, она может подняться к Единому через многие сферы благодаря состоянию экстаза. Зло, с точки зрения неоплатоников, есть лишь преходящее, временное несовершенство, связанное с отдаленностью вещественного мира от Абсолюта. Характерной была и эстетика неоплатоников, связанная с их учением о совершенстве Единого. По мнению крупнейшего представителя этого учения Плотина, прекрасное — это абсолютно простое и единое, поэтому художник не должен воспроизводить физическую красоту, но выявлять ее идею. Эстетика философов не столько влияла на конкретные произведения, хотя такое влияние и было, сколько отражала эмоции и поиски людей того времени новых форм, не связанных с непосредственным воспроизведением того, что видел глаз. Почитатели мистериальных культов, увлеченные мистикой и магией, стремились словно заглянуть за внешнюю сторону действительности, открыть внутреннюю сущность вещей и самих себя. В образе человека в позднеантичном искусстве теряются черты портретности, изображение становится плоскостным; главной задачей художника становится раскрытие духовного начала. Эти черты можно проследить на примере египетских портретов (так называемых фаюмских — по месту их нахождения), которые представлены во многих музеях мира, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Египетские живописные портреты использовались при погребениях — дощечки с портретами вставляли в мумию или расписывали сами пелены; некоторые портреты вешали в парадных помещениях дома. По своей стилистике портреты I—II вв. напоминают портреты из Помпей. Для них характерно стремление передать сходство, они объемны, красочны. На портретах представлены люди разной этнической принадлежности: римляне, греки, семиты, египтяне. Среди таких людей могло достаточно быстро распространяться и христианство. С конца II в. манера изображения меняется: портреты стано-

вятся схематичными, фронтальными, увеличиваются глаза — как отражение души человека. Не только в портретах, но и в изображениях императоров на монетах постепенно утрачивается сходство с конкретными людьми: они становятся просто символами. Все эти изменения оказались близки христианам и повлияли на их эстетическое восприятие.

Эволюцию раннего христианского искусства можно проследить по росписям римских катакомб. Наиболее ранние росписи относятся ко второму веку, они найдены на стенах катакомб Св. Калликста; катакомбы были названы так по имени диакона Калликста, который был смотрителем кладбища (а затем и сам стал главой римских христиан). С III в. все стены катакомб расписываются и символами, и сюжетными сценами. К символам можно отнести прекрасно выполненную в античной манере вазу с виноградом и клюющую виноград птицу (может быть, голубя?) в катакомбах Св. Себастиана. Существенное место в росписях катакомб занимают ветхозаветные сюжеты, которые уже наглядно включаются в систему христианских верований: иудаистские традиции становятся частью общехристианской массовой культуры. Подбор

*Чаша с виноградом и птица (голубь?).
Роспись в римских катакомбах*

Валаам на ослице и ангел. Роспись в римских катакомбах

этих сюжетов связан с идеей провозвестия явления Христа. Так, Валаам на ослице и ангел, его останавливающий, — провозвестие въезда Иисуса на ослице в Иерусалим. Интересно отметить, что в Деяниях Фомы апостола во время его пребывания в Индии является говорящий осленок, который объявляет себя потомком той самой ослицы и ввозит Фому в город. Таким образом как бы протягивается нить между ветхозаветным эпизодом, рассказом новозаветных Евангелий и историей апостола: создается единая сакральная история христианства. В катакомбных росписях изображен также Моисей, заставивший бить воду из скалы, он должен был восприниматься как возвешение о крещении; пророк Иона, попавший в чрево кита, и его избавление оттуда по воле Бога — символ пребывания во тьме и возвращения к свету истинной веры. Одна из таких росписей II в. в катакомбах Присциллы (в Греческой капелле — названной так по найденным там греческим надписям) представляет эпизод из Книги пророка Даниила (одной из наиболее часто цитируемых хри-

стианами ветхозаветных книг, поскольку в ней предсказано явление Сына Человеческого и конец света): вавилонский царь Навуходоносор (тот самый, что захватил Иерусалим в VI в. до н.э. и разрушил первый Храм) сделал золотого идола и под страхом сожжения пытался заставить троих иудеев поклониться идолу. Они отказались, и тогда он приказал бросить их в раскаленную пылающую печь, но свершилось чудо — те люди, которые бросили их в печь, сгорели, а иудеи остались целы и невредимы (Дан. 3: 14—27). Этот эпизод и его изображение символизировали веру и то чудо, которое эта вера может совершить. К тому же времени в тех же катакомбах относится роспись об истории Сусанны (эта история в Септуагинте помещена перед Книгой Даниила), добродетельной женщины, которую пытаются соблазнить и преследовать старцы, что олицетворяет стойкость в вере перед лицом испытаний; встречается и фреска, на которой Лот, изображенный довольно примитивно, держа за руки двух дочерей, уходит из обреченного на гибель Содома — это должно было знаменовать путь к истинной вере. Ветхозаветные сюжеты, таким образом, становятся неотъемлемой частью христианских росписей, невзирая на запрет изображать их.

Интересно, что в росписях были сделаны попытки использовать и античные сюжеты для символического толкования: слишком глубоко вошла древняя мифология в сознание (под-

Три иудея в огненной печи. Роспись в римских катакомбах

*Лот с дочерьми, выходящий из Содома.
Роспись в римских катакомбах*

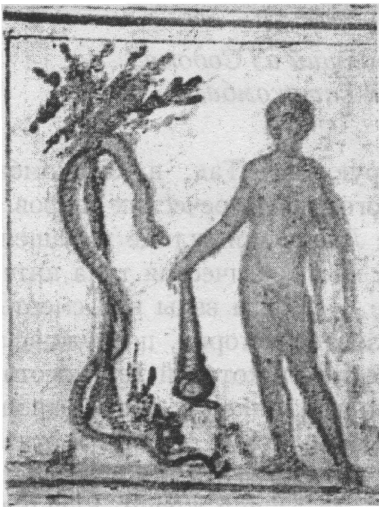
сознание?) новообращенных верующих. Так, в катакомбах встречаются изображения любимого героя греческих мифов — Геракла; стены в катакомбах на Латинской улице украшены сценами из мифов о Геракле: эта чисто языческая тема интерпретирована в христианском духе — победа веры над смертью и темными силами. Здесь использована история, послужившая основой трагедии Еврипида «Алкеста», в которой Геракл отбивает от демона смерти добродетельную Алкесту, согласившуюся умереть вместо своего мужа. Муж, друг Геракла, в отчаянии — и Геракл возвращает ему Алкесту. Этот сюжет христиане связывали с идеей воскресения для вечной жизни. Еще одна роспись представляет Геракла, убивающего гидру — символ зла и насилия; своеобразна трактовка истории с яблоками из сада Гесперид — Геракл с дубиной стоит около дерева, которое ох-

раняет змей (в отличие от мифа, где дерево охранял дракон, а яблоки доставал Атлант); змей здесь явно символизирует того, кто искушал Еву, дерево — похоже на то, что росло в саду, а Геракл — борец со злом и искусителем. Однако если ветхозаветные мотивы органично вошли в христианскую традицию, то интерпретация античных мифов, попытка включить их в христианскую символику, сделанная достаточно образованными людьми, знавшими не только мифы, но и трагедии, и стремившимися сочетать привычное им культурное наследие с новой системой верований и представлений, — эта интерпретация не получила сколько-нибудь широкого распространения: слишком сильны и неприемлемы были языческие ассоциации.

Со второго века появляются и собственно христианские мотивы — изображения евхаристии: люди, сидящие за столом, преломляющие хлеб; в росписях катакомб Св. Калликста по бокам от стола видны корзины, наполненные хлебом — как напоминание о чуде, свершенном Иисусом в пустыне и накормившем голодных.

Слева: Геракл у дерева с яблоками. Справа: Геракл, убивающий гидру. Роспись в римских катакомбах

*Иисус в образе Доброго пастыря.
Роспись в римских катакомбах*

Важным этапом в становлении христианского изобразительного искусства были поиски подходов к зримому образу Иисуса, т.е. к Его изображению. Не решаясь представить непосредственно человеческий облик Иисуса, живописцы в катакомбах использовали образ Доброго пастыря — юноши с овцой на плечах (символ спасенной души) или окруженного овцами — верующими. Качество росписей было различно: некоторые выполнены в традициях античного искусства (интерес к пастухам, к фавнам, спасающим овец, был характерен для эллинистического искусства и литературы); другие же выполнены явно непрофессиональными художниками, с нарушением эле-

ментарных пропорций, где овцы мало похожи на себя. В III в. образ пастуха стал использоваться и в скульптуре (например, прекрасного юноши — Доброго пастыря). Постепенно идут поиски собственно иконографии Иисуса. Евсевий Кесарийский сохранил апокрифическую легенду о том, что сам Иисус обтер свое лицо платом, запечатлел на нем свое изображение и послал его царю Осроэны Авгару — тем самым изображение Христа словно получило Его благословение. Складывается и легенда о том, будто бы евангелист Лука писал портрет Богоматери.

В катакомбных росписях (и в символических — сидящем на земном шаре, и в евангельских эпизодах) Иисус был представлен молодым, безбородым человеком в римских одеждах или обнаженным — как в сценах крещения. Поиски изображения Христа шли и вне катакомбно-

го искусства — в одном из мавзолеев богатых вольноотпущенников открыта мозаика, созданная еще до признания христианства Константином, где Христос представлен в виде солнечного божества, но окружен христианскими символами. Одно из первых изображений Христа с бородой появляется только в самом конце IV в., и тоже в римских катаком-

*Добрый пастырь.
Скульптура начала IV века*

бах — это погрудное изображение немолодого изможденно-го человека с глазами, воздетыми к небу. В этих поисках отразились разные тенденции восприятия Иисуса: одна, связанная с представлением о его внешней некрасивости, противопоставляемой античному эстетическому идеалу, другая же — исходившая из учения об отражении духовной красоты во внешнем облике, о преображенном после воскресения теле, излучающем неземной свет — появится вскоре в византийской иконописи.

Примерно с того же времени, что и изображения Иисуса, развивается и иконография Богоматери. Обычно ее изображают с Младенцем на руках, сидящей или стоящей. Первые изображения сохраняют известную объемность, но затем фигуры становятся фронтальными, плоскостными, жесты — ри-

*Христос, исцеляющий женщину.
Роспись в римских катакомбах*

*Богоматерь с Младенцем на коленях.
Роспись в римских катакомбах*

туальными, глаза — преувеличенными. Богоматерь с самого начала стараются изобразить прекрасной. Сохранилось и необычное погрудное изображение III в.: Богоматерь с непокрытой головой, с поднятыми в молении руками, в ожерелье, а на груди у нее Младенец, по существу, это маленький взрослый человек — традиция, которая станет каноном в византийской иконографии. В некоторых фресках появляются изображения апостолов, в частности Петра и Павла, представленных, как и во всей последующей христианской живописи, лысоватыми, немолодыми мужчинами. Атрибуты Петра — ключи, которые протягивает ему Христос, у Павла — свиток (Закона?). У нас нет свидетельств, что эти изображения были объектом поклонения, а не просто иллюстрацией к Священному Преданию.

На стенах катакомб можно увидеть не только росписи, связанные со Священным Писанием, но и обычных людей, по-видимому, похороненных там. Портреты были одним из распространенных жанров, первоначально связанным с культом предков в римской культуре, а затем ставшим частью светской культуры. Огромное количество римских скульптурных пор-

третов, не только властителей, но и частных лиц, хранящихся в музеях мира, свидетельствует о том, что эти портреты украшали не только дома родственников, но были частью столь распространенных в империи коллекций. В восточных провинциях на надгробиях традиционно изображались умершие. Естественно, что, нарушив запрет на изображения Бога и святых, христиане рано или поздно должны были прийти к созданию и портретов своих близких, погребенных в подземных кладбищах.

Бедные семьи, не имевшие возможности поставить более дорогие надписи, для того чтобы отметить погребение близких, делали небольшие изображения человеческой фигуры без каких бы то ни было признаков индивидуальности. Появляются изображения молящихся фигур, причем, как пишут исследователи катакомб, иногда женские молящиеся фигуры изображались рядом с мужскими захоронениями, а мужские рядом с женскими. Возможно, это были изображения молящихся и

*Иисус в виде солнечного божества.
Мозаика из христианской гробницы в Риме*

*Изображение бородатого Христа.
Роспись в римских катакомбах*

скорбящих родственников... Поиски принципов портретного изображения проходили в III и IV веках. Одним из портретов было найденное в камере конца III в. поясное изображение богато одетой женщины с поднятыми к небу скорбными глазами и определенно индивидуальными чертами лица. Но большинство изображений плоскостные, фронтальные. Над одной из катакомбных фресок представлена стоящая молящаяся женщина в длинном, ниспадающем до земли одеянии, скрывающем тело; только прическа, вероятно, имела какую-то индивидуальную особенность. Характерно, что над фигурой написано имя женщины — Грета. В этом плоскостном изображении не соблюдена анатомическая точность, руки и пальцы на них разных размеров, живописная техника кажется довольно примитивной, но было ли это следствием недостаточного про-

фессионализма христианского художника, как в первых изображениях Доброго пастыря, или принципиальным пренебрежением достоверностью, сказать трудно. Естественно думать, что разные христиане могли привлекать разных художников для создания портретов — и не всегда лучших. При этом нужно отметить, что в провинциальных катакомбах (в частности, в Неаполе) — в отличие от римских, где давление руководителей церкви было достаточно жестким, портреты в росписях были более частым явлением.

Катакомбное искусство кончилось вместе с торжеством христианства в империи, когда появляются наземные христианские некрополи, а христианское изобразительное искусство становится украшением храмов и церквей. Появляются и отдельные изображения святых на досках (найлены в Египте), которые являются прообразом иконописи, прежде всего для восточных христиан. Христианские богословы в конце концов не только принимают, но и освящают изображения Иисуса, Богородицы, святых. В дальнейшей истории христианства устанавливается почитание икон как образов, обладающих благодатью, которые возносят мысли и чувства к изоб-

Христос на земном шаре с апостолами Петром (слева) и Павлом (справа). Роспись в римских катакомбах

*Сергий и Вахх. Икона на доске из Египта. Энкаустика, VI в.
Киев, Музей зап. и вост. искусства*

ражаемому. На Западе иконы становятся неотъемлемой частью украшения храма, но, в отличие от сложившегося окончательно в средневековой Византии иконопочитания изображения для западных иерархов не обладали сакральностью, но служили украшением, иллюстрацией Священного Писания («Библией для неграмотных») для усиления благоговения.

После признания христианства в начале IV в. императором Константином начала складываться христианская церковная архитектура — под эгидой императоров стали строиться храмы и соборы. Правда, такие попытки делались и раньше, но только в далеких провинциях; до нас дошла раскопанная археологами небольшая церковь в верхней Месопотамии, в поселении Дура-Европос. Для создания новых церковных сооружений в столице использовался не план языческого храма, а план продольно вытянутого светского здания, предназначенного для заседания суда — базилики. Для античного храма, мыслившегося жилищем бога, было характерно пышное убранство не только и не столько внутреннего помещения, но вне-

*Портрет женщины по имени Грета.
Роспись в римских катакомбах*

шних форм, поскольку коллективные ритуальные действия производились перед храмом. Христианская церковь являлась Домом молитвы для собрания верующих, поэтому создатели церковных зданий стремились к эстетическому воздействию именно внутреннего пространства. В первых христианских базиликах, особенно возведенных в Риме, а затем — в Константинополе, где со временем стали использовать купольную конструкцию, относительно скромный внешний вид контрастировал с роскошью интерьера; стены были украшены мозаиками и росписями. Верующие, входя в церковь, как бы попадали в иной мир, где все — алтарь, иконостасы, горящие свечи, запах ладана — было направлено на создание эмоционального настроения, максимально благоприятного для общения с Богом.

В дальнейшем христианская культура на Востоке и Западе развивалась разными путями, но основы этой культуры, и письменной и изобразительной, были заложены в первые века существования христианства.

Заключение

НА ПУТИ К ПРИЗНАНИЮ

Третий век был временем тяжелейшего кризиса в Римской империи, отразившегося и на положении христиан. Уже в конце II в. начались вторжения на территорию империи германских племен — варваров. Провинции тяготились зависимостью от Рима. Снова началась ожесточенная борьба за власть. Преемник императора Коммода, последнего из династии Антонинов, был убит после 87 дней правления. Покончив с ним, личная императорская гвардия — преторианцы объявили, что продадут императорское звание тому, кто больше предложит за него. Правда, человек, купивший это звание на торгах, на троне долго не засиживался. Исход борьбы теперь решали расквартированные в провинциях легионы, которые стремились поставить во главе империи своего ставленника. «Солдатские императоры» сменялись один за другим, отдельные провинции провозглашали собственных императоров, как это было в Галлии. Крупные землевладельцы не подчинялись центральной власти, чиновники грабили население. В III в. в отдельных частях империи вспыхивали восстания рабов и колонов. Все эти события приводили к изменению социальной психологии населения, окончательной потере веры в разумность миропорядка. Все больше различных желали принять христианство. Но и положение этой религии было достаточно сложным: христианские богословы разрабатывали ортодоксальную догматику, ожесточенно споря вокруг основополагающих канонов. Еще более сложно складывались отношения христиан с императорской властью, уже начавшей в третьем веке общегосударственные гонения.

В это время выступают крупнейшие богословы, владеющие достижениями античной философии (хотя и отрицавшие ее

рационализм), и прежде всего неоплатонизма. Климент Александрийский говорил, что античная философия подготовила путь христианству; но, разумеется, философия не коснулась основных догматов. Теологов, а вслед за ними и основные христианские массы продолжает занимать вопрос о сущности Иисуса и Троицы: отношения Отца, Сына и Святого Духа. Так, Ориген считал, что Иисус (Логос) — Сын Бога и сам Бог; Святой Дух сотворен Отцом через Христа; их Ориген называет словом, вошедшим затем в догматику, — *ипостаси*. Тертуллиан впервые вводит понятие *Троицы* на латинском языке (*Trinitas*), означающее единство трех ипостасей: Отца, Сына и Святого Духа, исходящего от Отца через Христа. Ортодоксы провозгласили единство Бога в трех лицах, но споры вокруг сущности Христа и его отношения к Отцу продолжались весь третий век. Павел из Самосаты (Сирия), по сообщению Евсевия в «Церковной истории» (VII, 30), признавал Иисуса только человеком, в котором присутствовал Логос, ниспосланный свыше. Святой Дух был для него благодатью. Показательна история борьбы ортодоксов с Павлом: он пользовался покровительством Зенобии, правительницы крупного торгового сирийского города Пальмиры. И руководители других церквей ничего не могли с ним поделать. После же того как император Аврелиан подчинил Пальмиру, они смогли обратиться к нему за помощью. Аврелиан, не будучи христианином (!), своей властью лишил Павла сана и постановил, что право руководить местной церковью может только тот, кого назначат епископы Рима и Италии. Аврелиана вряд ли интересовали догматические споры, но он стремился заручиться поддержкой христианских пастырей как в столице, так и в покоренной Пальмире. Но идеи Павла из Самосаты не исчезли. В начале IV в. александрийский священник Арий выступил со своим учением, согласно которому Бог — един, все сотворено Им, и Христос тоже сотворен. Египетские епископы его не поддерживали, но в некоторых провинциях (а затем среди ряда германских племен) его учение получило распространение. В этих условиях епископы стремились укрепить церковную организацию, внедрить христианское воспитание внутри семьи: начинает распространяться крещение младенцев, поскольку — с точки зрения богословов — они

Крещение Иисуса. Справа Иоанн Креститель, слева — водное божество, символ реки Иордан. Мозаика из арианской церкви в Равенне

Базлика Санта-Мария Маджоре в Риме. Внутренний вид

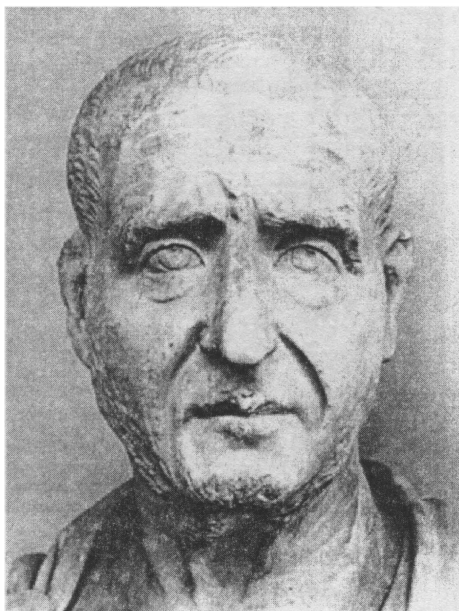
также несут в себе первородный грех. Перед крещением взрослые должны были пройти специальную подготовку и проверку. Делаются попытки усилить централизацию церковного управления, появляются епархии, охватывавшие территории отдельных провинций, созываются соборы, обычно из иерархов нескольких соседних областей. Но, как показала история с Павлом из Самосаты, собственными силами ни ортодоксальные, ни противостоящие им богословы не могли одержать сколько-нибудь прочную победу над своими противниками. Чтобы утвердить единство христианского вероучения и организацию единой Церкви, необходима была помощь властных структур, тем более что христианство этого времени не выступало против императоров как таковых не только на уровне апологетов и богословов, но и в сознании народных масс, уже не представлявших существование в земном мире без их власти и создававших образы некогда правивших императоров как покровителей христиан. Однако чтобы заключить союз с государственной властью, нужно было, чтобы сама эта власть осознала значение новой религии и необходимость ее признания. Но неустойчивость императорской власти в третьем веке определяла и неустойчивость политики правителей, искавших идеологическую опору, то в возрождении античных древне-

римских традиций, то в насаждении восточных культов (так, Аврелиан попытался сделать государственным культ «Непобедимого Солнца»). Политика императоров варьировалась от осторожного интереса и сочувствия христианам до жестоких преследований их.

Сложная ситуация вне и внутри христианства приводит к распространению отшельничества — ухода отдельных подвижников в отдаленные места, пустыни, пещеры, где они вели аскетический образ жизни, стремясь молитвами спасти себя. Такие отшельники (монахи — слово *монах* означает «одинокий») почитались христианами как святые. В III в. появляются и первые общежития таких удалившихся от мира людей, прежде всего в Египте; первоначально они назывались на греческом языке *кинобии* (совместное житие), а в латиноязычных областях *монастыри*. Затем монастыри, отражавшие стремления многих христиан уйти от мирских горестей и искушений, возникают и в других частях империи.

Массовые гонения на христиан начались с середины III века. В 249 г. солдаты провозгласили очередным императором полководца Деция. Деций попытался восстановить порядок в империи, поощрял поклонение древним богам; в христианах он видел опасность для единства государства, большинство населения которого по-прежнему были язычниками, тем более что христианские миссионеры начали проповедовать христианство во всех провинциях и даже среди варварских племен. По его приказу все свободные жители империи должны были доказать свою привержен-

Император Деций

Удостоверение на папирусе, выданное женщине по имени Аврелия Демос, в том, что она добровольно, в присутствии мужа и должностного лица, принесла жертву богам

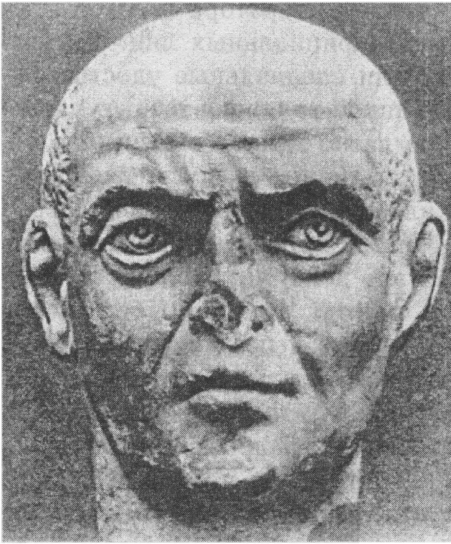

ность древним верованиям и культу императора и совершить жертвоприношения в присутствии официальных лиц. Те, кто выполнял эти требования, получали специальные удостоверения, в которых указывалось, что такой-то (такая-то) регулярно совершал жертвоприношения: согласно эдикту императора он (она) принес жертву, совершил возлияние и вкусил жертвенного мяса. Археологи обнаружили ряд подобных «удостоверений» при раскопках в Египте. Многие христиане отказывались совершать эти действия, считая эти действия кощунством, и тогда им грозили заключение и смерть. Христиане бежали из городов, скрывались, пытались (порой небезуспешно) подкупить чиновников. Среди скрывшихся был знаменитый епископ Карфагена Киприан. Но были и такие, кто под страхом смерти совершал требуемое (христиане называли их «падшими»). Гонения Деция продолжались недолго — он правил всего два года и погиб в битве с германцами. Борьба за власть на время отвлекла внимание новых правителей от христиан. Новая волна гонений началась при Валериане, бывшем в свое время приближенным Деция. В 257 г. он запретил совершать христианские богослужения; священнослужителям предписывалось принести жертвы римским богам; запрещалось устраивать собрания. Сенаторы-христиане (а к тому времени были и такие) были лишены своих званий, их имущество конфисковывалось, а тех из них, кто находился на государственной службе, ссылали в рудники и каменоломни; ссылкой наказывали и знатных женщин-христианок. Во время этих гонений погиб и Киприан, избежавший преследований Деция. Популярность его была столь велика, что во время его казни вокруг собралось множество рядовых христиан, возглашавших: «Обезглавьте и нас вместе с ним»¹⁴⁶.

До нас дошли христианские источники, в которых описываются допросы христиан. Так, в письме александрийского епископа Дионисия, приведенного Евсевием Кесарийским (Церковная история VII, 11), рассказывается о допросе Дионисия вместе с его собратьями, который проводил прокон-

---

¹⁴⁶ Подробнее о Киприане — видном деятеле христианской церкви, его жизни, учении и гибели см.: Федосик В.А. Киприан и античное христианство, Минск, 1991.

Император Диоклетиан

сул. Сохранился и официальный текст допроса в Проконсульских актах, где проконсул спрашивал, кто препятствует христианам чтить вместе с другими богами и своего Бога, если только он Бог. За отказ почитания языческих богов допрашиваемые христиане были приговорены к ссылке. Вопрос проконсула показывает, что власть волновало не собственно содержание верований христиан, а их нежелание вписаться в общепринятые нормы

почитания официальных божеств, что воспринималась как нелояльность по отношению к империи: христиане как бы ставили себя вне общественной структуры того времени; они казались властям непонятными и потому опасными чужаками. Упорство христиан приводило к усилению жестокостей: были даже случаи сожжения заживо. Погибшие христиане воспринимались как мученики, их могилы чтились (а если их захоронения были неизвестны, им просто ставились надгробные памятники). Мученики стали почитаться как заступники живых перед Богом — так возник культ великомучеников.

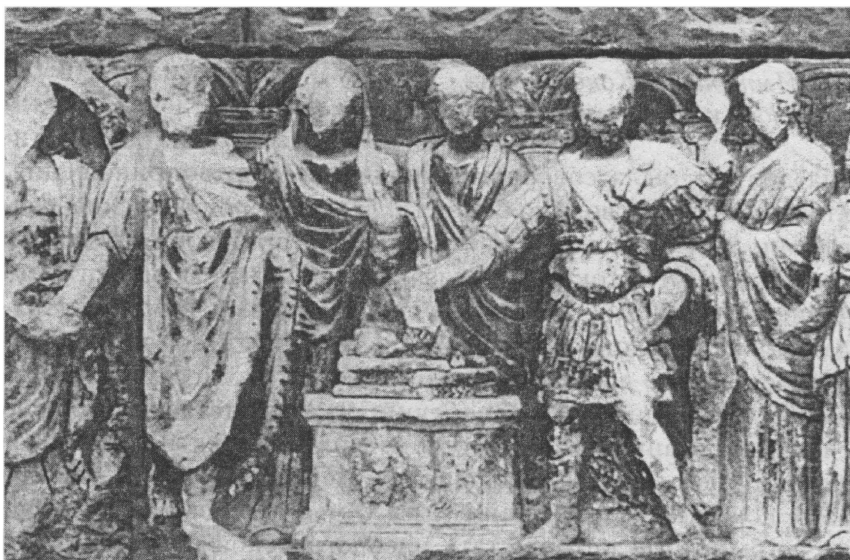
Но и жизнь Валериана закончилась печально: он попал в плен к персам¹⁴⁷, которые в это время начали вторжение в восточные провинции империи. Находясь в плену, он стал рабом царя — и когда тот садился на коня, Валериан должен был сгибать спину, чтобы царь оперся на нее ногой. Сын Валериана Галлиен отменил гонения и проявил веротерпимость.

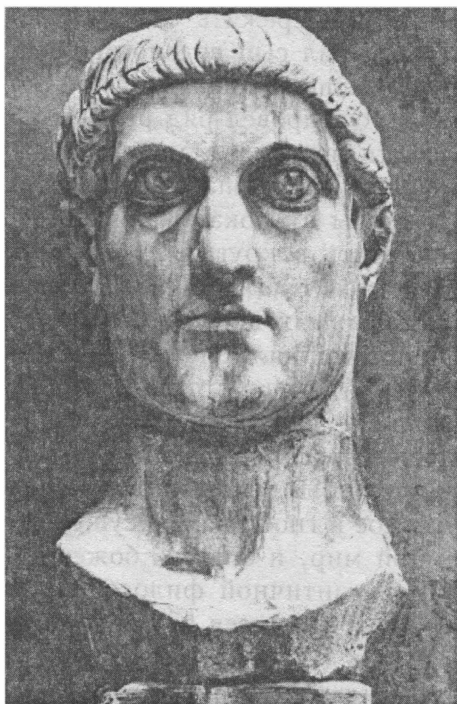
¹⁴⁷ В это время на территории Ирана возникло новое персидское царство, во главе которого встала династия Сасанидов.

Но в конце III в. христианам пришлось пережить самое страшное гонение. В 284 г. императором стал сын вольноотпущенника из Далмации Диоклетиан, выдающийся полководец и политик, человек несгибаемой воли. Он провел ряд реформ по укреплению государственной власти, изменил административное деление, на время сумел справиться с сепаратизмом провинций. Диоклетиан требовал, чтобы ему оказывали божеские почести — он надеялся сплотить вокруг своего культа население империи (возможно, в этом сказалось и подсознательное желание выходца из социальных низов возвыситься над римскими патрициями). Он предпринял гонения неприемлемых для него религиозных учений, начав с преследования сторонников проповедника Мани — манихеев, чье учение возникло в третьем веке в Иране и распространилось в восточных провинциях Римской империи. В основе этого учения лежало представление, свойственное и гностикам, о существовании сил зла, создавших земной мир, и благого божества. Манихейство испытало влияние и античной философии, и христианства. Диоклетиан объявил манихеев вне закона, а

Диоклетиан, совершающий жертвоприношение

*Император Константин.
Голова колоссальной статуи*

затем начал борьбу с христианами. В 303 г. он издал эдикт, запрещавший по всей империи христианские богослужения. Построенные в период затишья гонений церковные здания были разрушены, имущество христиан подлежало конфискации. Чиновники требовали выдачи священных книг и сжигали их (правда, пользуясь невежеством низовых государственных служащих, христиане порой подсовывали им другие книги). Из армии и государственного аппарата были изгнаны все люди, подозревавшиеся в принадлежности к христианам, многие из них были казнены. Рассказывали, что даже жена Диоклетиана

должна была совершить публичное жертвоприношение, чтобы показать свою лояльность. Но антихристианские репрессии, при всей своей массовости, не принесли желаемого результата. Жестокость наказаний и стойкость многих мучеников вызывали сочувствие среди рядовых римлян, страдавших от тяжкого гнета разросшегося при Диоклетиане государственного аппарата и налоговых тягот. Церковь, невзирая на внутренние противоречия, уже представляла собою сильную организацию: христиане прятали книги, организовывали убежища для скрывшихся от преследований, оказывали помощь пострадавшим и их семьям. Культ Диоклетиана не был, да и не мог стать идеологической альтернативой христианской веры. В 305 г. Диоклетиан, в соответствии со своими установками, чтобы избежать борьбы за власть, от-

рекса от престола и передал власть своему помощнику Галерию¹⁴⁸, который вынужден был отменить гонения. Безрезультатность их стала очевидной, тем более что в империи, невзирая на благие намерения Диоклетиана, снова началась борьба за единоличную власть над всей империей. В этих условиях не только не могла идти речь о дальнейших преследованиях христиан, но встал вопрос о союзе с ними — прежде всего с Церковью как организацией.

*Император Феодосий.
Серебряный рельеф*

В 313 г. два участника этой борьбы — временные союзники и будущие непримиримые враги Константин и Лициний приняли постановление, легализующее христианскую церковь. Это был знаменитый Миланский эдикт. Согласно этому эдикту христиане имели право открыто совершать культовые действия, церковные организации могли владеть любым имуществом (а значит и землей), конфискованное имущество возвращалось христианам. Формально христианство становилось лишь одним из многочисленных разрешенных культов. Но покровительство Константина, ставшего в результате военных действий единым правителем империи, давало христианству реальные преимущества. Константин, по преданию, принял крещение только пе-

¹⁴⁸ Диоклетиан в свое время разделил империю на четыре части: Востоком управлял он с титулом императора, Западом с тем же титулом его друг и соратник; каждый император имел помощника с титулом цезаря, которому по истечении 20 лет должен был передать власть. В этой четверке главным правителем был Диоклетиан. После отречения он уговорил и своего соправителя императора Максимиана отречься, но тот вскоре отказался от этой идеи и вступил в борьбу.

ред смертью, воспитан он был в почитании «Непобедимого Солнца», ему по-прежнему воздавались божеские почести, но он понимал, что Церковь, особенно если прекратятся внутрицерковные споры, может оказать ему активную поддержку. Его мать Елена, согласно преданию, была христианкой и содействовала единоверцам. При Константине седьмой день недели, посвященный Солнцу, был объявлен рыночным, т.е. свободным; для христиан этот день был посвящен Христу. С IV в. 25 декабря – праздник рождения Непобедимого Солнца – стал отмечаться как праздник Рождества Христова. Город Элиа Капитолина снова официально стал называться Иерусалимом.

Константин пытался вмешаться в теологические споры, прежде всего между Арием и его противниками, стараясь примирить их. Когда это не удалось, по инициативе императора в 325 г. в городе Никее в Малой Азии был созван собор (съезд большинства епископов империи), на котором арианство было осуждено как ересь и принят Символ веры, утвердивший, в частности, догмат Троицы. Произошло оформление единой ортодоксальной (православной) кафолической (всеобщей) церкви¹⁴⁹. Хотя споры по различным вероучительным вопросам продолжались еще долгое время, но, по существу, Церковь в союзе с императорами-христианами заняла господствующее положение в империи. А в конце IV в. император Феодосий запретил все языческие культы. Эпоха раннего христианства, прошедшего длительный путь развития от маленькой группы последователей Иисуса до могущественной Церкви, кончилась.

---

¹⁴⁹ В частности, продолжало существовать монофизитство, считавшее, что человеческая природа Иисуса была поглощена божественной (такова была и осталась позиция армянской церкви).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рождение Пресвятой Богородицы и преславной Матери Иисуса Христа¹⁵⁰

I. В истории двенадцати колен Израиля был некто Иоаким, который приносил двойные дары Богу, говоря: Пусть будет от богатства моего всему народу, а мне в отпущение в умилоствление Господу. Наступил великий день Господней¹⁵¹, когда сыны Израиля приносили свои дары. И выступил против него (Иоакима) Рувим, сказав: Нельзя тебе приносить дары первому, ибо ты не создал потомства Израилю. И огорчился очень Иоаким, и стал смотреть родословную двенадцати племен народа, говоря: поищу в двенадцати коленах Израиля, не я ли один не дал потомства Израилю. И исследовав, нашел, что все праведные посеяли семя свое в Израиль. Вспомнил он и об Аврааме, как в его последние дни Бог даровал ему сына Исаака. И огорчился сильно Иоаким, и не показался он жене своей, а ушел в пустыню¹⁵², поставил там свою палатку и постился сорок дней и сорок ночей, говоря: не выйду ни для еды, ни для питья, пока не снизойдет ко мне Господь, и будет мне едою и питьем молитва.

---

¹⁵⁰ Перевод сделан по изданию: K.Tischendorf, Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1853. В разных рукописях заголовки различаются (А — рассказ Святого апостола Иакова архиепископа Иерусалима о детстве со дня рождения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии; D — история Иакова о детстве и рождении Пресвятой Богородицы; в рукописи Иаков назван братом Господа (как его называл Павел — Гал. 1: 19), а в ряде рукописей Божиим братом. В перевод курсивом вставлены отрывки из папируса Бодмера (V век), отличающиеся от текста рукописей.

¹⁵¹ Какой праздник имеется в виду — неясно, возможно, речь идет об иудейской Пасхе.

¹⁵² Иудейская пустыня представляет собой каменистые горы, куда и удалился Иоаким.

II. А жена его Анна и плакала плачем и рыданием рыдала, говоря: оплачу мое вдовство, оплачу мою бездетность. Но вот настал великий день Господней, и сказала ей Юдифь, служанка ее: До каких пор будешь ты терзать душу свою? Ведь настал великий день Господней, и нельзя тебе плакать. Возьми головную повязку, которую мне дала госпожа за работу: не подобает мне носить ее, ибо я слуга, а повязка несет знак царственности. Анна ответила: отойди от меня, не буду я этого делать: Господь принизил меня. Не соблазнитель ли внушил тебе прийти, чтобы и я совершила грех вместе с тобою? И ответила Юдифь: Зачем я буду тебя уговаривать? Господь закрыл твое лоно, чтобы у тебя не было потомства в Израиле. И огорчилась очень Анна, но сняла свои скорбные одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад около девятого часа чтобы прогуляться. И увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака.

III. И, взглянув на небо, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма Божьего. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным, ибо и твари бессловесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водам этим, ибо и воды приносят плоды у тебя¹⁵³, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приносит по поре плоды и благословляет тебя, Господи¹⁵⁴.

IV. И тогда предстал пред ней ангел Господний и сказал: Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире. И Анна сказала: Жив Господь Бог мой! Если я рожу дитя мужского или

---

¹⁵³ В ряде рукописей — «не подобна я и рыбам в воде» — явная вставка, разъясняющая слова о плодах воды.

¹⁵⁴ Скорбь и молитва Анны навеяна историей Анны, матери пророка Самуила, которая также долго была бездетна, плакала и молилась о даровании ей сына (1 Цар. 1: 10—11). Она дала обет — как и Анна, мать Марии, посвятить свое дитя в храм.

женского пола, отдам его в дар Господу Богу моему, и оно будет служить Ему все дни своей жизни. И пришли вестника два и сказали ей: муж твой, Иоаким, идет со своими стадами: ибо ангел явился к нему и возвестил: Иоаким, Иоаким, Господь Бог внял молитве твоей. Иди отсюда, ибо жена твоя Анна зачнет во чреве своем. И пошел Иоаким, и приказал пастухам своим, сказав: приведите десять чистых без пятен агниц, будут они для Господа Бога моего, и приведите мне двенадцать молодых телят, и будут они для жрецов и старейшин, и сто козлят для всего народа. И вот Иоаким подошел со своими стадами, и Анна, стоявшая у ворот, увидела Иоакима идущего, и, подбежав, обняла его за шею, и сказала: Знаю теперь, что Господь благословил меня: будучи вдовою, я теперь не вдова, будучи бесплодною, я теперь зачну! И Иоаким в тот день обрел покой в своем доме.

V. Утром он понес свои дары, говоря: Если Господь смилостивился ко мне, то золотая пластина жреца¹⁵⁵ покажет мне. И принес Иоаким свои дары, и смотрел пристально на пластину, подошедши к жертвеннику Господню, и не увидел греха в себе. И сказал Иоаким: теперь я знаю, что Господь смилостивился ко мне и отпустил мне все грехи, и вышел из храма, оправданный, и пошел в дом свой. Между тем прошли положенные ей месяцы, и Анна в девятый месяц родила и спросила повивальную бабку: кого я родила? Ответила та: дочь. И сказала Анна: возвысилась душа моя в этот день, и положила дочь. По прошествии дней Анна покинула родильное ложе, дала грудь ребенку, и назвала ее Мариам¹⁵⁶.

VI. Изю дня в день крепло дитя, и, когда ей исполнилось шесть месяцев, поставила ее мать на землю, чтобы попробовать, сможет ли она стоять, и она, пройдя семь шагов, вернулась к матери. Мать взяла ее на руки и сказала: Жив Господь Бог мой, ты не будешь ходить по этой земле, пока я не введу тебя в храм Господний. И устроили особое место в спальне дочери, и запрещено было туда вносить что-либо нечистое, и призвала (Анна)

---

¹⁵⁵ О золотой пластине на кидаре (головном уборе) первосвященника сказано в Исходе, 28: 36—37; на ней должно быть вырезано — Святыня Господня.

¹⁵⁶ В различных греческих рукописях Протоэвангелия имена Мариам и Мария чередуются, по-видимому, использована разная традиция. В переводе сохраниены имена по основному изданию Тишендорфа. В папирусе Бодмера употреблено имя Мария — в соответствии с Новым Заветом.

непорочных дочерей иудейских, чтобы они ухаживали за нею. Когда исполнился девочке год, Иоаким устроил большой пир и созвал жрецов, книжников и старейшин и весь народ Израильский. И принес свою дочь жрецам, и те благословили ее, сказав: Бог отцов наших, благослови это дитя и дай имя славное во всех родах. И сказал народ: Да будет так! Аминь! И затем (Иоаким) поднес ее первосвященникам, и они благословили ее, сказав: Бог всевышний, снизойди к ребенку сему и благослови ее высшим и непреходящим благословением. И взяла Анна дитя в священное место в своей спальне и дала ей грудь. Воспела она песнь Господу, говоря: Воспою хвалу Господу, ибо он снизошел ко мне, и избавил меня от поношений моих врагов, и даровал мне плод справедливости своей, единственный и столь многим обладающий¹⁵⁷ перед глазами его. Кто сообщит сынам Рувима, что Анна кормит грудью? Слушайте, слушайте, двенадцать колен Израиля, Анна кормит грудью!

И она оставила дитя в святилище в спальне и пошла служить гостям. Когда пир кончился, гости разошлись, радуясь и вознося хвалу Богу Израиля.

VII. Шли девочке месяцы за месяцами, и исполнилось ей два года. И сказал Иоаким: Отведем ее во храм Господней, чтобы исполнить обет обещанный, чтобы Господь вдруг не отверг нас и не сделался бы наш дар Ему неугодным. И сказала Анна: дождемся третьего года ее, чтобы ребенок не стал искать отца или мать. И сказал Иоаким: Дождемся. И вот исполнилось ребенку три года, и сказал Иоаким: позовите непорочных дочерей иудейских, и пусть они возьмут светильники и будут стоять с зажженными (светильниками), чтобы дитя не воротилось назад и чтобы полюбила она в сердце своем храм Господний. И сделали так по дороге к храму Господню. И жрец принял ее и, поцеловав, дал благословение, сказав: Господь возвеличит имя твое во всех родах, ибо через тебя явит Господь в последние дни сынам Израиля искупление. И посадил ее на третьей ступени у жертвенника, и сошла на нее благодать Господня, и она прыгала от радости, и полюбил ее весь народ Израиля¹⁵⁸.

---

¹⁵⁷ Ср.: Амос, 6: 12, где употреблено выражение «плод правды (справедливости)»; в тексте Протоевангелия дословно — «многобогатый».

¹⁵⁸ Последняя фраза также взята из I Царств (18: 16), только там речь идет о Давиде.

VIII. И ушли ее родители, удивляясь и вознося хвалу Господу, что дочь их не повернула назад. Находилась же Мария в храме Господнем как голубка и пищу принимала из руки ангела. Когда же ей исполнилось двенадцать лет, стали советовать жрецы, говоря: вот исполнилось Марии двенадцать лет в храме Божиим, что будем делать с нею, чтобы она каким-либо образом не осквернила святынь? И сказали первосвященнику: ты стоишь у алтаря Господа, войди и вознеси молитву о ней, и что Господь объявит тебе, то и сделаем. И первосвященник, надев додекакодон¹⁵⁹, вошел в Святая святых и возносил молитву о ней, и вот явился ангел Господен и сказал: Захария, Захария, пойди и созови вдовцов из народа, и пусть они принесут посохи, и, кому Господь явит знамение, тот возьмет ее в жены¹⁶⁰. И пошли вестники по округе Иудейской, и труба¹⁶¹ Господня возгласила, и все стали сходитьсь.

IX. Иосиф, оставив топор, тоже пришел на место, где собирались. И, собравшись, отправились к первосвященнику, неся посохи. Он же, собрав посохи, вошел в святилище и стал молиться. Помолившись, он взял посохи, вышел, раздал каждому его посох, но знамения не было на них. Последним посох взял Иосиф, и тут голубка вылетела из посоха и взлетела Иосифу на голову. И сказал жрец Иосифу: Ты избран, чтобы принять к себе и блюсти деву Господа. Но Иосиф возражал, говоря: у меня уже есть сыновья, и я стар, а она молода, не хочу быть посмешищем у сынов Израиля. И сказал жрец Иосифу: Побойся Бога, вспомни, как наказал Бог Датана, Абирона и Корея, как земля разверзлась и они были поглощены за ослушание¹⁶². Теперь же утрашись, Иосиф, чтобы не случилось того же дому твоему. Испугавшись, Иосиф взял ее, чтобы блюсти. И сказал Иосиф Мариам: Я взял тебя из храма Господня, и теперь ты остаешься в моем доме, я же ухожу для

---

¹⁵⁹ Додекакодон — специальное одеяние первосвященника, украшенное по подолу двенадцатью «позвонками» (Исх. 28: 33)

¹⁶⁰ В одной из рукописей добавлено — «для охраны девственности».

¹⁶¹ Имеется в виду труба, рожок, служащая для возвещения какого-либо действия, в данном случае трубили служители храма.

¹⁶² Датан, Абирон, Корей — согласно ветхозаветной Книге Чисел (16: 1–33) восстали против Моисея, упрекая его, что он привел их не в ту землю, какую обещал. В наказание земля разверзлась и поглотила их со всем имуществом.

строительных работ, а потом вернусь к тебе. Бог да сохранит тебя!

Х. Тогда было совещание у жрецов, которые сказали: сделаем завесу для храма Господня. И сказал первосвященник: соберите чистых дев из рода Давидова. И пошли слуги, и искали, и нашли семь дев. И первосвященник вспомнил о молодой Мариам, которая была из рода Давида и была чиста перед Богом. И слуги пошли и привели ее. И ввели девиц в храм Господней. И сказал первосвященник: бросьте жребий, что кому прясть: золото, и амиант, и лен, и шелк и гиацинт¹⁶³, и багрянец и настоящий пурпур. И выпали Мариам настоящий пурпур и багрянец, и, взяв их, она вернулась в свой дом. В это время Захария был немым, заменял его Самуил, пока не стал Захария снова говорить¹⁶⁴. А Мариам, взяв багрянец, стала прясть.

XI. И, взяв кувшин, пошла она за водой; и услышала голос, возвещающий: Радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами¹⁶⁵. И стала оглядываться она, чтобы узнать, откуда этот голос. И, испугавшись, возвратилась домой, поставила кувшин и, взяв пурпур, стала прясть его. И тогда предстал перед нею ангел Господень и сказал: «Не бойся, Мариам, ибо ты обрела благодать у Бога и зачнешь по слову Его». Она же, услышав, размышляла, говоря сама себе: «Неужели я зачну от Бога живого и рожу, как женщина любая рождает?» И сказал ангел: Не так, Мариам, но сила всевышнего осенит тебя, потому и рожденное тобой Святое наречется сыном Всевышнего. И наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет народ свой. И сказала Мариам: Я — раба Господа, да будет мне по слову твоему.

XII. И окончила она прясть багрянец и пурпур и отнесла первосвященнику. Первосвященник благословил ее и сказал:

---

¹⁶³ Перечислена пряжа разных цветов: амиант — зеленоватого цвета, гиацинт — красный (ср. Исх. 35: 25: «И все женщины, мудрые сердцем, пряли своими руками и приносили пряжу разного цвета — голубого, пурпурного и червленого цвета»). То, что Марии досталась пурпурная и багряная пряжа — символ того, что она как бы будет «прясть» тело Господа из плоти и крови.

¹⁶⁴ Фраза о немоте Захарии не связана непосредственно с сюжетом о пряже, она представляет собой вставку, навеянную Евангелием от Луки (1: 20–22), где сказано, что ангел возвестил Захарии о будущем рождении сына и обрек его на немоту до рождения Иоанна. Это замечание о Захарии призвано связать историю Марии с историей семьи Иоанна Крестителя.

¹⁶⁵ Эта фраза прямо взята из Евангелия от Луки — 1: 28.

Бог возвеличил имя твое, и ты будешь благословенна во всех народах на земле. Обрадовавшись, Мариам пошла к родственнице своей Елизавете¹⁶⁶. И постучала в дверь, Елизавета же, услышав, перестала (прясть) багрянец, побежала к двери и, открыв, увидела Мариам и благословила ее, сказав: за что мне это (дано), что пришла Матерь Господа моего ко мне. Ибо находящийся во мне младенец взыграл и благословил Тебя. А Мариам, не вспомнив тайн, которые открыл ей архангел Гавриил, подняла глаза к небу и сказала — Кто я, господи, что все народы меня благословляют? И прожила у Елизаветы три месяца. Между тем чрево ее день ото дня увеличивалось, и Мариам в страхе вернулась к себе в дом и пряталась от сынов Израиля. Было же ей шестнадцать лет¹⁶⁷, когда совершались таинства эти.

XIII. Шел уже шестой месяц (ее беременности), и тогда Иосиф вернулся после плотничьих работ и, войдя в дом, увидел ее беременною. И ударил себя по лицу, и упал ниц на рогожу, и плакал горько, говоря: как теперь буду я обращаться к Господу Богу моему, как буду молиться о девице этой, ибо я привел ее из храма девою и не сумел соблюсти? Кто обманул меня? Кто причинил зло дому моему и опорочил деву? Не случилось ли со мною то же, что с Адамом? Как тогда, когда Адам славословил (Господа), явился змей, и увидел Еву одну, и обольстил ее, так произошло и со мною. И встал Иосиф с рогожи, и позвал Мариам, и сказал: Ты, бывшая на попечении Божиим, что же ты сделала и забыла Господа Бога своего? Зачем осквернила свою душу, ты, которая выросла в Святая святых и пищу принимала от ангела? Она тогда заплакала горько и сказала: чиста я и не знаю мужа. И сказал ей Иосиф: Откуда же плод в чреве твоём? Она ответила: Жив Господь Бог мой, не знаю я, откуда.

XIV. И Иосиф испугался, и отошел от нее, и стал думать, как поступить с ней. И говорил Иосиф: если я утаю грех ее, то стану нарушителем Закона, а если расскажу о нем сынам Израиля, то предам невинную кровь на смерть. Что же мне сделать с нею? Отпущу ее втайне (из дому). И наступила ночь.

---

¹⁶⁶ Встреча Марии с Елизаветой, матерью Иоанна Крестителя, описана в Евангелии от Луки — 1: 56.

¹⁶⁷ В канонических Евангелиях возраст Марии не указан.

И ангел Господней явился ему во сне и сказал: не бойся за деву: ибо то, что в ней, от Духа Святого: родит она Сына, и ты назовешь его Иисусом. Ибо Он спасет народ свой от наказания за грехи. И проснулся Иосиф, и прославил Бога Израиля, пославшего ему благодать, и оставил ее (Марию) в пощении своем.

XV. Тогда пришел к нему книжник¹⁶⁸ Анна и спросил, почему ты не был на собрании (сходке)? И ответил Иосиф: я устал с дороги и хотел отдохнуть первый день. И повернулся Анна и увидел беременную Мариам. И побежал к первосвященнику и сказал ему: Иосиф, о котором ты свидетельствовал, поступил против Закона. И спросил первосвященник: Что же случилось? И Анна книжник сказал: деву, которую он взял из храма Господня, он опорочил, нарушил брак и не сказал об этом сынам Израиля. И спросил первосвященник: Так сделал Иосиф? И книжник Анна сказал: отправь слуг и узнаешь, что она беременна. И отправили слуг, и они увидели ее, как он говорил, и привели ее с Иосифом в суд. И сказал первосвященник, Мария, что же ты совершила? Зачем опорочила душу свою и забыла о Господе Боге своем? Жившая в Святая святых, пищу принимавшая от ангела, слушавшая пение из уст его, радовавшаяся перед ним, зачем ты это сделала? Она же, горько плача, сказала: Жив Господь Бог мой, я чиста перед ним и не знаю мужа. И сказал первосвященник Иосифу: Зачем ты это содеял? И ответил Иосиф: Жив Господь Бог мой, я чист перед ней. И сказал первосвященник: не свидетельствуй ложно, но говори правду. Ты нарушил брак, и не сообщил сынам Израиля, и не склонил головы своей перед рукой Господа, чтобы он благословил потомство твое. Иосиф же молчал.

XVI. И сказал первосвященник: Отдай деву, которую ты взял из храма Господня. Иосиф же заплакал. Тогда сказал первосвященник: дам вам напиток водой обличения перед Господом¹⁶⁹, и Бог явит грехи ваши перед вашими глазами. И, взяв

---

¹⁶⁸ В греческом тексте — «грамматевс», дословно — писец; знаток грамоты (писаний); имеется в виду толкователь Библейских книг, законоучитель; мы следуем синодальному переводу, где это слово передается как «книжник».

¹⁶⁹ Это был древний обычай, согласно которому женщине, которую подозревали в прелюбодеянии, давали пить воду, смешанную с грязью (ср. Числа, 5: 24: женщине жрец дает выпить «горькую воду, наводящую проклятье»).

(воду), он напоил Иосифа и отправил его в холмы, и вернулся он невредим. Напоил так же Мариам и отправил в холмы, и она вернулась невредима. И тогда народ удивился, что не обнаружилось в них греха. И сказал первосвященник: если Господь Бог не явил ваш грех, то я не буду судить вас. И отпустил их. И Иосиф взял Мариам и пошел домой, восхваляя Господа и радуясь.

XVII. Тогда вышло указание от Кесаря (царя) Августа совершить перепись в Вифлееме Иудейском. И сказал Иосиф: сыновей своих запишу. Но что делать мне с этой девой? Кем записать ее? Женою? Мне стыдно. Дочерью? Но все сыны Израиля знают, что она мне не дочь. Да покажет день Господний, что будет угодно Господу. И посадил ее на ослицу оседланную, и повел ее его сын, а Иосиф пошел за ними¹⁷⁰. И прошли три мили. И обернулся (так в тексте!) Иосиф и увидел, что она печальна и подумал, что находящийся в ней плод печалит ее. Потом опять посмотрел Иосиф и увидел, что она радостна, и спросил ее: Мария, отчего я вижу твое лицо то грустным, то веселым? И Мариам ответила Иосифу: Оттого, что я вижу перед глазами два народа, один плачет и рыдает, другой радуется и веселится¹⁷¹. И прошли половину пути, и сказала ему Мариам: сними меня с ослицы, ибо то, что во мне, заставляет меня идти. И он снял ее с ослицы и сказал ей: куда мне отвести тебя и скрыть позор твой? Ибо место здесь пустынно.

XVIII. И нашел там пещеру, и привел ее, и оставил с ней сыновей своих, и пошел искать повитуху в округе Вифлеема¹⁷².

И вот я, Иосиф, шел и не двигался. И посмотрел на воздух и увидел, что воздух неподвижен, посмотрел на небесный свод и увидел, что он остановился и птицы небесные в полете остановились, посмотрел на землю и увидел поставленный сосуд

---

¹⁷⁰ В ряде рукописей за ослицей идет Самуэль; в рукописях D, B — за ослицей идет другой его сын, не названный по имени... В Новом Завете среди братьев Иисуса Самуэль не назван. Введение в текст персонажей, идущих за ослицей, были вызваны, по-видимому, тем, что идущий сзади Иосиф увидел Марию, *оглянувшись на нее*.

¹⁷¹ Это видение означает, что рыдают иудеи, чей храм разрушат римляне в 70 г., а веселятся — те, кто уверует в Христа.

¹⁷² Последующий текст от первого лица в папирусе Бодмера отсутствует. Его стилистика не соответствует остальному изложению.

и работников, возлежавших подле, и руки их были около соуда, и вкушающие (пищу) не вкушали, и берущие не брали, и подносящие ко рту не подносили, и лица всех были обращены к небу. И увидел овец, которых гнали, но которые стояли. И пастух поднял руку, чтобы гнать их, но рука осталась поднятой. И посмотрел на течение реки и увидел, что козлы прикасались к воде, но не пили. И затем вдруг все пошло своим чередом.

XIX. И увидел я женщину, спускающуюся с горы, которая спросила меня: человек, куда ты идешь? Я отвечал: ищу повитуху-еврейку. В ответ она спросила меня: Ты из Израиля? И я сказал ей: Да. Она же сказала: А кто такая, кто рождает в пещере? Я отвечал: Она обручена со мной. И она сказала: Она не жена тебе? Тогда ответил я: Это Мария, которая выросла в храме Господнем, и я по жребию получил ее в жены, но она не жена мне, а зачала от Духа святого. [*В папирусе Бодмера: И он нашел женщину, спускавшуюся с холма, и взял ее с собой. И сказала повивальная бабка: А кто такая, кто рождает в пещере? Он ответил: Мария обручена мне, но она зачала от Духа Святого после того, как выросла в храме. И повивальная бабка пошла с ним.*] И сказала ему бабка: Правда ли это? И ответил Иосиф: пойди и посмотри. И бабка повивальная пошла вместе с ним. И встали они у пещеры, и облако сияющее появилось в пещере. И сказала бабка: душа моя возвеличена, глаза мои увидели чудо, ибо родилось спасение Израилю. И облако тогда отодвинулось от пещеры, и в пещере засиял такой свет, что они не могли вынести его, а немного времени спустя свет исчез и явился младенец, вышел и взял грудь матери своей Марии. И воскликнула бабка, говоря: Велик для меня день этот, ибо я узрела явление небывалое. И вышла она из пещеры, и встретила Саломею¹⁷³, и сказала ей: Саломея, Саломея, я хочу рассказать тебе о явлении чудном: родила дева и сохранила девство свое. И сказала Саломея: Жив Господь Бог мой, пока не протяну пальца своего и не проверю девства ее, не поверю, что дева родила.

---

¹⁷³ Саломея упоминается в Евангелии от Марка среди женщин, которые следовали за Иисусом, а потом пришли к его гробнице (Мк. 15: 40; 16: 1), а также во фрагменте неканонического Евангелия от Марка среди спутниц Иисуса.

XX. И повивальная бабка вошла и сказала Мариам — Приготовься, ибо немалый спор о тебе [папирус Бодмера: *И Саломея вошла и приготовила ее (Марию)*] Только протянула Саломея палец, как вскрикнула и сказала: Горе моему неверию, ибо я осмелилась искушать Бога. И вот моя рука отнимается как в огне [папирус Бодмера: *И вознесла молитву Господу*]. И пала на колени перед Господом, говоря: Господь Бог отцов моих, вспомни, что я из семени Авраама, Исаака и Иакова, не опозорь меня перед сынами Израиля, но окажи мне милость ради бедных: ибо Ты знаешь, что я служила Тебе во имя Твое и от Тебя хотела принять воздаяние. И тогда предстал перед нею ангел Господней, и сказал ей: Саломея, Саломея, Господь внял тебе, поднеси руку свою к младенцу и поддержи его, и наступит для тебя спасение и радость. И подошла Саломея, и взяла младенца на руки, сказав: поклонюсь ему, ибо родился великий царь Израиля. И сразу же исцелилась Саломея и вышла из пещеры спасенною. И раздался голос, говорящий: Не возвещай, какое увидела чудо, до тех пор, пока не войдет дитя в Иерусалим.

XXI. И Иосиф приготовился идти (дальше) в Иудею. А в Вифлееме Иудейском была большая смута, ибо пришли маги и спрашивали: где родившийся царь иудеев? Ибо мы увидели его звезду на востоке и пришли преклониться перед Ним. И, услышав это, Ирод встревожился и послал слуг за магами [в папирусе Бодмера: *И он послал за магами, и они рассказали о звезде*]. Потом созвал первосвященников и спрашивал их, где должен родиться Христос согласно писанию? Ответили ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано, и отпустил их. И спрашивал потом магов, говоря им: Какое знамение видели вы о рождении царя¹⁷⁴? И отвечали маги: мы видели звезду большую, сиявшую среди звезд и помрачившую их, так что они почти не были заметны, и так мы узнали, что родился царь Израиля, и пришли преклониться перед Ним. И сказал Ирод: пойдите и поищите, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне поклониться ему. И пошли маги [и видели они звезды на Востоке и двигались они (звезды) перед ними]. И звезда, которую они

---

¹⁷⁴ В представлении иудеев Мессия (по-гречески — Христос) должен был стать Царем Иудеи (Израиля), что отражено и в Новом Завете (Мф. 2; Ин. 1: 49; 12: 13), где Иисус назван Царем Иудейским или Царем Израиля.

видели на Востоке, шла перед ними, пока не пришли они к пещере, и остановилась перед входом в пещеру. И увидели маги Младенца с матерью Его Марией, и, открыв сокровища свои, поднесли Ему в дар золото, ладан и мирру. И, получив откровение от ангела не возвращаться в Иудею, пошли в страну свою иным путем.

XXII. Тогда Ирод понял, что маги обманули его, и, разгневавшись, послал убийц, говоря им: убейте младенцев от двух лет и младше. И Мариам, услышав, что избивают младенцев, испугавшись, взяла ребенка своего и, запеленав, положила в воловьей ясли¹⁷⁵. А Елизавета, услышав, что ищут Иоанна (сына ее), взяла его и пошла на гору. И искала места, где спрятать его, но не нашла. И воскликнула громким голосом, говоря: гора Бога, впусти мать с сыном, и гора раскрылась и впустила ее. И свет светил им, и ангел Господней был вместе с ними, охраняя их.

XXIII. Ирод же тем временем разыскивал Иоанна и отправил слуг к Захарии, говоря: Где спрятал ты своего сына? Он же ответил, сказав: Я слуга Бога, нахожусь в храме и не ведаю, где сын мой. И слуги пришли и рассказали это Ироду. И Ирод в гневе сказал: сын его будет царем Израиля¹⁷⁶. И отправил к нему опять (слуг), говоря: скажи правду, где сын твой? Ибо знай, что твоя жизнь в моей власти. И Захария ответил: Я свидетель (мученик) Божий, если прольешь кровь мою, Господь примет душу мою, ибо неповинную кровь ты прольешь перед храмом.

---

¹⁷⁵ На этом, собственно, кончается история Марии. В последнем эпизоде со-
вмещены легенды о рождении Иисуса в пещере и рассказ Луки о рождении
Его в яслях для скота (2: 7). В рукописи С добавлено — «... испуганная взяла
Младенца и отправилась в Египет»; в рукописи А к этой фразе прибавлено:
«... вместе с Иосифом». В рукописи F: «Ирод же намеревался найти Младенца,
чтобы убить Его. Получив знамение во сне, Иосиф взял ребенка с матерью
Его и отправился в Египет, дабы свершилось реченное пророком: «Из Египта
призову Сына Моего». Эти добавления сделаны, чтобы согласовать рассказ
Протоэвангелия с рассказом Евангелия от Матфея о бегстве Святого Семей-
ства в Египет. Основной текст апокрифа больше связан с Евангелием от Луки,
в котором нет упоминания бегства в Египет.

¹⁷⁶ Утверждение Ирода, что Иоанн будет царем Израиля, т.е. Мессией, по-
казывает, что весь отрывок об Елизавете и Захарии присоединен из другого
рассказа, не связанного первоначально с историей Иисуса и Марии, и создан-
ного сторонниками Иоанна Крестителя. Введение в Протоэвангелие Елизаветы
и Захарии связано, по-видимому, тоже с Евангелием от Луки, где оба они
упоминаются, но без всякой связи с избиванием младенцев.

И перед рассветом Захария был убит, а сыны Израиля не знали, что его убили.

XXIV. И во время (обряда) целования собрались жрецы и не встретил их, согласно обычаю, Захария с благословением. И жрецы, стоя, ждали Захарию, чтобы совершить молитву и прославить Всевышнего. Но так как он не появлялся, все они прониклись страхом. И один из них дерзнул войти (в святилище) и увидел у алтаря кровь запекшуюся, и голос возвестил: Убит Захария, и кровь его не исчезнет до тех пор, пока не придет отмщение. Услышав такие слова, испугался жрец и, выйдя, рассказал другим жрецам. И они решились войти и увидели, что там свершилось, и стены храма возопили, а жрецы сами разорвали одежды свои; но тела его не нашли, только кровь, сделавшуюся как камень, и объятые ужасом вышли и возвестили народу, что убит Захария. И о услышали все колена народа, и плакали и рыдали о нем три дня и три ночи. После трех дней жрецы стали советоваться, кого сделать вместо него, и жребий пал на Симеона. Это ему было возвещено Святым Духом, что он не умрет, пока не узрит Христа Живого¹⁷⁷.

XXV. А я, Иаков, который написал этот рассказ в Иерусалиме, во время смуты скрывался в пустыне до тех пор, пока не умер Ирод¹⁷⁸ и смута не стихла в Иерусалиме¹⁷⁹. Славлю Господа Бога, даровавшего мне премудрость, чтобы описать это. Да будет благодать Его для всех, боящихся Господа нашего Иисуса Христа, слава Его во веки веков!¹⁸⁰ Аминь.

---

¹⁷⁷ Введение в рассказ Симеона, выбранного первосвященником, призвано связать повествование снова с историей Иисуса: в Евангелии от Луки (2: 2–26) сказано о старце Симеоне (правда, первосвященником он не был), которому было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа.

¹⁷⁸ Неясно, почему Иаков должен был ждать кончины Ирода, так как, по христианскому преданию, царь Ирод преследовал младенцев, а не взрослых людей. Хотя типичное для апокрифов смешение дат, мотивов и действующих лиц могло быть связано и с наиболее ненавистным из Иродов — царем Иудеи.

¹⁷⁹ О какой смуте идет речь не вполне ясно, может быть, здесь отражено воспоминание об антиримских волнениях в Палестине после смерти Ирода, хотя автор говорит о смуте еще при жизни Ирода, но в апокрифах II века трудно искать историческую достоверность.

¹⁸⁰ В ряде рукописей после слова «слава» прибавлено «и сила (κράτος)». В рукописи А — «слава и сила вместе с Отцом и Святым Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь». Эти добавления указывают на то, что основной текст был создан еще до принятия догмата о Троице.

Рассказ Фомы израильтянина философа о детстве Господа

(Версия А)¹⁸¹

I. Я, Фома израильтянин, рассказываю, чтобы вы узнали, братья среди язычников¹⁸², все события детства Господа нашего Иисуса Христа и Его великие деяния, которые Он совершил после того как родился в нашей стране. Начало таково.

II. Когда мальчику Иисусу было пять лет, Он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать¹⁸³ воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину и сделал птиц, и осквернил день субботний. И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: для чего делаешь в субботу то, что не должно?! Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: Летите!¹⁸⁴ и воробьи взлетели, щебеча. И иудеи дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам¹⁸⁵ (их первым), что они видели, как Иисус свершил сказанное.

III. Но сын Анны книжника¹⁸⁶ стоял там рядом с Иосифом, и он взял лозу и разбрызгал ею воду, которую Иисус собрал.

---

¹⁸¹ Перевод сделан по изданию: Tischendorf, Evangelia apocrypha.

¹⁸² В греческом тексте — «из народов»: обычное в христианской литературе обозначение нехристиан и неевреев.

¹⁸³ Число двенадцать — священное для иудеев; в данном случае число птиц символизирует двенадцать апостолов, которых Иисус отправит проповедовать свое учение.

¹⁸⁴ В некоторых рукописях добавлено — «и помните Меня, будучи живыми».

¹⁸⁵ В тексте — «первыми», по-видимому, автор (редактор?) плохо представил себе, как мог управляться небольшой городок в Палестине типа Назарета.

¹⁸⁶ Имя отца мальчика выбрано не случайно — книжник Анна фигурирует в Протоевангелии Иакова как противник Иосифа и Марии. Автор Евангелия детства, вероятно, знал Протоевангелие.

Когда увидел Иисус, что тот сделал, Он разгневался и сказал ему: Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов. И тотчас мальчик тот высох весь, а Иисус ушел и вошел в дом Иосифа. Но родители того мальчика, который высох, взяли его, оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что сын его совершает такое!

IV. После этого Он (Иисус) снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул Его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер. А те, кто видел произошедшее, говорили: кто породил такого ребенка, что каждое слово Его вершится как деяние. И родители умершего ребенка пришли к Иосифу и корили его, говоря: Раз у тебя такой сын, ты не можешь жить с нами или научи Его благословлять, а не проклинать, ибо дети наши гибнут.

V. И Иосиф позвал мальчика и бранил Его, говоря, зачем Ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас и будут преследовать нас? И Иисус сказал: Я знаю, ты говоришь не свои слова, но ради тебя Я буду молчать, но они должны понести наказание. И тотчас обвинявшие Его ослепли. А видевшие то были сильно испуганы и смущены и говорили о Нем: каждое слово, которое Он произносит, доброе или злое, есть деяние и становится чудом. И когда Иосиф увидел, что Иисус сделал, он встал, взял Его за ухо и потянул сильно. И мальчик рассердился и сказал: тебе достаточно искать и не найти, и ты поступаешь неразумно¹⁸⁷. Разве ты не знаешь, что Я принадлежу тебе? Не причиняй Мне боли.

VI. И вот некий учитель по имени Закхей, стоя неподалеку, услышал, как Иисус сказал это своему отцу, и дивился очень, что, будучи ребенком, тот говорит так. И через несколько дней он пришел к Иосифу и сказал ему: у тебя умный сын,

¹⁸⁷ В славянской версии — «Достаточно тебе искать Меня и не найти, ибо ты вправду не знаешь, принадлежу ли я тебе...» Слова Иисуса в разных вариантах переключаются с речением из найденного в Египте Евангелия от Фомы на коптском языке: «Сказал Иисус: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и когда найдет, он будет потрясен...» (Фома, 2; перевод М.К. Трофимовой). Смысл слов в Евангелии детства заключается в том, что Иисус упрекает Иосифа, что тот не ищет истину.

который понимает. Так приведи мне Его, чтобы Он выучил буквы, а вместе с буквами я научу Его всему знанию, и как надо приветствовать старших и почитать их как отцов и дедов, и любить тех, кто Ему ровесники. И он показал Ему ясно все буквы от альфы до омеги и много задавал вопросов. А (Иисус) посмотрел на учителя Закхея и спросил его: Как ты, который не знаешь, что такое альфа, можешь учить других, что такое бета. Лицемер! Сначала, если ты знаешь, научи, что такое альфа, и тогда мы поверим тебе о бете. И Он начал спрашивать учителя о первой букве, и тот не смог ответить Ему. И тогда в присутствии многих слышавших ребенок сказал Закхею: слушай, учитель, об устройстве первой буквы и обрати внимание, какие она имеет линии и в середине черту, проходящую через пару линий, которые, как ты видишь, сходятся и расходятся, поднимаются, поворачиваются, три знака того же самого свойства, зависимые и поддерживающие друг друга, одного размера. Вот таковы линии альфы¹⁸⁸.

VII. Когда учитель Закхей услышал, сколь много символов выражено в написании первой буквы, он пришел в замешательство таким ответом и тем, что мальчик обучен столь великому, и сказал тем, кто был при этом: Горе мне, я в недоумении, я, несчастный, я навлек позор на себя, приведя к себе этого ребенка. Посему возьми Его, я прошу тебя, брат Иосиф. Я не могу вынести суровость Его вида, я совсем не могу понять Его речи. Этот ребенок не земным рождением рожден, Он может приручить и огонь. Может быть, Он рожден еще до сотворения мира¹⁸⁹. Я не знаю, какое чрево Его носило, какая грудь питала. Горе мне, Он поражает меня, я не могу постичь Его мысли. Я обманулся, трижды несчастный, я хотел получить

---

¹⁸⁸ Описывается начертание греческой буквы альфа (Α) — средняя черта которой, начиная со II века, могла быть косой.

По свидетельству Иринея, толкованием скрытого смысла букв и цифр занимались гностики-последователи некоего Марка (маркосиане). У Иринея (Против ересей, I, 20: 1) рассказ о школе передан так: «Между прочим, принимают и то поддельное сказание, будто Господь в отрочестве, учась грамоте, когда учитель по обыкновению сказал Ему: Скажи альфа, Он отвечал — альфа. А затем, когда учитель сказал — скажи бета, Господь отвечал: ты сначала скажи Мне, что такое альфа, и Я тебе, что такое бета. И это объясняют так, что Он один лишь знает неведомое, на которое указал в образе альфы».

¹⁸⁹ Учитель выражает идею о предвечности Иисуса Христа, рожденного Богом.

ученика, я получил учителя. Я думаю о своем позоре, о друзья, что меня, старого человека, превзошел ребенок. Мне остается только отчаиваться и умереть из-за этого ребенка, ибо я не могу смотреть Ему в лицо. И когда все будут говорить, как маленький ребенок превзошел меня, что я скажу? И что могу я сказать о линиях первой буквы, о чем Он говорит мне?! Я не знаю, о друзья, ибо не ведаю ни начала, ни конца. Посему я прошу тебя, брат Иосиф, заведи Его себе домой. Он, может быть, кто-то великий, Бог или ангел, или кто-то, кого не ведаю.

VIII¹⁹⁰. Когда иудеи утешали Закхея, дитя рассмеялось громко и сказало: «Теперь пусть то, что ваше, приносит плоды, и пусть слепые в сердце своем узрят¹⁹¹. Я пришел сверху, чтобы проклясть их и призвать их к высшему, как повелел пославший Меня ради вас. И когда ребенок кончил говорить, тотчас, кто пострадал от его слов, излечились. И после того никто не осмеливался перечить ему, чтобы не быть проклятым и не получить увечье.

IX. Через несколько дней Иисус играл на крыше дома, и один из детей, игравших с Ним, упал сверху и умер. И когда другие дети увидели это, они убежали, и Иисус остался один. А родители того, кто умер, пришли и стали обвинять Его (Иисуса), что Он сбросил мальчика вниз. И Иисус ответил, Я не сбрасывал его. Но они продолжали поносить Его. Тогда Иисус спустился с крыши, встал рядом с телом мальчика и закричал громким голосом: Зенон, — ибо таково было его имя — восстань и скажи, сбрасывал ли Я тебя? И тотчас он встал и ска-

---

¹⁹⁰ Между VII и VIII главами в Парижской рукописи этого апокрифа содержится фрагмент рассказа о красильне, перекликающийся с 38 главой арабского Евангелия детства: «Когда Иисус шел, Он увидел мастерскую и юношу, окрашивающего в чане плащи и ткани в разные цвета, делая каждый по одному как хотел. Когда ребенок Иисус подошел [увидев?] юношу таким образом поступающего, Он сам взял находящиеся рядом ткани...» Образ Иисуса, зашедшего в красильню, содержится в Евангелии от Филиппа: «Господь вошел в красильню Левия. Он взял семьдесят две краски, Он бросил их в чан. Он вынул их все белыми и сказал: Подобно этому, воистину Сын человека пришел как красильщик» (54).

¹⁹¹ В славянском Евангелии детства: «Пусть неплодные принесут плоды, и слепые увидят, глухие услышат в своих сердцах, что Я пришел сверху, чтобы спасти тех, кто внизу и призвать их наверх, как Мне повелел Тот, кто послал Меня».

зал: нет, Господь, Ты не сбрасывал меня, но поднял. И когда они увидели, они были потрясены. И родители ребенка прославили случившееся чудо и поклонились Иисусу.

X. Через несколько дней юноша колот дрова по соседству¹⁹², и топор упал и рассек ему стопу, и столько вытекло крови, что он совсем умирал. И когда раздались крики и собрался народ, Иисус также прибежал туда, и пробрался сквозь толпу, и коснулся раненой ноги, и тотчас исцелил ее. И Он сказал юноше: встань теперь, продолжай рубить и помни обо Мне. И когда толпа увидела, что произошло, они поклонились Иисусу, говоря: истинно, Дух Божий обитает в этом ребенке.

XI. Когда Ему было шесть лет от роду, Его мать дала ему кувшин и послала Его за водой. Но в толпе Он споткнулся, и кувшин разбился. И Иисус развернул плащ, который был на нем, наполнил ее водой и принес матери. И когда мать увидела, она поцеловала Его и сохранила в сердце своем чудо, которое, как она видела, Он совершил.

XII. И вот во время сева мальчик вместе с отцом пошел сеять пшеницу на их поле. И пока Его отец сеял, Иисус тоже посеял одно пшеничное зерно. И когда Он сжал и обмолотил его, оно принесло сто мер¹⁹³, и Он созвал всех бедняков поселения на гумно и роздал им пшеницу, а Иосиф взял остаток зерна. Было Ему восемь лет роду, когда он совершил это чудо.

XIII. Его отец был плотник и делал в это время орала и ярма. И богатый человек велел ему сделать для него ложе. Но когда одна перекладина оказалась короче другой, и Иосиф не мог ничего сделать, мальчик Иисус сказал своему отцу Иосифу: Положи рядом два куска дерева и выровни их от середины до одного конца. И когда Иосиф сделал то, что ребенок сказал ему, Иисус встал у другого конца и взял короткую перекладину, и вытянул ее, и сделал равной другой. И Его отец Иосиф видел это и дивился, и он обнял и поцеловал ребенка, говоря: счастлив я, что такого Сына дал мне Бог.

---

¹⁹² В основной греческой рукописи — «в углу», но в версии В сказано «по соседству» (γείτονια), вероятно, так первоначально было и в версии А.

¹⁹³ Сто мер — в греческом тексте «сто кор»; кор был равен примерно от 312 до 520 литров. Эта история перекликается со словами Иисуса из гностического Евангелия от Фомы: «Иисус сказал: вот сеятель вышел, он наполнил свою руку, бросил (семена)... И иные упали на добрую землю... и сто двадцать мер на одну» (Фома, 9) — ср. Мф. 13: 8.

XIV. И когда увидел Иосиф, сколь разумен мальчик и что Он растет и скоро достигнет зрелости, он снова решил, что Иисус должен научиться грамоте. И он взял Его и привел к другому учителю. И учитель сказал Иосифу: сначала я научу Его греческим буквам, потом еврейским. Ибо он знал о разумности мальчика и боялся Его. Все же учитель написал алфавит и долго спрашивал о нем. Но Он не давал ответа. И Иисус сказал учителю: если ты истинный учитель и хорошо знаешь буквы, скажи Мне, что такое альфа, и Я скажу тебе, что такое бета. И учитель рассердился и ударил Его по голове. И мальчик почувствовал боль и проклял его, и тот бездыханный упал на землю. А мальчик вернулся в дом Иосифа. И Иосиф был огорчен и сказал Его матери: не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает.

XV. И по прошествии некоторого времени другой учитель, друг Иосифа, сказал ему: приведи ребенка ко мне в школу. Может быть, я сумею убедить Его выучить буквы. И Иосиф сказал ему: если ты решишься, брат, возьми Его с собой. И тот взял Его со страхом и беспокойством, но ребенок пошел охотно. И Он спокойно вошел в дом, где была школа, и нашел книгу, которая лежала на подставке, и взял ее, но не стал читать буквы в ней. И раскрыл уста, и стал говорить от Святого Духа, и учил тех, кто стоял вокруг. И большая толпа стояла вокруг, дивясь благодати Его поучения и мудрости Его слов, какие, будучи ребенком, Он изрекал. А когда Иосиф услышал о происходящем, он в испуге побежал к школе, боясь, что и этот учитель не может справиться с Иисусом. Но учитель сказал Иосифу: знай, брат, я взял этого ребенка как ученика, но Он полон великой благодатью и мудростью, и теперь я прошу тебя, брат, возьми Его в свой дом. И когда мальчик услышал эти слова, он тотчас засмеялся громко и сказал: раз ты говорил и свидетельствовал истинно, ради тебя тот, кто был поражен, исцелится. И тотчас другой учитель был исцелен. И Иосиф взял ребенка и отвел Его домой¹⁹⁴.

---

¹⁹⁴ В Евангелии детства от Фомы сведены несколько рассказов об учителях Иисуса (Ириней, как и составитель версии В, знал только один), вероятно, происходящих из разных преданий, цель которых была показать в духе представлений гностиков предвечное знание, присущее Иисусу с самого детства.

XVI. Случилось так, что Иосиф послал своего сына Иакова¹⁹⁵ принести связку дров. И Иисус пошел вместе с ним. И когда Иаков собирал хворост, змея укусила его в руку. И когда он упал навзничь и был близок к смерти, Иисус подошел к нему и дыхание Его коснулось укуса, тотчас боль прошла, а тварь лопнула, и Иаков сразу же стал здоров и невредим.

XVII. После этого по соседству от Иосифа умер больной ребенок, и мать его горько рыдала. И Иисус услышал плач великий и смятение и прибежал быстро, и, увидев мертвое дитя, Он коснулся груди его и сказал: «Я говорю тебе: не умирай, но живи и будь с твоей матерью»¹⁹⁶. И тотчас дитя открыло глаза и засмеялось. И Он сказал женщине: возьми и дай ему молока и помни обо Мне. И когда стоящие вокруг увидели происходящее, они говорили: Истинно это дитя или Бог, или ангел Божий, ибо каждое Его слово становится деянием. И Иисус ушел оттуда и стал играть с другими детьми.

XVIII. Спустя некоторое время строился дом, и произошел обвал, и Иисус встал и пошел туда и увидел человека, лежащего замертво, и взял его руку и сказал: Говорю тебе, человек, встань¹⁹⁷ и делай свое дело. И тотчас человек встал и поклонился Ему. И люди были поражены и говорили: этот ребенок (пришел) с небес, ибо Он спас много душ от смерти и будет спасать их всю свою жизнь.

XIX¹⁹⁸. И когда Он был двенадцати лет, пришли Его родители по обычаю в Иерусалим на праздник пасхи вместе с другими. Когда же после праздника возвращались домой, Иисус

---

¹⁹⁵ В этом рассказе, как и в Протоевангелии, Иаков — сын Иосифа (от первого брака).

¹⁹⁶ В основе этого эпизода лежит рассказ Евангелия от Луки (7: 14–15): Иисус прикосновением оживляет юношу и отдает его матери.

¹⁹⁷оборот «Говорю тебе, встань» традиционен для христианских писаний, когда речь идет о деяниях Иисуса; в основе находятся эпизоды канонических Евангелий — Мк. 5: 41; Лк. 7: 14.

¹⁹⁸ В этой главе почти дословно повторен рассказ Евангелия от Луки (2: 42–52), о пребывании двенадцатилетнего Иисуса в храме, с вставками в духе основной идеи апокрифа в соответствии с гностическими учениями об исключительности Иисуса-ребенка и обладанию Им не просто мудростью, как в каноне, но особым, недоступным смертным знанием. В новозаветном Евангелии Иисус сидит посреди учителей, слушает и спрашивает их, в Евангелии детства Он заставляет их замолкнуть. И даже книжники и фарисеи (в Евангелии от Луки они не упомянуты) — традиционные противники Иисуса в Новом Завете — здесь прославляют Его и Марию.

пошел обратно в Иерусалим, родители же думали, что Он идет вместе со всеми. Прошедши дневной путь, стали искать Его среди родственников и близких. И, не найдя Его, возвратились в Иерусалим. Через три дня нашли Его в храме, сидящего среди учителей, слушающего Закон и спрашивающего их. И все со вниманием слушали Его и дивились, как Он, будучи ребенком, заставил умолкнуть старейшин и учителей народа, разъясняя Закон и речения пророков. И мать Его сказала Ему: Дитя! Что Ты сделал с нами? Вот отец Твой и я с великою скорбью искали Тебя. Зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что Мне надлежит быть в том, что принадлежит Отцу моему. А книжники и фарисеи сказали:

Ты — мать этому ребенку? И она сказала: да. И он сказал: благословенна ты между женами, ибо Господь благословил плод чрева твоего. Такой славы, такой доблести и такой мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали. И Иисус встал и пошел за своей матерью и был в повиновении у своих родителей. И мать Его сохранила все слова в сердце своем. Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в благодати. Слава Ему во веки веков. Аминь.

Писание святого апостола Фомы о детской жизни Господа

(Версия В)

I. Почел необходимым я, Фома Израилит, всем братьям из язычников поведать о великих деяниях, что совершил в детстве Господь наш Иисус Христос, пребывая телесно в городе Назарете в возрасте пяти лет.

II. Однажды после дождя вышел Он из дома, когда матери Его не было — ибо работала в поле — и пошел к текущей воде. Сделав ямки, отвел воду и наполнил их водой. И сказал тогда: «Хочу, чтобы вода стала чистой и прозрачной». И тотчас так свершилось. Мимо проходил сын Анны и, ударив по воде лозой, он разбрызгал воду. Повернувшись к нему, сказал Иисус: «Ты, безбожный и преступный, чем тебе навредили лужицы, что ты сделал их пустыми? Да не пойдешь ты дорогой своей и высунешь как твоя лоза». И тотчас тот упал замертво. Увидели это дети, игравшие вместе с Иисусом, подивились Ему и, убежав оттуда, сообщили отцу умершего. Он же, подбежав, увидел умершего и ушел, чтобы пожаловаться Иосифу.

Иисус же слепил из этой грязи двенадцать воробьев. Было это в субботу. Один мальчик побежал к Иосифу и сказал: «Я видел, как твой сын играет у потока, делая из грязи воробьев, что не положено». Услышав это, Иосиф пошел к Иисусу и сказал ему: «Почему ты делаешь, нарушая субботу?» Иисус же ничего не ответил, но, посмотрев на воробьев, воскликнул: «Летите и помните Меня живого». И тотчас по его слову взлетели они в воздух. Иосиф, же, видя это, поразился.

IV. Спустя несколько дней, когда Иисус шел по городу, какой-то мальчик бросил в него камень и попал в плечо. Тогда сказал ему Иисус: «Ты не продолжишь путь свой», и тотчас мальчик упал мертвым. Бывшие там люди, пораженные, говорили между собой — что это за мальчик, чье каждое слово ста-

новится деянием... Они пошли к Иосифу и упрекали его, говоря: «Не можете жить вместе с нами в городе. Если хочешь (остаться), то научи своего мальчика благословлять, а не проклинать. Ибо наши дети гибнут, а все, что он произносит, свершается на деле».

V. Иосиф, встав у сидения своего, поставил мальчика перед собой и, схватив его, сильно дернул за ухо. Иисус же, пристально взглянув на него, сказал; «Тебе достаточно»¹⁹⁹.

На следующий день, Иосиф, взяв его за руку, повел к учителю по имени Закхей и сказал ему: «Возьми этого мальчика, учитель, и научи его грамоте». И учитель ответил: «Передай его мне, и я научу его письму сумею убедить благословлять, а не проклинать». Иисус же рассмеялся и сказал им²⁰⁰: «Вы говорите о том, что видите, Я же знаю много больше вас. Ибо Я есмь Предвечный. И Я вижу, когда рождены были отцы ваших отцов и знаю, сколько лет вашей жизни». И, услышав это, учитель был приведен в смущение. И снова сказал им Иисус: «Вы дивитесь, что Я знаю, сколько лет вы проживете. Истинно знаю, когда мир был сотворен. Вижу, что вы теперь не верите Мне. Когда же увидите Мой крест²⁰¹, тогда уверуете, что говорю правду». Они же, услышав, поразились.

Закхей, написав еврейский алфавит, сказал Ему «Альфа»²⁰². И мальчик повторил — Альфа. И снова сказал учитель — Альфа, и мальчик повторил то же самое. В третий раз учитель сказал — Альфа. Тогда Иисус, посмотрев на учителя, произнес: «Ты не знаешь, что такое альфа, как же можешь учить бете?» И мальчик, начав с альфы, назвал все 22 буквы²⁰³. Потом ска-

---

¹⁹⁹ Эта глава существенно сокращена по сравнению с версией А: смысл слов Иисуса не вполне ясен.

²⁰⁰ Последующие слова Иисуса отсутствуют в версии А, они отражают представления гностиков о видимости земного обличья Иисуса якобы уже в детском возрасте (автором Евангелия Истины предположительно был гностик Валентин).

²⁰¹ Имеется в виду крест как символ не распятия, а воскресения Иисуса, вернее возвращения к Отцу (что тоже было свойственно гностикам: в Евангелии Истины, найденном в библиотеке гностиков в Египте, сказано, что Иисус был пригвожден к древу и стал плодом знания об Отце).

²⁰² Альфа, как и бета — названия букв греческого, а не еврейского алфавита. Составители Евангелия детства точно не знали, чему учили в небольших городках, каким был галилейский Назарет.

²⁰³ В еврейском алфавите 22 буквы, в греческом — 24. В писании Фомы соединены (спутаны?) греческий и еврейский (арамейский) алфавит.

зал: «Слушай, учитель, устройство первой буквы и узнай, какие имеет схождения и линии, очертания, сходящиеся и расходящиеся. И Закхей, услышав эту речь об одной букве, ничего в смущении не смог ответить Ему. Повернувшись к Иосифу, сказал тому: «Брат, дитя это не рождено²⁰⁴, забери его от меня».

После этого однажды играл Иисус с другими детьми наверху на крыше дома. И один мальчик, упав вниз на землю, умер. Видя это, дети, игравшие с ним, убежали, один Иисус остался, стоя на крыше, откуда мальчик упал. Родители же, узнав о смерти сына, прибежали с воплями. Увидев лежащего на земле мертвого мальчика и стоящего на крыше Иисуса, они стали обвинять его в том, что Он столкнул мальчика вниз. Глядя на Иисуса, они поносили Его. Тогда Иисус спустился с крыши, встал у головы умершего и сказал: «Зенон²⁰⁵, разве Я тебя столкнул? Встань и скажи» И тотчас мальчик восстал и, преклонив колени перед Иисусом, произнес: «Господи, Ты не сбросил меня, но оживил».

Спустя несколько дней один их соседей колот дрова и ударил топором по стопе. Обескровленный, он был близок к смерти. Сбежалось много народу, и среди них был Иисус. Коснувшись ноги раненого юноши, Он сразу же исцелил ее и сказал: «Встань, руби свои дрова». Встав, юноша преклонил колени, возблагодарил Его и продолжил рубить дрова. И все остальные, кто был там, пораженные, также благодарили Его.

Когда Ему было шесть лет, послала Его Мириам, Мать Его, принести воды из источника. Но по дороге разбился Его кувшин. Придя к источнику, расстелил Он свой плащ, и, зачерпнув воды из источника, наполнил одежду и, взяв ее, отнес воду своей Матери. Увидев это, поразились Мать и, обняв Его, поцеловала.

Когда достиг Он восьмилетнего возраста, получил Иосиф заказ от некоего богатого человека сделать Ему кровать. Ибо

---

²⁰⁴ В версии А учитель говорит, что мальчик не рожден земным рождением, здесь же слово «земным» убрано, чтобы подчеркнуть извечность Иисуса и, возможно, лишь видимость Его телесного существования.

²⁰⁵ Зенон — распространенное греческое имя (употреблено и в версии А); жители восточных провинций употребляли иногда двойные имена — местные и греческие, но вряд ли между собой жители Назарета называли друг друга греческими именами (апостол Павел, например, Петра называет арамейским словом Кифа).

Иосиф был плотником. Когда он пошел за город, чтобы собрать бревна, вместе с ним пошел Иисус. Отрубив два бревна, Иосиф положил оба бревна рядом и, измерив, обнаружил, что длины одного не хватает. Огорчившись, он стал искать другое. Иисус же, видя это, сказал ему: «Положи эти два бревна рядом, выравняв их по нижнему концу. Не зная, что хочет мальчик, Иосиф все таки сделал, как тот сказал. Тогда Иисус сказал снова: «Схвати со всей силой меньшее бревно». Удивляясь, Иосиф схватил бревно. Иисус тоже схватил за другой конец бревна и потянул его к концу другого. Так Он сделал это бревно равным второму и сказал Иосифу: «Больше не беспокойся и делай беспрепятственно свою работу». Иосиф же удивился сверх меры и сказал: «Блажен я, что Бог дал мне такого ребенка»²⁰⁶. Когда пришли они в город рассказал Иосиф обо всем Матери Иисуса. Она же, выслушав и видя великие и необычные свершения своего сына, возрадовалась, благословляя Его вместе с Отцом и Святым Духом и ныне и присно и во веки веков Аминь.

---

²⁰⁶ Параллели к последующим фразам в версии А нет. В то же время в версии В опущен весь эпизод пребывания двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалимском храме.

Фрагменты сирийского Евангелия детства Фомы

(главы VI–VIII)

Но учитель, чье имя было Закхей, услышал, как Он говорил со своим отцом и воскликнул: О, испорченный мальчик! И сказал Иосифу: Когда же ты решишься отдать этого ребенка, чтобы Он научился любить сверстников и уважать старших. Иосиф же ответил, сказав: Но кто может учить подобного ребенка? Не думает ли он²⁰⁷, что он подобен малому кресту? Иисус сказал, ответив учителю: Эти слова, которые ты произнес и эти имена, они чужды Мне. Ибо Я вне вас, хотя и живу среди вас. Чести в телесности нет у Меня. Ты существуешь по Закону и Закону ты повинешься. Я же был, когда ты родился. Ты думаешь, что ты Мой отец. Ты должен познать от Меня учение, какого другой не знает и не может познать. И крест, о котором ты говорил, Тот, кому он принадлежит, он, понесет его. Ибо когда Я вознесусь, Я отброшу ту часть, которая у меня есть от Вашего рода²⁰⁸. Ибо вы не знаете, откуда вы. Я один знаю истинно, когда вы родились и сколько времени вам надлежит пребывать здесь. И когда они услышали это, они были потрясены и закричали: О, удивительное зрение и слух! Мы никогда не слышали, чтобы человек говорил подобные слова, ни жрецы, ни книжники, ни фарисеи. Откуда Он рожден таким, что, будучи пяти лет от роду, говорит подобные слова, Человек никогда не видел ничего подобного. Иисус же ответил им, сказав: Вы удивляетесь сказанному мной, что я знаю, когда вы появились, но я могу сказать вам еще

---

²⁰⁷ Возможный вариант перевода — «Не думаешь ли ты...»

²⁰⁸ Эта сложная риторическая фраза указывает на чуждость Христа человеческой природе, которая могла быть только видимостью (возможно, в сирийском варианте сказало влияние монофизитов, считавших, что божественная природа в Иисусе поглотила человеческую).

больше. Услышав это, они замолчали и были не в силах произнести. что-либо. А Закхей учитель сказал Иосифу: я научу Его тому, что Ему следует знать. И он повел Его в школу, а мальчик, идя с ним, молчал. Закхей книжник²⁰⁹ стал называть ему буквы, начиная с алефа, и повторял Ему много раз весь алфавит. И сказал Ему, что Он должен отвечать и повторять (за Закхеем) весь алфавит. Но Он молчал. Тогда книжник ударил Его рукой по голове. А Иисус сказал: наковальня кузнеца, если по ней бить, может научиться, а у нее нет чувств. Я же могу сказать то, что ты говорил, зная и понимая. Тогда книжник произнес: Этот (ребенок) велик. Он или Бог или ангел или — я должен сказать, я не знаю, кто²¹⁰. Тогда мальчик Иисус засмеялся и сказал — Пусть те, кто не приносит плодов, принесет их и пусть слепые увидят Плод жизни²¹¹ Судья.

---

²⁰⁹ Закхей в этом фрагменте назван и учителем, и (в отличие от греческих версий) книжником, т.е. толкователем священных книг. Вероятно, это сделано, чтобы подчеркнуть превосходство Иисуса не просто над рядовым учителем грамоты, но над законоучителем.

²¹⁰ Последние слова призваны подчеркнуть гностическую идею непостижимости Иисуса.

²¹¹ Плод жизни — как и в версии В, здесь скорее всего имеется в виду плод Древа жизни, которое отождествлялось в ряде христианских учений с Крестом. Судья в этой фразе или сам Иисус, или Бог, который будет судить человечество:

Фрагмент VI и VIa главы древнеславянского Евангелия детства²¹²

VI. ...И Иосиф очень рассердился на ребенка и сказал учителю: Кто может научить Его? Не думаешь ли ты, брат мой, что, возможно, малый крест? Когда мальчик Иисус услышал, как Его отец сказал это, Он рассмеялся и сказал Закхею: Это все правда, что Мой отец сказал. Я Господь здесь, а ты — чужой. Только мне дана Сила, ибо я существовал раньше и существую ныне. Я родился среди вас и обитаю среди вас. Вы не знаете, кто Я. Но я знаю, когда вы пришли и кто вы, когда вы родились и сколько лет ваша жизнь продлится. Верно Я скажу тебе, учитель, когда ты родился, Я был там и до твоего рождения Я уже был. Если ты хочешь быть совершенным учителем, слушай Меня, и Я научу мудрости, которая никому не ведома, кроме Меня и Того, кто послал Меня научить вас. Я на самом деле твой учитель, хоть ты и считаешь себя Моим учителем, ибо Я знаю, сколько тебе лет и Я также точно знаю, сколько продлится твоя жизнь. Когда ты увидишь однажды Мой крест, о котором сказал Мой отец, тогда ты поверишь, что все сказанное Мною тебе есть истина. Я — Господь, а ты — чужой, ибо Я всегда остаюсь тем же самым. И иудеи, бывшие тем и слышавшие, были потрясены и сказали: О странное и неслыханное чудо! Этому мальчику нет и пяти лет, а Он произносит то, что мы никогда не слышали ни от одного первосвященника, ни от фарисея. Тогда Иисус, отвечая, сказал им истинно, вы видите чудо, но вы не верите тому, что Я сказал Вам. Но Я точно знаю, когда, когда вы и отцы ваши были рождены. Я объявлю вам, о чем никто не слышал: Я знаю, как и Тот, Кто послал Меня, когда мир был создан. Когда иудеи услышали его слова, они испугались и не смогли ничего ответить Ему. А мальчик пошел

---

²¹² Фрагменты древнеславянского Евангелия детства близки сирийскому варианту и отражают идеи гностиков.

и играл, и прыгал и сеялся над ними и сказал: Я знаю, что вы не способны поражаться и не очень умны, ибо Я наделен величием, Дитя, (призванное) для спасения.

VIa. Тогда учитель сказал Его отцу Иосифу: приведи мне в школу этого ребенка, и я научу Его буквам. Иосиф взял Иисуса хза руку и отвел Его в школу. И учитель начал уверенно учить Его внушительными словами и написал весь алфавит для Него. Потом он стал произносить его, читая много раз написанное. Но ребенок молчал и долго не обращал внимания. Тогда учитель рассердился и ударил Его по голове. Ребенок ответил ему: Ты поступаешь несправедливо; Я ли дролжен научить тебя или ты Меня? Ибо Я уже могу воспроизвести буквы, которые ты вложил в Меня. Многие обвиняют тебя, ибо они во мне как медь звенящая и кимвал звучащий, что никогда не издают звука разумного, ни величия мудрости, ни силу души и понимания. Ребенок молчал некоторое время, а затем повторил весь алфавит от А до Т. Потом Он взглянул гневно на учителя и сказал: Почему ты учишь других бете, ты, кто не знает природы альфы. Ты, лицемер! Если ты знаешь, научи Меня сначала альфе, тогда Я поверю тебе и в отношении беты²¹³.

---

²¹³ Дальнейший текст совпадает в основном с версией А.

Фрагменты неизвестных евангелий

Оксиринхский папирус (Рар. Ох. 840)

...прежде, чем совершить зло (дурное), обдумает все коварства. Но будьте осторожны, чтобы не случилось с вами то, что с ними²¹⁴ ибо не только живые, совершившие зло среди людей получают воздаяние, но они должны получить наказание и муки.

И Он взял их (учеников) с собой в место, предназначенное для чистых²¹⁵, и вошел во двор Храма. И главный жрец из фарисеев по имени Леви встретился им и сказал Спасителю: Кто позволил тебе войти в это чистое место и смотреть на эти святыни без омовения, и даже твои ученики не вымыли ног своих? Нечистыми вы вошли во двор Храма, чистое место, хотя никто, кто не омылся сперва и не надел чистые одежды, не смеет вступить сюда и созерцать святыни. И Спаситель остановился со своими учениками и спросил его: А как же ты, который находится здесь, во дворе Храма, ты чист? И тот сказал Ему: Я чист, ибо я омылся в источнике Давида и спустился по одной лестнице и поднялся по другой и надел белые чистые одежды²¹⁶. И только тогда я вошел и созерцал эти святыни. Тогда Спаситель сказал ему: Ты омылся в стоячей воде, в которой собаки и свиньи лежат день и ночь, и ты омылся и натер снаружи свою кожу, как блудницы и флейтистки душатся, моются, натираются (благовониями) и краской, чтобы возбудить желание, а внутри они полны скорпионов и пороков. Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, мы омылись в живой воде²¹⁷, которая нисходит (с небес?). Но горе тем...

²¹⁴ Ср. рассказ Евангелия от Луки о гибели галилеян, кровь которых Пилат смешал с жертвами их и о гибели людей при обвале башни (13: 1–5). Возможно имеются в виду эти события.

²¹⁵ Чистым местом в Септуагинте называется место для жертвоприношений, а также храм (Лев. 4: 12; 6: 4).

²¹⁶ В Ветхом Завете жрецам предписывалось одеваться в льняные одежды, а после жертвоприношений надевать новые одежды (Лев. 6: 4).

²¹⁷ В Евангелии от Иоанна Иисус говорит, что вода, которой Он напоит, сделается источником воды, текущей в жизнь вечную (4: 14).

Папирус Эджертон (Pap. Edgerton)

...к знатокам Закона... каждого, кто нарушает Закон, но не Меня... делает, что делает. И повернувшись к правителям (старейшинам) народа, сказал им так: Поищите в Писаниях, через которые, вы думаете, что обретете жизнь, это они свидетельствуют обо Мне²¹⁸. Не думайте, что Я буду обвинять вас перед Отцом: есть обвинитель — Моисей, на которого вы возлагаете надежду. И тогда они сказали: Мы знаем, что Бог говорил с Моисеем, тебя же не знаем, кто ты такой? Иисус ответил, говоря им: Уже обвинены вы в неверии вашем... Если вы доверяете Моисею, то должны доверять Мне, ибо он [писал] обо Мне вашим предкам...

...камни, чтобы забросать Его, и правители наложили руки свои на Него, чтобы схватить Его и выдать толпе. Но не смогли схватить Его, ибо час выдачи Его еще не пришел. Но Он, Господь, уклонился от рук их и ушел от них. И затем прокаженный подошел к Нему, говоря, Иисус, учитель, я ходил с прокаженными и ел с ними (?) и сам стал прокаженным. Если Ты хочешь, Ты можешь меня очистить. И тотчас Иисус сказал ему: Хочу, очистись. И проказа... сошла с него. (И Господь сказал ему): иди и покажись (жрецам?)²¹⁹.

...Пришли к Нему, чтобы испытать Его, говоря: Учитель Иисусе, мы знаем, что Ты пришел от Бога, ибо творишь то, что свидетельствовано обо всех пророках. Посему скажи нам, допустимо ли давать царям то, что положено их власти? Можно ли давать или нет?²²⁰ Но Иисус понял замысел их, полный нечестия, и сказал им: Почему вы зовете Меня «учитель» устами своими, а не делаете того, что Я говорю? Правильно Исаяя пророчествовал о вас: Народ этот чтит Меня устами

---

²¹⁸ По-видимому, жрецы и старейшины обвиняли Иисуса в нарушении религиозных постановлений; резкие слова Его послужили поводом, чтобы забросать Его камнями.

²¹⁹ Излечение прокаженного упоминается в синоптических Евангелиях (Мк. 1: 40—44; Мф. 8: 2—3; Лк. 5: 12—14), но не совпадает полностью с папирусным фрагментом..

²²⁰ Ср. похожий эпизод в канонических Евангелиях (Мк. 12: 13—17; Мф. 22: 16—21; Лк. 20—25), где Иисус говорит: «...Отдавайте кесарю кесарево, а Богу Божие». В Евангелии Фомы сказано: «Дайте Цезарю то, что принадлежит Цезарю, дайте Богу, то, что принадлежит Богу, и то, что Мое, дайте это Мне» (104).

своими, но сердце их далеко от Меня, и почитание их тщетно, они чтут заповеди человеческие ...²²¹

...место закрытое...оно лежит внизу невидимое, его вес неизмерим... И когда они были в недоумении от Его вопроса, Иисус на своем пути подошел к берегу реки Иордан, протянул Свою правую руку и наполнил ее... и бросил... на... и тогда... вода... перед их глазами... принесся плоды... много...²²²

Фрагмент неканонического Евангелия от Марка

...и пошли в Вифанию, и там была одна женщина, чей брат умер. И, подойдя, преклонила она колени перед Иисусом и говорит Ему: Сын Давидов²²³, сжался надо мной. Ученики же возбраняли ей. Но Иисус разгневавшись (на них) пошел с нею в сад, где находилась гробница, и тотчас раздался громкий звук из гробницы. И, подойдя, Иисус отвалил камень от входа в гробницу и сразу же вошел туда, где был юноша. И, протянув руку, пробудил, коснувшись руки его. Юноша же открыл глаза и возлюбил (Иисуса), умоляя, чтобы (разрешил) быть с ним. И выйдя из гробницы, они вошли в дом, ибо тот был богат. Спустя шесть дней повелел Иисус, и юноша пришел к нему обнаженный, закутанный в покрывало и оставался с Ним всю ночь, ибо учил его Иисус тайне Царства Божьего²²⁴. Оттуда же пришли на другой берег Иордана...

И были там сестра юноши, которого возлюбил Иисус, и мать его, и Саломея²²⁵, и не выслушал их Иисус²²⁶...

---

²²¹ Слова пророка Исаии приводятся по тексту Септуагинты (29: 13).

²²² Предположительное значение отрывка по мнению издателя папируса Белла: Иисус задает вопрос: когда хозяин спрятал семя в тайное место так, что оно стало невидимо, как могло его богатство стать неизмеримым? Когда ученики были в недоумении, Иисус набрал воды в руку, разбрызгал ее по земле (или окропил ею дерево) и тотчас земля (дерево) дала множество плодов.

²²³ Для этой женщины Иисус был Мессия из рода Давида; в каноническом Евангелии от Марка так называет Иисуса слепой (Мк. 10: 47–48).

²²⁴ Вероятно, речь шла о подготовке к крещению в Иордане. В каноническом Евангелии от Марка рассказывается, что после ареста Иисуса за ним следовал юноша закутанный в пелену (покрывало — 14: 5–51). Возможно, эти два эпизода были в первоначальном тексте Евангелия связаны друг с другом.

²²⁵ Саломея упоминается в каноническом Евангелии среди женщин, присутствовавших при распятии и среди жен-мироносиц (Мк. 15:40; 16:1).

²²⁶ Дословно — «не принял». Ср.: Лк. 8: 40: «Когда же возвратился Иисус, народ принял Его» (в значении стал слушать).

Евангелие от Петра

1.²²⁷ 1. ...Из иудеев же никто не умыл рук, ни Ирод, ни кто-либо из судей Его²²⁸. И когда никто не захотел омыться, поднялся Пилат. 2. Тогда Ирод царь приказывает взять Господа, говоря им: Что я приказал вам сделать с Ним, сделайте.

2. 3. Был там Иосиф, друг Пилата и Господа²²⁹, и, видя, что они намереваются распять Его, пошел к Пилату, и попросил тело Господа для погребения. 4. И Пилат послал к Ироду просить о теле. 5. Ирод же сказал: Брат Пилат, даже если никто и не попросил бы, мы бы погребли Его, так как суббота настает, ибо написано в Законе: солнце не должно всходить над умерщвленным²³⁰ и передал Его толпе перед первым днем праздника опресноков.

3. 6. И они, взяв Его, гнали и бежали, толкая Его, и говорили: Гоним Сына Божия, получив власть над Ним. 7. И облачили Его в порфиру и посадили Его на судейское место, говоря: Суди праведно, Царь Израиля²³¹. 8. И кто-то из них, принеся терновый венец, возложили его на голову Господа. 9. А одни, стоящие (рядом) плевали Ему в глаза, другие били Его по щекам, иные тыкали в Него тростниковой палкой, а некоторые бичевали Его, приговаривая: Вот какой почестью почтим мы Сына Божия.

---

²²⁷ Деление на главы и стихи условно, оно сделаны издателями апокрифа (Robinson J.A., James M.K. The Gospel according to Peter and Revelation of Peter. L. 1892).

²²⁸ В предшествующей фразе речь по всей вероятности шла о том, что Пилат умыл руки (ср. Мф. 27: 24). Ирод Антипа — главный судья в этом отрывке, поскольку он был правителем Галилеи, и Иисус был его подданным, поэтому и вопрос о выдаче тела Пилат решает вместе с Иродом.

²²⁹ Иосиф из Аримафен упоминается и в новозаветных Евангелиях, там он назван членом синедриона, не участвовавшим, однако, в суде над Иисусом, но об его дружбе с Пилатом ничего не сказано.

²³⁰ Имеется в виду предписание ветхозаветной книги Второзаконие: «Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погреби его в тот же день (21: 22—23).

²³¹ Неясно, кто совершает издевательство; в канонических Евангелиях — римские воины; из дальнейшего контекста следует, что казнь (и издевательства) осуществляли римляне (только они имели право ее осуществлять и написать на кресте формулировку вины, а также привести для распятия злодеев). Для читателей апокрифа эта ситуация была ясной. Автор ко всем врагам Иисуса применяет слово «они» (т.е. чужие, не верящие).

4. 10. И привели двух злодеев и распяли Господа между ними в середине: Он же молчал, как будто не испытывал никакой боли. 11. И когда они подняли крест, они написали (на нем): Это царь Израильский. 12. И, положив одежды Его перед Ним, делили их и бросали жребий между собой. 13. Но один из злодеев упрекал их, говоря: Мы из-за зла, которое совершили, так страдаем, Он же, явившийся Спасителем людей, что дурного Он сделал вам? 14. И, вознегодовавши на Него, приказали не пребывать Ему голеней, чтобы Он умер в мучениях.

5. 15. Был уже полдень, и мрак окутал всю Иудею. И они стали беспокоиться и бояться, не село ли солнце, а Он еще был жив. Ибо предписано им, чтобы солнце не заходило над умерщвленным. 16. Тогда кто-то из них сказал: Напоите Его желчью с уксусом²³², и, смешав, напоили. 17. И исполнили все и довершили грехи над головами своими. 18. Многие же ходили со светильниками и, полагая, что ночь наступила, отправились на покой. 19. И Господь возопил: «Сила Моя, Сила, ты оставила Меня!». И сказав так, Он вознесся²³³. 20. И в тот же самый час разорвалась завеса в храме Иерусалима надвое.

6. 21. И тогда вытащили гвозди из рук Господа и положили Его на землю. И земля вся сотряслась, и начался великий страх. 22. Тогда солнце засветило, и стало ясно, что час еще девятый²³⁴. 23. Обрадовались иудеи и отдали Иосифу тело Его, чтобы он похоронил тело. Ибо видел, сколько благого содеял (Он). 24. Взял же он Господа, обмыл и обернул пеленой²³⁵ и отнес в свою собственную гробницу, называемую садом Иосифа²³⁶.

---

²³² Из канонических Евангелий только у Матфея говорится, что Иисусу дали желчь, смешанную с уксусом (27: 34); в остальных Евангелиях упоминается только уксус. Цельс говорит только о том, что Его напоили желчью (Ориген. Против Цельса, IV, 22). Слово *желчь* по-гречески означало и отраву.

²³³ Употребление этого слова может быть воспринято как торжественное выражение вместо «умер» (ср. русское «отошел»).

²³⁴ Т.е. третий час после полудня.

²³⁵ В подлиннике употреблено слово, обозначающее тонкую ткань, типа кисеи. В русском переводе употребляется слово «плащаница» (Мк. 15: 46).

²³⁶ В древности было распространено приготовление при жизни места для захоронения. В Евангелии от Петра, как и в канонических Евангелиях, употреблены слова, имеющие значение гробницы, а не гроба — как в синодальном переводе.

7. 25. Тогда иудеи, и старейшины, и жрецы, поняв, какое зло они сами себе причинили, начали бить себя в грудь и говорить: Увы, грехи наши! Грядет суд и конец Иерусалима. 26. Я же с товарищами моими печалился, и, сокрушенные духом, мы спрятались, ибо нас разыскивали как злодеев и тех, кто намеревался сжечь Храм²³⁷. 27. Из-за этого все мы постились и сидели, горюя и плача ночь и день до субботы.

8. 28. Собравшиеся книжники, и фарисеи, и старейшины услышали, что народ весь ропщет и бьет себя в грудь, говоря: Если при Его смерти такие великие знамения явились, то видите, сколь Он праведен. 29. Испугались они и пошли к Пилату, прося его и говоря: Дай нам воинов, чтобы мы могли сторожить Его могилу три дня, чтобы Его ученики не пришли и не украли бы Его, и народ не решил, Что Он восстал из мертвых и не сделал бы нам зла. 31. Пилат же дал им Петрония-центуриона, чтобы охранять гробницу. И с ними пошли старейшины и книжники к гробнице. 32. И, прикатив большой камень вместе с центурионом и воинами, привалили к входу в гробницу. 33. И, запечатав семью печатями, установили палатку и стали стеречь.

9. 34. Рано же утром, когда начался субботний рассвет, пришла толпа из Иерусалима и его округи, чтобы посмотреть гробницу опечатанную. 35. И в ту же ночь, когда рассветало в день Господен²³⁸, — сторожили же воины по двое каждую стражу — громкий голос раздался в небе. 36. И увидели, как небеса раскрылись, и двух мужей, сошедших оттуда, излучавших сияние и приблизившихся к гробнице. 37. Камень же тот, что был привален к двери, отвалившись сам собой, отодвинулся, и гробница открылась, и оба юноши вошли.

10. 38. И когда воины увидели это, они разбудили центуриона и старейшин, ибо и они находились там, охраняя (гробницу). 39. И когда они (воины) рассказывали, что видели, снова узрели выходящих из гробницы трех человек, двоих, поддерживающих одного, и крест, следующий за ними. 40. И головы

---

²³⁷ В обвинениях, выдвинутых против Иисуса, было обвинение в том, что Он собирался разрушить Храм (Мф. 27: 40; Мк. 15: 29). Вероятно, ученики боялись, что это обвинение могло распространиться и на них. Единственный реальный способ уничтожить Храм — поджечь его.

²³⁸ Т.е. день Воскресения.

двоих достигали неба, а у Того, кого вели за руку, голова была выше неба. 41. И они услышали голос с небес: Возвестил ли Ты усопшим? 42. И был ответ с креста: Да.

11. 43. А те обсуждали друг с другом, чтобы пойти и сообщить Пилату. 44. И пока они раздумывали, снова развернулись небеса, и некий человек сошел (с небес) и вошел в гробницу. 45. Увидевшие это вместе с центурионом поспешили к Пилату, оставив гробницу, которую охраняли, и возвестили обо всем, что видели, в сильном замешательстве и волнении говоря: Истинно Сын был Божий. 26. Отвечая же, Пилат сказал: Я чист от крови Сына Божия, вы же так решили. 47. Тогда все просили его приказать центуриону и воинам никому не рассказывать о виденном. 48. Ибо лучше, говорили они, нам быть виноватыми в величайшем грехе перед Богом, но не попасть в руки народу иудейскому и не быть побитыми камнями. 49. И приказал Пилат центуриону и воинам ничего не рассказывать²³⁹.

12. 50. Рано утром дня Господня Мария Магдалина, ученица Господа, опасаясь иудеев, охваченных гневом²⁴⁰, не свершила у гробницы Господа того, что обычно совершают женщины над близкими умершими. 51. Взяв с собой подруг, пошла к гробнице, куда был положен. 52. И боялись они, как бы не увидели их иудеи, и говорили: Если и не могли мы в тот день, когда был распят, рыдать и стенать, то теперь у гробницы Его сделаем это. 53. Кто же откатит для нас камень, закрывающий вход в гробницу, чтобы, войдя, мы сели около Него и совершили положенное? 54. Ибо камень велик, и мы боимся, чтобы кто-нибудь не увидел нас. И если мы не сможем, положим у входа, что принесли в память Его, будем плакать и бить себя в грудь вплоть до нашего дома.

13. 55. И они пошли и увидели гробницу открытой, и, подойдя, склонились туда и увидели там некоего юношу, сидящего посреди гробницы, прекрасного и одетого в сияющие

²³⁹ Ни один из учеников, согласно рассказу, не был свидетелем ни воскресения Иисуса, ни разговора с Пилатом: они не могли на это претендовать, так как прятались все вместе. Этот рассказ — стремление реконструировать и конкретизировать чудо Воскресения, чему их отсутствие давало возможность.

²⁴⁰ Подразумевается все та же иудейская верхушка, которая могла быть охвачена гневом против учеников Иисуса, поскольку они не знали того, что произошло ночью.

одежды, который сказал им: 56. Кого ищите? Не Того ли, Кто был распят? Восстал Он и ушел. Если же не верите, наклонитесь и посмотрите на место, где Он лежал, Его нет там. Ибо восстал и ушел (туда) откуда был послан. 57. И тогда женщины, объятые ужасом, убежали.

14. 58. Был же последний день праздника опресноков, и многие расходились, возвращаясь по домам своим, так как праздник кончался. 59. Мы же, двенадцать²⁴¹ учеников Господа, плакали и горевали, и каждый, удрученный совершившимся, пошел в дом свой. 60. Я же Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев²⁴², которого Господь...²⁴³

Донесение Пилата²⁴⁴ прокуратора о Владыке нашем Иисусе Христе, посланное Августу²⁴⁵ Кесарю в Рим

1. В те дни, когда был распят Господь наш Иисус Христос при Понтии Пилате прокураторе Палестины и Финикии²⁴⁶ появилась в Иерусалиме запись о содеянном иудеями с нашим Господом. Пилат отправил вместе со своими личными записями донесение Кесарю в Рим, написанное так:

---

²⁴¹ На самом деле, если следовать евангельским рассказам, учеников Иисуса в это время должно было быть одиннадцать — без Иуды Искариота. Однако в отдельных местах Нового Завета число двенадцать продолжает применяться к ученикам Иисуса и после Его распятия: Фома назван в Евангелии от Иоанна «одним из Двенадцати» (20: 24). В Первом послании к коринфянам апостола Павла сказано, что Иисус явился Кифе (т.е. Петру), потом Двенадцати (15: 5). Уже после явлений Иисуса ученики выбрали двенадцатым Матфию, чтобы сохранить священное для иудеев число, связанное с двенадцатью коленами Израиля. Вероятно, употребление этого слова в апокрифе — дань привычному словоупотреблению.

²⁴² Левий Алфеев, сборщик пошлин, упомянут в Евангелии от Марка (2: 14): он обычно отождествляется с Матфеем; в конце последней фразы, по видимому, должна была идти речь об его призвании.

²⁴³ Можно предположить, что в апокрифе дальше рассказывается об явлениях ученикам Иисуса, прежде всего Петру, как об этом пишет Павел.

²⁴⁴ Перевод сделан по изданию: Tischendorf K. Evangelia apocrypha. Lipsiae, MDCCCLIII. P. 413—419.

²⁴⁵ Титул «Август» носили все римские императоры со времени правления Октавиана Августа.

²⁴⁶ На самом деле Пилат был префектом и прокуратором только Иудеи.

Могущественному, божественному и грозному Августу Кесарю. Я должен сообщить тебе, о могущественнейший, то, из-за чего я повергнут в ужас и трепет. Ибо в подвластной мне земле, где один из городов называется Иерусалим, толпа всех иудеев передала мне человека по имени Иисус, возведя на Него много обвинений, но не смогла подтвердить их убедительностью речей. Единственный их довод — Иисус говорил им, что суббота не день покоя и что не надо соблюдать субботу. Ибо много исцелений совершил Он в этот день: слепых делал зрячими, прокаженных очищенными; умерших поднимал, хромых сделал ходячими, излечил паралитиков, которые не могли сделать ни одного движения, ни свои сухожилия (нервы?) успокоить, но могли только говорить, издавая звуки. Он дал им силу ходить и бегать одним только Словом. И еще самое удивительное деяние, чуждое даже нашим богам: Он воскресил покойника, который четыре дня уже как умер, одним Словом позвав его, когда кровь его испортилась, черви уже завелись в его теле, а запах от него был как от собаки. Увидев его лежащим в гробнице, Иисус приказал ему идти²⁴⁷. И ничего не осталось в нем от покойника, но вышел он из гробницы как жених из брачного покоя, полного благоухания.

2. И чужеземцев²⁴⁸ живших в пустыне и евших свое тело, подобно зверям и ползучим гадам, он сделал обитателями городов и своим Словом дал им разум, и они стали мудрыми, сильными, подобными всем другим. Они ели вместе с врагами нечистых духов (т.е. обычными людьми. — *Прим. перев.*), которые губили их, находясь внутри, и которых Иисус сбросил в пучину моря.

3. Потом был еще и другой сухорукий человек, причем не только рука, но и половина тела была у этого человека как

---

²⁴⁷ Речь идет о воскрешении Лазаря (Ин. 11: 39–44), но в каноническом тексте нет подробностей, описывающих тело Лазаря.

²⁴⁸ В синодальном переводе Евангелия от Матфея сказано, что Иисус прибыл в страну Гадаринскую (8: 28), но в одной из греческих рукописей другой вариант — в землю Гадаринскую (т.е. в округу греческого города Гадары в Палестине). Это чтение признано большинством издателей греческого текста Нового Завета. В окрестностях Гадары могли быть свиньи, разводимые греками-жителями этого города. В свиней Иисус вселил демонов — согласно каноническому Евангелию.

каменная, и он не имел вида человека и он не мог двигаться²⁴⁹. Этого человека Он одним своим Словом излечил.

4. И была женщина, страдавшая кровотечением длительное время, так что ее сосуды и вены были пусты из-за оттока крови, и она не имела человеческого вида, но была как труп, все время молчала, и в округе ни один врач не мог ее вылечить и не было у нее никакой надежды на жизнь²⁵⁰. Но когда Иисус проходил мимо, она чудесным образом обрела силу, как только Его тень упала на нее. И она схватила край одежды Его, и тотчас сила наполнила то, что было в ней пусто, так что она больше не испытывала боли и поспешила пешком в свой родной город Кефарнаум (Капернаум), который находился в шести днях пути²⁵¹.

5. Таковы деяния Иисуса, которые Он совершал в субботу, о чем я недавно хотел тебе сообщить. И другое, еще более чудесное Он являл, так что я полагаю, Он мог совершать такие чудеса, какие не могли совершать боги, которым мы поклоняемся.

6. Этого человека Ирод, и Архелай, и Филипп, Анна и Каиафа²⁵² передали мне вместе со всем народом, бурно требуя, чтобы я судил Его. Поэтому я приказал распять Его, сначала бичевав, но не нашел никакой причины для обвинений Его в дурных делах.

7. Когда Его распяли, тьма опустилась на весь населенный мир, так как солнце в середине дня померкло, и звезды стали видны, но в них не было сияния; луна же, как бы окровавленная, лишилась света. И космос был поглощен тьмой подземелья, так что святая святых храма, как иудеи ее называли, не была им видна в их падении. А внизу раскрылась зияющая бездна при громе гремещем.

---

²⁴⁹ Подробности о сухоруком человеке, как и подробности о преобразении одержимых, в Новом Завете отсутствуют.

²⁵⁰ В Евангелии от Марка (5: 25–29) говорится, что женщина много претерпела от многих врачей, истощила (в греческом подлиннике — израсходовала — подразумеваются средства) все, что было у нее, и не получила никакой пользы... В Евангелии от Матфея слов о врачах нет.

²⁵¹ Евсевий Кесарийский говорит, что эта женщина происходила из Кесарии Палестинской (другое название — Паннеада) — Церковная история, VII, 18. По-видимому, были разные попытки конкретизировать евангельские рассказы.

²⁵² Ирод Антипа, Архелай, Филипп — сыновья Ирода; ко времени процесса над Иисусом Архелай уже умер, а Иудея находилась под прямым правлением римлян. Анна и Каиафа — первосвященники.

8. Видели они в ужасе восставших покойников и говорили, что то были Авраам, Исаак, Иаков и двенадцать патриархов, и Моисей и Иов, которые, по их словам, умерли три тысячи триста лет тому назад. И было их, явившихся, очень много, каких я сам видел, и они жаловались на иудеев из-за сотворенного ими беззакония и погибели для иудеев и их Закона.

9. Был страх великий от землетрясения от шестого часа приготовления до девятого. А когда наступил вечер первой субботы, раздался звук с небес, и небо осветилось в семь раз сильнее, чем во все дни. В третьем часу ночи видно было солнце ярче, чем когда бы то ни было, и все небо светилось. И как молния сверкает среди зимы, так явились с неба мужи великие в сияющих одеждах в неисчислимом множестве, чей голос был слышен как мощный гром, провозглашающий: «Распятый Иисус восстал! Выходите из ада (греч. — Гадеса) те, кто был поработен в подземельях ада». Разрыв же в земле как бы не имел дна. И стало так, как будто явились основания Земли одновременно с возглашающими с небес и восставшими мертвецами. Тот же, кто воскресил всех умерших и связал Ад, произнес: Скажите ученикам Моим: Он идет впереди вас в Галилею, где увидите Его.

10. В течение всей ночи свет не переставал сиять, И многие иудеи погибли, поглощенные землей, так что на следующий день не могли найти тех, кто был против Иисуса. Явились другие умершие, которых никто из нас прежде не видел. И ни одной синагоги не осталось в Иерусалиме, ибо все они исчезли при падении (в бездну)²⁵³.

11. Испытывая ужас, пребывая в растерянности и охваченный страшным трепетом, описав то, что видел в то время, направляю твоему могуществу изложение по порядку всего, что было совершено иудеями против Иисуса, я отсылаю, о господин, твоему божественному величию (дословно — твоей божественности).

---

²⁵³ Все подробные описания чудес и ужасов ставят своей целью показать медленное наказание противников Иисуса. О раскрытии могил говорится только в Евангелии от Матфея (27: 52–53): «И гробы отверзлись: и многие тела усопших святых воскресли, и вышедши из гробов, вошли во святой град и явились многим». О гибели людей, о том, что Иисус вывел воскресших из Ада, в Новом Завете ничего нет. Вероятно, автор (или редактор) донесения был знаком с Евангелием Никодима, где описывается сошествие Христа в ад.

Мученичество святого апостола Андрея²⁵⁴

1. Когда блаженные апостолы Спасителя нашего Иисуса Христа после вознесения Его находились в Иерусалиме, встал перед ними блаженный Петр и сказал: «О мужи, совершающие чудеса и знамения Силой Его, помните, что Он направил нас, восприемников Его, разойтись по всему населенному миру, возвещая покаяние и прощение грехов для тех, кто уверовал в Святое Имя Его. И ныне вошла в каждого из нас Сила, спустившаяся с небес, и излила на нас дары Духа Святого, дабы мы явили оружие благочестия — благое слово и милость Господа нашего и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Что же мы медлим и пребываем в покое вместо того, чтобы идти и совершать деяния, на которые Он направил нас и ради которых призвал нас?!»

2. И, встав, бросили апостолы жребий, куда кому идти и какому народу нести спасение. И выпала Петру земля обрезанных, Иакову и Иоанну — восточные земли, Филиппу — города Самарии и Азия, Варфоломею — Албанополис, Матфею — Парфия и город Мирмнида, Фоме — Великая Армения и Индийская страна, Левий и Фаддей получили Бероникиду, Симон Кананит — Варварию. Вместе со всеми бросил жребий и Андрей, выпала ему Вифиния, Лакедемон и Ахайя²⁵⁵.

3. После этого разошлись все по разным краям ойкумены: апостол же Андрей отправился в Вифинию и учил там Слово Божию. Оттуда пошел он в Патры Ахайские²⁵⁶. И когда вступил он в город, разнеслась молва, что пришел чужеземец, который одним именем некоего человека Иисуса совершает великие чудеса и знамения, без всяких снадобий болезни излечивает, демонов изгоняет, мертвых поднимает, прокаженных

---

²⁵⁴ Перевод сделан по изданию, до сих пор считающемуся классическим: Acta apostolorum ароссγρφη, ed. Lipsius R.A et Bonnet M. T. II, 1, Lipsiae 1903. Первоначальный текст II века не сохранился, на его основе создан ряд апокрифов. Мученичество святого апостола Андрея считается самым близким к раннему тексту.

²⁵⁵ Страна обрезанных — Иудея; Парфия — государство, граничившее с Римской империей на Востоке, что такое Варвария (страна варваров — неясно); Андрей получил для проповеди провинцию Вифиния и Понт в Малой Азии, провинцию Ахайю, включавшую всю Грецию.

²⁵⁶ Патры — резиденция наместника (проконсула) провинции Ахайя.

очищает и всякие недуги лечит. Услышав это, сказал в тревоге проконсул Лесбий²⁵⁷: «Он — колдун и обманщик, негоже нам присоединяться к нему, но следует больше позаботиться о благодеяниях богов». И повелел схватить Андрея и погубить его.

4. Ночью же предстал перед проконсулом Ангел Господен и властно сказал ему, устрашая: «Какое претерпел ты зло от чужеземца, что препятствуешь кознями своими Богу, которого он возвещает? Вижу я ныне Руку Господа над тобой, и будешь ты поражен безумием, пока истину через него не познаешь». И сделался Ангел невидимым для Лесбия, а тот оставался безгласным. Когда через некоторое время пришел он в себя, позвал служивших ему воинов и сказал им со слезами: «Пожалейте меня, поспешите и разыщите в городе чужеземца, который возвещает неведомого Бога²⁵⁸. Истину через него познать я смогу». Бросились те разыскивать апостола Андрея, и, найдя, привели к проконсулу. Лесбий же, увидев его, бросился ему в ноги и взмолился: «Божий человек, чужеземец, свидетельствующий о неведомом Боге, пожалей человека заблудшего, не знающего истины, запятнанного грехами, созерцавшего многих ложных богов, а единого истинного Бога не знавшего. Молю тебя Богом, пребывающем в тебе, протяни мне руку спасения, открой мне врата познания, зажги мне свет справедливости».

5. И блаженный апостол, растроганный, заплакав от слов молящего, поднял глаза свои к небу, возложил свою правую руку на тело его и произнес: «Боже мой, Иисусе Христе, не узанный миром, ныне же через нас явленный, Сын Божий, кто прежде всего и повсюду, восприми раба Твоего и творение Твое излечи, дабы и он был среди людей Твоих, возвещая истину». И тотчас, держа его за правую руку, поднял. Тот же, встав, возблагодарил Господа, говоря: «Подлинно этот Бог, о чужеземец, вне дней и сроков. Посему я предаюсь тебе со всем домом моим». Андрей ответил ему: «Так как ты до конца уверовал в Пославшего меня, исполнишься ты знанием высшим».

²⁵⁷ Имя Лесбий, как и имя следующего проконсула — Эгей или Эгеат, — вымышленные. Первое образовано от названия острова Лесбос, второе — от названия Эгейского моря или мифического царя Эгея. Римские проконсулы I века не могли носить такие имена.

²⁵⁸ Неведомый Бог — имеется в виду, по-видимому, Иисус Христос, хотя это выражение употребляли и гностики по отношению к Единому абсолютному божеству.

6. Когда это произошло, возрадовался весь город спасению проконсула. Отовсюду стекались толпы, принося больных разными болезнями. Апостол, помолившись за них и призвав Господа Иисуса Христа, излечил всех. Изумление охватило живущих в городе и возопили они: «Велика сила неведомого Бога! Велик Бог, возвешенный чужеземцем Андреем! Мы сегодня уничтожим наших идолов, святилища их разрушим, отречемся от богов и демонов. Лучше мы признаем Бога, возвешенного Андреем. Велик Бог Андрея!» И все как один бросились к храмам богов, стали поджигать их, разламывать, рассеивать пепел, надругались над ними, попирали ногами, уничтожали все, говоря: «Один Бог Андрея будет с нами». И проконсул Лесбий радовался ликованию народа и славил его деяния.

7. По прошествии времени слово и провозвестие блаженного Андрея распространилось повсюду. И кесарь сменил проконсула, отрешив его от должности. Лесбий же, получив предписание императора, с радостью пошел к блаженному Андрею и сказал: «Теперь я еще более верую в Господа, отказавшись от пустого учения, отвернувшись от мирской роскоши, лишенный хлопот повседневной жизни. Прими меня, верующего, дабы возвещал я истину и свидетельствовал людям об общем их Спасителе». И, покинув преторий²⁵⁹, пошел с Андреем.

8. И тогда было видение апостолу Андрею. Явился ему Спаситель Христос, вставший перед ним и возвестивший: «Андрей, ты вложил Дух Святой в Лесбия и передал ему благодать свою. Смертный крест твой следует за Мной. Ибо тот, кто изведет тебя из мира, поспешает в Патры». Очнувшись, поведал апостол окружавшим его и понял он смысл сказанного ему. Тут какой-то человек, вбежав, сообщил апостолу: «Эгеат, ставший проконсулом Ахайи, получил донос от каких-то рабов дьявола, людей дурных и враждебных. Они рассказали ему, что ты уничтожил богов города, сжег их храмы, разбил святилища и преклоняешься только перед одним Распятым, веря в него. И Эгеат послал палачей схватить тебя». Блаженный же Андрей, опустившись на колени, произнес: «Истинно, о Боже, Ты открыл мне грядущее. О мой Господин, дай мне силу с прямою противостоять Эгеату».

---

²⁵⁹ Преторий — резиденция наместника в столице провинции.

9. И как только произнес он эту молитву, перед воротами предстали палачи, посланные нечестивым Эгеатом. Они зашумели у дома, где остановился блаженный Андрей. Схватив Антифана, гостеприимца раба Божия, силой потащили его, говоря: «Некоего чужеземца, колдуна и обманщика, уничтожителя богов, разрушителя храмов ты ввел в дом, столь многое ему предоставив; наш город вместе со святилищами богов ты опустошил. Немедленно укажи и выдай раба Распятого, по имени Андрей. Ибо Эгеат, великий и славный проконсул, требует, чтобы он предстал перед его очами». Тотчас весь город собрался перед дверьми Антифана, громко крича: «Кесарь послал проконсула, чтобы он давал отпор дурным (людям) и поощрял добрых. Мы хотим знать, из-за чего гневается Эгеат на раба Божьего? Ибо для нас Андрей — апостол неведомого Бога и учитель».

10. Пока они все это кричали, блаженный апостол, опасаясь, как бы толпа горожан не схватила посланцев нечестивого Эгеата, вышел из дома и, встав посреди толпы, молча сделал им знак рукой. Встав на возвышение, он тотчас открыл было рот, но все в один голос закричали: «Велик Бог чужеземца, пришедший через раба Своего, благодворя всем, одержимым дьяволом». Андрей же сказал: «Братья, призванные Словом и избранные Именем Его! Благо не только в том, чтобы поверить в Пославшего меня, но чтобы за Него погибнуть. Успокойтесь и не шумите, дабы вас не покрали как зачинщиков мятежа и подстрекателей войны, а не как благочестивых граждан. Откройте мне путь к Эгеату, уступив тем, кто обладает силой. Ибо приняв смерть, я гораздо более сделаю для вас, указав путь к воскресению». Едва успокоив таким образом толпу, он предался в руки палачей. Они же, звери, а не люди, подобно волкам, нашедшим слабого и прекрасного ягненка, схватили его и потащили к нечестивому Эгеату.

11. А Эгеат, увидев блаженного Андрея, произнес: «Скажи, о человек, чуждый и этому месту, и обычаю, и нашей крови²⁶⁰, по чьему наущению ты пришел сюда, где правит кесарь, и

---

²⁶⁰ В этой фразе отражены подлинные мотивы неприятия многими жителями империи и особенно правящей верхушкой первоначальной проповеди христиан.

уничтожил священные возжигания нашим богам? Всю Ахайю ты решил передать некоему Распятому, и город Патры ты захватил без оружия».

12. Блаженный же Андрей простер руки и сказал: «Истинно! Истинно! Великий Бог, в Которого я верую, привел меня к тебе, чтобы полчища демонов низвергнуть в бездну, фалангу богов обратить в дым, и идола ваши, как видишь, сделались ничем. Взгляни на содеянное, о проконсул, и устремись к моему Богу. Осознай гибель богов ваших и признай моего Бога. Ибо Он — Вседержитель, Бог-логос, поставленный над всеми эонами²⁶¹. Получив от Отца власть судить живых и мертвых, будучи Богом, собственной Силой взял Себе тело²⁶² вошел в мир и нас, апостолов, избрал и дал нам право отправиться ко всем народам возвестить Именем Его покаяние и отпущение грехов, дабы человечество отвратилось от богопротивного многобожия, а познало бы Одного и Единого Бога, перед Ним преклонилось, и Ему одному служило. Ради этого и к тебе я послан сюда, чтобы, если ты внемлешь, поверив в Него, спасся. Если же ты не уверуешь и откажешься, то подвергнешься Суду вместе с так называемыми богами твоими».

13. Нечестивый же Эгеат, как щитом закрыв уши, не желая слушать истинную мудрость, сказал: «Ты, наполненный вздором, изобретатель некоего чужеземного имени, изведай наших даров». И приказал, подвергнув бичеванию, распять Андрея на кресте. А блаженный апостол, выйдя от него, сказал: «Велик Ты, Иисус Христос, одаривший нас Своим оружием, осенивший нас Своей благодатью. Прими меня, наконец, на вечное пребывание в Твоей обители, освободи ото всех трудов неоконченных, уничтожь мое тело, дабы душа моя вместе с хором ангельских песнопений воспевала Тебя». Как только он приблизился к кресту, вся толпа закричала: «Нечестив суд Эгеата! Чужеземца, никого не обидевшего, приговорил он к распятию! Неправеден этот суд! Схвати, о проконсул, нас, во многом согрешивших, а не этого праведника!»

---

²⁶¹ Эоны — извечные космические сущности: так, гностики одним из эонов считали Софию.

²⁶² В проповеди Андрея видно влияние гностиков, не признававших человеческой природы Иисуса: Христос-Логос существует вне тела, которое Он временно берет себе.

14. Подойдя к месту казни, увидел он дерево вколоченное. Отойдя от всех, кто окружал крест, он громко обратился к нему: «Приветствую тебя, о Крест, ибо ты приносишь радость. Наконец созерцаю тебя, бывшего прежде в покое и лежащим, воздвигнутым (ныне) и ожидающим меня. Я пришел к тебе, зная, что ты мой. Я пришел к тебе, ибо ты жаждешь обрести меня. Знаю твою тайну, ради которой ты воздвигнут. Ибо поднят ты в космосе, дабы укрепить шаткое. Ты обращен к небу, дабы явить Человека-Логоса. И ты распластан налево и направо, дабы вражду и силы противостоящие повернуть и мир свести в одно. Ты воткнул в землю, дабы то, что на земле и под землей соединить с тем, что на небесах. О Крест, орудие спасения Всевышнего! О Крест, связующий круг Земли, слава тебе, придающий форму бесформенному! Слава тебе, незримой карой покаравший учение многобожия и изобретателя его изгнавший из человечества²⁶³! Слава тебе, Крест, отпустивший Господа, оплодотворивший разбойника²⁶⁴, апостола призвавший к покаянию и нас не презревший принять!²⁶⁵ Однако сколь долго я говорю и не объемяю Креста, дабы получить на нем жизнь, и благодаря ему избежать общей участи. Приблизьтесь, свершители моей радости, слуги Эгеата, исполните желанное и предайте агнца страданию, человека — Творцу, душу — Спасителю».

15. И когда он это сказал, подошли палачи, привязали его ноги и руки к кресту, но не пригвоздили его. Ибо таково было повеление Эгеата. Он решил снять повешенного ночью и еще живого отдать на растерзание собакам²⁶⁶. Но прошло четыре дня и четыре ночи, не стал тоньше лик апостола, не ослабел

---

²⁶³ Изобретатель — вероятно, имеется в виду дьявол, которому приписывается создание многобожия., как и всего «неправильного» в мире.

²⁶⁴ Подразумевается, что признавший Христа распятым рядом с ним разбойник тем самым обрел плод жизни вечной.

²⁶⁵ Речь Андрея раскрывает символику креста, которая начинает создаваться примерно с середины II века, когда кресту начинают давать мистическое и символическое толкование. На трактовку креста в Мученичестве Андрея оказали влияния спекуляции гностиков, которые рассуждали о тайном смысле букв, чисел и геометрических фигур.

²⁶⁶ Римляне далеко не всегда разрешали родственникам хоронить распятых преступников, их сбрасывали в общую могилу, где на них набрасывались собаки. Особая жестокость Эгеата сказалась в том, что он решил отдать собакам еще живого апостола.

его голос, не расслабились его члены, он не стонал и не рыдал²⁶⁷. А весь народ поклонялся апостолу и славил Бога, что дает поддержку и силы уповающим на Него.

16. Эгеат, услышав, что он еще жив, изумился и быстро поспешил к нему. Когда апостол увидел Эгеата, стоявшего перед ним, то сказал ему громким голосом: «Зачем ты пришел к тому, кто уже не в твоей власти? Зачем созерцаешь повешенного? Чем удивишь закованного? Спаси свою душу! Поверь в пославшего меня Христа! Открой глаза и узри святого Иисуса! Ибо Он откроет тебе суть души и ты приобретешь знание Первослова²⁶⁸. Отвергни незнание! Да не ошибешься ты в своих раздумьях, не погубишь себя ради призраков, да не лишишься ты благодати, не будешь осужден за неповиновение, не поглотит тебя Змей, не будешь схвачен ты подобно льву. Дарует сладость жизнь во Древе²⁶⁹. Уверуй в Распятого! Прекрасен Крест, ибо он дарует жизнь. Прекрасен повешенный на Кресте, ибо он низвергает демонов, освобождает души и судит борющихся. Но зачем столько говорю? О Христос, приди ко мне, сделай раба свободным, связанного — отпущенным, земного — небесным, дабы все верующие через меня спаслись, а я засвидетельствовал бы Твою Божественную истину».

17. Сказав так и обратившись мыслию к Господу, отдал душу в благодати. Все же, пораженные, закричали: «Велик Бог Андрея! Благ Бог Христос! О Христос, спаси нас, как спас Андрея, уповавшего на Тебя!».

18. После кончины апостола жена Эгеата вместе со Стратком (братом Эгеата) пришла к кресту и отвязала почившего апостола. Скорбя, похоронили они его за городом. А сама она, став последовательницей Христа, покинула Эгеата из-за жестокости души его и правления. Избрав жизнь мирную и благочестивую, в любви к Христу жила она вместе с братьями. Эгеат же, терзаемый совестью, встал ночью и незамеченный бросился с большой высоты и, разбившись, так окончил свою

²⁶⁷ По-видимому, согласно апокрифу, Андрей не испытывал страданий: представление, которое восходит к идеям некоторых групп христиан о том, Христос не испытывал мук на кресте.

²⁶⁸ Первослова — т.е. Христа-Логоса.

²⁶⁹ Во древе — т.е. во Древе жизни, согласно ветхозаветной Книге Бытия, растущем в Раю. В Евангелии от Филиппа Крест отождествляется с Древом жизни (91—92).

жизнь. Стратокл, брат Эгеата, получил его имущество и, продав его, разделил все между нищими, сам же заслужил Царствие Небесное.

19. Мученичество святого апостола Андрея свершилось по азиатскому календарю в шестой день месяца перитта, по римскому же — в тридцатый день ноября в царствование Господа нашего Иисуса Христа²⁷⁰.

Аминь.

Деяния и мученичество святого апостола Матфея²⁷¹

1. В то время Матфей, святой апостол и евангелист, находился на горе, пребывая в покое и вознося молитвы, в тунике и апостольских одеждах²⁷². И вот явился Иисус Матфею в образе дитяти, одного из тех, что поют в Раю, и сказал: «Мир тебе, Матфей!». И Матфей, взглянув на него и не узнав, произнес: «Мир тебе и милость, о дитя, столь любимое! Но почему ты пришел сюда ко мне, покинув тех, кто поет в Раю и наслаждается там? Ибо место здесь пустынное, и я не знаю, чем могу угостить тебя, ибо у меня нет ни хлеба, ни масла в кувшине. Даже ветры не дуют и не срывают с деревьев ничего годного для еды. Ведь я, совершая пост в течение сорока дней, ничего не ем, кроме плодов, падающих с деревьев, и восхваляю Господа моего Иисуса. Посему, что я могу принести тебе,

---

²⁷⁰ Последняя глава является поздней вставкой в основной текст рукописи: Андрей здесь впервые назван не «блаженным», а святым. Дни месяца в классическом римском календаре назывались иначе. В каждом месяце были опорные даты — календы (первый день месяца), ноны (5-е или 7-е число месяца), иды (13-е или 15-е число); дни обозначались — такой-то день от календ следующего месяца, или такой-то день от ид и т.п. Перитт — добавочный месяц по лунно-солнечному греческому календарю, ноябрю соответствовал месяц мектеррион.

²⁷¹ Перевод сделан по изданию: Acta apostolorum apocrypha, ed. Lipsius R.A. et Bonnet M. T. II. Lipsiae, 1903. Этот апокриф по сюжету является продолжением деяний апостолов Андрея и Матфея в фантастической стране людоедов, которых они обращают в христианство. Деяния Матфея — одни из самых поздних деяний, они созданы, вероятно, в IV веке: о Матфее было, по-видимому, мало преданий, и ему приписали деятельность в несуществующей стране.

²⁷² Апостольская одежда — по-видимому, плащ, одежда бродячих философов, в том числе и христианских. Тертуллиан посвятил плащу специальное сочинение — «О плаще» (русский перевод — СПб., 2000).

прекрасное дитя? Здесь нет даже воды, где я мог бы омыть твои ноги».

2. И Дитя сказало: «О чем говоришь ты, Матфей? Знай же, что добрая речь лучше, чем телятина, а кроткие слова прекраснее любой травинки в поле, чистое речение — как аромат любви, бодрый дух важнее поглощения пищи, а приветливый взгляд подобен виду сладостей. Знай, Матфей, что Я есмь Рай, Я есмь Учитель, Могущество высших сил, Я — Венец девственности, Я — Сила тех, кто удерживается [от греха], Я — верность единожды женатых, Достоинство овдовевших, Я есмь Защита детей, Я — Основание Церкви, Я — Царствие епископов, Слава пресвитеров, Хвала диаконов. Будь человеком, о Матфей, и обрети твердость в сих словах».

3. И Матфей сказал: «Твой лик, дитя, поразил меня. И твои слова полны жизни. Ибо истинно лицо твое ярче молнии, а слова твои прекрасны. И я видел тебя, когда ты шел (в раю) вместе с детьми, убитыми в Вифлееме²⁷³, но я поражен, почему ты снизошел сюда. Теперь же я спрошу тебя, о дитя, где ныне этот безбожный Ирод?» Дитя ответило ему: «Раз ты спросил Меня, услышь про место его обитания. Пребывает он в аду, и для него уготовлен огонь негасимый, Геенна без конца, трясина кипящая, червь, всегда бодрствующий, ибо Ирод убил три тысячи младенцев, стремясь убить младенца Иисуса, Начало всех времен, ибо Я — Отец их. Теперь же, о Матфей, возьми этот мой жезл и посади его у врат церкви, основанной тобой и Андреем. И как только ты посадишь его, он станет деревом, большим и высоким, с множеством ветвей, которые будут простираться на тридцать локтей, а плоды на каждой ветке будут различаться по виду и по вкусу, и с вершины дерева будет стекать мед, а из его корней будет бить родник, давая воду для всей округи, и живые существа будут там плавать и ползать, а людоеды омоют в нем себя и будут есть плоды дерева, виноград и мед. Их тела изменятся, и они станут подобны другим людям. И устыдятся они наготы своей и будут носить одежды из овечьей шерсти и не будут больше есть нечистоты. Будет у них огонь в изобилии для приго-

---

²⁷³ Речь идет о рассказе Евангелия от Матфея об избииении младенцев по приказанию царя Ирода; число убитых в Евангелии не названо. Три тысячи для Вифлеема — число фантастическое.

товления жертвований, и они будут печь хлеб свой на огне, и будут видеть друг друга в человеческом подобии, и они познают Меня и восславят Моего Отца Небесного. Посему, поспеши, Матфей, и спустись вниз, ибо близок исход [твой] в огне из тела [земного] и венец испытаний».

4. И Дитя, сказав все это и вручив ему посох, вознеслось на небеса. А Матфей спустился с горы, поспешил в город. Когда он подошел к городу, то встретила ему Фульвана, жена царя, и сын царя и жена его Эрва, которые были одержимы нечистым духом. Громко возопили они: «Кто снова привел тебя сюда, о Матфей? И кто дал тебе этот посох для нашей гибели? Ибо мы видим Дитя Иисуса, Сына Божия, кто рядом с тобой. Не ходи туда, Матфей, чтобы посадить посох для пищи и изменения людоедов. Ибо знаю я²⁷⁴, что совершу против тебя. За то, что ты изгнал меня из этого города и не дал мне удовлетворять мои желания среди людоедов, знай, я настрою против тебя царя, и он заживо сожжет тебя». Но Матфей, наложив руки на каждого, одержимого бесами, заставил бесов улететь. А людей исцелил. И последовали они за Матфеем.

5. А когда деяние его стало известно, Платон, епископ, услышав о прибытии святого апостола Матфея, вышел навстречу ему вместе с клиром. И, упав на землю, они целовали его ноги. Матфей же поднял их и вместе с ними пошел в церковь, и Дитя Иисус рядом с ним. А Матфей, дойдя до дверей церкви, встал на высокий прочный камень, и когда весь город сбежался, прежде всего, уверовавшие братья, начал говорить: «Мужья и жены, что явились перед нами, прежде верившие в Злое²⁷⁵, но теперь познавшие Того, Кто создал сам космос, до сего дня почитавшие Сатира и служившие посмешищем из-за десяти тысяч ложных богов, но ныне через Иисуса Христа познавшие Единого Бога, Господа, Судью, кто отверг неизмеримость зла и установил любовь и привязанность к людям, некогда чуждым Христу, ныне же почитающим Его как Господа Бога; прежде лишённые форм, ныне же изменившиеся через Христа, узнайте, что посох, находящийся в моей

---

²⁷⁴ Эти слова устами одержимых говорит вселившийся в них злой дух, появившийся после ухода Андрея и Матфея.

²⁷⁵ Злое — учение, связанное с идолопоклонством.

руке, вручил мне Христос, в которого вы верите и будете верить. Узнайте теперь, что должно свершиться через меня и да осознаете величие Его свершений ради вас. Ибо я посажу посох в этом месте, и он будет знамением для всех поколений, став деревом, огромным и цветущим, и плоды его будут прекрасны и приятны для глаз, и ароматы будут исходить от него, и виноградная лоза обовьется вокруг него с кистями винограда, а с вершины его будет стекать мед, и всякое летающее создание будет находить убежище в его ветвях, и источник воды будет бить из его корней, давая воду для питья всей округе, и будут в нем плавающие и ползающие твари».

6. Сказав так и призвав имя Господа Иисуса, он воткнул посох в землю, и тотчас увеличился тот на локоть; и вид его был необыкновенным. Ибо посох, увеличиваясь, рос вверх, превращаясь в большое дерево, как и предрек Матфей. А апостол произнес: «Войдите в источник и омойте свои тела в нем, а затем отведайте плодов с дерева и лозы, и меда, и воды из источника, и вы станете подобны другим людям. После того, войдя в церковь, вы осознаете, что вы уверовали в истинного Бога живого». И совершив все то, (что апостол сказал), они увидели, что стали подобны Матфею. Войдя в церковь, они поклонились и славили Бога. И когда они преобразились, они увидели себя обнаженными и поспешили в свои дома прикрыть наготу, ибо устыдились ее.

7. А Матфей и Платон остались в церкви, проведя там ночь в восхвалении Господа. Вместе с ними оставались жена царя, его сын и жена его, и они молили апостола дать им благословение Христово. Матфей же сказал Платону, и тот, выступив вперед, совершил крещение их в источнике у дерева во имя Отца и Сына и Святого Духа. И затем, войдя в церковь, они были допущены к таинству Христову (евхаристии). И радовались они в течение всей ночи вместе с апостолом. Все находившиеся в церкви пели всю ночь, восхваляя Господа.

8. Когда же рассвело, блаженный Матфей вместе с епископом Платоном вышел и встал у того места, где он посадил посох. И увидел он, что посох вырос в громадное дерево, обвитое виноградной лозой, и мед стекал от вершины до самых корней. И дерево было прекрасным и цветущим, подобно де-

ревям в Раю, а из корней вытекал поток, давая воду всей земле (города) Мирны. И все люди сбежались и поедали плоды дерева и лозы сколько каждый хотел.

9. Когда обо всем произошедшем было донесено во дворец, царь Фульван, узнав, что Матфей совершил с его женой, сыном и невесткой, сначала возрадовался их очищению, но, видя, что они неразлучны с апостолом, вспылал яростью и гневом, и решил умертвить апостола, бросив его в огонь. Той же ночью, когда царь намеревался схватить Матфея, апостолу явился Иисус, возвещая: «Я всегда с тобой, Матфей, чтобы спасти тебя. Будь силен!»

10. И блаженный Матфей, проснувшись и перекрестив все свое тело, встал на рассвете и проследовал в церковь; став на колени, он вознес молитву. А когда пришли епископ и клир, они вознесли общую молитву, восхваляя Господа. Когда молитва была окончена, Платон епископ сказал: «Мир тебе, о Матфей, апостол Христа!» И блаженный Матфей ответил: «Мир тебе!». Когда же они сели, апостол сказал епископу Платону и всему клиру: «Дети, я хочу, чтобы вы знали: Иисус открыл мне, что царь этого города намеревается послать воинов за мной, ибо бес вошел в него и вооружил его против нас. Но да предадим себя Иисусу, и Он избавит нас ото всех испытаний, как и других, уверовавших в Него».

11. А царь, замышляя злодейство против Матфея и видя, сколь много (стало) верующих, находился в затруднении. Посему злой нечистый дух, который, будучи изгнан Матфеем, вышел из жены царя, его сына и невестки, принял образ воина и, встав перед царем, сказал ему: «О царь, почему ты терпишь зло от этого чужестранца и колдуна? Разве ты не знаешь, что он был мытарем, а ныне он назван апостолом Иисуса, того, что был распят иудеями? Ибо знай, что твоя жена, сын и невестка по его воле поверили в него и вместе с ним поют в церкви. А теперь Матфей с Платоном выходят и идут к воротам, называемым «Тяжкими». Итак, поспеши, и ты найдешь их и можешь сделать с ними все, что будет приятно в твоих глазах».

12. Царь, услышав это и еще более возбудившись от слов лже-воина, послал за Матфеем четырех солдат, сказав им с угрозой: «Если вы не доставите мне Матфея, я сожгу вас жи-

выми, так что наказание, предназначенное ему, постигнет вас». Воины, напуганные угрозой царя, вооружившись, пошли в то место, где были Матфей и епископ Платон. И когда они пришли туда, то услышали их голоса, но не увидели никого. Вернувшись, они сказали царю: «Мы клянемся тебе, о царь, мы пошли туда и никого не нашли, но слышали только голоса». Царь же, придя в ярость, подобную пламени, приказал отправить десять других воинов, людоедов, сказав им: «Подойдите осторожно к месту и разорвите их живыми на куски и съешьте Матфея и Платона, того, что с ним». Но когда они почти приблизились к блаженному Матфею, Господь Иисус Христос в облике прекраснейшего мальчика с зажженным факелом подбежал к ним и выжег им глаза²⁷⁶. Они же, с воплями бросив оружие, бежали и прибыли к царю, потеряв дар речи.

13. Тогда бес, который уже раньше являлся царю в облике воина, снова предстал перед ним в том же обличье и сказал: «Ты видишь, о царь, что чужеземец околдовал их всех. Узнай же, как ты можешь захватить его». Царь ответил: «Скажи мне сначала, в чем его сила, и тогда я выступлю против него с еще большими силами». Бес же, понуждаемый ангелом, сказал царю: «Раз ты хочешь знать все точно, я скажу тебе правду, о царь! Истинно, все труды твои будут втуне, если он сам не пожелает предаться тебе, и ты не сможешь причинить ему вред. Но если ты пожелаешь наложить на него руки, он поразит тебя слепотой, и ты будешь парализован. И если ты пошлешь множество воинов против него, они тоже ослепнут и станут недвижимы. Мы же, семь нечистых духов, тотчас явимся и уничтожим тебя, весь твой двор и разрушим город молнией, оставив лишь тех, кто почитает ужасное для нас святое Имя Христа. Ибо куда бы ни ступила их нога, мы вынуждены скрыться; и если ты бросишь на него огонь, то огонь этот будет для него как роса, и если ты закроешь его в печи, печь станет для него церковью, и если ты заключишь его в оковы в темнице и запрешь двери, они откроются сами по себе, и все, кто верует в это Имя, войдут туда и возгласят: «Темница эта есть церковь

---

²⁷⁶ Здесь, как и ряде других апокрифов, описываются жестокие наказания, понесенные врагами христиан, что отражает массовую психологию и противоречит духу первоначального христианства.

Бога живого и святое обиталище тех, кто живет один»²⁷⁷. Знай, о царь, что я сказал тебе правду». Тогда царь ответил лжевоину: «Раз я не знаю Матфея, пойди вместе со мной и покажи мне его издали. Возьми у меня сколько хочешь золота и сам убей его мечом — и спутника его Платона тоже». Бес же воскликнул: «Я не могу убить его. Я не смею даже взглянуть ему в лицо, зная, что он уничтожил весь наш род именем Христа, явленного через него».

14. Тогда царь спросил его: «Кто же ты?» И тот ответил: «Я нечистый дух, что обитал в твоей жене, и сыне, и невестке, а имя мне Асмодей. Этот Матфей изгнал меня из них. И смотри, теперь твоя жена, твой сын и невестка поют вместе с ним в церкви. И я знаю, о царь, что и ты после этого поверишь ему» Но царь сказал: «Кто бы ты ни был дух, принимающий разные обличья, заклинаю тебя Богом, которого, как ты говоришь, возвещает Матфей, изыди, не причинив никому вреда». И тотчас бес, уже не как воин, а в виде дыма стал невидимым. И улетаая, он вскричал: «О тайное имя, поражающее нас, я молю тебя, о Матфей, слуга Бога святого, прости меня, и я не останусь больше в этом городе. Оставайся в своей (судьбе), а я отправлюсь прочь в огонь, длящийся вечно».

15. Царь же, пораженный ужасом при ответе беса, провел весь день в бездействии. Когда ночь пришла, он не мог заснуть, ибо был голоден. Быстро встав на рассвете, он пошел в церковь в сопровождении только двух воинов без оружия, надеясь захватить Матфея хитростью, дабы затем убить его. И призвав двух друзей Матфея, он сказал им: «Дайте знать Матфею, что я хочу стать его учеником». Услышав это, Матфей, зная коварство тирана и предупрежденный явлением ему Господа, вышел из церкви за руку с Платоном и остановился у врат церкви.

16. И они (друзья Матфея) сказали царю: «Смотри, Матфей в воротах!» Но тот ответил: «Кто он и где он? Я не вижу!» И они сказали: «Смотри, вот он!». А царь повторял: «Я не вижу никого», ибо он был лишен зрения силою Господа. И тогда он стал кричать: «Горе мне, несчастному! Какое зло сошло на

---

²⁷⁷ Дословно — будучи монахом. Греческое слово *монах* означает — одинокий; в данном контексте речь идет об отшельниках. Отшельничество возникло на рубеже III—IV веков.

меня, что глаза мои ослепли и члены недвижимы? О Асмодей, Вельзевул, Сатана! Все, что ты предрек мне, случилось со мной. Но я молю тебя, Матфей, слуга Господа, прости меня как провозвестник доброго Бога! Ибо возвещенный тобою Иисус назад тому три дня явился мне во всем великолепии подобный молнии, подобный прекрасному юноше, и возвестил: «Коль скоро ты принимаешь дурные советы в испорченном сердце своем по отношению к слуге моему Матфею, знай, что Я открыл ему: благодаря тебе он будет освобожден от смертного своего тела». И я увидел, как Он возносится в небеса. Посему, если Он твой Бог, Бог истинный, и если Он желает, чтобы тело твое было погребено в нашем городе как свидетельство спасения будущих поколений и освобождения от бесов, я хочу сам познать истину, дабы ты наложил на меня руки и вернул мне зрение». Апостол тогда наложил руки на глаза его и сказав «Еффата²⁷⁸, Иисус», тотчас вернул ему зрение.

17. Царь же, схватив апостола и ведя его за правую руку, с помощью хитрости привел его во дворец, а Платон был по левую руку от Матфея, идя вместе с ним и держась за него. Тогда Матфей произнес: «О коварный тиран, как долго ты еще не окончишь работу отца твоего дьявола?» Царь пришел в ярость от этих слов и решил подвергнуть Матфея самой жестокой казни — сжечь его живым. И он приказал явиться палачам, чтобы отвести его (Матфея) на берег моря, где совершались казни злодеев, сказав палачам: «Я слышал, что Бог, которого он проповедует, избавляет от огня тех, кто верит в Него. Посему, положив его на землю, вытяните его, пронзите железными гвоздями его руки и ноги, покройте его покрывалом, пропитанным жиром, положите сверху серу, асфальт и смолу, а на самом верху очесы (льняные) и хворост. И так подожгите его; и если кто-либо из его рода бросится на вас, да постигнет его то же наказание».

18. А апостол убеждал братьев оставаться спокойными, ибо они возрадуются, и сопровождать его в кротости, воспевая и восхваляя Господа, ибо они хотели быть достойными принять останки апостола. Придя на место, палачи, подобно самым

---

²⁷⁸ Слово заимствовано из рассказа Евангелия от Марка (7: 32–35) об исцелении глухого косноязычного человека: Иисус возложил на него персты, коснулся языка и сказал: «Еффата», то есть «отверзлись».

лютым зверям, прибили к земле руки и ноги Матфея длинными гвоздями. Сделав все, как им было приказано, они зажгли огонь. И делали они это, поджигая все вокруг, но весь огонь обернулся росой, так что братья, радуясь, закричали: «Один есть Бог христиан, кто помог Матфею, кто сохраняет апостола Своего в огне!» Весь город был потрясен криком, а палачи, выступив вперед, сказали царю: «О царь! Мы со всем тщанием возмездия зажгли огонь, но чародей отвратил его (от себя), воззвав к Христу и призывая крест Его, А христиане, окружив его, играли с огнем, входили в него босыми ногами, смеясь над нами, и мы, пристыженные, убежали».

19. Тогда царь приказал множеству (слуг) взять раскаленные уголья из топки в банях и двенадцать изображений богов из золота и серебра. «Поместите их, — сказал он, — вокруг чародея, дабы не смог он заколдовать огонь из печи во дворце». И было там много палачей и воинов: одни несли уголья, другие — изображения богов. И царь шел вместе с ними, следя, чтобы христиане не украли бы какого-либо бога или заколдовали огонь. А когда они подошли к тому месту, где был пригвожден апостол, (они увидели), что лицо его было обращено к небесам, а все его тело было покрыто покрывалом, и много было сверху хвороста, вышиной до десяти локтей. И царь приказал воинам установить богов вокруг Матфея на расстоянии пяти локтей, закрепив их, чтобы они не могли упасть, затем он отдал приказ бросить уголья и разжечь повсюду огонь.

20. Матфей же, глядя в небеса, закричал: «Адонаи, Элои, Саваоф, мрамари, мармунт»²⁷⁹, что означало: «О Бог Отец, о Господь Иисус Христос, освободи меня и уничтожь их богов, которым они поклоняются, и пусть огонь преследует царя вплоть до его дворца, но не погубит его: ибо, может быть, он раскается и обратится». И когда царь увидел огонь огромной высоты, он засмеялся громко, решив, что Матфей сожжен, и сказал: «Принесло ли тебе пользу твое колдовство? И сможет ли теперь помочь тебе твой Иисус?»

---

²⁷⁹ Первые три слова — ветхозаветные именованья Бога: Адонаи переводится как Господь мой, Елои — обращение к Богу, Боже! (ср. Мк. 15: 34); Саваоф означает Бога как Владыку всех сил; по отношению к Иисусу не употребляется. Последние слова заклинания смысла не имеют; их непонятность призвана подчеркнуть владение Матфеем тайнами мистических заклятий; их интерпретация — домысел автора.

21. Но как только он это произнес, страшное чудо свершилось: огонь и дрова горящие отодвинулись от Матфея, и пламя покрыло их богов, так что не видно было ни золота, ни серебра, а царь бросился бежать, восклицая: «Горе мне, наговор Матфея уничтожил моих богов, которые весили тысячу талантов²⁸⁰ золота и тысячу талантов серебра. Лучше бы они были из камня и глины, чтобы никто не смог их сломать или украсть».

22. И когда огонь полностью уничтожил их богов и сжег многих воинов, произошло еще одно необыкновенное чудо: огонь принял форму огромного страшного дракона и стал преследовать тирана вплоть до дворца, вертясь вокруг него и не давая войти во дворец. И царь, окруженный огнем, вернулся к Матфею и возопил: «Я молю тебя, кто бы ты ни был, колдун, или чародей, или бог, или ангел Божий, кого не коснулось столь сильное пламя, убери от меня этого ужасного разъяренного дракона! Забудь зло, которое я причинил тебе, как и в тот раз, когда ты вернул мне зрение». И Матфей словом своим потушил огонь, а дракон стал невидимым. Тогда он поднял глаза свои к небу, молясь по-еврейски и, препоручая дух свой Богу, произнес: «Мир тебе!». И, восхвалив Господа, успокоился в шестом часу.

23. Тогда царь призвал воинов и приказал принести пышное ложе из дворца, положить на него апостола и нести во дворец. И апостол лежал, как будто погруженный в сон, вся его одежда не была запятнана огнем. И они видели его то на ложе, то идущим вслед за ним, то — шествующим впереди; его правая рука лежала на голове Платона, и он пел вместе с толпой, царь же и воины были поражены всем этим. И многие больные и одержимые бесом, только прикоснувшись к ложу, исцелялись. И те, кто был подобен зверям, стали в тот час похожи на людей.

24. А когда ложе внесли во дворец, мы²⁸¹ все увидели, как Матфей подымается с ложа и возносится в небо, а прекрасное Дитя ведет его за руку, и двенадцать человек в сверкающих одеяниях с неувядаемыми и золотыми венками на голо-

---

²⁸⁰ Талант — мера веса.

²⁸¹ Здесь в повествование введено первое лицо множественного числа, чтобы подчеркнуть достоверность рассказа от имени очевидцев.

вах встретили его²⁸². И увидели мы, как Дитя увенчало Матфея, дабы стал он подобен встречавшим его, и в блеске молний они вознеслись на небеса.

25. Царь же стоял у ворот дворца. Он приказал, чтобы никто не смел входить во дворец, кроме солдат, несущих ложе. Он запер двери и велел изготовить железный гроб, положить туда тело Матфея²⁸³ и наглухо закрыть крышкой. В полночь через восточные ворота (вынесли гроб), положили в лодку так, чтобы никто не знал об этом, и бросили его в глубины моря.

26. В течение всей ночи братья стояли у ворот дворца, проведя ее в песнопениях. А когда наступил рассвет, раздался голос: «О епископ Платон, возьми Евангелие и Псалтырь Давида, пойди со всеми братьями к восточной стене дворца; пойте там Аллилуйя и читайте Евангелие; возьмите хлеб освященный, выжмите три кисти винограда в чашу — и воссоединитесь со мной, как возвещал нам совершать (евхаристию) Господь Иисус, когда Он на третий день воскрес из мертвых».

27. Епископ поспешил в церковь, взял Евангелие и Псалтырь Давида. Собрав пресвитеров и множество братьев, подошел с ними к восточной стене дворца, когда солнце уже вставало. Сказав, чтобы один из певцов встал на прочный камень, он начал петь псалмы, восхваляя Господа: «Дорога в очах Господних смерть святых Его» и еще: «Ложусь, я сплю, встаю, ибо Господь защищает меня»²⁸⁴. И они слушали пение псалмов Давида; разве тот, кто мертв не восстанет снова? Ибо Господь сказал: «Я сам подниму его». И все кричали Аллилуйя! А епископ читал Евангелие и восклицал: «Слава Тебе, кто восславлен на небесах и на земле!» Затем приготовили они священную трапезу для Матфея и, приобщившись святых даров чистого и животворящего таинства Христова (евхаристии), они все восхваляли Бога.

---

²⁸² Описание вознесения Матфея подчеркивает его близость к Христу, его встречают двенадцать апостолов (хотя по логике должно быть одиннадцать, так как Матфей — тоже апостол); описание это навеяно апокрифом «Успение Марии», в котором у ее ложа собираются все апостолы, а Христос сам берет ее душу на небеса.

²⁸³ Вероятно, подразумевается, что на небо вознеслась душа Матфея (в телесном облике?), а тело осталось на земле.

²⁸⁴ Цитаты из ветхозаветных псалмов; Пс. 115: 6; 3: 6.

28. Было около шестого часа, и Платон увидел море почти на милю вперед, и, знай, — представляешь! — Матфей стоял на воде, а по бокам его два человека в сверкающих одеждах, а впереди них — прекрасный Мальчик. Все братья видели это и слышали, как те провозглашали: «Аминь, Аллилуйя». И можно было видеть, что море стало как камень прозрачным и как Мальчик стоял перед ними, когда из глубины моря поднялся крест²⁸⁵, а на конце креста поднялся гроб, в котором находилось тело Матфея. И в час воздвижения креста Мальчик поставил гроб на землю перед восточной стеной дворца, где епископ приготовил святые дары для Матфея.

29. Царь же, увидев все это из верхних покоев дворца, был поражен ужасом. Он вышел из дворца, побежал к востоку, туда, где находился гроб, и упал на землю перед епископом, пресвитерами и диаконами; каясь и сознавая вины свои, он говорил: «Поистине я верю в истинного Бога Иисуса Христа, Я молю, даруй мне крещение Христово, и я отдам тебе мой дворец как завет Матфея, и ты поставишь гроб на мое золотое ложе в обеденном зале. Прошу, совершив крещение, приобщи меня евхаристии Христовой». И епископ, вознеся молитву, приказал царю снять одежды и долго осматривал его²⁸⁶; царь же, раскаяваясь, оплакивал деяния свои. Затем епископ перекрестил его, натер маслом и погрузил в воду моря во имя Отца и Сына и Святого Духа. А когда царь вышел из воды, епископ приказал ему надеть роскошные одежды, и тогда, вознеся благодарственные молитвы, приготовив хлеб освященный и чашу с вином, епископ протянул их царю со словами: «Да будет это Тело Христово и Кровь Его, пролитая за нас, отпущением твоих грехов и возвращением в жизнь». И был слышен голос, раздающийся из вышины: «Аминь, аминь!». И когда царь приобщился святых даров в страхе и радости, явился апостол и возвестил: «Царь Фульван, твое имя больше не будет Фульван, но будешь ты называться Матфей. А ты, сын царя

---

²⁸⁵ Самостоятельное явление креста напоминает эпизод Воскресения из Евангелия от Петра.

²⁸⁶ По-видимому, в эпоху создания апокрифа уже существовало поверие о дурных («сатанинских») знаках на теле, и епископ осматривал царя, чтобы удостовериться в его чистоте.

тоже стань Матфеем, и ты, Зифагия, жена царя, будешь называться София, а имя Эрвы, жены твоего сына, будет отныне Сюнесис²⁸⁷. И имена ваши будут написаны на небесах, и будете счастливы в своем потомстве от поколения к поколению». И в тот же час Матфей положил царю быть пресвитером, а был он тридцати семи лет от роду, сына, семнадцати лет, сделал диаконом, жену же царя — женщиной-пресвитером, а жену сына — диаконисой, а была она также семнадцати лет от роду²⁸⁸. И тогда он благословил их, сказав: «Благословение и милость Господня да пребудет с вами вечно».

30. Тогда царь как бы пробудился ото сна и возрадовался вместе со всеми домашними явлению апостола Матфея, возблагодарив Господа. Царь же, придя во дворец, разбил всех идолов и издал указ всем, кто жил в его царстве, написав так: «Царь Матфей приветствует всех, живущих в моем царстве. Когда Христос явился на землю и спас весь род человеческий, те, кого называли богами, оказались обманщиками, разрушителями душ, злоумышлявшими против людей. Так как Божественная милость явила себя за нашими пределами, а потом была дарована нам, познали мы ложность идолов, ибо они тщета и обман; мы сочли правильным, чтобы не было многих богов, но только Один, Единый Бог на небесах. Вы же, получив наш указ, следуйте ему и разбейте на куски и уничтожьте всех идолов. А если обнаружится, что кто-то поклоняется им или сохраняет их, да подвергнется смертной казни мечом. Мир и добро вам, ибо и сам я пребываю так».

31. И когда указ этот стал известен, все люди радовались и в волнении разбивали статуи богов, восклицая: «Один Бог на небесах, дарующий добро всем людям!»

Когда все это произошло, Матфей, апостол Христа, явился епископу Платону и сказал ему: «Платон, слуга Божий и наш брат, знай, что через три года упокоишься ты в Господе и будешь пребывать в радости во веки веков. И сам царь, кого я назвал своим именем — Матфей, станет епископом, а после

---

²⁸⁷ Последние два имени — символические: София-Премудрость, Сюнесис — Благодарумие.

²⁸⁸ Женщины не могли быть пресвитерами, поэтому более соответствует место в другой рукописи, где жена царя названа диаконисой (в IV в. диаконисы еще существовали в некоторых областях Востока).

него — его сын». И сказав: «Мир тебе и всем святым», вознесся на небо.

32. Когда же прошло три года, епископ Платон упокоился в Господе. И царь Матфей принял епископство, добровольно передав свое царство другому. И была дана ему власть изгонять демонов, и он излечил многих людей. Сына своего он сделал пресвитером, а потом тот стал епископом после него.

34. Святой Матфей окончил свой путь в стране людоедов, в городе Мирна в шестнадцатый день ноября в царствование Господа Иисуса, слава Ему и ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Христианские места в современной Палестине

ИЕРУСАЛИМ

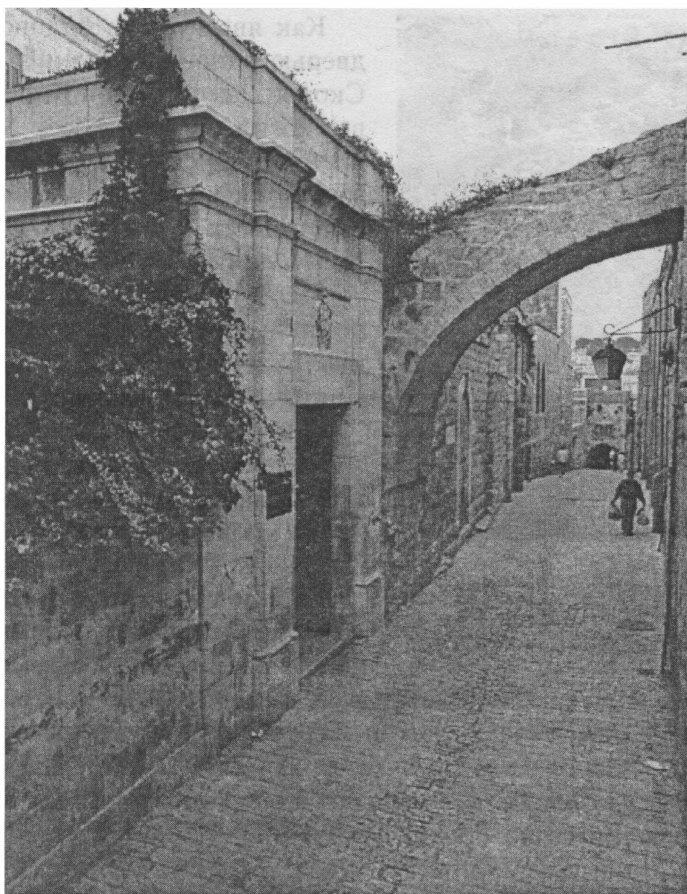
Улица Скорби

Название Улица Скорби (или Улица Крестного Хода) родилось в XVI веке. Так называли тот отрезок пути, который Христос прошел, сгибаясь под тяжестью креста, из Крепости Антония до Голгофы. Сегодня этот отрезок пути не совсем точен по сравнению с тем, по которому шел Иисус. От Крепости Антония, расположенной в северо-западном углу Храма, бывшей резиденции Ирода Великого, в настоящее время остались только следы пола резиденции. Здесь Христос предстал перед Пилатом, здесь был осужден и приговорен и отсюда отправился на смертную казнь на Голгофу, которая в то время находилась за пределами городских стен.

Вот несколько наиболее святых мест этой улицы.

Конвент Бичевания. Здесь, по преданию, Пилат допрашивал Иисуса. В настоящее время конвент принадлежит Ордену Францисканцев, которые каждую пятницу начинают отсюда свою процессию. Внутри конвента находятся три современных витража, изображающие: *Христа, принимающего мучение, привязанного к столбу* (в середине), *Пилата, отмывающего руки «от крови этого праведника»* (слева), и *Освобождения Вараввы* (справа). На куполе, над алтарем, находится терновый позолоченный венок, пробитый звездами.

Арка «Ессе Номо» на улице Скорби. Паломники уже в XVI веке стали называть эту арку словами, которые Пилат произнес толпе, представляя Иисуса: «Ессе Номо» («Се человек»). В действительности, речь идет об одной части триумфальной арки, которую воздвигли по приказу Адриана в 135 году нашей эры в память о завоевании Иерусалима. В свое время эта арка была центральной: левый арочный пролет, в

Улица Скорби

настоящее время несуществующий, находился внутри конвента исламских дервишей, в то время как правый арочный пролет до сих пор виден в хорах Церкви Сионских Сестер.

Небольшая капелла, сооруженная польскими солдатами-католиками из кавалерии, служит отметкой тому месту, где Христос упал первый раз. В настоящее время капелла принадлежит Армянскому Католическому Патриархату.

Маленькая часовня с барельефом польского скульптора Зеленского на люнете обозначает место, где Иисус встретил Богоматерь.

*Крест, напоминающий
о встрече Иисуса
и благочестивых женщин*

Как явствует из надписи над дверью одного из зданий улицы Скорби, здесь **Симон Киренский** возложил на себя крест Христа и нес его до самой Голгофы. Так говорится в трех синоптических Евангелиях, за исключением Евангелия от Иоанна.

Место встречи Иисуса и Вероники. Внутри маленькой церкви находится также и могила Святой Вероники.

В месте, где Улица Крестного Хо́да перекрещивается с шумной Базарной Улицей, стоит **колонна**, показывающая то место, где Иисус упал во второй раз.

Небольшой **крест**, выбитый на стене конвента Иоаннитов, напоминает эпизод, связанный со

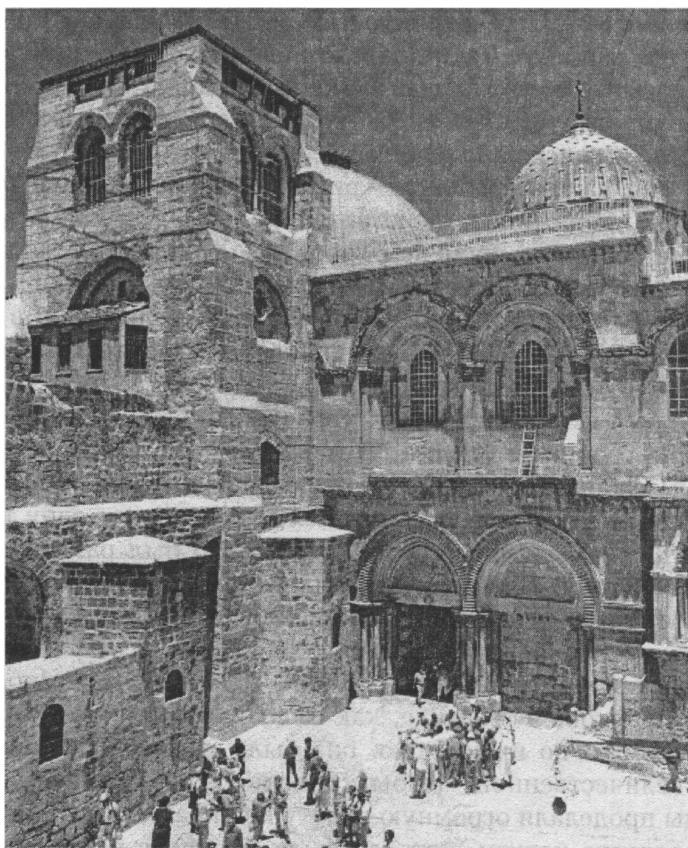
встречей Иисуса и благочестивых женщин: «Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23: 28).

Римская колонна, находящаяся неподалеку от входа в абиссинский монастырь, обозначает место, где Иисус упал в третий раз.

СВЯТАЯ ГРОБНИЦА

Святая Гробница — самое святое место в Иерусалиме, которое взывает к сокровенным чувствам каждого посетителя, какого бы вероисповедания он ни был. Здесь история переплетается с легендой и людское сострадание сливается с религиозной верой. Каждый приходящий сюда испытывает огромное волнение и смятение при виде открывающейся перед ним церкви.

Когда-то это место находилось вне городских стен, так как здесь приводились в исполнение смертные приговоры. Оно несомненно было намного выше, для устрашения жителей, издавна видевших несчастных приговоренных. Место это называ-

Вход в Святую гробницу

ли Голгофа от слова «гулголет», что означает «черепной холм», оттого что форма его на самом деле напоминала череп и, по преданию, здесь был захоронен череп Адама. Этот холм показался подходящим императору Адриану в 135 году нашей эры для сооружения на нем Форума и Капитолия, где должны были поклоняться классической триаде Юпитера, Юноны и Венеры. Так Адриан хотел оскорбить чувства верующих евреев, которые после разрушения Храма продолжали чтить святыя места. По счастью, для сооружения Капитолийского Храма император Адриан не сровнял с землей скалы, в которых были вырыты гробницы, а ограничился лишь простым заполнением ям и вы-

равниванием земли, собрав в том месте большое количество грунта для засыпки. Таким образом была создана огромная земляная насыпь, послужившая основанием для храма и спасающая могилы от разрушения. В 325 году Елена, мать Константина Великого, и епископ Макарий уверились в том, что под Капитолием они нашли гробницу Христа. Раскопки, начавшиеся по приказу императрицы, действительно сразу же обнаружили почти не тронутую временем гробницу Христа, и неподалеку, во рву — кресты Иисуса и двух разбойников. Константин велел соорудить на этом месте первую церковь, начатую в 326 и законченную в 335 году. По его приказу все горные глыбы были вывезены с того места и оставлены только две, одна с Голгофы, где был установлен крест, увенчанный дароносицей, а другая — из гробницы Христа, которая была отделена огромным круглым сооружением. Храму было дано название Анастасис, что означает Воскрешение. Он имел пять нефов и одну крипту в память о нахождении креста. Этот собор был разрушен персами в 614 году. Пятнадцатью годами позже, при аббате Модесте, собор был восстановлен. Но в 1009 году халиф эль Хакем полностью сровнял его с землей.

Когда крестоносцы 15 июля 1099 года вошли в город, они увидели церковь в том виде, как ее создал император Константин Мономах: по их мнению, она была красивой, но недостаточно величественной, чтобы хранить Гроб Господень. Крестоносцы проделали огромную работу по украшению и капитальной перепланировке церкви, которая была освящена в 1149 году. В перестроенном виде она сохранялась вплоть до сильного пожара 1808 года, когда большая ее часть была разрушена.

В настоящее время Святая Гробница поделена между шестью религиозными общинами: католической, греко-православной, армянской (этим трем общинам принадлежит довольно обширная зона), коптской, сирийской и абиссинской (чей монастырь находится на крыше церкви).

Голгофа

На Голгофе, куда можно попасть по крутой лестнице, в настоящее время находятся две капеллы: одна — римская католическая, другая — греко-православная. В римской капелле паломники обычно останавливаются перед *Христом, распятым*

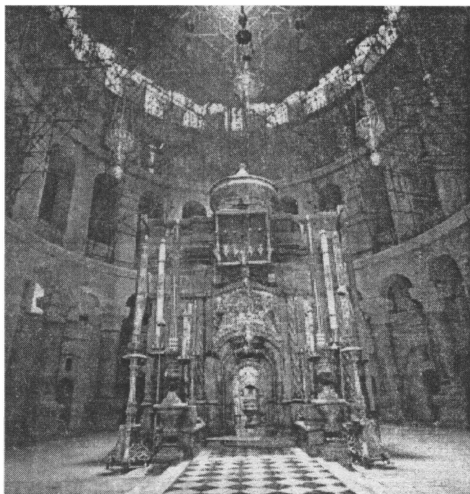
на кресте. В греческой капелле верующие приходят к изображению *умершего Иисуса на кресте*. Под крестом находится вершина скалы, где, по преданию, был установлен крест. Место это отмечено серебряным знаком. Между двумя капеллами находится изображение, называемое *Stabat Mater** (*Оплакивающая Матерь*), в память о скорби Марии после смерти своего Сына.

Камень помазания

Этот простой известняковый камень розового цвета у католиков символизирует место, где тело Христа, снятое с креста, было окроплено «смесью мирры и алоэ»; здесь же Богородица оплакивала Сына, прежде чем тело Его унесли в гробницу.

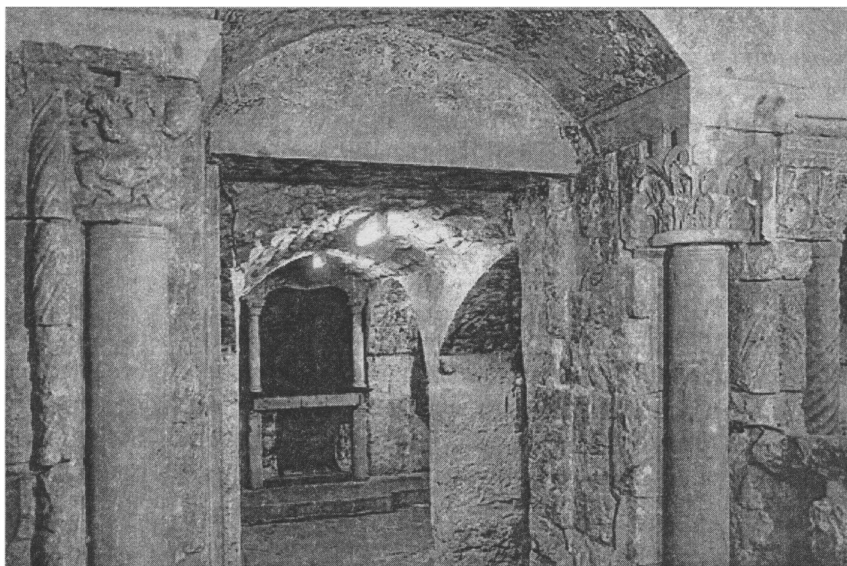
Гроб Господень

Это сооружение находится в центре Анастасиса. С латинских хоров можно попасть в часовню, состоящую из двух зон: первая — это Капелла Ангела, в центре которой хранится обломок скалы, на которой, по преданию, сидел ангел, когда женщины дошли до пустой гробницы. Вторая зона — это маленькая комнатка «*ad arcosolium*» («у аркосолия»), являющаяся также последней остановкой на улице Скорби. Под плитой из белого мрамора, длиной около двух метров, находится скала, оставшаяся со времен той новой гробницы, которая

Общий вид на Гроб Господень

* Начальные слова католической молитвы «*Stabat Mater dolorosa...*» («Стояла скорбящая Мать...»)

Внутренний вид Тюрьмы Христовой

размещалась в саду Иосифа Аримафейского. Над могилой подвешено 43 серебряных лампы: тринадцать латинских, столько же греческих и армянских и только четыре коптских. Икона Девы Марии прикрывает часть простой могилы, выдолбленной прямо в скале.

Святая Темница

Это тесное пространство, называемое также Темницей Христовой, в действительности является древним карцером, примыкающим к Форуму Капитолия. По преданию, в этой тюрьме Иисус провел ночь, когда Его арестовали в Гефсиманском саду.

Капелла Святой Елены

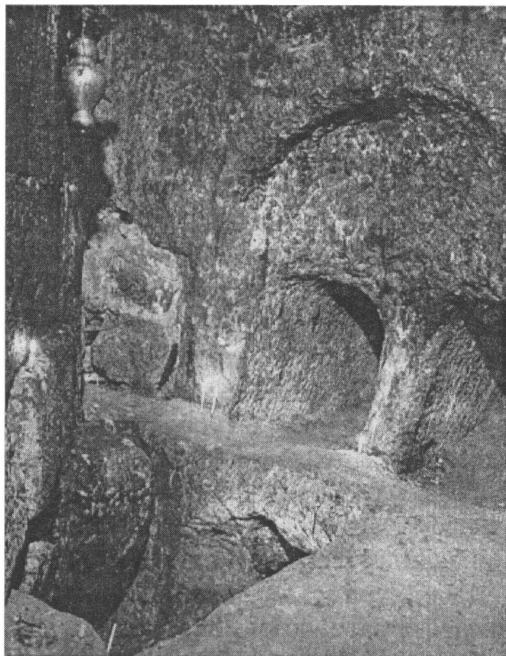
Эта полная очарования крипта посвящена матери Константина, которая благодаря своей сильной вере нашла гробницу и крест Христа. Говорят, что из ниши, смотрящей на главный алтарь, Елена наблюдала за раскопками. В крипте — три нефа,

купол, сооруженный крестоносцами в 1130 году, опирающийся на четыре колонны XI века. Капелла принадлежит армянской общине.

Могила Иосифа Аримафейского

Это единственное место Святой Гробницы, принадлежащее абиссинской общине. Выдолбленная прямо в скале, небольшого размера, эта могила является древним иудейским захоронением, находящимся неподалеку от гробницы Иисуса. Иосиф Аримафейский, «хороший справедливый человек, тоже ждущий Царства Божьего», состоявший в синедрионе, владел землей, на которой находилась гробница Христа.

Могила Иосифа Аримафейского

Церковь Святого Марка

Уже в VII веке в этом месте возвышалась одна капелла, которая была реставрирована крестоносцами. Нынешняя церковь, являющаяся частью монастыря сирийско-православного вероисповедания, сооружена в XIX веке.

Церковь Святого Иакова

Церковь армянского вероисповедания. Нынешний облик приняла после реконструкции уже существующего сооружения XI века. Церковь была воздвигнута в память о мучени-

честве Иакова Старшего, брата евангелиста Иоанна, который был обезглавлен в 44 году нашей эры по приказу Ирода Агриппы I, племянника Ирода Великого, правившего Палестиной с 41 по 44 год. Преследования христиан во времена его правления были продиктованы желанием заручиться поддержкой еврейского духовенства. В церкви с богато украшенным интерьером хранятся камни из святых для Израиля мест: гор Синая, Тавора (Фавора) и с берегов Иордана.

Церковь Святого Иоанна Крестителя

Купола и колокольни иерусалимских церквей как бы разрезают голубое небо, если смотреть на них с высоты крыш. Греко-православная церковь, посвященная Иоанну Крестителю, была построена в XI веке над криптой V века.

ДОЛИНА КЕДРОН

Достаточно одного взгляда на долину Кедрон с высоты дороги, идущей ниже Храмовой равнины, чтобы понять, почему это место так волновало сердца жителей Иерусалима еще с древних времен. Суровость пейзажа, скудная растительность, могилы, вырубленные прямо в скале или затерявшиеся среди олив, — все придает этому месту нечто фантастическое и нереальное. В народе говорят, что здесь в день Страшного суда произойдет воскрешение мертвых. Тонкая нить будет протянута от Храмовой равнины до горы Олив, и мертвые пойдут по ней: праведники дойдут до другого берега, а грешники упадут вниз. Такова легенда. История же свидетельствует, что эти необычные могильные памятники относятся еще к эпохе эллинов, несмотря на то что их ошибочно называют Могилами Пророков. Здесь расположены могила Иосафата, Святого Иакова (с архитравом, опирающимся на две колонны), могила Захарии в форме пирамиды. Пилястра Авессалома, называемая также «фараоновой тиарой», благодаря своей верхней конусообразной форме, и относящаяся к эпохе Второго Храма, напоминает о сыне Давида, восставшем против отца. Как сказано во Второй Книге Царств: «Авессалом еще при жизни своей взял и поставил себе памятник в царской долине; ибо сказал

Панорама долины Кедрон. Слева видны пиястра Авессалома, могила Иакова и могила Захарии

он: нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего. И назвал памятник своим именем. И называется он «памятник Авессалома» до сего дня» (18: 18).

Церковь Могилы Богоматери

По своему облику церковь относится к эпохе крестоносцев (XI век) и принадлежит к греческому православному исповеданию. Внутри церкви находятся могилы родителей Марии — Анны и Иоакима, а также Ее супруга Иосифа. Могила Богоматери расположена в вырубленной прямо в скале крипте и богато украшена иконами, ценными лампадами и картинами. В плите гробницы проделано три больших отверстия, дающих возможность верующим прикоснуться к внутренней поверхности могилы Марии. Однако не следует забывать, что существует другое захоронение Марии — в Эфесе, в Турции (по другой версии, апостол Иоанн взял мать Иисуса в Эфес, где Она и умерла).

Гефсиманская церковь

Гефсиман – Церковь Наций

Название Гефсиман происходит от еврейского *Гат шеман*, что означает «Сад оливковой давилни». На этом месте ночью Иисус молился перед арестом. В IV веке здесь было воздвигнуто святилище, позднее расширенное и превращенное в Собор Крестоносцев. Нынешняя церковь, с большой и светлой мозаикой в тимпане, была сооружена итальянцем Антонио Барлуцци в период между 1919 и 1924 годами на остатках предыдущего сооружения. Внутри церкви, на потолке, написаны гербы наций, внесших вклад в восстановление этого святого места; на полу перед алтарем лежит терновый венец из кованого железа, оплетающий обломок скалы, на которой Иисус, по преданию, молился. Мозаика над алтарем изображает *Христа в страдании*, а на боковых апсидах — *Поцелуй Иуды* и *Арест Иисуса*.

Садовая Могила

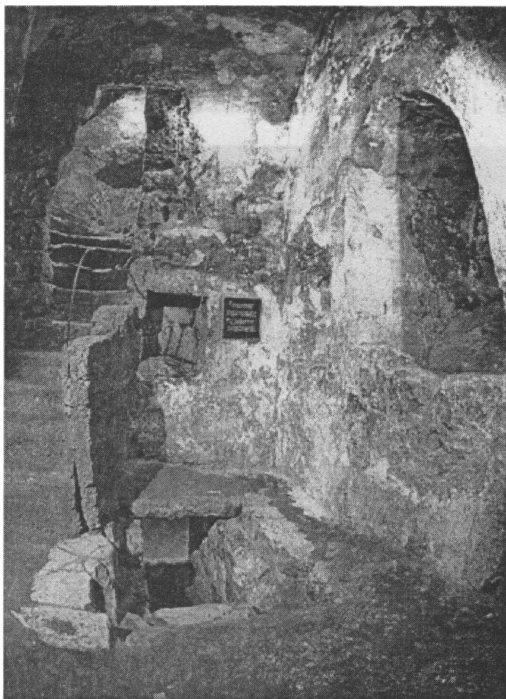
Зачастую называется также *Гордонова Голгофа*, по имени английского офицера, который первым открыл эту святыню с

высоты Дамасских Ворот. Это скалистое место, в окружении сада, хранит древнюю могилу, которую многие христиане считают настоящей гробницей Христа. Если смотреть на холм под разными углами, то он, на самом деле, имеет форму черепа. Кроме того, многие другие особенности этого места, такие, например, как наличие большой цистерны и винного пресса, а также нахождение его неподалеку от городских ворот, вынуждают многих поверить в то, что это место действительно является альтернативой Святой Гробницы.

Могила Лазаря

В Евангелии от Иоанна сказано: «Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее... Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати» (11: 1, 18). В настоящее время деревня Бетания (Вифания) называется Азарех, что является арабским топонимом от древнего Лазариона, который находился здесь в византийскую эпоху. До сих пор сохранились остатки трех часовен, возведенных еще в древние времена в этом месте в ознаменование одного из самых знаменитых чудес Иисуса. В гробницу Лазаря, являющуюся в настоящее время собственностью мусульман, можно попасть, спустившись по 24 крутым ступенькам, высеченным еще в XVII веке: сюда было положено тело Лазаря, воскресшего по слову Иисуса.

Могила Лазаря внутри

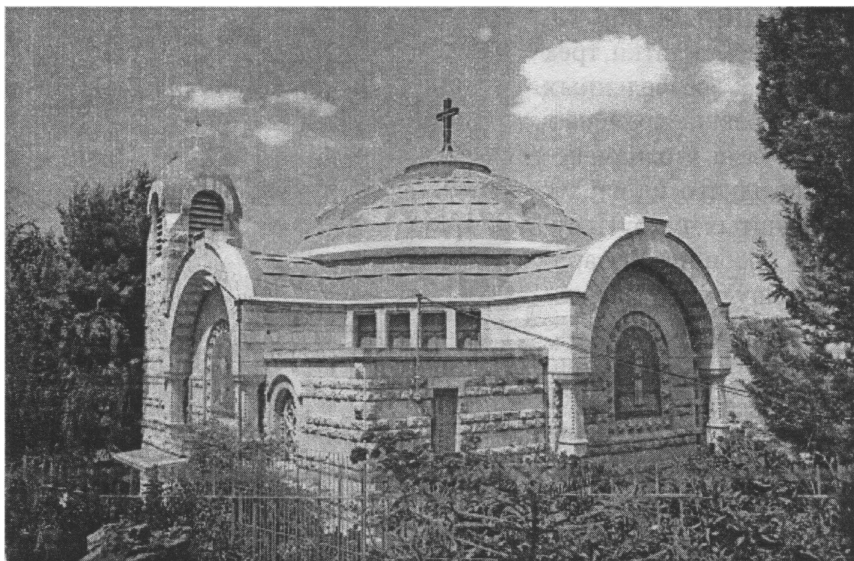

Часовня Вознесения

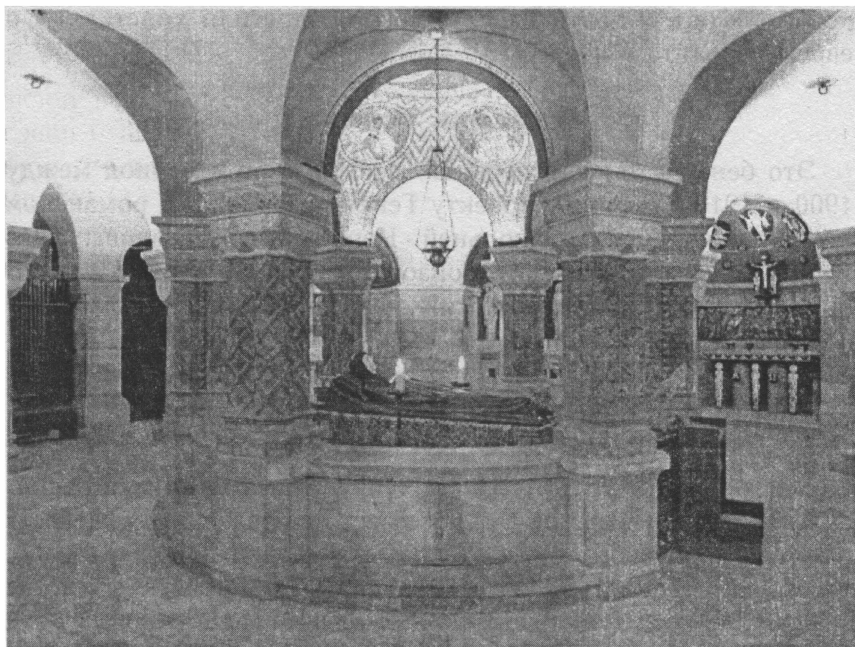
В Евангелии сказано, что Иисус через сорок дней после Воскресения появился перед своими последователями и повел их на вершину горы Олив «и, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк. 24: 51). Таким образом, здесь закончилась земная жизнь Христа. В память об этом чудесном событии была сооружена часовня, с XIII века принадлежащая мусульманам, для которых Иисус является одним из великих пророков. Часовня претерпела серьезные изменения. Первоначальная конструкция ее имела круговой портик и открытую аркатуру. Тем не менее в часовне все же сохранилась скала с отпечатком ноги, оставленном, по преданию, Иисусом в момент Его Вознесения на небо.

Церковь Святого Петра в Галликанту

Имя, данное этой церкви, напоминает эпизод, когда Петр трижды отрекся от Учителя. Нынешняя церковь, освященная в 1931 году и принадлежащая католическому ордену ассумп-

Церковь Св. Петра в Галликанту

Крипта со статуей спящей Марии в Церкви Успения

ционистов, возвышается на остатках существовавшей до нее византийской базилики. Некоторые исследователи выдвигали гипотезу, что в этом месте находился дом первосвященника Каиафы, но это предположение до сих пор не нашло подтверждения. Здесь же пролегла красивая дорога, пересеченная ступеньками **маккавейской лестницы**, которая в I веке нашей эры соединяла гору Сион с долиной Кедрон.

Трапезная

Гора Сион на юго-западе старого города хранит одну из самых дорогих для христианства реликвий: с самых давних времен бытует мнение, что в этом месте состоялась Тайная Вечеря, на которой был принят обряд евхаристии.

Здесь же, семью неделями позже, Святой Дух низошел на Марию и апостолов на Троицын день. Этот стройный зал с характерными арками был сооружен в эпоху крестовых походов. В XV веке мусульмане завоевали гору Сион, превратив цер-

ковь в мечеть и почти на пять веков запретили христианам и евреям входить в нее.

Церковь Успения

Это бенедиктинская церковь, построенная в период между 1900 и 1910 годами по проекту Генриха Ренарда в романском стиле с купольной колокольней. Церковь была воздвигнута в месте, где, по преданию, произошло Успение Богоматери. В крипте церкви хранится статуя лежащей Марии, запечатленной в своем последнем сне.

БЕТЛЕМ (ВИФЛЕЕМ)

В нескольких километрах от Иерусалима на холме раскинулся Бетлем. Название Бетлем имеет два значения: «хлебный дом» (от еврейского *Бейт Лехем*) и «мясной дом» (от арабского *Бейт Лахм*). Кругом простираются широкие луга, на которых пастухи, одетые в черные одеяния, пасут стада овец и коз. Один из этих лугов сейчас носит название «Шефердс

Панорама современного Вифлеема

Филдс» (англ. «Пастушье поле»), потому что, по преданию, здесь Ангел оповестил о Рождестве Иисуса. Эти поля были свидетелями идиллической истории — нежнейшей любви между Руфью и Воозом, описанной в Книге Руфь Ветхого Завета. Сын, который родится от их союза, Овид, станет дедом Давида. Давид, первый из великих еврейских царей, родится как раз в Бетлеме, за тысячу лет до рождения Иисуса. Так Бетлем, святой для евреев город, стал еще более святым для христиан, поскольку здесь увидел свет Сын Божий.

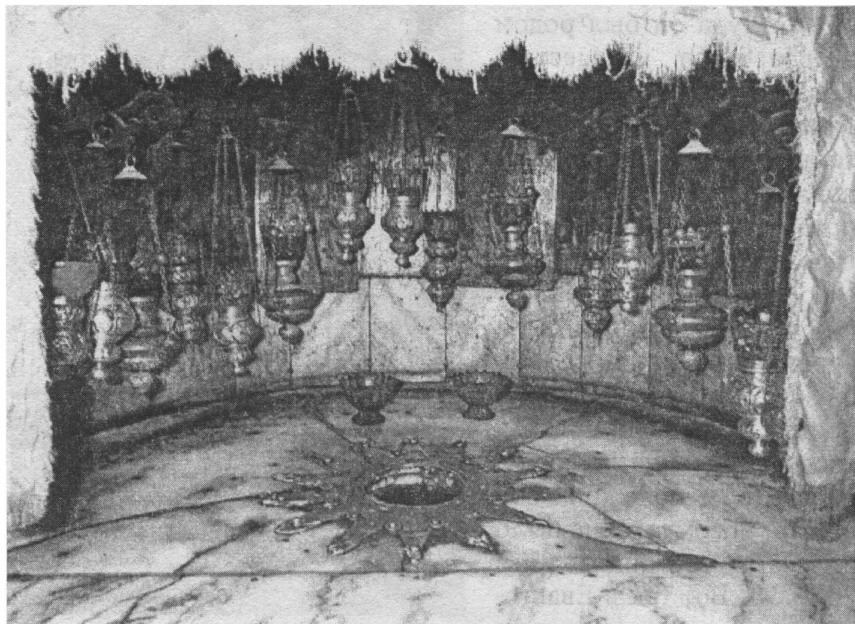
«В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле» (Лк. 2: 1). Одной из основных функций римской администрации было обложение налогами, и перепись населения при Августе, когда губернатором римской провинции Сирии был Публий Сульпиций Квинин, имела своей целью получение мзды с населения. Поскольку, по закону, каждый владелец должен был заявлять о принадлежащей ему земле с целью ее обмера и оценки, Иосиф вынужден был уехать из Назарета в Бетлем, откуда он был родом и где имел имущество. «Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2: 4—7). Вот так в Евангелии от Луки описывается событие, предопределившее возникновение новой

*Вход в базилику, называемый
«Дверью смирения»*

эры. Дата рождения Иисуса (по-еврейски Иешуа) не уточнена до сих пор: для римских католиков это была ночь на 24 декабря 5-го года (по другим данным, 4-го), для православных греков — на 6 января, для верующих армян — на 18 января. Пренебрегая чувствами паломников, преклоняющихся перед этими местами с самых древних времен, император Адриан в 135 году нашей эры освятил лесок и грот, посвятив их Адонису, введя таким образом этот языческий культ. В 332 году Константин Великий, после вырубке леса, приказал построить базилику, чье строительство велось под наблюдением самой матери императора, Елены. От этой базилики сохранилась только основная конструкция, то есть пять нефов, разделенных одиннадцатью колоннами в четыре ряда, и небольшая часть древнего мозаичного пола, который можно видеть под немногими сохранившимися деревянными досками. Базилика, разрушенная спустя почти два века после освящения, была восстановлена Юстинианом, который добавил три абсиды, распо-

*Серебряная звезда отмечает место,
где родился Иисус*

ложив их трилистником, переделал существующий ранее атриум в нартекс и соорудил две боковые лестницы, ведущие в Грот Рождения. В 614 году, во время нашествия персов, базилика чудом уцелела от разрушения, потому что захватчики остановились перед мозаичным изображением волхвов, украшавшим фронтон.

В 1101 году в этой базилике был посвящен в короли Балдуин I, а спустя двадцать лет — Балдуин II и его жена. Затем последовал длительный период упадка. В 1646 году турки расплавили свинец крыши, пустив его на пушечные ядра. К этому периоду относится также и решение, принятое христианами общинами, о значительном сужении двери для входа в базилику, чтобы «неверующие» не въезжали в церковь на лошади. Эта дверь, высотой не более 1 метра 20 сантиметров, носит название «Двери смирения»: пройти через нее можно только согнувшись.

Грот Рождества

Грот, являющийся владением православных греков, представляет собой крошечное пространство со стенами, частично облицованными мрамором. В маленькой апсиде находится алтарь рождения Христа с пятнадцатью серебряными лампадами, принадлежащими различным христианским общинам, подвешенными над серебряной звездой, которая обозначает место, где родился Младенец. На звезде начертаны слова, в переводе с латинского означающие: «Здесь Дева Мария родила Иисуса Христа». Сбоку от Грота находятся два небольших алтаря, расположенных друг против друга. Один — алтарь яслей, куда был положен только что родившийся Младенец. Св. Елена нашла там глиняные ясли, перед которыми преклонялись верующие, и заменила их на серебряные. Напротив — алтарь волхвов, преклонивших на этом месте колени пред Младенцем.

Грот Рождества соединен с целым рядом других гротов, куда можно попасть через церковь Св. Кaterины, построенную францисканцами в 1881 году, где ежегодно служат Рождественскую Мессу, транслируемую по спутниковой связи на весь христианский мир.

Грот Рождества с алтарем рождения Христа и алтарем яслей

По преданию, в одном из этих гротов в течение 35 лет, с 385 по 420 год (год своей смерти), жил Св. Иероним, прекрасный знаток греческого, латинского, еврейского и арамейского языков. В этом месте Св. Иероним довел до конца свой тяжелый труд — латинский перевод Библии, известный под названием Вульгата.

Св. Иерониму посвящена статуя, которая находится в очаровательном монастырском дворике, украшенном цветами и пальмами и относящемся к эпохе крестовых походов.

ХИРБЕТ-КУМРАН

На северо-западном берегу Мертвого моря, среди пейзажа фантастической красоты, располагаются остатки монашеского поселения, где жили представители древнееврейской секты ессеев в период между II веком до нашей эры и 68 годом нашей эры — временем, когда десятый легион Веспасиана занял

эту территорию и окончательно разогнал последователей секты. Многие из них скрылись в Масаде и жили общиной в этих местах, следуя доктринам и ритуалам, необычайно похожим на стиль жизни первых христиан. Доктрина ессеев предписывала строгую аскетическую жизнь вдали от роскоши Иерусалима. Последователи «Учителя праведности», как называли основателя секты, ушли в пустыню, чтобы жить в бедности, деля с братьями плоды собственного труда. Они очищались, принимая крещение и ритуальные омовения, учились и размышляли над святыми писаниями в ожидании близкого конца света.

Трапеза в Кумране была общая и походила на священнодействие; помещение трапезной очищалось освященной водой, что было уникально в своем роде, учитывая исключительную засушливость местности зоны, которую ессеи выбрали для проживания. Но древние обитатели Кумрана в этом плане были хорошо организованы: хитроумная система труб и цистерн хранила и распределяла воду во все помещения здания, после

Руины древнего поселения Кумран рядом с Мертвым морем

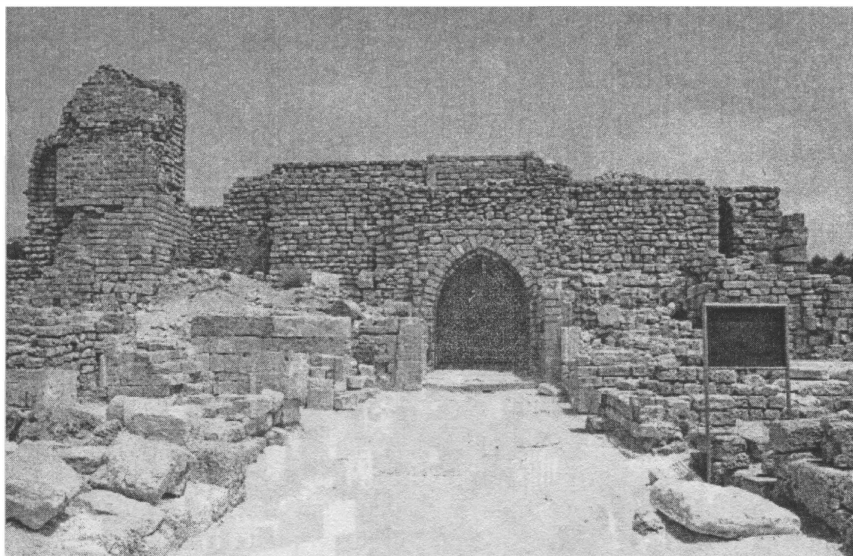

того как она по водопроводу доставлялась сюда с западных высот. Среди развалин поселения можно различить самые разнообразные помещения, предназначенные для тех или иных нужд общины: кухни, лавки, библиотека, где составлялись знаменитые свитки, найденные в гротах неподалеку, трапезная, о которой шла речь выше, и некоторые мастерские для производства посуды для нужд общины. Интересна и немного таинственна история рукописей, случайно найденных одним пастушком в 1947 году в гроте недалеко от поселения. Вслед за этой находкой начались поиски в близлежащих местах, в результате чего было найдено около шестисот рукописей, отнесенных после дальнейших исследований к эпохе существования этой библиотеки ессеев. Свитки рукописей лежали в тщательно запечатанных амфорах, причем каждый был завернут в льняную ткань: это говорит о том, что прятавшие хотели надолго сохранить их. Однако в других гротах найденный материал не был разложен с подобной тщательностью, что свидетельствует о спешном приготовлении ессеев в связи с бегством. Вероятнее всего, это случилось в эпоху Иудейского восстания в 66 году нашей эры. Рукописи, составленные на древнееврейском и арамейском языках, на тысячу лет древнее самых старых экземпляров на еврейском языке Ветхого Завета, известных до 1947 года. В них содержатся все тексты еврейской Библии (за исключением Книги Эсфири), дейтероканонические книги, апокрифические тексты Ветхого Завета и некоторые типичные писания Кумранской общины, где описываются нормы и доктрина секты.

КЕСАРИЯ

Само имя этого города напоминает нам о той роскоши, свидетелем которой он был на заре нашей эры, когда Ирод Великий, посвятив его Цезарю, украсил здания ценным мрамором и великолепными монументами, от которых до наших дней дошли только развалины. Кесария была резиденцией римских прокураторов. Многие народы и владыки сменяли друг друга в городе, всегда считавшемся стратегически важным благодаря своему положению у моря: от финикийян, первыми основавших там свою базу в IV веке до нашей эры, до крестоносцев, высадившихся в тех же местах в 1101 году и превративших его пос-

Археологическая зона Кесарии

ле череды сменяющих друг друга событий в укрепленный город-форт. Стены Людовика IX, короля Франции, и развалины цитадели и сейчас еще свидетельствуют о прошлом, связанном с воинствующими монахами, возвратившими христианству из этих мест священную чашу Грааля, которую, по преданию, Христос на Тайной Вечере использовал во время евхаристии. Таким образом, город богат и славными традициями, и воспоминаниями о своем героическом прошлом, в то же время он является местом плача и ужаса: на грандиозной арене Кесарии тысячи евреев были брошены на съедение диким зверям после двух антиримских восстаний в 66 и 131 годах нашей эры.

НАЗАРЕТ

Это название по-арабски и по-еврейски означает «сторожевой», и если поначалу название характеризовало в основном стратегическую роль этого поселения, находящегося на возвышении, с которого открывался прекрасный вид на долину Эздрелон, то в дальнейшем это имя приобрело другой смысл и звучание. Они счастливо сочетаются с той ролью, которую

Панорама Назарета с высящейся базиликой Благовещения

история отвела этому городу, ставшему хранителем христианских традиций под недремлющим оком отцов-францисканцев, четыре столетия управлявших духовным наследием, чьей колыбелью является Назарет.

Несмотря на то что с самых древних времен эта территория была обитаемой, деревня, где прошло детство Христа, долгое время не имела перспективы стать городом. Только в 1099 году, с прибытием крестоносцев, Назарет стал резиденцией епископа и административным центром Галилеи. Город, который неоднократно завоевывали и теряли воины-крестоносцы, был разрушен турками в 1263 году и с тех пор вплоть до XVII века оставался заброшенным. Только с возвращением францисканцев в XVII веке это место вновь стало заселяться, в том числе и христианским населением.

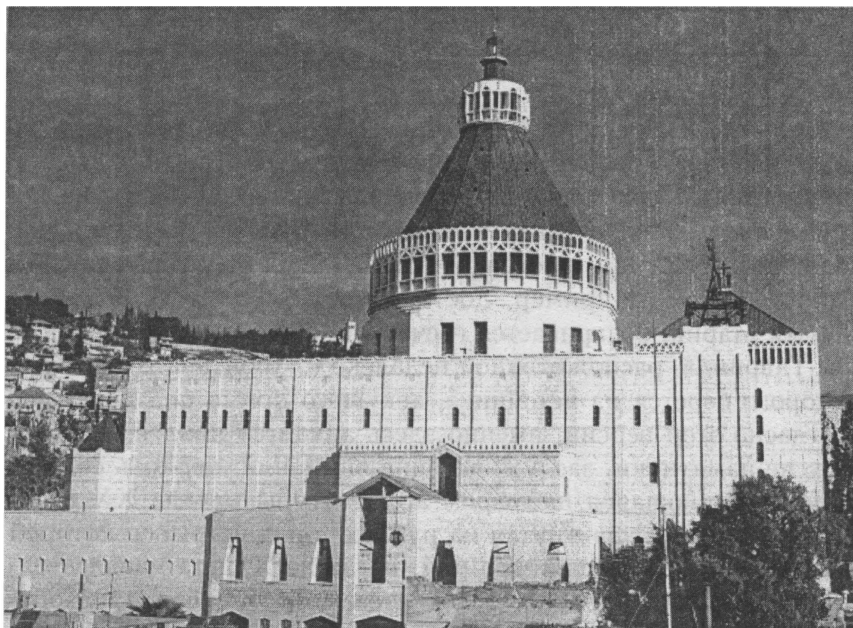
Нынешний Назарет, с этнически-религиозной точки зрения, весьма пестр: среди его жителей можно встретить, кроме двух наиболее многочисленных групп населения — арабов-мусульман и евреев, живущих практически обособленно (первые — в старом городе, вторые — в новых кварталах Назарета — Иллита), некоторые общины христиан-арабов, греков — католиков мелкетского вероисповедания, православных греков,

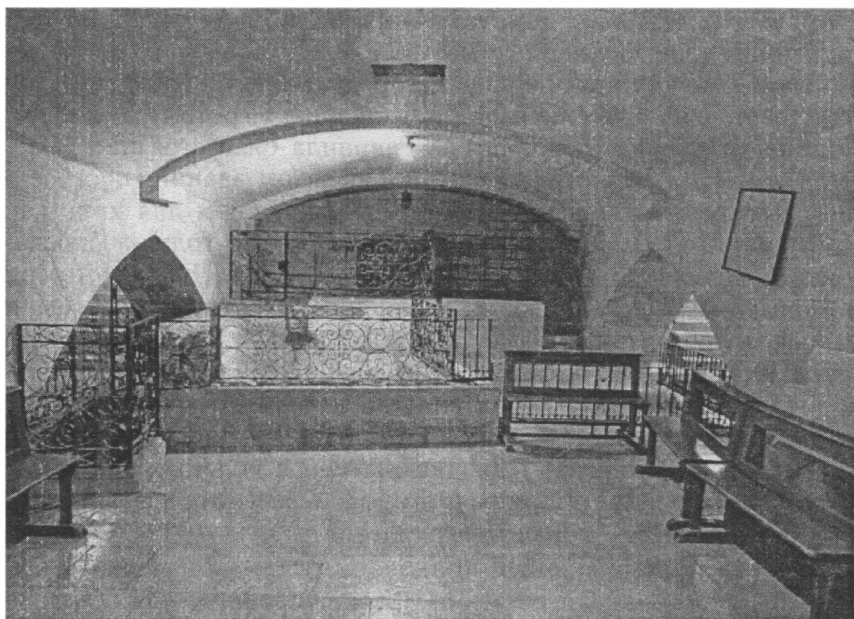
римских католиков, христиан-маронитов и других народов, имеющих свои священные места.

Наиболее крупной церковью города является базилика Благовещения, сооруженная над легендарным гротом, в котором Мария услышала от архангела Гавриила благую весть о Своем скором материнстве. Речь идет о пятом здании, построенном в этом святом месте в память о священном для христиан событии. Первое сооружение восходит к 356 году, по преданию, воздвигнуто оно было под руководством Елены, матери императора Константина. В дальнейшем другие церкви были воздвигнуты византийцами, крестоносцами и, наконец, францисканцами, храм которых был разрушен в 1955 году для нынешней базилики, строительство которой было завершено в 1969 году. В центре основного нефа открывается вход в крипту, где находится Грот Богоматери с колонной, на которой написано «Аве Мария» и которая указывает на то место, где, по преданию, появился архангел.

Ордену францисканцев принадлежит также и церковь Св. Иосифа, построенная на месте древнего сооружения, которое

Базилика Благовещения

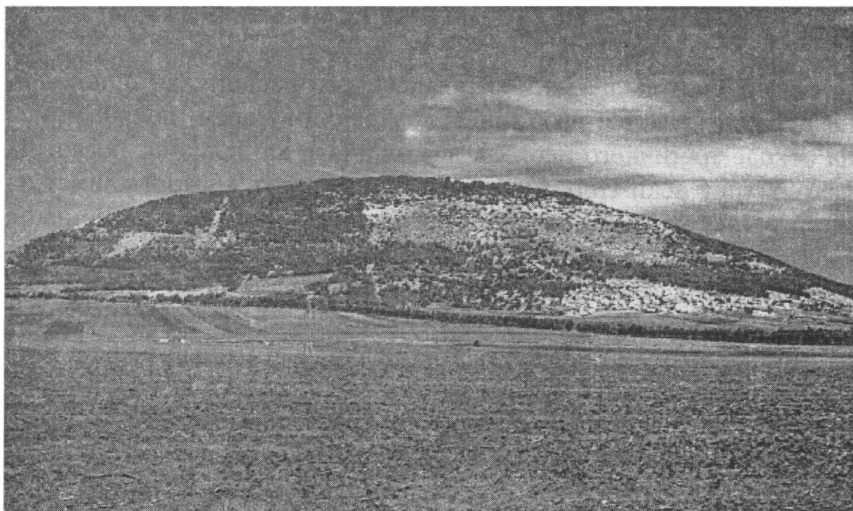
Церковь Св. Иосифа, построенная на том месте, где, предположительно находилась его плотничья лавка

отождествляется с лавкой плотника Иосифа. Однако место это оспаривается монастырем Назаретских Жен и монастырем Св. Гавриила; оба монастыря приписывают себе место, на котором якобы стояла лавка земного отца Иисуса. Следует сказать, что этот спор «географического» характера не является единственным, например, достоверность места, где архангел явился Марии, оспаривается греческой православной церковью Св. Гавриила, расположенной недалеко от Фонтана Девы, вода которого берется из источника, текущего прямо под церковь (согласно этой версии, именно здесь архангел явился Марии). Другие памятники, заслуживающие внимания: церковь салезианцев, считающаяся шедевром архитектуры начала XX века; Белая мечеть, воздвигнутая на руинах той синагоги, о которой рассказано в Евангелии от Луки, когда на Христа напала толпа, пытавшихся сбросить Его с утеса (Лк. 4: 14–31); Коптская церковь; Маронитская церковь; часовня под названием Христова Трапезная.

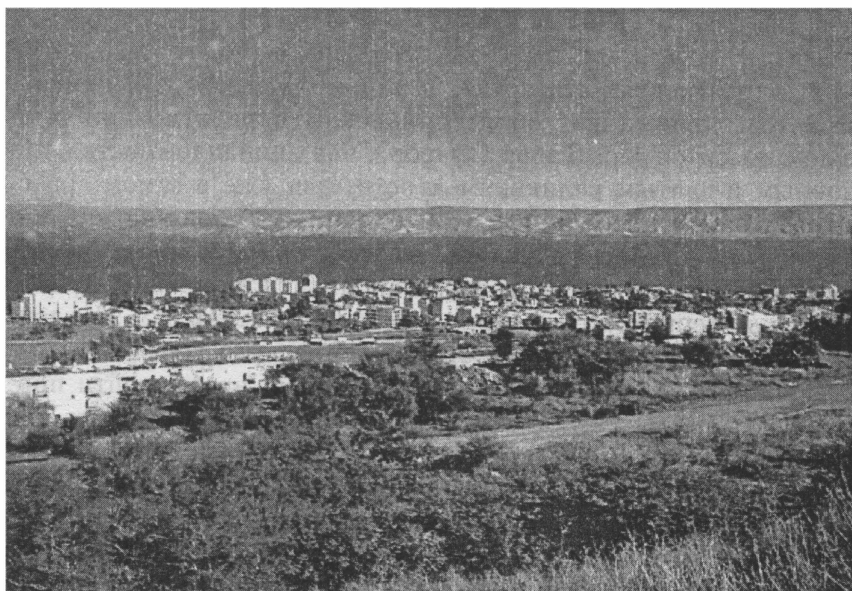

ГОРА ТАБОР (ФАВОР)

В окрестностях Назарета, в районе, где каждый камень, кажется, напоминает об историческом и религиозном прошлом, высится гора Табор (Фавор), чья принадлежность к духовным и святым реликвиям чувствуется уже в самом арабском названии, Дебель Тор («Бычья гора»), напоминающая о древнем финикийском культе. Название неоднократно повторяется и в самой Библии: гора находилась на древней границе между территориями, принадлежащими племенам завулон, иссахар и неффалим; на этой горе пророчица Девора приказала Вараку собрать десять тысяч воинов, чтобы пойти против войска Иавина, ханаанского царя, вот уже двадцать лет притеснявшего детей Израиля (Суд. 4); об этой горе говорил пророк Осия, когда бранил израильских владык за их идолопоклонство. И наконец, в соответствии с христианской традицией, на этой горе произошло чудо Преображения Господня, в память о котором в 1923 году здесь была построена Базилика Преображения, последняя из серии религиозных зданий, разрушавшихся в предыдущие века в ходе религиозных войн.

Гора Фавор

*Вид на Тивериаду и Ярдениит, где Иордан
выходит из озера Тивериада*

ТИВЕРИАДА (ГЕНИСАРЕТСКОЕ ОЗЕРО)

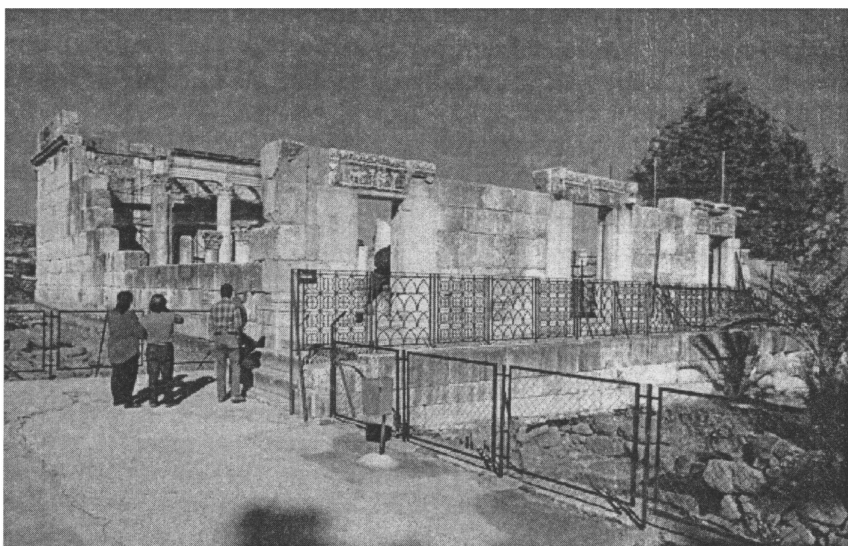
Озеро Тивериада, на берегах которого раскинулся одноименный город, является небольшим внутренним морем, появившимся на исходе третичного периода в результате катаклизма, поглотившего долину реки Иордан. Красота этого озера, мягкий климат на его берегах, наличие теплых минеральных лечебных источников сделали из этого живого зеркала, начиная с самых незапамятных времен, место лечения и отдыха. Озеро, необычайно богатое рыбой, местами имеет глубину 49 метров и является для этого района ценным водным бассейном. Как правило, в теплый период года на озере дует легкий бриз, внезапно переходящий к вечеру в бурю, что сразу же напоминает то место в Евангелии, где Иисус чудесно успокаивает беспокойные воды озера: «И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы *так*

боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?» (Ин. 8: 24 – 27). В действительности берега Генисаретского озера зачастую являлись местом проповедей Христа. В Евангелии можно найти множество эпизодов, происходящих на этом озере (начиная со встречи с Иаковом, Иоанном и Симоном): чудодейственной рыбной ловли, приумножения хлебов, хождения по воде и многих других случаев чудесного исцеления и проповедей толпе.

КИРИАФ (КАПЕРНАУМ)

Город, в котором Христос поселился, покинув Назарет, раскинулся к северу от Генисаретского озера, в непосредственной близости от больших караванных путей, ведущих в Сирию. Во многих местах Евангелия говорится об этом месте, где Иисус долгое время читал проповеди и совершал чудеса, так и неждавшись покаяния жителей этого города, на которое он так надеялся: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в

Остатки древней синагоги в Капернауме

тебе, то он оставался бы до сего дня» (Мф. 11: 23). От древнего города в настоящее время осталось лишь одно свидетельство тех дней, древняя синагога, которую, однако, не следует путать ни с той, в которой Иисус давал свои первые наставления ученикам, ни с той, которая была воздвигнута центурионом, чей слуга был обласкан чудом. Синагога Кириафа восходит к IV веку, к эпохе императора Юлиана и относится к группе синагог Высокой Галилеи, построенных, вероятно, на деньги императорского наместника, у которого еврейские общины должны были испросить разрешения на строительство своих культовых мест. Предположение о финансировании римскими властями подтверждается еще и тем фактом, что до сих пор сохранились орнаментальные мотивы, необычные из-за запрета, который накладывался на изображения в местах еврейского культа.

ТАБГА

Название этой местности представляет собой ошибочное произношение греческого слова «Гептапегон», что означает «семь источников». В этой зоне находятся некоторые сернистые источники, известные в свое время как средство для лечения болезней кожи. Один из этих источников, чьи воды, по правде сказать, слишком радиоактивны, чтобы ими можно было лечить, упоминается в сказаниях: здесь Иов был исцелен от всех своих болезней.

Но наибольшей своей известностью Табга обязана преданию, связанному с историей христианства: согласно одной версии первых веков нашей эры, здесь-то и произошло чудо Умножения хлебов и рыб, в память о котором около IV века была воздвигнута базилика. До наших дней дошли ос-

Деталь мозаичного пола в церкви Умножения хлебов и рыб в Табге

Храм, построенный на горе Блаженства

татки великолепного мозаичного пола, находящегося теперь уже в новой церкви Табги. Мозаика, с невероятным колористическим мастерством и изяществом, изображает животных и растения. Натуралистическая композиция отличается необычной элегантностью. В Табге Орден францисканцев основал монастырь, к которому примыкает церковь Св. Петра, возвышающаяся на озере, где, по преданию, Христос появился в третий раз перед Своими учениками после Воскресения.

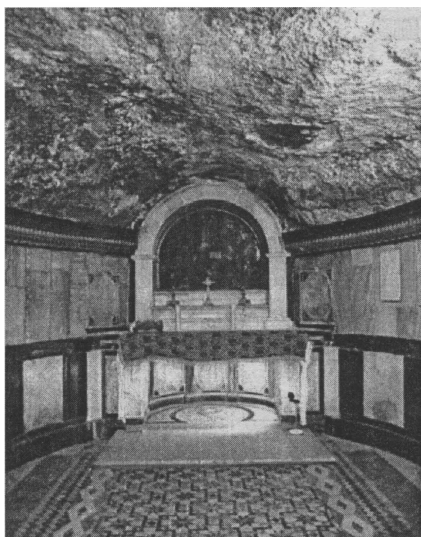
ЭЙН КАРЕМ

Эта маленькая деревня, присоединенная к Иерусалиму в 1961 году, является древним Бейт Ха Карем из Ветхого Завета, что означало «виноградный источник». Согласно Священному Писанию, именно здесь родился Св. Иоанн Креститель. Но еще раньше в этих местах произошло другое важное событие: посещение Марией Ее двоюродной сестры Елизаветы. Встреча двух будущих матерей, на которой Елизавета приветствовала Пречистую Деву словами «...Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою...» (Лк. 1: 28), на что Мария ответила знаменитым гимном во славу Господа, навсегда увековечена

церковь Посещения, сооруженной в 1935 году Антонио Берлуччи.

Францисканский монастырь Св. Иоанна Крестителя был сооружен на том месте, где стоял дом Захарии и Елизаветы: строительство его относится к V веку, арабы в дальнейшем превратили его в хлев, а позднее он был реставрирован. В крипте находится пещера, где родился Креститель: мраморная стела перед алтарем напоминает об этом событии латинскими словами, в переводе означающими: «Здесь родился Предтеча Господа».

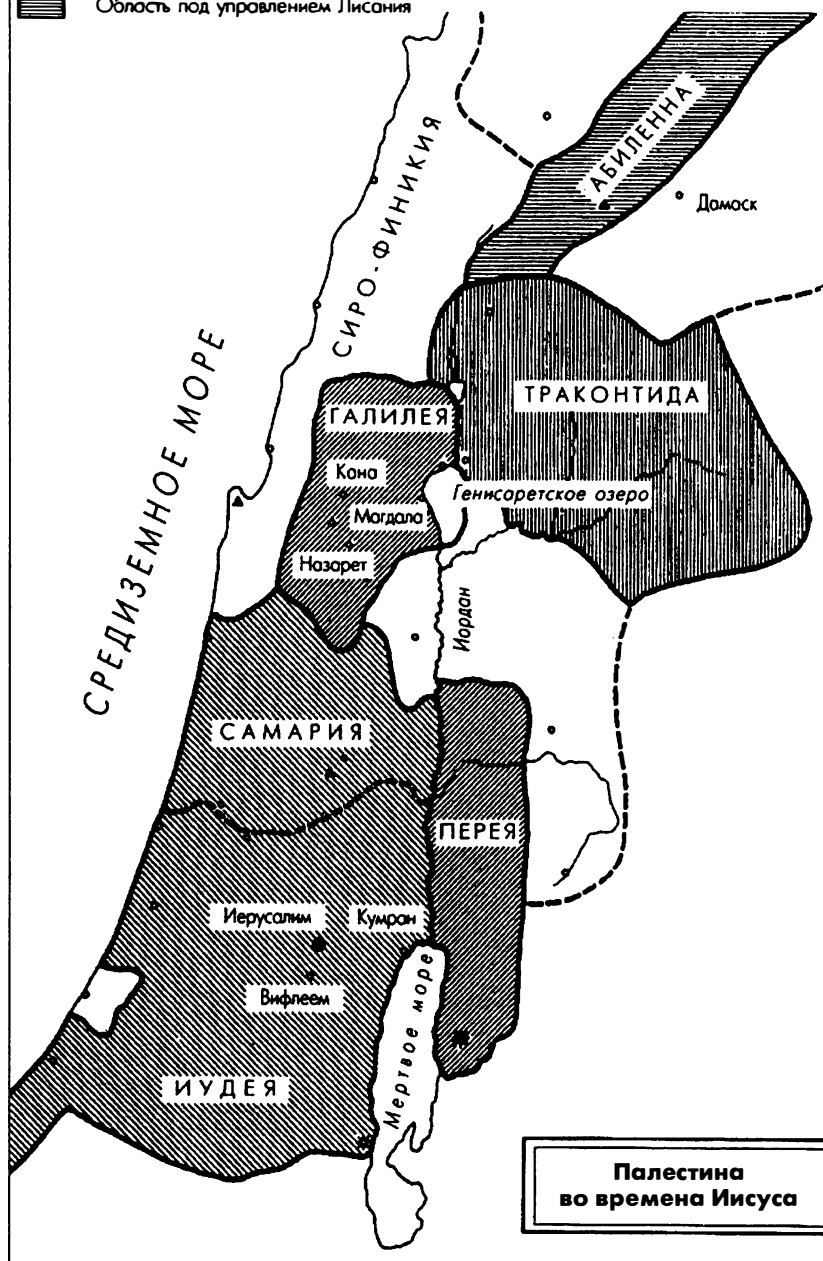

*Вид грота, где родился
Иоанн Креститель*

*Здесь, по преданию, Христос был окрещен
Иоанном Крестителем*

- Область под управлением прокуратора Понтия Пилата. 26—36 гг. н.э.
- Область под управлением Ирода Антипы. 4—39 гг. н.э.
- Область под управлением Филиппа
- Область под управлением Лисания

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ	4
Глава 2. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ	27
Глава 3. ПАЛЕСТИНА НА РУБЕЖЕ ЭР. КУМРАНСКАЯ ОБЩИНА	47
Глава 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА: ИИСУС И ЕГО УЧЕНИКИ	66
Глава 5. ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ В ПАЛЕСТИНЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ	98
Глава 6. СОЗДАНИЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НОВЫЙ ЗАВЕТ И АПОКРИФЫ	132
Глава 7. ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ. ХРИСТИАНЕ И ЯЗЫЧНИКИ	160
Глава 8. БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ХРИСТИАНСТВЕ II ВЕКА	190
Глава 9. ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЧИТАНИЯ ДЕВЫ МАРИИ. ЕВАНГЕЛИЯ ДЕТСТВА	214
Глава 10. НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО II – III ВЕКОВ	228

Глава 11. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	266
Заключение. НА ПУТИ К ПРИЗНАНИЮ	291

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОЖДЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРЕСЛАВНОЙ МАТЕРИ ИИСУСА ХРИСТА	303
РАССКАЗ ФОМЫ ИЗРАИЛЬТЯНИНА ФИЛОСОФА О ДЕТСТВЕ ГОСПОДА (ВЕРСИЯ А)	316
ПИСАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ФОМЫ О ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА (ВЕРСИЯ В)	324
ФРАГМЕНТЫ СИРИЙСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ ДЕТСТВА ФОМЫ (ГЛАВЫ VI – VIII)	328
ФРАГМЕНТ VI И VIA ГЛАВЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ ДЕТСТВА	330
ФРАГМЕНТЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ЕВАНГЕЛИЙ	332
ХРИСТИАНСКИЕ МЕСТА В СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕСТИНЕ	364

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Акционерное общество «Вече»,
телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74.

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече – НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига – Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече – Казань»
тел. (843) 571-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече – Украина»
тел. (044) 537-29-20

Научно-популярная серия
Библейские тайны

Свенцицкая Ирина Сергеевна

ИЗГОИ ВЕЧНОГО ГОРОДА

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редакторы *В.В. Вергун, Е.С. Лазарев*
Корректор *Ю.П. Баклакова*
Верстка *М.В. Субботина*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 10.01.2006. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Kidgashov». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 25. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2604.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

БИБЛЕЙСКИЕ ТАЙНЫ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

Как жили самые первые, порой гонимые общины последователей Иисуса Христа? Кто входил в них? Как они были организованы? Что связывало их с людьми иной веры, с властями Палестины и Римской империи? Сложная духовная жизнь той далекой эпохи нашла отражение не только в новозаветном каноне, но и в апокрифах — писаниях, не признанных Церковью в качестве священных, но зачастую использовавшихся в богослужебной практике и в религиозном искусстве, повлиявших на ученое богословие и народную христианскую культуру... Обо всем этом и идет речь в предлагаемой вниманию читателей книге, написанной выдающимся отечественным исследователем раннего христианства профессором И.С. Свенцицкой. Книгу дополняет описание христианских святынь в современной Палестине.

ISBN 5-9533-1198-2

9 785953 311984

